

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО: НА ПОРОГЕ МЕТАМОРФОЗ

History & Modernity
INSTITUTE OF SOCIOLOGY —
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SOCIAL-NATURAL HISTORY

XXXIV

2010

Институт востоковедения
Российской академии наук
«История и современность» —
независимый научный журнал

СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ВЫПУСК
XXXIV

Художественный редактор Ю. Э. Кульпина

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО: НА ПОРОГЕ МЕТАМОРФОЗ

Под редакцией Э.С. Кульпина

МОСКВА
2010

ББК 77

УДК 60

Серия научно-методических работ «Социоестественная история» («Генезис кризисов природы и общества в России») содержит результаты научных изысканий и издается под редакцией руководителя программы Э.С.Кульпина (Кульпина-Губайдуллина). Цель исследований — целостное конструктивное осмысление исторических процессов, используя оригинальную методологию социоестественной истории — научной дисциплины на стыке гуманитарных и естественных наук, изучающей взаимосвязи, взаимодействие и взаимовлияние процессов, явлений и событий в жизни общества и природы.

Кульпин Э.С.

Природа и общество: на пороге метаморфоз

Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Кульпина-Губайдуллина Э.С.

Вып. XXXIV. М.: «ИАЦ Энергия», 2010. 320 с.

Сборник содержит результаты исследований, осуществленные в 2009-2010 гг., содержит основные материалы XX конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». Рассматриваются процессы, явления и события в жизни общества и жизни природы, взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние природы, техники, технологии, экономики, политики и идеологии.

На обложке: Сибирь – последний резерв суши жителей на Планете.
Вронский С.Е. Тунка. 1876.

ISBN 978-5-98420-070-7

© Институт востоковедения РАН, 2010

© Кульпин-Губайдуллин, Э.С., 2010

© «ИАЦ Энергия», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие от редактора-организатора конференции «Человек и природа»</i>	<i>8</i>
--	----------

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Э. С. Кульпин. Генетический код цивилизации	10
А. С. Акопян. Социоестественные детерминанты репродуктивного поведения человека.....	27
В. В. Бушуев, В. С. Голубев. Страновой капитал как потенциал развития (эргодинамический подход).....	29
В. С. Голубев. Феномен времени.....	32
А. П. Назаретян. Культурные предпосылки социальной устойчивости	36
Т. Ф. Столярова. Экологические факторы духовной культуры.....	38
Э. М. Хакимов. Принципы эволюции социоприродных систем	42

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Э. С. Кульпин. Евразия на перекрестке трех дорог	45
И. Ю. Авдаков. История развития железных дорог Азии и перспективы продления Транссибирской магистрали	54
Igor Y. Avdakov, Ph. D. The History of Asia's Railroads. Development and Prospects for Extending Transsiberian Long-distance Line.....	62
А. А. Бурханов. Золотоордынские города бассейна Сырдарьи (к проблеме изучения контактных зон и историко-культурных связей в Средневековье)	65
А. А. Дановский, В. А. Дикарев. О соотношении климатических и исторических эпох на материалах Крыма III–I тыс. до н. э.	85
М. Жаковска. Между социализмом и национальным вопросом. КПРФ как российская аналогия народно-революционных партий Латинской Америки	88

И. Л. Измайлов. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности	90
Е. А. Фомичева. Природа и духи в представлениях тайцев о мире	104
Яо Ван Геополитические аспекты континентальной и приморской китайской культуры	105

ЛАНДШАФТ И ЭТНОС

Э. С. Кульпин. Китайский вызов: пределы роста	111
Е. А. Борисова. Споры вокруг Рогунской ГЭС	114
Б. А. Деспиней-Жоховска. Системная трансформация и тождественность в пограничье Германии, Польши и Чехии	115
А. В. Дроздов. Российский синдром экологического мародерства	118
А. Ш. Кабирова. Социально-экономическое положение Татарстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	135
С. К. Костовска, О. Г. Червякова, В. О. Стулышанку. Социально-экологическая характеристика региона как основа прогнозирования конфликтных ситуаций	139
Г. Скруква. Борьба за пространство, зеленые насаждения и строительные капиталовложения в городе Познань (2006–2010)	155
Н. С. Цинцадзе. Демоэкологические аспекты аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Российской империи в осмыслении ученых второй половины XIX — начала XX в.	157

НА ПОРОГЕ МЕТАМОРФОЗ

Э. С. Кульпин. Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России	172
В. В. Бушуев, В. С. Голубев. Проект социогуманитарного развития России	190
Н. В. Бекиров. Предпочтения крымских татар (по материалам социологического опроса, 7–8 сентября 2007 г.)	203

И. А. Гундаров. О контроле над эффективностью модернизации в России по динамике качества жизни.....	209
В. В. Лапкин. Глобальная динамика в эпоху великих потрясений.....	212
О. А. Машкина. Китайский вызов: перспективы инновационного развития и возможности образования.....	232
В. И. Пантин. Перспективы мирового развития: взаимодействие глобального экономического и глобального экологического кризисов.....	246
М. Студенна. Участие и роль украинских женщин в миграционных процессах после падения СССР	257
С. И. Харниш. Хранение и передача знаний цивилизации в условиях смены технологий	258
В. В. Хоменко, И. С. Газизов. Развитие и профобразование (в контексте России и Татарстана)	285

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

А. Х. Бурганов. Социум «внутреннего совершенства»?	294
А. Х. Бурганов. «Философский камень» бытия	309
Л. К. Ермолаева. Значение биогенетических факторов в социоестественной истории России.....	311
Ю. Халиуллин. Золотая Орда: взгляд с позиций XXI века	323

Предисловие от редактора-организатора конференции «Человек и природа»

Нынешняя ежегодная конференция — двадцатая по счету. Настало время подвести некоторые итоги наших исследований (прежде всего по истории России), еще раз обозначить основные положения, на которые мы опираемся, но прежде попытаться определить: в чем феномен нашего долгожительства? Вообще говоря, междисциплинарные форумы столько не живут. Они либо умирают, либо превращаются в монодисциплинарные. Мне думается, что «живучесть» нашего собрания обусловлена его формой и содержанием. Форма была заимствована у естественников: собираться в хорошем месте, в хорошее время года и оставлять максимум времени на свободное общение. Впервые я прочел, как это делали великие физики двадцатого века, у Вернера Гейзенберга. Содержание определяется тем, что мы в критический момент бифуркации земной цивилизации пытаемся найти выход из тупиков науки. Как это у нас получается — другой вопрос. Важно то, что мы пытаемся.

Мир на пороге великого перехода: демографического, технологического, социального, ментального. Надежды на экстенсивное развитие за счет Вселенной не оправдались или отодвинуты в невидимое будущее. Все проблемы должны решаться в ограниченном пространстве и ограниченности ресурсов нашей Планеты. Время на проверку («не навреди») новых технологий сокращается. Нет четко обозначенных решений проблем дефицитов, границ между личным и общественным, барышом и моралью. Мне видится отмирание суверенных территориальных государств, теряющих суверенность и государственность. Пока не все, но скоро все проблемы будут решаться на глобальном наднациональном уровне. Не дай Бог жить в эпоху перемен — говорили мудрые древние китайцы. Общественное

бессознательное боится будущего. Не случайно его индикатор — фантастика — ищет будущее в возврате в прошлое — в новом средневековье.

Ясно, что будущее биосферы сложится из элементов, которые мы все видим сегодня. Как историк, я ищу прецеденты в прошлом и нахожу их. Как мираж в пустыне, перед моим взором возникает восточный город Сарай Бату, или Старый Сарай, или Сарай-ал-Махруса. Город без крепостных стен. Камни, из которых были сложены здания, привозились издалека. Каменоломен вблизи как не было, так и нет. Города нет. Но где дефицитный материал? Он никуда не пропал. Он в стенах крепости — Астраханского кремля. Архитектура — не только искусство, музыка, воплощенная в строительных материалах, конструкциях, но и отражение социальной жизни, ментальности. Ничто не напоминает в Астраханском кремле о ханском великолепии дворцов, о площадях с их непременными фундаментальными каменными караван-сараями, банями, мечетями. Только на камнях крепостных стен кремля мы неожиданно видим столь несвойственную им арабскую вязь...

Как по элементам настоящего увидеть будущее? Ясно, что представления о мире, методы его исследования должны подвергнуться кардинальному пересмотру. Ясно, что нельзя получить траекторию полета бабочки по формуле движения гусеницы, как и анатомию бабочки — уподобить анатомии гусеницы. Ясно, что «камни» останутся теми же, но «здание» будет другим. Как в прошлом веке у физиков идея была настолько научной, насколько казалась сумашедшей, так и гуманитариям надо стать настолько креативными, чтобы видеть быстротекущие перемены. И все-таки: каким будет будущее?

Мы не можем дать ответ.

Что же из этого следует?

Следует жить...

Причем в России, как любит повторять непременный участник наших «посиделок» Агдас Хусаинович Бурганов, жить надо долго. В этом году ему исполняется девяносто. С чем мы все будем рады его поздравить. В свои годы он сохраняет крепость тела, ясность мысли и мальчишескую задиристость, являясь для всех нас примером движения в неведомое будущее.

Э. С. Кульпин

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Э. С. Кульпин

Институт востоковедения РАН,
МФТИ, ж. «История и современность»

Генетический код цивилизации

До сих пор закономерности жизни общества искали в самом обществе. Взгляд «изнутри» позволяет увидеть многое, но не все. Он может быть дополнен взглядом «изне». Общество является частью биосферы Земли — системы общества и природы, исследования которой осуществляются в новом научном направлении — социоестественной истории. При взаимодействии природы и общества в основном хозяйственном процессе находят свое отражение закономерности обеих подсистем. Технологии основного хозяйственного процесса являются своеобразным зеркалом общества, позволяющим увидеть систему основных ценностей — «генетический код» цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, социально-экологический кризис, явление резонанса, технологии, система основных ценностей, социоестественная история.

Till now laws of a life of a society were searched in the society. Allows to see much, but not all. The society is a part of biosphere of the Earth — systems of a society and the nature which researches are carried out in a new scientific direction social-natural history. At interaction of the nature and a society in the basic economic process find the reflexion of law of both subsystems. Technologies of the basic economic process are an original mirror of the society, allowing to see system of the basic values — a genetic code Civilisations.

Keywords: a civilization, socially-ecological crisis, the phenomenon of a resonance, technology, system of the basic values, social-natural history.

Непосредственным толчком к размышлениям о проблемах истории как науки стал сборник «В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера» (М.: Новый хронограф. 2009). Авторы статей памяти ушедшего из жизни коллеги представили статьи, содержащие интересные и значительные идеи, результаты глубоких многолетних конкретных исследований и раздумий. О достоинствах работ, а они того заслуживают, я написал в рецензии [Кульпин, 2010]. Но осталось чувство неудовлетворенности общим состоянием исторических исследований, ощущением методологического тупика, особенно явного в сфере цивилизационных штудий. Нет теории или она недостаточна. В фундаментальной монографии И. Н. Ионов [Ионов, 2007] содержится обстоятельный критический обзор исследований в данной области знаний как в мире, так и в нашей стране. Прежде всего у автора можно найти констатацию того факта, что пик популярности (и это не случайно) цивилизационных теорий на Западе остался в прошлой полувековой давности (1920–1960 гг.) [Ионов, 2007. С. 477]. Подводя итог своего труда, ученый констатирует: «Цивилизационные представления переживают в XXI в. кризис» [Там же. С. 491]. «Исследовательское сознание все время остается расколотым и инверсионным, между противостоящими группами не налаживается диалог. ... Базовые цивилизационные идеалы усваиваются в упрощенной форме, подстраиваются под нужды местной самоидентификации. ... Идея «цивилизации» зачастую воспринимается как всемогущее зачатие, при помощи которого европейцам удалось достигнуть благосостояния и которое должно помочь в любой точке Земли. ... При этом цивилизационные представления позиционируются как догматическое, нормативное знание, а проблематизирующие и диалогические мотивы цивилизационных теорий затушевываются. ... Даже в случае провозглашения идеала общественного диалога аксиологическая асимметрия бинарных оппозиций мешает его осуществлению» [Там же. С. 493–494]. Вышеприведенные положения можно отнести не только к авторам сборника статей, посвященных памяти философа (кстати, И. Н. Ионов в своей монографии подверг тщательному анализу все основные предыдущие работы большей части авторов сборника и самого А. С. Ахиезера). Ключевым моментом в блокировании исследований является отсутствие методов и подходов в поиске цивилизационного «генетического ядра». И. Г. Яковенко называет его «культурным кодом», «культурным ядром, восходящим к идее генома», и пишет, что он «появился сравнительно недавно и переживает стадию утверждения в научном дискурсе». Сам ученый пытается найти такое ядро в российской цивилизации, приходит к интересным и важным выводам, но неудовлетворенность итогами собственных поисков видна в утверждении: «теории, позволяющей систематизировать элементы или признаки, выносимые в качестве харак-

теристик культурного ядра, не разработано. Теоретической модели, описывающей структуру этой сущности, также не предложено. Природа элементов ядра не определена (что это — нормы, ценности, мысленные процедуры?) [Яковенко. С. 233–234].

Итак, проблема выхода из теоретического «цивилизационного тупика» стоит давно. И не решается. Если «гордиев узел» нельзя распутать, то его можно разрубить. Традиционным историкам такой метод исследования представляется неприемлемо кощунственным. Здесь вспоминается давний разговор с Леонидом Сергеевичем Васильевым. Неизменно считаю себя последователем этого замечательного ученого, хотя с его точки зрения — «неправильным» учеником. «Вы — выдумщик, — говорил Леонид Сергеевич, — в истории надо работать скальпелем, а вы рубите топором».

* * *

В социоестественной истории — научном направлении на стыке гуманитарных и естественных наук — за генетический код цивилизации принимается *система основных ценностей*, разделяемых подавляющим большинством представителей данной цивилизации (в «среднем», по Макс-у Веберу). В определении необходимо обратить внимание на слово — «*основные*». Психологи насчитывают несколько сотен понятий, соответствующих определению ценности. Общий набор (компендиум) ценностей практически идентичен для всех цивилизаций (все мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо), значимость же отдельных ценностей в разных цивилизациях различна. Все ценности взаимосвязаны и представляют собой динамичную систему, внутри которой значимость каждой отдельной ценности не является постоянной, а меняется с течением времени (и является объектом изучения социологов). Основные ценности — те, значимость которых не меняется с течением времени.

Они образуют систему внутри системы. Особенность данной системы в том, что она целостна: все элементы ее связаны друг с другом, и «выпадение» любого из них означает распад всей системы или переход ее в другое состояние, образование другой системы. Таким образом, задача может быть поставлена четко: 1) поиск ценностей, остающихся неизменными на протяжении столетий (тысячелетий), 2) проверка выявленных неизменных ценностей наивысшей значимости на взаимозависимость, 3) проверка всей системы на целостность.

Первая попытка была предпринята в китайской истории (в сравнительном анализе с историей Европы). Было выяснено, что система основных ценностей в Китае сложилась в процессе выхода из социально-экологического кризиса — комплексного кризиса природы и общества одновременно (в Европе — в Древней Греции) в середине I тыс. до н. э. (см. ряд статей в 1980-е гг.

и монографию: Э. С. Кульпин. Человек и природа в Китае. М: Наука, ГРВЛ, 1990). Далее, исходя из общетеоретического положения о единстве системы биосферы Земли, природы и общества как двух ее подсистем, нужно было найти связующее звено этих подсистем. За такое звено был принят основной производственный процесс: для древности и Средневековья — земледелие, точнее, зерноводство. В Китае зерноводство представлено двумя видами: пшеничное и рисовое. Именно рисовое — отражает специфику китайской цивилизации, ее отличие от европейской. Высокая урожайность (на единицу площади) рисовых полей, достигнутая на пшеничных полях Европы лишь во второй половине XX века, сама по себе свидетельствовала, что по крайней мере в этой важнейшей сфере жизни общества китайская цивилизация опережает европейскую по грубому подсчету времени почти на два тысячелетия¹. Уникальная урожайность заставила осуществить сравнительный биохимический и биофизический анализ процессов почвообразования² в заливном рисоводстве и богарном (неполивном) зерноводстве [См. Кульпин, 1987] и поставила проблему разграничения понятий техники и технологии. Техника — какими орудиями осуществляется производственный процесс, технология — какие законы природы при этом используются (Об этом см. [Кульпин, 2009. С. 131–134, 139–142]). Высокоэффективная технология, как правило, не требует сложной техники повсеместно от производства до науки³. В заливном рисоводстве простота «техники» в сочетании с запредельной производительностью труда и рукотворной земли поразительна: основное, а нередко и единственное орудие труда — лопата, так называемый «ханьский заступ».

Так же, как хорошие дороги способствовали в Средневековье образованию поселенческой пустоты вокруг себя (М. Блок), так и высокие технологии — образованию технической «пустоты». Но эта «пустота» — не свидетельство ущербности цивилизации. Индикатором цивилизацион-

¹ Чем меньше людей занято в сельском хозяйстве, тем больше их может быть занято в других сферах: промышленном производстве, образовании, искусстве, науке. В сравнении с Китаем, а особенно с Японией вплоть до Нового времени это соотношение было нее в пользу Европы.

² Вплоть до Нового времени индикатором взаимоотношений человека и природы являлись почвы, содержащие 99 % живого вещества Планеты. Об этом см. [Карпачевский, 2003]

³ Об этом точно, хотя и резко говорил один из выдающихся ученых XX в. В. Н. Тимофеев-Ресовский — «Зубр» Даниила Гранина: «Я всегда старался экспериментировать наипростейшим способом... Очень часто бывает как раз наоборот: чем сложнее и точнее аппаратура, тем глупее и менее точна наука, которая этими аппаратами продельвается. Нужно помнить, что аппараты нужны и аппаратура, и методика нужны оптимальной, а не максимальной точности» [Тимофеев-Ресовский, 2000. С. 331].

ной «продвинутости» не может быть сложность техники в основном производственном процессе (что характерно для развития Европы), а может быть только эффективность технологии. Почему так? Потому что **донором во взаимоотношениях двух подсистем — природы и общества — была и еще долго (а может быть, и всегда) будет природа, и весь вопрос в технологиях**, которые могут приводить к истощению природной среды, сохранению равновесия или повышению возможностей природы. Технология заливного рисоводства соответствует третьему варианту взаимоотношений человека и природы.

Технологии — это, образно говоря, «правила игры» человека с природой. «Правила», которые включают в себя закономерности функционирования как природы, так и общества. Отсюда, точно так же как почвы являются «зеркалом ландшафта» (Докучаев), технологии могут быть зеркалом, отображающим «клик» общества в природе⁴. История открытий свидетельствует, что технологии, как продукт человеческой мысли, возникали в разное время и в разных местах и затем нередко веками дожидались востребованности и становились основными в производственном процессе тогда, когда соответствовали или хотя бы не противоречили генетическому коду данной цивилизации.

Сравнение истории утверждения основных технологий на Западе и Востоке показало, что решающее влияние на выбор технологии основного производственного процесса могут оказать как природные условия, так и ценностные установки общества. Так, природные условия (точнее, их состояние в бифуркационный момент, определяемый климатическими сдвигами) оказали решающее влияние на формирование системы основных ценностей в Древней Греции. Так, сложившаяся в ходе общественного развития система ценностей в Древнем Китае обусловила выбор и основной технологии, и природной среды, необходимой для ее эксплуатации, определив полуторатысячелетнюю направленность массовой миграции ханьцев с севера на юг страны⁵.

⁴ Первая публикация, показывающая взаимосвязь технологии и общественных отношений в: [Кульпин, 1987]. Далее связь технологии с системой основных ценностей была обозначена в: [Кульпин, 1996. С. 131–163]; детализирована в [Кульпин, 1999. С. 131–164], наконец, соответствие традиций китайской цивилизации критериям устойчивого развития впервые показано в предисловии к книге: Сюй Дисинь. Экологические проблемы Китая [Кульпин, 1990].

⁵ Об этом см. [Кульпин, 1999. С. 23–55]. Следует специально отметить, что в данном случае поиск «яйца» и «курицы», материального или духовного истока (традиционное «занятие» марксистской философии) лишен конкретного смысла, а выявление пускового механизма зачастую затруднено из-за явления резонанса и уходит в сторону от сущностного анализа.

Ценности дальневосточной (китайской в своей основе) и западноевропейской цивилизаций в самом общем виде могут быть представлены следующим образом. В дальневосточной цивилизации главных ценностей две: ценность-объект — *Государство* и ценность-вектор — *Стабильность*. Они, образно говоря, как обруч, охватывают основные ценности, в том числе ценности, условно, второго яруса значимости — *Мир, Порядок, Традиции* — и третьего — *Иерархия, Ритуал, Прошлое (конфуцианское) знание*, поддерживающие ценности первого яруса, обеспечивающие их воплощение в жизнь. В западноевропейской цивилизации — ценность-объект — *Личность*, вектор — *Развитие*. Ценности второго порядка — *Свобода, Равенство, Солидарность*, третьего — *Труд, Эквивалент (эквивалентный обмен), Частная собственность, Закон (право)*.

Имея результаты изысканий в области истории взаимоотношений человека и природы на Дальнем Востоке⁶ и в Западной Европе, уже не одинокий исследователь, но научный коллектив гуманитариев и естественников приступил к изучению истории России⁷.

С самого начала было ясно, что процессы в автохтонных (саморожденных) цивилизациях, т. е. априори не находящихся в едином информационном поле⁸, не могут быть идентичными для цивилизации, вовлеченной в единое информационное поле. Также было ясно, что главные ценности европейской цивилизации — *личность и развитие* — и китайской — *государство и стабильность* — являются теми полюсами, которые не оставляют места чему-то третьему (либо — человек для субботы, либо — суббота для человека, иного не дано). Не было сомнений в том, что русские — не китайцы, но европейцы ли? Распад Союза делал ответ на вопрос отнюдь не академическим. На что же из результатов предыдущих исследований можно было опираться?

На то, что общество и природа — две части единой системы — биосферы Земли, а следовательно, выявленное триединство «природа — технологии — ментальность» должно было работать и в данном случае.

На то, что системы основных ценностей утверждаются в эпоху великих потрясений и в общественном бессознательном остаются неизменны-

⁶ То, что не удалось выявить на примере Китая, а именно роль информационной сети в эволюции цивилизации, было исследовано А. Н. Мещеряковым на примере Японии, тем самым был внесен важнейший вклад в развитие теории СЕИ.

⁷ Проект РФФИ «Генезис кризисов природы и общества в России», 1993–1995.

⁸ Не редкое и разорванное, но сплошное информационное поле Старого Света с высокой интенсивностью информационного, материального и человеческого генетического обмена стало возможным после монгольских завоеваний, когда достижения Китая, опережавшие европейские на полтысячелетие, сделались доступны европейцам.

ми веками⁹. Самое большое потрясение из всех возможных — социально-экологический кризис — кризис одновременно природы и общества.

На то, что кризис природы возможен в момент пониженной ее устойчивости, которая возникает в переход от одного климатического режима к другому.

На то, что кризис общества возможен как по внутренним, так и внешним причинам.

На явление резонанса, когда неблагополучие в природе провоцирует негативные процессы в обществе, которые начинают «раскачивать» природу, которая, в свою очередь, «раскачивает» общество. В результате кризисные явления нарастают как снежный ком, катящийся вниз по крутому склону.

* * *

Снижение устойчивости биосферы, выражающейся в экстремальных перепадах температур, возрастании числа засух и «мочливых» лет, стихийных бедствий — наводнений, бурь, ураганов, лесных пожаров и т. д. происходит при изменении климатического режима Планеты. В прошедшем тысячелетии переход от одного климатического режима к другому имел место между эпохой похолодания и Средневекового оптимума (IX век), Средневекового оптимума и Малым ледниковым периодом (в XIV — начале XV в.), между последним и новым потеплением в XX веке [Бучинский]. При этом, как выяснилось позднее, когда точность изменений климата в результате наших последующих исследований повысилась в три раза, ситуация не была монотонной, Средневековый оптимум разрывался глобальной климатической катастрофой малого масштаба на две части¹⁰, экстремы похолодания имели место также в XV в., самом конце XVI и XVII в., второй половине XIX в. [Клименко. С. 279].

Когда могло возникнуть явление резонанса?

Снижение стабильности общества может происходить как внутренним, так и внешним причинам, например, при внешней агрессии. Для того чтобы оценить роль явления резонанса, можно обратить внимание на нашествия, великие переселения народов, для истории отечества — сравнить нашествие гуннов на Римскую империю и монголов на Русь. При общей жестокости

⁹ Наиболее отчетливо это видно в странах Дальнего Востока. В разгар Культурной революции в Китае в центральной прессе шла широкая дискуссия «пи Линь — пи Кун» («против Линь Бяо, против Конфуция»), в которой цитировались изречения Конфуция, жившего две с половиной тысячи лет тому назад, и Линь Бяо, жившего в XX веке. В Японии в эпоху реставрации Мэйдзи развитие японской государственности не могло обойтись без Конфуция и Мэнцзы и шло под девизом «Японский дух, западное знание» (Мещеряков, 2009. С. 246–247).

¹⁰ В истории Киевской Руси мы видим точное совпадение периодов благополучия и неустроенности в жизни природы и общества, см. [Клименко. С. 279, 284].

и кровавости обоих нашествий мы видим прежде всего временные отличия. Западная Европа переживала нашествие, *растянувшееся на века*. Об этом точно и образно пишут многие историки. В их описаниях падение великой империи сопровождается деградацией нравов и порядков, угасанием развитых римских городов, разрушением торговли. Обратимся к Жаку Ле Гоффу. Он отмечает ужасы войны и насилия *творимые народом*, голод, заразные болезни, каннибальство и подводит итог: «Эта эпоха, несомненно, была смутным временем. Смута порождалась прежде всего столкновениями завоевателей... Такова была страшная прелюдия в истории средневекового Запада. Ее тональность сохранилась на протяжении всех последующих десяти веков. Война, голод, эпидемии и звери — вот зловещие протагонисты этой истории. Конечно, они не с варварами впервые появились, античный мир знал их и раньше, и они действовали еще до того, как варвары дали им простор. Но варвары придали неслыханную силу их неистовству» [Ле Гофф. С. 20, 21–22]. На Руси с нашествием накал междоусобицы был снижен до уровня, уже не влияющего на жизнь большинства населения, столкновения внутри самих завоевателей не имели разрушительных последствий на развитие народов Восточной Европы. Само монгольское нашествие практически было одномоментным по сравнению с веками неистовства в Западной Европе после падения Рима. В результате нашествия на Руси не было массовых явлений потери людьми человеческого лица, безумств, неистовств, насилий, каннибальств, голодовок. Не вдаваясь в подробное рассуждение, почему было так, а не иначе, просто констатирую факт: в результате монгольского нашествия не было сколько-нибудь заметной деградации нравов против домонгольского времени, не было массового безумия. Более того, согласно В. О. Ключевскому нашествие, как ни парадоксально, способствовало установлению не только относительного порядка и спокойствия, но и нравственному очищению [Ключевский. С. 41–42].

И здесь нельзя пройти мимо того, что наиболее сильное похолодание последних двух с половиной тысяч лет началось середине III в. н. э. и длилось с перерывами около 400 лет. Это эпоха движения кочевых племен с Востока на Запад, лесных варваров Северной и Центральной Европы с севера на юг. Причем время нашествия гуннов (375 г.) совпадает лишь с первой фазой глобального падения температур, которое продолжалось до достижения максимума похолодания в середине VI в. (см. Клименко. С. 177, рис. 26). Иными словами, не только варвары дали простор неистовству, но значительное снижение уровня и качества жизни людей в крайне неблагоприятных природных условиях способствовало массовым голодовкам, эпидемиям, нападениям зверей на людей. *Точнее, имело место явление резонанса, когда негативные процессы в природе провоцировали или усиливали негативные*

процессы в обществе, и наоборот: позитивные процессы в природе благоприятствовали позитивным процессам в обществе, неслучайно наступление нового потепления с начала IX в. совпадает с прекращением негативных явлений в общественной жизни Западной Европы.

Как стало ясным только в результате последних исследований, климат времени монгольского нашествия и первых четырех десятилетий после него был относительно прохладным, но стабильным, не знал продолжительных холодных зим, которые пагубны для многих ценных культур. Зимы были теплыми. Отметим далее, что глобальное похолодание XIV в. вплоть до его последней трети, когда русские летописи отмечают морозные зимы, возвраты холодов в начале лета, ранние заморозки в конце, неурожай и голод, — это же время 40-летней «великой тишины» на Руси — полного отсутствия нашествий ордынцев при правлении Узбек-хана, затем 20-летней «тишины» Великой Замятни, несостоявшегося нашествия Мамай и лишь с началом потепления — нашествия Тохтамыша (о климате эпохи — результаты последних изысканий, см. Клименко).

Иными словами, *напряженные моменты для истории Руси и истории природы XIII–XIV вв. не совпадают, и явление резонанса для эпохи максимальной силы Золотой Орды исключено. Моментов неблагоприятия одновременно в природе и обществе в русской истории два. Первый — последние 20–30 лет XI в. — начало глобальной климатической катастрофы малого масштаба (качественная характеристика периода — В. В. Клименко) — соответствует времени начала княжеской междоусобицы на Руси¹¹. Второй — конец XVI — самое начало XVII в. — русская Смута.*

Относительно княжеской междоусобицы — первого тяжелого испытания общества на социальную зрелость — мы знаем, что она не имела логического завершения¹², как это было в Древней Греции или Древнем Китае, где системы основных ценностей цивилизаций сформировались как результат саморазвития процессов.

Если сравнивать жизнь Западной Европы веков смутного времени, с одной стороны, и кровавое правление Ивана Грозного, а особенно рус-

¹¹ К принципиально новым результатам последних исследований в области истории климата относится и открытие того, что средневековая теплая эпоха может быть охарактеризована как асимметричный двойной теплый период, первая часть которого — 920–1070 гг., вторая — 1150–1200, в середине — глубокое похолодание, во время которого температура опускалась до отметок, характерных для Малого ледникового периода (XIV–XIX вв.) [Клименко. С. 284].

¹² В. О. По Ключевскому, княжеская междоусобица была прервана «грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие потомки Всеволода III умели запутывать дела своей земли» [Ключевский, т. 2. С. 42].

скую Смуту, с другой, то при сокращении времени безумств в России по сравнению с раннесредневековой Европой мы увидим не меньший навал. О кровавых деяниях Грозного написано так много, что можно не повторяться. О психологическом состоянии общества в Смутное время историки, обстоятельно описывая политические события, пишут редко, возможно потому, что настолько оно тягостно, что лучше о нем забыть. Для нас же важно, что явление резонанса, несомненно, имело место.

Для того чтобы понять, как в результате выхода из социально-экологического кризиса сложилась система основных ценностей цивилизации, для проверки гипотезы нужно исследовать прежде всего два века русской истории начала Малого ледникового периода или по правлениям: от Ивана III до Петра I¹³, делая упор на состояние природы, хозяйства, земледелия.

Исчерпывающее представление о состоянии земледелия в Московии дает Ю. В. Готье: «история крестьянской пашни начинается с факта, указывающего на ее постепенное сокращение. Это сокращение остается самым характерным явлением вплоть до конца XVI в.» [Готье. С. 333, 340–342].

По итогам специального исследования А. Э. Каримов, что Московское княжество в XVI в. приходит к пределу «демографической вместимости» переложной системы. К 1585 году: остается всего лишь пять процентов земли, которую можно пахать. Девяносто пять — пустоши — оставлено в перелог — на самовосстановление [Каримов. С. 60, рис. 1]. Каримов осторожно писал: «Наверное, можно даже говорить об «экологическом кризисе» в средневековом Нечерноземье, связанном с превышением естественной способности почв к восстановлению плодородия [там же. С. 64]¹⁴.

¹³ Столь относительно узкий временной диапазон исследования был виден отнюдь не сначала, а определился лишь при доведении точности климатических изменений до десятилетий вместо тридцатилетий, установления четких границ климатических сдвигов, что произошло в результате исследований 2002–2004 гг. по проекту РФФИ «Экспериментальное и теоретическое моделирование процессов социально-экологических кризисов в истории России». Отсутствие точных сведений о климате обусловило широкий временной диапазон. Пришлось рассматривать процессы эволюции не только на Руси, но и в Золотой Орде, а некоторые выводы — впоследствии пересматривать.

¹⁴ Возникновение Российского (Московского) государства не в плодородном южном поясе исторических русских земель на Украине и Черноземье, а в северном Нечерноземном центре с его низкоплодородными почвами и предельно узким вегетационным периодом было обусловлено демографическими, хозяйственно-экономическими и политическими процессами в Золотой Орде. См.: Кульпин, 1996. С. 3–32; Кульпин, 1998; Кульпин, 2008; а также: Смирнова, Киселева; Маслов, Шиллов. С. 57; Низовцев и др.

В ходе кризиса «громадное, измеряемое многими десятками тысяч число деревень (от 50 до 90 процентов в разных районах) превратилось в пустоши¹⁵. Средний размер оставшихся поселений при этом возрос в 2–3 раза» [Дегтярев. С. 170].

Где-то в середине XVI в русская деревня переступает порог бедности и впадает в нарастающую нищету. Как массовое явление наемный труд на Руси появляется в XV в., нищенство — в XVI [Готье. С. 347]. Экологический кризис проявляется не только в забрасывании в перелог истощенной земли, но и в заводнении и заболачивании земель¹⁶, в уходе крестьян с «худых» земель и концентрации на «добрых», росте доли безземельных и бездомных крестьян¹⁷.

Общая динамика изменения условий жизни русских людей того времени от одного демографического поколения к другому¹⁸ хорошо прослеживается по впечатлениям трех зарубежных наблюдателей — С. Герберштейна, Р. Ченслера, Д. Флетчера¹⁹. Из наблюдений иностранцев видно, что выбор общества между свободой личности и всевластием государства в Московии четко сделан не в пользу личности (см. Приложение 1). *Отсутствие собственности и закона, который «превыше короля» — вот первые два главных отличия жизни России от Европы, которые фиксируют европейцы, попав в Россию.* В системе ценностей москвитов нет ценностей личности, собственности и закона, который является защитой жизни, чести и имущества. Есть всевластное государство и необходимость служения ему. Нет труда как самоценности в условиях отсутствия собственности на его результаты.

¹⁵ Пустоши — это вовсе не та живая природа, полная видового разнообразия, которая и без пашни за счет даров природы могла кормить людей. Пустоши — это земля с обедненным числом видов.

¹⁶ Когда к концу XV в. все земли, пригодные под пашню, были распаханы, а дефицит пашни продолжал увеличиваться, крестьяне продолжали осваивать лесную целину, причем распахивать уже те земли, которые без угрозы нарушения экологического равновесия нельзя было распахивать. Ю.В. Готье отмечает для XVI–XVII вв. явление, не характерное для предыдущих и последующих веков: «везде, кроме ополей, обилие стоячих вод — болот и озер» [Готье. С. 91].

¹⁷ За полтора века (с начала XVI до середины XVII века) удельный вес бобылей в общей массе зависимого населения вырос с нуля до 25 процентов, а местами достиг 40–50 процентов [Дегтярев. С. 158–160, 170]. Динамика процесса такова: в середине XV в. на Руси не было безработных, в середине XVII в. четверть, а в некоторых местах — половина населения не имела постоянной занятости.

¹⁸ Интервал времени между рождением отца и его первенца, сына, или матери и ее первой дочери. В настоящее время этот интервал составляет в среднем 20 лет, в XVI–XVII вв. — 17–18 лет.

¹⁹ См. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев, 2003. Анализ см. Кульпина. С. 45–61.

Когда и при каких обстоятельствах в общественном бессознательном могло произойти падение ценности личности, собственности и закона? Возможно, ключевым здесь является снижение роли ценности собственности²⁰.

Конец XV в. отмечен Судебником (1497 г.), согласно которому основной вид собственности — земля — объявляется собственностью государства («вся земля должна служить»). Это время первого проявления ярко выраженного дефицита пашни (индикаторы: концентрация крестьян в крупных поселениях — селах, появление социальных слоев бобылей и холопов на пашне, резкий взлет тяжб за землю, первые свидетельства перехода части с экстенсивной переложной системы земледелия к интенсивной — навозной).

Из всех индикаторов с точки зрения взаимоотношений человека и природы наиболее важен последний — технологический. Экстенсивное подсечно-огневое/переложное земледелие [см. Петров] является проявлением хищнического отношения человека к природе: взять от природы все, что можно, довести ее до невозможности дальнейшей эксплуатации и предоставить ей самой возможность восстановления плодородия почв за счет естественных природных процессов. Переложное земледелие экономически оправдано только в условиях отсутствия дефицита пашни. Навозное земледелие — технология, позволяющая поддерживать плодородие почв в условиях непрерывной ее эксплуатации в условиях дефицита пашни. Перед обществом остро встала проблема выбора *пути развития: экстенсивного или интенсивного*. Выбор был непростым во многих отношениях. В немаловажной частности, в почвенно-климатических условиях Нечерноземья и Севера России навозное земледелие возможно, но требует колоссальных трудовых усилий²¹, которые оправданы только в условиях собственности на землю. Не вдаваясь в детали конкретного процесса выбора пути развития (об этом см. [Кульпин, 1995; Кульпин и др., 2005. С. 7–87], общество решает пользу экстенсивного развития, о чем свидетельствует дальнейшее расширение территории государства в XVI в. почти в 20 раз. Введение в хозяйственный оборот новых природных ресурсов за счет присоединения новых территорий невозможно силами общества, а только государства. Государство в правление Ивана IV требует от общества карт-бланша и получает его. Общество отказывается от ценности *личности* в пользу ценности *государства* и вследствие такого выбора — от ценностей *частной собственности*

²⁰ О главном наследии Российского государства от Золотой Орды — системе «власти-собственности» см. [Кульпин, 2008 № 6. С. 60–73].

²¹ Не исключено, являются примером наивысшего уровня самоэксплуатации во всей истории человечества. Об этом см. ряд работ Л. В. Милова.

и закона (*права*), как наивысших. Бесперспективность (при колоссальных человеческих издержках!) экстенсивного развития проявляется в конце века²². Кульминационный момент — Смута [см. Кульпин, 2000. С. 73–84] начала XVII в.: общество ставит под сомнение свой предыдущий выбор двух главных ценностей *государства* и *экстенсивного развития*, однако не может выработать условия *порядка*, при котором в условиях безгосударственности (см. Приложение 2) само общество могло бы обеспечивать защиту жизни, чести и имущества людей. Само общество (чередa соборов) восстанавливает самодержавие — всевластие государства — с условием, что государство должно гарантировать обществу интенсивный путь развития, осуществляет выбор в пользу *интенсивного развития*.

В ходе петровских преобразований отнюдь не целенаправленно, а спонтанно, методом проб и ошибок, и отнюдь не в сфере сознания, а в области общественного бессознательного была сформирована целостная система основных ценностей российского общества, в которой ценностями 1-го порядка стали *Государство* и *Интенсивное Развитие*, 2-го — *неформальный Социальный договор*, *Служение* и *Порядок*, 3-го — *Государственное регулирование*, *Иерархия*, *Знание*.

Система основных ценностей, как и христианские заповеди, — это некий идеал, на выполнение которого ориентировано общество. Трагедия всего дальнейшего развития России вплоть до наших дней — в том, что идеал не реализуется: государство не способно создать условия для непрерывного интенсивного развития, а общество, предоставив государству бесконтрольного права принятия основных решений, лишено потенций саморазвития.

Литература:

- И. Е. Бучинский. О климате прошлого русской равнины. Л.: Гидрометеиздат, 1957.
 В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера. [сост.: А. П. Давыдов]. М.: Новый хронограф. 2009.
 Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М. 1937.
 Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс. 1992.
 А. Я. Дегтярев. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л. 1980
 И. Н. Ионов. Цивилизационное сознание и историческое знание. М.: Наука, 2007.
 А. Э. Каримов. Роль Москвы в формировании культуры природопользования в центральной России (XVI — начало XX вв.)/История изучения использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М.: Янус-К, 1997.

²² Индикатор явления — распространение навозного земледелия. Только в грамоте 1590 г. появляется первое указание о том, что крестьяне уже обязаны не только «пашни пахати» и «сено косити», но и «навоз на монастырские земли возити» [Шапино. С. 50, 58, 60].

- Л. О. Карпачевский. Почвенный профиль как летопись природы и общества/Природа и ментальность. Серия «Социоестественная история». Под ред. Э. С. Кульпина. Вып. XXIII. М.: Московский лицей, 2003.
- В. О. Ключевский. Соч. в 9 тт., Т. 2. Курс русской истории. М. 1988.
- В. В. Клименко. Климат: непрочитанная глава истории. М.: Изд. Дом МЭИ, 2009.
- Э. С. Кульпин. Поливное рисоводство как фактор экономического превосходства традиционного Востока над средневековым Западом//Народы Азии и Африки. 1987. № 6.
- Э. С. Кульпин. Человек и природа в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.
- Э. С. Кульпин. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации//Общественные науки и современность. 1995. № 1.
- Э. С. Кульпин. О принципе минимума диссипации энергии в жизни социума//Человек и природа. Проблемы социоестественной истории. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. С. 3–32;
- Э. С. Кульпин. Бифуркация Запад — Восток (курс лекций). М.: Московский лицей, 1996.
- Э. С. Кульпин. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М.: Московский лицей, 1998 (четвертое издание — Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009).
- Э. С. Кульпин. Восток: человек и природа на Дальнем Востоке. М.: Московский лицей, 1999.
- Э. С. Кульпин. Смутное время — бифуркационный момент эволюции российской цивилизации/Поиск истоков (Социоестественная история. Вып. 16). М.: Институт востоковедения РАН, 2000.
- Э. С. Кульпин, В. В. Клименко, В. И. Пантин, Л. М. Смирнов. Эволюция российской ментальности. М.: ИАЦ Энергия, 2005.
- Э. С. Кульпин. Восточный ритм русской истории//Общественные науки и современность, 2008 № 6.
- Э. С. Кульпин. Золотая Орда: судьбы поколений. М.: ИНСАН, 2008.
- Э. С. Кульпин. Восток. Природа — технологии — ментальность на Дальнем Востоке. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Э. С. Кульпин. Вспоминая Ахiezера//Полис. 2010 № 3.
- Ю. Э. Кульпина. Генезис пьянства и хулиганства в России. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- О. В. Смирнова, Л. Л. Киселева. Изменение видового состава и распространения восточноевропейских широколиственных лесов в голоцене по споропыльцевым и археологическим данным//Восточноевропейские широколиственные леса. М.: Наука, 1994.
- С. П. Маслов, И. А. Шилов. Краевые структуры биоты в плейстоцене-голоцене//Проблема изучения краевых структур биоценозов. Тезисы докладов Всероссийского семинара. Саратов, 1997.
- А. Н. Мецераков. Император Мэйдзи и его Япония. 2-е изд. М.: Наталис, 2009.
- В. А. Низовцев и др. Историко-ландшафтный анализ хозяйственного освоения Подмоскovie (дореволюционный период)//История изучения использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М.: Янус-К, 1997.
- В. П. Петров. Подсечное земледелие. Киев, 1968.
- Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003.
- Сюй Динь. Экологические проблемы Китая. М.: Прогресс, 1990.
- В. Н. Тимофеев-Ресовский. Истории, рассказанные им самим... М.: Согласие. 2000.
- А. Л. Шапиро. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв., Л., 1977.
- И. Г. Яковенко. Теоретические основания цивилизационного анализа России//В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахiezера. [сост.: А. П. Давыдов]. М.: Новый хронограф, 2009.

Приложение 1

С. Герберштейн, Р. Ченслер и Д. Флетчер о России XVI в.

Россия XVI века. Воспоминания иностранцев.

Смоленск: Русич, 2003.

Сигизмунд Герберштейн (1517 и 1526 гг.) видит в Московии бесправный, напряженно работающий, трезвый народ, не видит ни празднующихся людей, ни разбоя: на улицах Москвы поддерживается строгий порядок, правда, весьма варварским с современных воззрений способом. Его замечания о природе великокняжеского домена — Московской области — чрезвычайно интересны: «По пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область не так давно была очень лесиста. Хотя старательным трудом земледельцев она довольно обработана, однако за исключением того, что производят поля, все остальное привозится туда из окружающих областей. Ибо хотя она изобилует хлебом и обыкновенными овощами, однако во всей области нет сладких вишен и орехов, кроме лесных. У них есть и другие фруктовые деревья, но их плоды невкусны. Меду и диких зверей (исключая, однако, зайцев) в Московской области нет» [с. 226]. Географически Московская область — это зона лесов и диких зверей: медведей, лосей, волков, лис, бобров. Если из всего животного разнообразия остались лишь зайцы, то мы можем твердо констатировать, что к началу XVI в. здесь произошла полная антропогенизация ландшафта.

Ричард Ченслер (1553 г.) видит то, что еще относительно недавно не видел Герберштейн: бросающиеся в глаза бедность, пьянство («что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного» [с. 454]), безработицу и высокую плотность населения. «Много таких, которые сами продают себя дворянам и купцам в холопство, чтобы всю жизнь получать за это пищу, питье и платье... А некоторые так даже продают своих жен и детей в наложницы и слуги покупателю» [с. 451].: «Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на воле, если бы только не подвергаться сильным побоям. Там они получают пищу и питье без всякой работы да еще пользуются благотворительностью добрых людей, а на свободе они не зарабатывают ничего. Бедняков здесь неисчислимое количество, и живут они самым жалким образом» [с. 452].

О природе и хозяйстве пишет так: «Страна... изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут

его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не менее чем за тысячу миль... Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико» [с. 442].

Джилль Флетчер (1588–1589), в отличие от предшественника, который был приятно поражен обилием заполненных народом деревень и хорошо засеянными полями, видит те же самые области целиком покинутые населением, видит крайнюю бедность народа, отсутствие порядка, разбой, пьянство и лень, низкую цену человеческой жизни, резкое (в три раза!) снижение экономического потенциала и торговли и, как и его предшественники, униженное состояние низших слоев общества: «До какого рабского состояния они унижены не только в отношении к царю, но и к боярам и вообще дворянам (которые и сами суть не что иное, как рабы, особливо с некоторого времени) ...здесь они сами себя называют и подписываются холопами, т. е. их крепостными людьми или рабами, так точно, как, в свою очередь, дворяне признают себя холопами царя. Поистине можно сказать, что нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина или который бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ... что касается до земель, движимого имущества и другой собственности простого народа, то все это принадлежит ему только по названию...» (с. 66); «Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом. ...Угнетения дворянства и простого народа, без всякого притом соображения их различных отношений и степеней, равно как из податей и налогов, в коих они не соблюдают ни малейшей справедливости, не обращая никакого внимания как на высшее сословие, так и на простолюдинов. ...Оба класса, и дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки» (там же. С. 35–36). «Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском» (там же. С. 67). «Что касается до главных пунктов или статей, входящих в состав самодержавного правления (как-то: издания и уничтожения законов, определения правительственных лиц, права объявлять войну и заключать союзы с иностранными державами и права казнить и миловать, с правом изменять решения по делам гражданским и уголовным), то все они так безусловно принадлежат царю и состоящей под ним Думе, что его можно назвать как верховным правителем, так и самим исполнителем в отношении ко всем исчисленным

предметам» (там же. С. 35–36). «Письменных законов у них нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяются время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства, но нет вовсе правил, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дело правым или неправым. Единственный у них закон есть закон изушный, т. е. воля царя, судей и других должностных лиц» (там же. С. 75). Дворянство — наиболее активный класс в феодальной Европе в России — является таковым лишь по названию, поскольку лишен экономической основы поддержания независимого статуса: «Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола царя ... почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнились с прочими (социальными слоями населения. — Э. К.) (там же. С. 43).

Приложение 2

С. Г. Пушкарев о Смуте

(С. Г. Пушкарев. Обзор русской истории. М.: Наука, 1991).

Один из самых объективных русских историков XX века С. Г. Пушкарев дает картину состояния общества, но, показательно, не основном тексте, а в сноске: «По рассказу современника, шайки «воровских людей» рыскали по всей земле и мучили и убивали людей «всякого возраста и всякого чина»; малых детей, отняв у родителей, поджаривали на огне или разбивали о камни. — «И видящее поляки и Литва злое мучительство от своих своим, и уступающее, дивляхуся о окаянной вражии жесточи, и сердца своими содрагахуся». — Имущество мирного населения подвергалось не только разграблению, но и уничтожению: «Идеже не пожгут домов, или не мощно взятии множества ради домовных потреб, то все колюще мелко и в воду мешуще; входы же и затворы всякие рассекающее, дабы никому не жительствовати ту». — Бысть бо тогда разорение Божиим церквам от самих правоверных... — и тогда убо во святых Божиих церквах кони затворяху и псов во олтарех церковных питаху. Освященные же ризы... на потребу свою раздираху» — «Чин же иноческий и священнический вскоре смерти не предоваху, но прежде зле мучащее и огнем предаваху» (Авраамий Палицын). В это страшное время, по свидетельству другого современника, «крови же человеческие, яко водяные источники, течаше и земля трупием мертвых, яко древием и листвием, покрываша, и главы, яко классы, по земле валяхуся» (Пушкарев. С. 164).

А. С. Акопян,
Республиканский центр репродукции
человека и планирования семьи МЗ РФ

Социоестественные детерминанты репродуктивного поведения человека

XX век в истории человечества охарактеризовался окончательным становлением капитализма. После «Великой депрессии» 1929–1933 гг. пришло осознание необходимости усиления государственного контроля над рынком, безоглядно эксплуатирующим природные и человеческие ресурсы. Для биологических и социальных систем нельзя совместить максимальную эффективность и максимальную адаптивность: «организмы прожорливы» (*organismus are greedy*), «сытые организмы не склонны изменяться» (*satisfied creatures do not change*) (Дж. Волкер, 1980).

В рамках изменений в Доминирующей социальной парадигме (*Dominant Social Paradigm — DSP*) в сторону Новой экологической парадигмы (*New Environmental Paradigm — NEP*) осуществлялся постепенный переход к разработке концепций устойчивого развития на основе экомодернизации и заботе о будущих поколениях, ориентации на государство «всеобщего благоденствия». В центр социоэкономического и социоестественного подходов была поставлена сама человеческая личность и среда ее обитания. В настоящее время развитие социоестественных подходов выдвинуло в повестку дня научной деятельности создание проекта «Билль о правах природы и человека» в качестве правовой основы концепции NEP (Э. С. Кульпин, 1995–2008; И. А. Халий, 1992–2009; О. Н. Яницкий, 1994–1996 и др.).

Социоестественный подход в изучении исторических явлений и прогнозировании будущего основывается на сопряжении биосоциальных и социально-экономических детерминант поведения человека, в том числе репродуктивного, в рамках континуума «природа — социум». Природа рассматривается как основание жизни на равных условиях при отсутствии абсолютной полноты благ (Н. Н. Моисеев, А. Х. Бурганов). Детерминантами демографического роста признаются: а) биологические законы — минимальная рождаемость — 0,7–0,8 детей на женщину (А. Gollini, 1998) максимальная (условная) рождаемость (15,3–18,6 рождений за всю жизнь) (Дж. Бонгаартс, 2001); б) технологии основного производственного процесса (М. Вебер); в) тип социальных отношений (К. Ясперс, Э. С. Кульпин).

В человеческом обществе социальный феномен отсутствия «абсолютной полноты блага» отражается в категории собственности, скорость движения которой прямо пропорциональна степени ее рассредоточенности. Первичным элементом экономической системы является домохозяйство — один человек или группа людей, имеющих свое жилье, в котором осуществляется производство рыночных и нерыночных благ. Основная функция домохозяйства — воспроизводство населения. Где и как новая семья будет вести домохозяйство, откуда оно возьмется — основной вопрос социальной политики борьбы с бедностью.

Люди в качестве социально-биологических существ не могут расширенно воспроизводить себя в условиях индустриального общества. Стрессовый фон через нейроэндокринные механизмы снижает репродуктивный потенциал организма (Г. Селье, Дж. Кристиан). Болезни «адаптации» проявляются ростом субфертильности, бесплодия, бездетности, снижения рождаемости, роста преимущественно мужской смертности с целью снятия ресурсных ограничений. Биосоциальная основа человеческой личности — социально-экономические условия его существования (человек и его обстоятельства). Задача государственно-правового строительства — формирование типа общественно-экономического устройства жизни домохозяйств, наилучшим образом способствующего выполнению основной их функции — воспроизводству популяции (конвергенция прав личности и прав собственности, выделение новых типов собственности, ответственность глав муниципалитетов за экономическое состояние домохозяйств, персональное фондодержание).

Основными социоестественными ограничителями демографического роста были и остаются ресурсные ограничения и «плотность» социальной среды. Стабилизация численности населения через рост рождаемости сегодня возможна только путем восстановления экономической роли домохозяйств в жизни общества. Социоестественный подход в качестве инструмента разработки НЕР требует учета не только социально-экономических, но и биосоциальных детерминант.

В. В. Бушуев, В. С. Голубев,
Институт глобальных проблем
энергоэффективности и экологии,
Институт системного анализа РАН,
Институт энергетической стратегии

Страновой капитал как потенциал развития (эргодинамический подход)

(тезисы)

1. Социум рассматривается эргодинамикой как эргопреобразователь (ЭП), совершающий за счет подводимой энергии (в широком ее смысле) работу по преобразованию природного ресурса в конечные блага цивилизации и по воспроизводству ресурса.

2. Структурная энергия социума в стоимостном выражении есть его национальное богатство, или страновой капитал. Структурная энергия является потенциалом развития — она необходима для совершения ЭП работы.

3. Критерии социоестественного развития (СЕИ) — рост странового капитала и его производства. Мониторинг данных величин дает объективную характеристику развития и необходим для оптимизации макроэкономической политики. Мониторинг осуществляется как отдельными странами (системой национальных счетов), так и международными организациями (ООН, Всемирный банк и др.). В настоящее время отсутствуют общепринятые стандарты для расчетов этих величин.

4. Существующие индексы (системные индикаторы) развития (например, индекс развития человеческого потенциала ИРЧП) выводятся индуктивным методом, без теоретического обоснования, и потому имеют субъективный характер. Они не содержат необходимого набора исходных характеристик социума (например, ИРЧП не учитывает такую фундаментальную характеристику, как рождаемость). Методика расчета ИРЧП была разработана более 10 лет назад и теперь не отвечает современности. В частности, в ней рассматривается интервал изменения ВВП от 100 до 40 000 дол. (на человека в год). В то же время, например, ВВП Люксембурга (70 000 дол.) выходит за эти рамки, что приводит в расчетах к нелепым результатам.

5. Существующая методика расчета национального богатства основана на чисто рыночном подходе. При этом величина национального богатства

подвержена рыночным колебаниям и теряет свою объективность. Кроме того, не все компоненты национального богатства участвуют в рыночном обмене, выпадая из него. Методика Всемирного банка почему-то учитывает при расчете природного палеокапитала лишь 10 металлов и вовсе не учитывает неметаллические полезные ископаемые.

6. Нами предложены принципиально иные подходы. Индексы развития учитывают (в безразмерном виде) производство основных капиталов: физического, человеческого, социального, биотического. Они выводятся дедуктивным методом (из общей теории социоприродного развития) и потому имеют научную основу. Расчет по ним существенно меняет рейтинг стран по развитости, даваемый ПРООН на основе ИРЧП. Так, Россия с 65-го места по ИРЧП перемещается по индексу социогуманитарного развития (ИСГР) на 110-е место среди стран мира (2004 г.). Столь низкое место обусловлено малым производством человеческого капитала из-за низкой рождаемости, продолжительности жизни и других гуманитарных факторов. Россия переживает острый социогуманитарный кризис.

7. Теория человеческого капитала, разработанная экономистами, односторонняя и не учитывает тройственную природу человека как существа биологического, социального и духовного одновременно. Новая теория человеческого капитала рассматривает его состоящим из витального, интеллектуального и духовного капитала — характеристик физического здоровья, качества человека как работника и носителя нравственности соответственно. Человеческий капитал в понимании экономистов сводится лишь к одной составляющей — интеллектуальному капиталу. Разработана методика расчета всех составляющих человеческого капитала.

8. При расчете национального богатства можно использовать два метода: рыночный (субъективный) и эргатический (объективный). Последний основан на расчете той работы, которая была произведена (природой и человеком) по формированию национального богатства. К сожалению, эту работу пока мы умеем рассчитывать лишь для отдельных составляющих богатства. Поэтому нами был разработан рыночно-эргатический метод, основанный, с одной стороны, на рыночной величине — ВВП, а с другой, на системе ценностей и приоритетов социума. При этом вводится допущение о равенстве маржинальных оценок всех видов ресурсов как потенциальных факторов гармоничного развития. Это относится к равенству максимальных значений разных составляющих национального капитала. Физический смысл такого допущения требует особого анализа.

9. Разработанная методика расчета странового капитала и его производства учитывает следующие индикаторы глобальной системы «природа — человек — общество»: ВВП (при расчете всех составляющих

странового капитала); продолжительность жизни, рождаемость, расходы государства на образование и здравоохранение, суицидность (при расчете человеческого капитала); безработица, децильный коэффициент (отношение доходов 10 % богатых к доходам 10 % бедных), преступность (при расчете социального капитала); площадь территории страны, а также ее лесов и сельхозугодий; продуктивность естественной биоты, доступный объем пресной воды (при расчете воспроизводимого природного капитала); запасы горючих ископаемых, руд и неметаллических полезных ископаемых (при расчете невозпроизводимого природного капитала). При этом базовым показателем при всех расчетах, на которую нормируются маржинальные значения составляющих странового капитала, является ВВП.

10. По разработанной методике рассчитан для всех стран мира социогуманитарный капитал как сумма физического и человеческого капитала. По общему капиталу первые пять стран в ряду следующие: Индия — США — Бразилия — Япония — Мексика (необходимые для расчета данные по Китаю отсутствовали). Россия в этом ряду занимает 14-е место.

11. Новая трактовка человеческого капитала потребовала введения нового понятия «социогуманитарное государство». В нем критерий стихийного, либерального развития — рост физического капитала — снят социогуманитарным критерием — рост человеческого капитала. Разработаны концепция социогуманитарного государства и социогуманитарный проект для России.

12. Наряду с дальнейшим совершенствованием методик требуется выработать согласованный набор первичных индикаторов для использования их в расчетах.

В. С. Голубев,Институт глобальных проблем
энергоэффективности и экологии,
Институт системного анализа РАН

Феномен времени

Структурная энергия — ключевое понятие в эргодинамике (Бушуев, Голубев, 2003, 2007). Она отождествляется с работой, которая совершается в термодинамически обратимом процессе образования изучаемого объекта из простых веществ. Структурной энергией обладают лишь те образования, которые сами собой (без основного самопроизвольного процесса) образоваться не могут. Они не равновесны относительно вмещающей среды и поддерживают это неравновесие за счет использования энергии внешних потоков.

Как известно, при прогрессивном развитии происходят все большее повышение уровня организации, усложнение структуры системы, все большее удаление от равновесия с вмещающей средой. В терминах эргодинамики это означает рост удельной структурной энергии системы (в расчете на единицу массы или единичную особь). Таков количественный критерий эволюции системы.

Наряду с ним в эргодинамике вводится критерий эволюции процесса функционирования системы (производства структурной энергии) — рост удельной мощности данного процесса. При этом система совершает большую работу над окружающей средой, что делает ее более независимой от внешних условий. Указанные свойства отвечают главным эмпирическим обобщениям в учении о биологической эволюции (Гринин и др., 2008).

Структурная энергия может быть рассчитана (в эрг, эрг/г и т. п.) лишь для простейших случаев. Между тем человечество через рынок выработало способ определения ценности того или иного объекта с запасенной в нем структурной энергией в стоимостном выражении. Поэтому структурная энергия может быть выражена в стоимостных категориях (дол., дол./чел. и др.), становясь при этом капиталом.

Для теории эволюции принципиальное значение имеет трактовка феномена времени. Время в классической физике изначально задано и течет равномерно от прошлого к будущему. В теории относительности время становится четвертой (мнимой) координатой и течет по-разному, в зависимости от скорости движущегося наблюдателя. В неравновесной термодинамике (а также согласно построениям астрофизика Н. Козырева, 1958)

время связывается с движением энергии от настоящего к будущему (где энергии «нет»), образующем «стрелу времени». Ниже предлагается энерго-информационная концепция времени.

Время — количественная характеристика изменений. Но если изменений нет, то нет и времени. В равновесном мире время отсутствует. Нет его также и в будущем, ибо в нем на настоящий момент ничего не происходит. Конечно, человек предполагает, что в будущем станут происходить изменения. Поэтому в будущем время гипотетично, виртуально.

Есть лишь «настоящее время», которое непрерывно рождается и тут же утекает в прошлое. Рождение времени — появление изменений. Их сущность — превращение информации в структурную энергию. В «прошлом времени» протекает обратный процесс. «Настоящее» есть рождение «нового», осуществляемое возникающим временем на основе информации из «прошлого времени». «Прошлое» существует лишь постольку, поскольку в нем сохранилась информация о структурной энергии «настоящего».

Имеются две фундаментальные величины в эволюции, характеризующие ее движущую силу и саму сущность эволюционного процесса (Бушуев, Голубев, 2003, 2007): поток энергии (e) и структурная энергия (Φ), соответственно. В величине (e) уже присутствует время (T). Тогда, определяя время через поток энергии, мы приходим к вышеупомянутой трактовке времени согласно неравновесной термодинамике. Но в такой трактовке отсутствует информационная составляющая времени.

Более общая трактовка связывает время не только с (e), но и с рождающейся структурной энергией. Последняя возникает на основе эндогенной информации (i) и функционально связана с ней. Поэтому в общем случае следует рассматривать время как функцию двух фундаментальных величин — (Φ) и (e), то есть:

$$T = T(\Phi, e). \quad (1)$$

Из соображений размерностей можно записать:

$$T = a(\Phi/e), \quad (2)$$

где a — безразмерный коэффициент пропорциональности.

Мы полагаем, что уравнение (2) отражает сущность времени, а именно, время определяется структурной энергией, возникающей на потоке энергии величиной a :

$$T = \Phi \text{ при } e = a \quad (3)$$

Согласно (2) время положительно (течет от настоящего к будущему) лишь для живого мира (в обобщенном понятии «жизнь»), для которо-

го $\Phi > 0$. В этом мире реализуются процессы прогрессивного развития. Для неживого мира $\Phi < 0$ и в нем, согласно (2), время отрицательно. В отрицательную сторону время течет при движении систем неживого мира к равновесию — здесь время течет от настоящего к прошлому (к равновесию, которое было в прошлом — до того, как система была выведена из состояния равновесия).

В рамках данного подхода время индивидуально — свое для каждого объекта живого мира. По мере жизни индивида время течет по разному. Например, для человека в детстве производство структурной энергии существенно больше, чем в старости. Поэтому в детстве время течет медленнее.

С нашей точки зрения жизнь есть процесс рождения времени. А смерть означает утрату способности рождать время. С этих позиций решается проблема долголетия. Пока человек трудится, пока он «рождает» новое, он живет.

В настоящее время способ измерения времени основан на регулярной повторяемости событий — радиоактивном распаде. Строго говоря, при этом меряется отрицательное время (от настоящего к прошлому), поскольку имеет место движение к равновесию. Измеряя таким образом время, мы, по существу, делаем допущение о том, что отрицательное и положительное время совпадают.

А это означает, что мы существуем в мире «порядка», а не «хаоса». В нем явления жизни становятся доступными для понимания и для суждения о перспективах развития. Для индивида это дает чувство устойчивости, предсказуемости и гармонии бытия.

Если бы мир был иным — в нем отрицательное и положительное время не совпадали бы, он был бы абсолютно хаотичен. В таком мире не было бы процессов эволюции и самоорганизации.

Преобразуем уравнение (2), учитывая, что между информацией и структурной энергией существует связь (Бушуев, Голубев, 2007):

$$i = i_o \exp [(\Phi - \Phi_o)/\kappa], \quad (4)$$

где i_o , κ , Φ_o — постоянные величины.

Подставляя (4) в (2), найдем:

$$T = a / e (\Phi / i) = a / e (\Phi_o / i) = a / e [\Phi_o i_o \exp (\Phi - \Phi_o)/\kappa]. \quad (5)$$

Здесь через Φ_o обозначается новая характеристика эволюции — количество возникающей структурной энергии в расчете на единицу информации (i):

$$\Phi_o = \Phi / i. \quad (6)$$

Мы полагаем, что величина Φ_o может быть универсальной характеристикой эволюционного процесса на Земле. Из (5) следует, что время (T) растет с увеличением (Φ) по экспоненциальному закону — эволюция ускоряется.

Далее преобразуем уравнение (2), учтя связь (4) между структурной энергией и информацией:

$$T = a / e [\Phi_o + \kappa \ln (i/i_o)]. \quad (7)$$

При этом слагаемое $\kappa \ln (i/i_o)$ характеризует работу концентрирования («сжатия») информации от i_o до i , то есть работу формирования эволюционирующего объекта — эргопреобразователя. Следовательно, время опосредствованно связано с работой формирования эргопреобразователя.

«Отсутствие» в будущем времени приводит к заключению об относительности любых прогнозов. Прогнозы основаны на неявном допущении о том, что законы социоприродного развития в будущем не изменятся. Даже если это так, то ограниченность наших знаний этих законов делает любые прогнозы условными. Главная задача социоестественной истории — познать законы социоестественного развития и лишь на их основе делать прогнозы, понимая их относительность.

Литература:

- В. В. Бушуев Энергетический потенциал и устойчивое развитие. М.: ИАЦ Энергия, 2006.*
В. В. Бушуев, В. С. Голубев Основы эргодинамики. М.: ИАЦ Энергия, 2003.
В. В. Бушуев, В. С. Голубев Социоприродное развитие. М.: ИАЦ Энергия, 2007.
Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: URSS, 2008.

А. П. Назаретян,
Институт востоковедения РАН

Культурные предпосылки социальной устойчивости

Около 2.5 млн лет назад первые представители рода *Ното*, обитавшие в Олдовайском ущелье, научились искусственно заострять галечные отщепы — чопперы — и разбивать друг другу черепа. При этом было радикально нарушено *правило этологического баланса*, обеспечивающее сохранение животных популяций: инстинктивное торможение внутривидовой агрессии соразмерно мощи естественного оружия, которым наделен тот или иной вид. По законам природы химерический вид, сочетавший инстинкты безоружных животных и обладание смертоносным оружием («голубь с ястребиным клювом») был обречен на самоистребление. Косвенные археологические данные заставляют предположить, что таковой и стала участь большинства популяций. Тем не менее одна из них сумела преодолеть экзистенциальный кризис антропогенеза, выработав искусственный противовес инструментальной агрессии и положив начало качественно новому витку эволюции.

Согласно наиболее разработанной гипотезе искусственное ограничение агрессии обеспечивалось зачатками анимистического мышления и первыми симптомами некрофобии — невротического страха мертвых. Наделение мертвецов способностью мстить обидчикам обеспечило торможение агрессивных импульсов, так что на смену недостающему инстинкту пришел спасительный невроз. Кроме того, перспективными порождениями иррационального страха стали забота о мертвых (археология содержит сведения о ритуальном отношении к мертвецам уже в нижнем и особенно в среднем палеолите) и биологически несообразная опека больных, раненных и нежизнеспособных сородичей, свидетельства которой также обнаруживаются в нижнем палеолите.

С тех пор как природный баланс агрессии-торможения был необратимо нарушен, существование социумов не имеет естественных гарантий. Анализ большого числа антропогенных кризисов и катастроф, приобретавших различный масштаб и относящихся к различным фазам социальной истории (от палеолита до современности), позволил выявить закономерную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством регуляторов поведения и внутренней устойчивостью общества. *Закон техно-гуманитарного баланса* гласит, что чем выше мощь

боевых и производственных технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества.

Появление новых технологий обычно влекло за собой всплеск экологической и/или геополитической агрессии, сопровождавшийся массовой эйфорией, настроениями вседозволенности и безнаказанности и прочей характерной симптоматикой («синдром Предкризисного человека»). Этот процесс часто завершался надломом и распадом процветавших обществ, подорвавших природные и организационные основы собственного существования. Происходил драматический отбор социумов и ценностей, способных внутренне уравновесить новообретенное инструментальное могущество. Так происходила фаза гуманитарной притирки (*fitting*) к технологии, по завершении которой даже самое грозное оружие, будучи укрощенным, превращалось в жизнесберегающий фактор. Экологическая ниша человека с каждым разом расширялась и углублялась, последовательно удаляя общество и его природную среду от естественного (дикого) состояния.

Гипотеза о том, что закон техно-гуманитарного баланса на протяжении всей человеческой истории и предыстории служил механизмом социокультурного отбора, проверяется через ее нетривиальные следствия. В частности, для этого использован такой кросс-культурный показатель, как *коэффициент кровопролитности (Bloodshed Ratio)* — отношение среднего числа намеренных убийств в единицу времени к численности населения. Сравнительно-исторические расчеты, проведенные междисциплинарной группой исследователей под нашим руководством, подтвердили предсказание гипотезы. А именно, в долгосрочной исторической ретроспективе, *с ростом убойной силы оружия и демографической плотности, коэффициент кровопролитности общества не возрастал, а наоборот, нелинейно сокращался.*

Человечество дожило до наших дней благодаря тому, что до сих пор люди, становясь сильнее и проходя через горнило антропогенных катастроф, умели возвышать гуманитарный интеллект до уровня требований, предъявляемых инструментальным интеллектом. Разумеется, это обстоятельство не дает нам гарантий будущего. Но изучение культурных механизмов устойчивости помогает вырабатывать конструктивные глобальные прогнозы, сценарии и проекты.

Т. Ф. Столярова,
Рязанский государственный
радиотехнический университет

Экологические факторы духовной культуры

Термин «экология культуры», введенный Д. С. Лихачевым, ныне широко используется научным сообществом. При этом справедливо считается, что экологическое воспитание не ограничивается осознанием и практическим усвоением биологической экологии, но решает задачи экологии культурной. Однако практически во всех рассуждениях на эту тему присутствует явный дуализм в понимании взаимоотношения двух сфер, в которых протекает жизнедеятельность человека: природной и культурной.

Если речь идет об экологическом сознании, формирование которого у современного человека стало необходимостью для выживания, то под ним подразумевается глубокое понимание неразрывной связи человека с природой, зависимости благополучия людей от целостности, чистоты и сравнительной неизменности природной среды обитания. Иными словами, природа мыслится прежде всего как условие биологического, экономического и тому подобного существования человека. В процессе экологизации общественного сознания выделяется несколько стадий: 1) отношение человека к природе в форме различных чувств (равнодушия, любви, озабоченности и т. д.); 2) формирование серьезного интереса к экологической проблеме; 3) переход к соответствующему социальному действию; 4) осознание экологической ответственности, становление экологического сознания как элемента внутренней культуры личности, проявляющегося в жизнедеятельности человека. В этом аспекте уровень экологического сознания и экологической культуры — это показатель того, насколько глубоко и разносторонне общество включает природу в социально значимое функционирование на основе познания и практического использования ее развития.

Если же речь идет об экологии культуры, то рассматриваются проблемы «загрязнения» культурного поля суррогатами массовой культуры, разрушения гуманистических и нравственных ценностей, коммерциализации культуры, снижения и упрощения культурного потенциала личности и т. п. Кроме слова «экология» в таком случае природную и культурную среду ничто не объединяет. В действительности это не так. Само содержание духовной культуры народа во многом определяется экологическими (природными) факторами.

Многочисленные исследования в области социоестественной истории неопровержимо доказали зависимость мировоззрения от ландшафтных, климатических и других природных факторов. Человеческая духовность есть результат взаимоотношений и взаимовлияний общества и природы. Культурные феномены — продукт социоестественных взаимодействий, и это тоже хорошо просматривается в аспекте социоестественной истории (СЕИ).

Духовная культура представляет собой исторически определенную совокупность ценностей, принятых данным сообществом. В методологии СЕИ ценности являются «посредником» между природной и общественной жизнью. Именно система ценностей этноса прежде всего реагирует на природные вызовы, стимулируя развитие производственных и общественных технологий, изменение социально-политических структур, возникновение культурных предпочтений и новаций и особенности нравственного состояния общества. Ценности, выражая субъективное отношение человека к миру, не являются имманентно присущими человеку атрибутами, но обретают актуальность и проявляют свою сущность лишь в социуме при взаимодействии личности с природой и другими людьми. Отсюда экология культуры, если можно так выразиться, во многом определяется экологией природы. А это означает, что разрушение природной среды угрожает не только биологическому и социально-экономическому благополучию человека, но искажает человеческую духовность и способствует культурной деградации, то есть разрушает специфически человеческое в человеке, а не просто ухудшает состояние человеческого организма.

Укажем лишь несколько экологических факторов, практически непосредственно влияющих на состояние духовной культуры.

Определенное географическое положение, особенности конкретного ландшафта являются одним из мощных источников такой духовной ценности, как патриотизм, обуславливая во многом его содержание. Они накладывают свой отпечаток на национальный характер, этноним, язык и культуру в целом. Сохранение и облагораживание окружающей среды, экологическое воспитание молодежи — краеугольный камень воспитания патриотизма и других культурных ценностей.

Огромные и широкие пространства России трансформировались в российском сознании в понятия и представления, которых нет в других языках, на что указал Д. С. Лихачев. Понимание свободы (важнейшей духовной ценности) как *вольности* (воли, приволья) у русских связано именно с простором, с ничем не прегражденным пространством.

Еще Ф. Ницше, констатируя кризис современной ему европейской культуры, одной из серьезных причин этого процесса посчитал постепенное исчезновение в ходе истории человечества контакта последнего

с природой. Вместе с этим контактом пропала и глубокая эмоциональная энергия, которую давала символическая связь человека и природы. Исчезло символическое значение природы, питавшее человеческую духовность (гром — больше не гнев Божий, дождь — не Божья благодать и т. п.). Потеря природой сакрального характера, с одной стороны, свидетельствовала об усложнении и углублении духовной культуры, но, с другой стороны, привела к тому, что культура все больше начинает обслуживать развитие технико-технологической цивилизации в ущерб своей главной нравственно-гуманистической функции, что и позволило О. Шпенглеру рассмотреть цивилизацию как агонию культуры.

Далее, разнообразие является необходимым условием развития и познания, и любого явления. Развитие культуры возможно только при определенном уровне разнообразия национальных культур. Больше того, оно предполагает и существенное разнообразие природных форм. Вот почему разрушение природных ландшафтов, увеличение их однообразия, уничтожение растительных и животных видов, сокращение их численности и среды обитания ведет к обеднению и духовного мира человека.

Бережное отношение к природе, особенно к живой, понимание абсолютной ценности жизни (и растительной, и животной) не только помогает гармонизировать среду обитания человека, но, как ни удивительно, формирует в большой степени нравственные отношения между самими людьми. Через отношение к природе осуществляется становление гуманистических ценностей, закладываются духовно-нравственные черты личности, особенно в детстве. Становление будущей личности начинается с раннего детства и детерминируется не только сложнейшими взаимодействиями генетико-биологических и социокультурных факторов, но и внешних природных обстоятельств, способных не только содействовать ее развитию, но и препятствовать естественному и органическому становлению, предопределяя трагичность бытия личности. Нельзя не учесть, что усиливающаяся церебрализация удлинняет период беспомощности ребенка, обуславливая необходимость роста семейной и социальной защиты его, что неизбежно сопровождается навязыванием доминирования социокультурной среды в развитии личности. В современных условиях это означает растущую стандартизацию и унификацию жизнедеятельности ребенка, нивелируя его личность. В таком случае природное разнообразие становится важнейшим (если не единственным) компенсаторным фактором, противодействующим нивелировке личности.

Казалось бы, осмысление проблем, связанных с закономерностями развития живой природы, оптимальным соотношением биосферы и социосферы, процессов коэволюции природы и общества, рационального

природопользования, становления ноосферы и т. п. не обделено вниманием различных исследователей. Однако исследования в этой области нередко носят умозрительный, абстрактный характер, а то и сводятся к тривиальным рассуждениям о гармонизации взаимодействия общества и природы. Это породило такие малопродуктивные направления, как экологический утопизм и экологический пессимизм, в том числе в России.

Экологический утопизм в гносеологическом плане отличается умозрительным конструированием модели экологической реальности, которое опирается на отвлеченные принципы, на абстрактные схемы «оптимизации отношений в системе «общество — природа». В теории — это игнорирование данных экологии, генетики популяций, биоценологии, климатологии, социологии, социоестественной истории и постулирование ничем не подкрепленных суждений типа банального утверждения о противоречии между возросшим антропогенным воздействием на биосферу и ограниченностью ее компенсаторных возможностей. Отсюда необоснованно оптимистические сценарии будущего, а на практике — волюнтаризм и даже иногда авантюризм, нашедшие выражение в «проектах века»: поворот русла северных рек, строительство дамбы в акватории Финского залива и т. п.

Экологический пессимизм достаточно антиисторичен и, как следствие, догматичен, поскольку исключает достоверные прогнозы. В результате это направление становится разновидностью морализаторства на экологической почве, так как говорит о *должном* без всякой связи его с *сущим*, а потому должное не может стать действительностью, оставаясь лишь благим пожеланием.

На мой взгляд, социоестественная история является единственной альтернативой, причем исключительно продуктивной, утопическим и абстрактным предложениям в решении проблем взаимоотношения общества и природы, ибо исходит из конкретной практики природных событий и соответствующих им социокультурных последствий и корреляций. Так, например, (в аспекте заявленной в данной работе темы) социоестественные исследования Э. С. Кульпина раскрыли реальный процесс формирования систем ценностей разных этносов и в различных исторических обстоятельствах в зависимости от конкретных условий вмещающего ландшафта. Более того, ему удалось показать содержание и смыслы конкретных духовных ценностей, обусловленных особенностями экологической среды. Это значит, что реальное, практически обоснованное воздействие общества на процесс согласования стратегии культурного и природного развития возможно. И СЕИ — эффективное основание подобной возможности.

Э. М. Хакимов,
Татарский государственный гуманитарно-
педагогический университет, Казань

Принципы эволюции социоприродных систем

Отношения человеческого общества и природы представляют собой сложную, эволюционирующую в пространстве и времени систему. Траектория эволюции этой системы начинается в глубинах тысячелетий, она запутана, временами кажется прерванной, но возникает как птица феникс на новом уровне организации и продолжает дальнейшее движение, преобразуясь и изменяясь. Этот путь, как эволюцию цивилизации, связанную своей пуповиной с породившей ее природой, изучает комплекс наук — история, археология, биология, социология и ряд других. При этом каждая наука использует свои методы и свой язык. Наряду с ними этой сложной проблемой занимаются системный анализ, синергетика, моделирование, использующие междисциплинарные общенаучные методы, а также философия. Общенаучный подход вычленяет из огромного количества факторов, связывающих общество и природу, наиболее существенные и важные для эволюции последних. Подобный подход закладывался еще работами В. Вернадского по биосфере, А. Богданова по тектогенезу, Л. Гумилева по этногенезу и др. Эволюция человеческого общества при этом связывается с живой оболочкой планеты, с изменением климатических условий и с появлением в истории человечества особых личностей — пассионариев, являющихся катализаторами развития структурной организации общества, ускоряя и замедляя развитие его производительных и других сил. Все многообразие факторов, определяющих взаимоотношения природы и человека, в границах системной методологии можно обобщить в виде «скелета» взаимодействующих факторов, направляющих эволюцию по определенному руслу и объясняющих особенности структурной организации развивающихся систем. Термин «устойчивое развитие» не отражает системную природу эволюции сложных систем. В устойчивости всегда таится неустойчивость, а в последней находится рациональное зерно устойчивости. Диалектика устойчивости и неустойчивости позволяет снять завесу таинственности над проблемой взаимоотношения человека и природы. По своей природе эволюция систем имеет дискретно-непрерывный характер и связана с количественно-качественными преобразованиями систем на разных уровнях иерархии. Каковы же основные законы и прин-

ципы, определяющие дискретно-непрерывную эволюцию таких систем, как природа, общество и природа-общество? Попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на теорию иерархии¹.

1. Непрерывное развитие сложной системы ограничивается увеличением числа ее частей. Превышение числа частей выше определенного количества, которым система может управлять, сохраняя свою целостность, ведет к неустойчивости последней, которая выражается в частичной дезорганизации ее структурной организации, ослаблении функционирования и размывании границ ее целостности. В этой ситуации система становится слабой, теряет конкурентоспособность и становится жертвой.

2. Существуют два пути преодоления возникшей в процессе развития неустойчивости: А — путь с потерей целостности и разделением системы на ряд подсистем, более низкого уровня, между которыми развиваются конкурентные (поглощающие друг друга) и кооперативные (объединяющие друг с другом) отношения. В том и другом случае между подсистемами развиваются вероятностные отношения с зародышами причинно-следственных (детерминированных) отношений; Б — путь с порождением подобных себе систем, между которыми получают развитие вероятностные отношения на основании конкуренции и кооперации. Здесь также присутствуют зародыши детерминированных отношений. Дальнейший путь развития сопровождается преобразованием собственной целостности в часть системы более высокого уровня организации. Следствием подобного преодоления неустойчивости является закономерная смена периода детерминированных отношений определенного этапа развития на период вероятностных (хаотичных) отношений, с построением нового этапа следственно-причинных (детерминированных) отношений. Наблюдается смена состояний, соответствующая закону отрицания отрицания. В плане эволюции социоприродных систем это можно рассматривать как закономерную смену устойчивых состояний сложных систем кризисными состояниями, которые являются также необходимым условием эволюции и завершаются выходом из кризиса. Диалектика причинно-следственных (детерминированных) и вероятностных (хаотических) отношений и порождает иерархию природных и социально организованных систем.

Подобная дискретно-непрерывная эволюция систем ведет к общему росту неустойчивости развивающихся систем, так как каждый кризисный этап развития вносит в структурную организацию системы более высокого уровня свою лепту неустойчивости. Эволюционирующая система обречена увеличивать свою неустойчивость. Как же преодолевается это увели-

¹ Э. М. Хакимов Диалектика иерархии и неиерархии в философии и научном знании. Издательство ФЭН АН РТ. Казань, 2007.

чение неустойчивости? Эволюция и здесь нашла выход: рост неустойчивости усложняющихся систем компенсируется на основании ускорения и развития последних. Чем более высокого уровня организации достигает система в процессе своего развития, тем быстрее она должна функционировать и развиваться. Другим следствием подобного развития выступает стремление систем к расширению собственной структурной организации и среды обитания. Это тоже закон эволюции. Данные следствия компенсации растущей неустойчивости мы можем наблюдать на эволюционной лестнице самой природы и ступенях человеческой цивилизации.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Э. С. Кульпин,
Институт востоковедения РАН,
МФТИ, ж. «История и современность»

Евразия на перекрестке трех дорог

В XXI в. четко обозначились три мир-системы. Это — США, с их ныне недостижимым для других экономическим и научным потенциалом, Китай, громадное и политически эффективно организованное население которого позволило стране стать всемирной мастерской, и, наконец, рождающаяся в муках объединенная Европа, сочетающая в себе достоинства США и Китая. Остальные страны находятся в процессе выбора своего места в каком-нибудь из трех миров¹.

Ключевые слова: аттрактор, глобализация, модернизация, экология, ментальность, мир-системы.

Кто мы — евразийцы?

Глобализированная *Планета* в статике состоит из трех миров, различающихся по критерию цивилизационной идентичности и однопорядковых по численности населения и территории: США (новая цивилизационная общность), Китай и Европа. В динамике — это три воронки, три аттрактора, медленно, но неуклонно втягивающие в себя остальные страны Пла-

¹ Исключение составляет Индия — претендент на формирование в будущем четвертого мира. Исключительность Индии определяется не только огромным человеческим потенциалом, но и уникальными природными возможностями, позволяющими как в настоящее время, так и в ближайшем будущем прокормить свое растущее население (пахотные земли Индии в два с половиной раза превышают таковые в Китае, при круглогодичном вегетационном периоде). К тому же Индия практически не имеет угроз, связанных с глобальным потеплением: главная из них — опасность аридизации — Индии не грозит, поскольку испаряемая влага Индийского океана, останавливаемая семикилометровым высотным щитом Гималаев и выпадающая в виде осадков на Индо-Гангской равнине, остается гарантией ее устойчивых урожаев. Избавлена она и от необходимости, в отличие от нашей страны, тратить 40 % коммерческой энергии на отопление жилищ.

неты. В перспективе сомнительно сохранение идентичности и актуальна проблема осознанного выбора.

На вопрос: кто нам ближе ментально, культурно, духовно — американцы, европейцы или китайцы, однозначно ответить невозможно. Идея мессианства и интернационального общества, с которой идентифицируют себя США, имеет глубокие корни и в прошлом нашей страны. С Китаем нас сближает примат государства над личностью [см. Кульпин 1995; 2008а; 2008б]. С Европой — давние связи и процесс вестернизации Российской империи. Над нами довлеет прецедент петровской модернизации, успешность которой в устоявшемся общественном мнении неправомерно, но неразрывно связана с вестернизацией страны. Согласно этой убежденности все наши беды оттого, что наше общество до сих пор не сформировало, не приняло в целостном виде буржуазные этические ценности.

Но даже в случае с Европой разделяющие нас и европейцев ценности подобны бездонной пропасти. Однако на примере Китая, Японии, Юго-Восточной Азии мы наблюдаем сегодня, что развитие может идти и при условии сохранения системы основных традиционных ценностей цивилизации путем заимствования лишь некоторых элементов культуры иной цивилизации. Такого же рода примеры мы можем увидеть и в нашей истории².

Кто мы — евразийцы? По основополагающим критериям мы — не европейцы. Если бы мы были европейцами, как декларирует элита и утверждает в социологических опросах большинство населения России, то мы должны были бы стремиться объединиться с Западной Европой, как в недавнем прошлом это сделали граждане стран Восточной Европы и прибалтийских республик СССР, однозначно решив эту дилемму. Причем до текущего глобального кризиса такое решение находило безоговорочную поддержку большинства населения этих стран, и не только представителей титульных наций, но тех, кого объединяли общим наименованием «русскоязычные». Ту же цель в свое время поставила перед собою украинская

² В итоге почти 15-летнего исследования [см. Кульпин, Клименко, Пантин, Смирнов, 2005], как личного, так и коллективного (в частности, в рамках четырех исследовательских проектов РФФИ и РГНФ) автор пришел к выводу, что Петр I открыл для России возможность развития, но, вопреки обыденному мнению, широко разделяемому и в научных кругах, — не по европейскому пути. Хотя в области техники, а затем и всей культуры Петр I «двинул» Россию в Европу, но в ментальной сфере возвел непреодолимые преграды на этом пути. При нем завершилось сложение основных ценностей российской цивилизации как целостной идеальной конструкции, неосознанно, но императивно действующего цивилизационного культурного проекта. В этом проекте такие основополагающие ценности европейской цивилизации, как личность, свобода, солидарность, труд, эквивалент, частная собственность, закон, не нашли себе места в ряду главных ценностей российской цивилизации, а попытки их внедрения в ходе Великих реформ XIX в. завершились кровавой Гражданской войной, продолжавшейся в измененном виде вплоть до падения СССР.

элита и также нашла поддержку у большинства населения, правда с оговоркой: жители Украины, в большинстве своем, хотели бы войти в Европу без вхождения в НАТО, что в их понимании означало противостояние России. Не исключено, что такова же позиция и большинства граждан Белоруссии.

Европа готова принять в свои ряды далеко не любую из желающих этого стран. Не один десяток лет Турция безуспешно стучалась в полуоткрытые двери Евросоюза, пока, наконец, сегодня они решительно закрылись перед ней. Но страны Евразии — не бедны ресурсами, а пугало Европы — ислам здесь традиционно толерантен. Для многих европейцев, если не в сознании, то в подсознании перспектива расширения Европы от Атлантики до Тихого океана обладает притягательной силой. Главное — в другом: хотим ли *мы* стать частью Европы?

Конечно, процесс вхождения в объединенную Европу непрост, требует большой кропотливой рутинной работы поиска взаимоприемлемых компромиссов. Но если бы мы решились на вхождение в Европу, то не были бы первыми на этом пути. Проблема определения результирующей приобретений и потерь стояла перед всеми странами, вошедшими в ЕЭС, и решалась путем компромиссов, нахождение которых требовало усилий и времени. Но самое главное все же было в том, что цель ставилась и достигалась. В России вхождение в Европу и НАТО, по сути дела, не рассматривается и не ставится на обсуждение ни в правительственных кругах, ни в оппозиции. Нет попыток инициирования общенародной дискуссии и решения вопроса путем референдума, как это, по-видимому, будет на Украине. А ведь сама постановка практической задачи вхождения России в объединенную Европу стала бы одним из важнейших показателей предпочтений образованного общества и народа, реальным оселком для проверки не только нашей идентичности, но и желания ее изменить. А изменение в этом случае означает выход из состояния убийственного для следующих поколений самотека.

Сегодня Европа получает неоспоримые выгоды от ликвидации барьеров общения между странами. При правильной политике вхождения в объединенную Европу мы можем извлечь значительные выгоды для развития. Основные наши природные богатства сосредоточены в Казахстане и Сибири. Если мы не сможем освоить их самостоятельно, а вывод об этом в условиях стихийного самотека можно сделать практически однозначный, мы должны будем либо осваивать их совместно с Европой, либо «уступить» их США или Китаю [см. Кульпин, 2008а]. Исходя из истории и ментальности народов России, вариант совместного освоения евразийского пространства с Европой выглядит наиболее предпочтительным.

Иррациональный страх

Но если мы принципиально не хотим стать частью Европы, то что нас ждет при движении в фарватере США или Китая?

Китайцы с древнейших времен убеждены, что их страна — центр мира и в потенции объединитель всей Планеты. Срединное государство, окружено «варварами» до тех пор, пока те не осознали необходимости и предпочтительности добровольного вхождения в Поднебесную. Китай — сверхдержава во всей своей истории. Сверхдержава, открытая для всех стран, народов, представителей всех конфессий. Это единственная страна, в парламенте которой идет синхронный перевод с китайского на китайские языки для народов, вошедших в Китай, пользующихся общим письменным языком и сохранивших национальные устные. Присоединив часть глобализованного мира — Гонконг (на очереди Тайвань), Китай использует его как «черную дыру», через которую втягивает в себя экономику Планеты, осуществляя идею мирного (это следует специально подчеркнуть) объединения всей Земли, исходя из предпочтительности добровольного вхождения стран и народов в Поднебесную. Для вхождения в эту сверхдержаву никогда в прошлом не было ограничений ни национальных, ни расовых — достаточно приобщения к китайской культуре, весьма совершенной и утонченной, имеющей огромные потенции нахождения взаимоприемлемых социальных и политических компромиссов. Нельзя исключить возможность вхождения всех стран мира в Срединное государство уже в текущем столетии, поскольку только в китайской традиции были найдены ответы на многие вопросы, в частности, на экологические вызовы будущего [см. Кульпин, 1990]. Но наше образованное общество даже в состоянии крайней растерянности не может отказаться от своей культуры и ментальности в пользу китайских, как бы совершенны они ни были. На подсознательном уровне в нас сидит иррациональный страх перед страной, ментальность которой исключает насилие.

Для лидера Запада — США — нет сомнений, что успешная модернизация возможна только по его рецептам³, поскольку его путь развития — универсальный образец, и потому ни для кого нет иной возможности, кроме как принять за эталон образ жизни Соединенных Штатов и устранить

³ Как утверждает Виталий Куренной, заведующий кафедрой наук о культуре ГУ-ВШЭ, руководитель проекта «Русская интеллектуальная сеть» (Москва, Фонд «Центр политической философии», 10 февраля 2009 года www.politphilosophy.ru), трактовка теорий модернизации как «вершины» эволюционистских теорий — «прописная истина в современных российских университетских учебниках»: «Модернизация возникает как идеология победителей с Запада. Победившие державы Запада на пике своего успеха смотрели на остальной мир как на мир, который необходимо довести до уровня гражданского общества, до уровня демократии, существующей на Западе».

все не соответствующее ему. Индикатором данного положения дел является, в частности, процедура принятия гражданства США. Она не связана с национальными, расовыми или конфессиональными ограничениями, но сопряжена с официальным клятвенным отказом от защиты интересов родины — страны исхода эмигранта. Стать гражданином США нельзя иначе, как забыв (предав?) свою родину. В отличие от Китая США — закрытая страна, способная принять в себя не страны и народы, но отдельных индивидов, причем в чрезвычайно ограниченном количестве. Это означает, что в отличие от Китая США требуют следования за собой, добровольного ограничения суверенитета и, образно говоря, выполнения условий клана, но не позволяют вступать в сам клан. Следование за США приносит многим странам неоспоримые выгоды, но американская политика и высокомерие ее граждан подсознательно разделяют людей (и страны) на первосортных (США и их граждане) и второсортных (все остальные), что вызывает в разной степени отчуждение во всем мире от США.

На сегодня эталоны США в той или иной степени не соответствуют любая другая страна мира, но мир, тем не менее, развивается. На наших глазах ряд стран Восточной Азии осуществили модернизацию, без должной демократизации по лекалам Запада. Однако наше образованное общество убеждено, что этот опыт для нас не имеет ценности. Между нами де и европейцами, в отличие от жителей стран Азии, нет коренных различий, и мы, в общем и целом, движемся в русле западной цивилизации. И тот факт, что последствия следования советам консультантов Запада в целом и США, в частности, в 1990-е годы оставили у россиян тяжелые воспоминания, в расчет не принимается.

История не имеет сослагательного наклонения, и неизвестно с какими потерями общество могло бы осуществить переход к рынку и демократии от тоталитаризма, двигаясь по другой исторической траектории. Не исключено, что издержки могли бы быть много большими, неслучайно приносимые обществом жертвы воспринимались им как меньшее зло по сравнению с гражданской войной и утратой государственности. Однако в нашем обществе сохранилась обида на Запад, который не помог или плохо помог нам тогда, когда мы шли к нему с распростертыми объятиями, и вопрос «а могло ли быть иначе?» до сих пор актуален для нас, как и легитимизация возможности иного пути развития. Но как только заходит речь о «своих» рецептах развития, подавляющее большинство научного сообщества в принципе отвергает специфику, отличие России от Запада, подсознательно «свой», «особый» путь видится как продолжение негативов отвергнутого коммунистического прошлого. В сухом остатке разноречивых мнений остается одно общее положение: *модернизация невозможна*

без демократизации. При этом практически наложены негласные «табу» на вопросы: а могло ли наше общество в *целом* стать западным и насколько надо становиться демократическим ради модернизации?

Итак, при выборе одной из трех мир-систем путь вхождения в Европу виден на примере близких соседей, конкретен и не связан с отказом от собственной идентичности, как при вхождении в Китай, и от комплекса второсортности — как при тесном сближении с США, а для лидера Евразии — РФ только с преодолением собственной гордыни: «Москва — третий мир, а четвертому не быть». Эта максима возникла при возникновении Московского (Российского) государства в преддверии жесточайшего социально-экологического кризиса XVI в. и была путеводной звездой на протяжении пяти столетий. Но сомнительно, что она консолидирует российское общество, не говоря уже о других на пути модернизации. Если так, то можем ли мы действовать по примеру Китая, который на сегодня является чуть ли не единственной державой, полностью подходящей под определение суверенного национального территориального государства [подробнее см. Гринин 2008]. В силу огромности своего населения Китай может решить свои проблемы лишь самостоятельно, сосредоточившись на них, не изолируя себя от мира, не отворачиваясь от него, но считаясь с миром по остаточному принципу. Но можем ли мы действовать таким же образом?

Альтернатива стихийному самотеку

Очевидно: для того чтобы сохранить свое влияние в мире, мы должны прыгнуть выше головы — осуществить модернизацию. Причем в отличие от прежних, имевших место в нашей и других странах, не догоняющую, а опережающую. Для этого необходимо создать новые технологии седьмого поколения. Возможно ли такое при нашем нынешнем отставании даже в тех областях, где не так давно мы выступали с США на равных, как, например, в космосе?

Равные стартовые возможности имеются в тех областях, где никто еще не начал работать, а рассчитывать на опережение других возможно тогда, когда осознание необходимости осуществлять технологический прорыв на данном направлении еще не стало всеобщим. Такая ситуация возникает при решении проблем частного характера, которые стоят только перед данным обществом и неактуальны для других.

Опережающие технологии создаются в экстремальных условиях. Так, под угрозой поражения во Второй мировой войне Германия сумела создать новые (ракетные и ядерные) технологии, к счастью для мира не успев довести их до промышленной реализации.

Для создания новых технологий нужны технические предпосылки, целеустремленность руководства страны, а также единство политической элиты и населения. На текущий момент у нас нет ни того, ни другого, ни третьего, и вопрос в том, может ли быстро измениться ситуация, поскольку промедление смерти подобно.

Что нас ждет в ближайшие 20–40 лет? Во-первых, общемировой резерв суши — Сибирь и Дальний Восток — останется малонаселенным и по природно-климатическим условиям мало пригодным для жизни сколько-нибудь значительного населения. Нашествие мигрантов (а по некоторым оценкам, покинет места обитания треть населения Планеты) Сибири не грозит. Во-вторых, несмотря на разногласия мнений климатологов в вопросах прогнозов на столетие вперед, на ближайшие десятилетия все единодушно предсказывают продолжение процесса глобального потепления. Для Сибири и Дальнего Востока потепление имеет как позитивные, так и негативные последствия. Позитивна возможность введения в сельскохозяйственный оборот части земель, для этого ныне не пригодных. Негативно таяние вечной мерзлоты, появление на огромных территориях болот — источника метана, провоцирующего усиление влияния парникового эффекта и ускорение процесса глобального потепления.

Принимая как данность малонаселенность территории и таяние вечной мерзлоты, можно предположить, что обустройство Сибири потребует создания сети анклавных автономных факторий, необязательно стоящих на твердом грунте и связанных между собой коммуникациями, т. е. отличных от тех, которые создавались «от Адама» и до XX в. При этом создаваемая сеть должна быть достаточно плотной, равномерно охватывать всю территорию, поскольку только такой охват способен дать сплошное освоение, обеспечить контроль над процессом превращения вечной мерзлоты в болота и противодействовать неконтролируемому выходу метана в атмосферу.

Создание новых технологий только в названных областях потянет за собой шлейф других, и тогда главная задача будет состоять в сохранении за собой приоритета, что при правильном ведении дел дает при доведении до промышленного производства до 2/3 дивидендов странам-разработчикам новых технологий.

Исторический прецедент

Кроме Петровских, других примеров быстрых и эффективных реформ без гражданской войны и массового террора история России не знает. Тогда модернизация осуществлялась при ограничении прав народа на свобод-

ный выбор индивидуумом своей судьбы, путем введения страны во всеобщее крепостное состояние, принуждения к знаниям и технологической дисциплине, как дисциплине военной. Успеху реформ способствовали: а) солидарность общества с государством и эффективность «обратной» связи между обществом и государством; б) патерналистский и меритократический характер власти; в) принуждение управляющего социального слоя — дворянства к несению бремени главной и, что следует подчеркнуть, коллективной ответственности за преобразования; г) недопущение приватизации прав государства одной социальной группой общества и замкнутости правящей элиты. Характерной чертой эпохи стала максимальная социальная мобильность. Правящее сословие было открыто на вход и выход: критериями *входа* стали техническая компетентность и верность служения государственному делу. Школы и училища были открыты для представителей всех сословий. Каждый офицер приобретал потомственное дворянство, а каждый классный чиновник — личное, начиная с VIII класса — потомственное.

Тот факт, что именно в эпоху Петра I сложился культурный проект российской цивилизации [см. Кульпин, Клименко, Пантин, Смирнов, 2005], свидетельствует в пользу того, что опережающая модернизация по крайней мере теоретически возможна. Для ее реализации требуется обсуждение ряда проблем, выходящих за пределы данной статьи — политических, социальных, экологических. Общество и правящая элита не готовы к такому повороту событий. Поэтому пусковым механизмом процесса может быть только одно: безотлагательное политическое решение на самом высоком уровне.

* * *

Политическая воля при выборе дальнейшего пути развития должна быть в любом случае, кроме стихийного самотека. Любое решение не сулит обществу легкой жизни. При любом выборе не избежать явлений стихийного самотека, поиска взаимовыгодных решений в установлении принципов нового мирового порядка, согласования своих действий с действиями США, Китая и объединенной Европы. Но если попытаться выстроить иерархию предпочтений исходя из критерия уровня и качества жизни массы населения и относительной легкости использования недавнего опыта других стран и народов, то, безусловно, вхождение в Европу оказывается наиболее предпочтительным, остальные — полны неясностей при определении размера жертв духовных и материальных.

Литература:

- А.В. Антипова, Б.И. Кочуров, С.К. Костовска. Предвидение экологических ситуаций на базе прогноза исторического развития. // *Человек и природа: из прошлого в будущее. Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XXVII. М., 2006.
- А.Н. Бармин, И.Н. Волкова, А.В. Дроздов, Р.В. Кондрашин. О восприятии изменений, обусловленных опустыниванием. // *Человек и природа: «вызов» и «ответ»*. Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XXXII. М.: ИАЦ Энергия, 2008.
- Л.Е. Гринин. Глобализация и модели трансформации суверенности в западных и незападных странах. // *Человек и природа: «вызов» и «ответ»*. Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XXXII. М.: ИАЦ Энергия, 2008.
- Л.О. Карпачевский, Т.А. Зубкова, Ю.Н. Ашинов. Россия в экосистемах Запада и Востока. // *Природа и общество: Сибирь — судьба России. Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XXXI. М.: ИАЦ Энергия, 2007.
- С.К. Костовска. Интегральная оценка эколого-ресурсного потенциала регионов России. // *Человек и природа: «вызов» и «ответ»*. Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XXXII. М.: ИАЦ Энергия, 2008.
- Э.С. Кульпин. Предисловие. Будущее мира в прошлом Китая? — Сюй Дисинь. Экологические проблемы Китая. М.: Прогресс. 1990.
- Э.С. Кульпин. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. // *Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Вып. V. М.: Московский лицей, 1995. Второе издание: М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Э.С. Кульпин. Восточный ритм русской истории. // *Общественные науки и современность*, 2008, № 6
- Э.С. Кульпин. Россия и Китай: проблемы безопасности и сотрудничества в контексте глобальной борьбы за ресурсы. // *Полис*, № 6, (2008б).
- Э.С. Кульпин, В.И. Пантин. Решающий опыт. // *Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Вып. I. М.: Московский лицей, 1993.
- Э.С. Кульпин, В.В. Клименко, В.И. Пантин, Л.М. Смирнов. Эволюция российской ментальности. // *Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XXVI. М.: ИАЦ Энергия, 2005.
- Э.С. Кульпин, О.Н. Яницкий. Сибирь и Дальний Восток в глобализирующемся мире. // *Природа и общество: Сибирь — судьба России. Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»*. Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. XXXI. М.: ИАЦ Энергия, 2007.
- Новая газета. 2009. № 37, 10.04.
- В.О. Стульяпанку. Условия среды и их влияние на комфортность проживания населения. // *Человек и природа: «вызов» и «ответ»*. Серия «Социосущественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Э.С. Кульпина (соредактор выпуска О.Н. Яницкий). Вып. XXXII. М.: ИАЦ Энергия, 2008.
- Фоторобот российского обывателя. Часть 2. Реформы или стабильность. Новая газета № 40 (1358) 05.06–08.06. 2008.
- О.Н. Яницкий, Э.С. Кульпин Сибирь и Дальний Восток как фокус грядущей борьбы за мировое господство. // *Российская Федерация сегодня*, 2007, ноябрь, № 22.

И. Ю. Авдаков,
Институт востоковедения РАН

История развития железных дорог Азии и перспективы продления Транссибирской магистрали

Процесс глобализации, охвативший сегодня большинство стран мира, самым тесным образом связан с развитием международной транспортной инфраструктуры, и в первую очередь железных дорог, на долю которых приходится значительная часть наземных и грузопассажироперевозок. Железные дороги являются важным инструментом этих процессов. Одновременно высокие темпы интеграции международного сотрудничества заставляют искать все новые пути повышения эффективности, чтобы отвечать требованиям времени. Отсюда появление международных транспортных коридоров, магистральных и высокоскоростных дорог и других нововведений, опирающихся на последние достижения науки и техники. Использование в этих коридорах унифицированных форм оформления и прохождения государственных границ не только ускоряет доставку грузов и пассажиров, но и является важным шагом к постепенной интеграции национальных транспортных путей в единую международную систему.

Однако подобные процессы имеют свои особенности и протекают далеко не одинаково в разных странах и регионах.

Железные дороги наиболее бурно развивались в конце XIX — начале XX вв.: за 1880–1920 гг. протяженность железных дорог в мире выросла в 3,5 раза. Но уже в то время выделились два типа железнодорожного строительства — в развитых и колониально-зависимых странах. В первых железные дороги строились в целях оптимизации национального воспроизводства. Поэтому здесь создавались как национальные магистрали, так и вспомогательные ветки, покрывавшие всю территорию страны. Во вторых железные дороги создавались главным образом для поддержания связей с метрополией или мировым рынком. Линии здесь вели от портов в хинтерланд — для облегчения экспорта и импорта, внутренние районы же оказывались не связанными между собой, что сдерживало становление национального народнохозяйственного комплекса.

Вследствие этих разных подходов, а отчасти и большей площади азиатских государств, в межвоенный период обеспеченность железными дорогами (на 1 тыс. кв. км) в развитых странах оказалось в 11 раз выше, чем в колониально-зависимых. С началом же массового производства ав-

томобилей и строительства шоссе рост протяженности железных дорог в развитых странах практически прекратился. Более того, после Второй мировой войны начался их частичный демонтаж.

В колониально-зависимых странах в межвоенный период новое строительство продолжалось: за эти годы в Азии эксплуатационная длина железных дорог выросла почти на треть. Связано это было с несколькими причинами. Во-первых, в крупных странах, а в Азии их большинство (9), к этому времени не было еще завершено создание общенациональных магистралей, не говоря уже о вспомогательных линиях, поэтому их строительство продолжалось. Во-вторых, строительство шоссе шло крайне медленно, поэтому автомобильный транспорт играл ничтожную роль в грузообороте. В-третьих, в странах расширялось производство минерального сырья, направляющегося на экспорт. Железные дороги наиболее приспособлены для перевозки таких массовых габаритных грузов.

К середине 70-х гг., т. е. до топливно-энергетического кризиса, строительство железных дорог в мире практически прекратилось: оно продолжалось лишь в очень небольшом числе стран — Индии, Китае, Монголии, Турции. Видимо, этому способствовало несколько самых разнородных факторов — модернизация дорог, позволявшая резко повысить провозную способность; бурное развитие авиационного, автомобильного и трубопроводного транспорта, снимавшее часть нагрузки с железных дорог; структурная перестройка экономики, снижавшая в перевозках долю массовых габаритных грузов и, наконец, дешевизна нефти и нефтепродуктов.

Топливо-энергетический кризис существенно изменил ситуацию. Почти 10-кратное повышение цен на нефть и, соответственно, нефтепродукты привело к значительному повышению издержек в авиационном и автомобильном транспорте. В данных условиях наблюдалось оживление интереса к железным дорогам, так как транспортные издержки здесь оставались гораздо ниже. В развитых странах это оживление интереса выразилось в ускорении модернизации и изменении организационной структуры, позволявшие ускорить доставку и снизить издержки. В развивающихся странах активизация железных дорог давала возможность, с одной стороны, снизить импортные затраты за счет использования местных топлива и энергии, а с другой — снизить транспортные издержки в экономике. Поэтому число стран, ведущих новое железнодорожное строительство, заметно возрастает.

Следует отметить еще три обстоятельства. За годы независимого существования в азиатских странах произошло значительное изменение географии размещения производительных сил. Возникли новые экономические центры, зачастую расположенные вдали от проходящих национальных ма-

гистралей. Поскольку азиатские страны в среднем крупнее (по территории) европейских (10 азиатских стран превосходят по площади крупнейшую европейскую страну — Францию), то экономично связать эти центры с внутренним рынком можно было только с помощью железных дорог. Далее, в ходе индустриализации здесь изменился характер грузопотоков — выросла доля минерального сырья, металлов, стройматериалов и т. п., что также благоприятствовало расширению деятельности железных дорог.

Наконец, изменилась товарная номенклатура внешнеэкономических операций азиатских государств: ведущую роль в экспорте и импорте приобрели готовые изделия, продажная цена которых может абсорбировать более высокие транспортные издержки. К тому же ускорение транспортировки дает целый ряд преимуществ — большие возможности рыночного маневра, снижение банковских расходов. Поэтому идея осуществления внешнеторговых операций с помощью железнодорожного транспорта разделяется подавляющим большинством азиатских государств.

Вместе с тем изменение номенклатуры грузопотоков, с одной стороны, наличие в Азии четырех групп государств, чьи железные дороги соединены, с другой, позволяет ставить вопрос о создании евроазиатской магистрали и трансзиатских транспортных коридоров в практическую плоскость.

Среди региональных евроазиатских проектов международных коридоров значительный интерес представляет Северо-японский железнодорожный транспортный коридор.

В соответствии с этим проектом предлагается соединить сеть железнодорожных дорог Японии с общеевропейской сетью железных дорог через Россию по острову Сахалин первоначально через две паромные переправы Корсаков — Япония и Ванино — Холмск, а в перспективе через туннели под морскими проливами — Татарским проливом между материком и о. Сахалин и между о. Сахалин и Японией в районе п. Корсакова. Это создаст конкурентоспособный транспортный маршрут для бесперевалочных перевозок грузов между Японией и Европой. Бесперевалочное сообщение весьма привлекательно как для доставки тяжеловесных и крупногабаритных грузов, превышающих размеры контейнеров, но отвечающих международным габаритам железных дорог, так и для традиционных перевозок пакетных и тарно-штучных грузов в крытых железнодорожных вагонах, различных наливных грузов в железнодорожных цистернах¹.

Не вызывает сомнения и экономическая целесообразность и возможные маршруты железнодорожной магистрали Транскорея — Транссиб — Западная Европа.

¹ Журнал «Промышленная политика в Российской Федерации». 2001. № 2 (20). 2001. С. 53.

На мировых рынках транспортных услуг традиционно существует жесткая конкуренция между железнодорожными и мореходными компаниями. Реализация рассматриваемого нами проекта может привести к существенному перенацеливанию товарных потоков в пользу сухопутных маршрутов, пролегающих через территорию двух корейских государств и России, которые в условиях «холодной войны» и жесткой конфронтации на Корейском полуострове до недавнего времени были оттеснены на периферию мирового транспортного бизнеса.

Факторы, обуславливающие заинтересованность представителей Корейского полуострова в осуществлении плана Трансевразийской железной дороги, уже затрагивались. Не менее привлекательным этот проект представляется и в глазах россиян. Вот некоторые из соображений, которые приводят в этой связи российские эксперты.

За период с середины 80-х по конец 90-х годов имело место резкое сокращение объема экспортных и транзитных грузов, перевозимых по Транссибу (с 4,5 до примерно 1,3 млн т).

Причинами такого снижения стали как внутренние трудности, связанные с сокращением существовавших экономических связей Дальневосточных регионов России с остальными частями страны и со странами СНГ, с сокращением экспорта, так и внешние факторы. В их числе необходимо выделить прежде всего мощное давление судоходных компаний на перевозку грузов из районов Восточной и Юго-Восточной Азии в Европу.

Экспедиторские компании, большей частью созданные или связанные с судоходными компаниями, сознательно завышают стоимость транспортных услуг при перевозках товаров через территорию России. Так, например, южнокорейские и японские экспедиторские фирмы установили цену за доставку 20-футового контейнера из Пусана (Южная Корея) и Иокогамы (Япония) в Находку в размере 1050 дол., тогда как реальная стоимость составляет 280 дол., включая все портовые расходы, разгрузку и складирование в порту Находка.

Помимо этого, те же экспедиторские фирмы установили цену за перевозки по российским железным дорогам 13 центов за 1 км, тогда как МПС РФ взимает с них всего 3 цента/км. В результате получается, что в настоящее время перевозить 20-футовый контейнер из Кореи или Японии до Бреста дороже на 700 дол., чем морским путем (соответственно 2700 и 2000 дол.), а если до Амстердама, то разница получается в 1500 дол. (соответственно 3000 и 1550 долл.), хотя реально возможно перевезти его за 1000 с небольшим долларов и не за 36 дней, как сейчас, и не за 45 дней морским путем, а за 16–17 дней. Экспедиторские фирмы включают в стоимость доставки грузов стоимость контейнера (700 долл.), мотивируя это тем, что при малом количестве контейнеров, отправляемых по российским

железным дорогам, экономически невыгодно заниматься их сбором и отправкой отправителями грузов².

При сохранении нынешней комбинированной системы перевозок морем до Находки, а затем по железной дороге через Россию вряд ли появится шанс потеснить позиции судоходных компаний и их экспедиторских фирм на перевозках грузов из Восточной и Юго-Восточной Азии в Европу.

Поэтому единственная возможность скорректировать существующую ситуацию, загрузить Транссиб, включая БАМ — исключить морскую составляющую на пути от Пусана до Находки или Владивостока. Это станет реальным, если продлить Транссиб до Пусана, т. е. через весь Корейский полуостров.

При открытии железнодорожного сообщения между станцией Хасан Дальневосточной железной дороги и станцией Пусан на юге Кореи, появится возможность поручить экспедиторские функции по перевозке груза по этому маршруту новой структуре, не связанной с существующими ныне экспедиторскими фирмами, например, создать совместное российско-корейское экспедиторское предприятие. Тогда наверняка удастся поколебать монополистические позиции судоходного лобби. Расчеты показывают, что стоимость перевозки 20-футового контейнера от ст. Хасан ДВЖД по железной дороге через территорию КНДР до порта Пусан составит всего около 200 дол. вместо нынешних 1050 дол. при морской перевозке.

Вместе с тем открытие движения через весь Корейский полуостров позволило бы обеспечить регулярное отправление контейнерного поезда из Пусана в Европу, что могло бы помочь в привлечении новых клиентов, переориентации агентов, ныне работающих с другими экспедиционными фирмами. Кроме того, наличие регулярного движения специализированного контейнерного поезда облегчает и работу по возврату контейнеров в пункты отправления, что также удешевляет стоимость доставки грузов.

Доставка грузов по железной дороге в РК значительно повысила бы конкурентоспособность наших товаров на ее рынках. Это особенно касается товаров объемных и тяжеловесных. Например, в настоящее время доставка тонны угля из Восточной Сибири в Южную Корею составляет 20–25 дол., а если бы перевозка осуществлялась полностью по железной дороге, то стоимость перевозки составила бы только 10–12 дол. соответственно, можно было бы увеличить цену за уголь на 8–10 дол. за тонну.

По прогнозам, при открытии сквозного железнодорожного сообщения через Корейский полуостров количество контейнеров, перевозимых из Пусана через территорию России, могло бы составить порядка 220–240 тыс. в год, что принесло бы прибыль только Северной Корее в размере около

² Железные дороги стран Азии. — М., Институт востоковедения РАН, 2004. С.110–115.

40–50 млн дол. ежегодно лишь за счет транзита груза, не говоря уже о дополнительных рабочих местах и поступлениях в виде налогов и т. д.

При этом имеется в виду, что количество японских грузов составит около 100 тыс., а корейских — 130 тыс. 20-футовых контейнеров. Эти цифры основаны на том, что Япония в 1985 г. перевела через Транссиб в Европу 12 % общего объема грузов в торговле с европейскими странами. Сейчас Япония перевозит через Транссиб менее 5 % своих грузов в торговле с Европой, что составляет около 40 тыс. контейнеров в год. Поэтому вполне возможен рост объема японских перевозок через Транссиб до 12 % всего объема товарооборота с Европой. Южная Корея перевозит через Транссиб в год около 26 тыс. контейнеров, что составляет также около 5 % всего объема ее товарооборота с Европой. При вышеотмеченных ценах на перевозки сухопутным путем возможно доведение объема южнокорейских грузов до 25 % ее товарооборота с Европой.

Прогнозы на 2010 г. показывают вероятность увеличения количества контейнеров, перевозимых по этому маршруту, до 400 тыс. 20-футовых контейнеров.

В случае если, как это предполагает южнокорейская сторона, тариф перевозок грузов по маршруту в пределах Кореи составит не более 13 центов за 1 км перемещения 20-футового контейнера (для примера, сейчас на морской перевозке между Пусаном и Находкой тариф составляет 20 центов за 1 км) и если даже МПС РФ откажется от нынешней демпинговой цены перевозки грузов по Транссибу (3 цента за 1 км) и увеличит ее в два раза, все равно стоимость железнодорожной перевозки будет ниже стоимости морской перевозки. К тому же постепенное повышение цен на нефть не позволит долго удерживать нынешние демпинговые цены на морских маршрутах.

Столь очевидная экономическая привлекательность проекта Трансевразийской железной дороги пробудила к ней интерес и в ряде других азиатских государств, прежде всего в Китае, Монголии, центральноазиатских странах СНГ. РК, начав переговорный процесс с Пхеньяном, имея в виду внушительный объем двусторонней торговли с КНР (в 2000 г. он составил 30 млрд дол.), первоначально последовательно выступала за первоочередное строительство «китайского маршрута» Сеул — Синийджу³.

Данные обстоятельства обусловили появление на свет четырех основных вариантов прокладки рассматриваемой нами железной дороги, ставших предметом широкого обсуждения экспертов заинтересованных государств.

³ Синийджу — пограничный город КНДР на берегу реки Амноккан (по-китайски — Ялуцзянь), на противоположном берегу которой расположен китайский город Даньдун.

1. Через пограничный переход на границе России с КНДР — Хасан-Туманган. Это направление следования грузов является наиболее выгодным для России, поскольку имеет наибольшую протяженность по ее железным дорогам (10 566 км — до станции Брест и 10 295 км — до станции Бусловская). Общая протяженность маршрута от Сеула до станции Брест — 11 386 км, до Бусловской — 11 115 км. Маршрут имеет 2 пересечения границы и 1 изменение ширины колеи.

2. Через Китай (Сеул — Синьдзю) с выходом на железные дороги России через пограничные переходы на российско-китайской границе Забайкальск — Маньчжурия и Гродеково — Суйфынхэ. При этом протяженность маршрута от Сеула до Бреста через станцию Забайкальск — 9 775 км, до Бусловской — 9 504 км, через станцию Гродеково соответственно 12 117 км и 11 846 км. Маршруты имеют 3 пересечения границы и 1 смену ширины колеи.

3. Через Китай, Монголию с выходом на железные дороги России через пограничный переход на российско-монгольской границе Наушки — Сухэ-Батор. Протяженность маршрута от Сеула до Бреста составляет 10 458 км, до Бусловской — 10 187 км. Маршрут имеет 4 пересечения границы и 1 смену ширины колеи.

4. Через Китай, Казахстан с выходом на железные дороги России через станцию Петропавловск на российско-казахстанской границе. Протяженность маршрута от Сеула до Бреста — 10 617 км, до Бусловской — 10 346 км. Маршрут имеет 4 пересечения границы и 1 смену ширины колеи.

Маршрут через станцию Хасан, несмотря на большую протяженность по сравнению с другими сухопутными маршрутами, имеет ряд преимуществ:

- на расстоянии, превышающем 10 тыс. км, нет пересечения границ;
- лучшая техническая оснащенность Транссибирской магистрали (двухпутная, почти на всем пути электрифицированная, на всем пути оборудована автоблокировкой и электрической централизацией стрелок; на всем протяжении проложен магистральный кабель связи; масса поездов, пропускаемых по магистрали, — 4000–8000 т; работают мощные 8- и 12-осные электровозы, позволяет осуществлять перевозки маршрутных контейнерных поездов со скоростью 120 км/ч);

- при перевозках обеспечиваются полная сохранность грузов и информационное обеспечение о перемещении груза;

- возможные сроки доставки контейнеров от Сеула до станции Брест составляют 13,7–14,0 суток, до станции Бусловская — 13,4–13,7 суток (при обеспечении средней участковой скорости 37,2 км/ч).

В настоящее время МПС России обеспечивает прохождение ускоренного контейнерного поезда от Находки до Бреста за 12,1 суток, от Находки до Бусловской — за 11,7 суток.

Данный маршрут целесообразней было бы использовать для пропуска транзитных контейнеров, перегрузка которых на пограничной станции Хасан может осуществляться достаточно быстро.

Такой подход встречает понимание и в Пхеньяне. Дело в том, что торговля России с КНДР характеризуется незначительными объемами с существенными колебаниями по годам: от 56 до 105 млн долл.

В настоящее время перевозки между Россией и КНДР осуществляются через станцию Хасан. В 1998 г. объемы перевозок через станцию составили 115,7 тыс. т в экспорте и 0,5 тыс. т в импорте, в 1999 г. — 230 тыс. т в экспорте. В импортном направлении перевозки не осуществлялись.

В лучшие времена, в конце 80-х — начале 90-х годов через станцию Хасан экспорт СССР в КНДР составлял более 3 млн т, импорт — 0,2–0,4 млн т. Советский Союз в те годы использовал корейский порт Раджин, к которому была проложена широкая колея, для обеспечения своих экспортно-импортных перевозок, которые составляли 0,2–0,3 млн т. Корейский транзит через Хасан в сообщении с европейскими странами в 1998 г. составлял 0,1 млн т. В современных условиях нового этапа политических отношений между РФ и КНДР следует ожидать и роста торгово-экономического сотрудничества. Однако рассчитывать на быстрое восстановление прежних объемов товарооборота, принимая во внимание не самые радужные экономические реалии, существующие в обеих странах, видимо, не приходится.

Вместе с тем Северная Корея заинтересована в развитии транзитных перевозок по своей территории, и для нее, как для любой транзитной страны, предпочтительным представляется более длинный маршрут следования грузов по своей территории. В этом отношении направление на пограничную станцию Синьиджу на границе с Китаем является менее выгодным для Кореи.

Имеются и другие интересные проекты продления Транссибирской магистрали. Очевидно, они будут объектом особого рассмотрения на саммите Тихоокеанского форума, который состоится в 2012 г. в России. От степени развитости железнодорожных магистралей, транспортных коридоров и эффективности их функционирования может зависеть судьба не только отдельных стран, но и целых регионов. Транспорт и транспортные магистрали России, занимающей уникальное положение на геополитической карте Евразии, могут дать стране исторический шанс вписаться в процесс глобализации и интеграции. Российский транспорт может стать главным связующим звеном в торговле между растущими региональными экономическими блоками АТЭС, ШОС, ЕС, НАФТА, ЕврАзЭС и др. и в этом смысле стать необходимым катализатором процесса глобализации.

Igor Y. Avdakov, Ph. D. (economics)

lead research associate, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences

The History of Asia's Railroads. Development and Prospects for Extending Transsiberian Long-distance Line

(summary)

The development of railroads had been explicitly thriving in the end of XIX — early XX centuries: for the years of 1880–1920 the stretch of the railroads worldwide had increased in 3,5 times. However, it was the time when two types of railroad building emerged — in the developed and colonial-dependent countries. In the first case the railroads were being built for the purpose of national reproduction. That was the reason why here there were created both national main lines as well as additional railroad branches, covering all territory of a country. In the second case the railroads were mainly built for maintaining liaison with metropolitan country or world markets. The lines here were stretched from sea ports to hinterland — to facilitate exports and imports, as for the rural areas they appeared to be not connected by railroads in between themselves, which represented hindrance to the development of national economic complex.

Due to these two different approaches and partly due to large square area of the Asian states, the availability of railroads in the developed countries (as per 1 thousand square kilometers) appeared to be 11 times higher than in colonial-dependent countries in the period between two World Wars. Starting from car manufacturing en masse and building of motor highways the increase in the stretch of railroads in the developed countries practically ended. Moreover, after the Second World War, there started to be partly disassembled.

In the colonial-dependent countries during the midwar period the construction of new railroads was continued: for those years the length of track in use of the railroads in Asia had been increased almost up to 1/3. It was related to several reasons. First, in larger countries — in Asia there is a majority of them (9) — by that time the creation of all-national long-distance line had not been completed yet, let alone the additional branch lines, that is why their construction continued. Second, the building of the motor highways was extremely slow, that was the reason why the automobile transport played a tiny role in the cargo turn-over. Third, in the countries there was being enlarged

the extracting of mineral raw material being shipped to exports. The railroads are mostly equipped for transshipping of such mass bulk cargoes.

By the mid -70s, i. e. before the world fuel and energy crisis, the construction of railroads worldwide practically stopped: it was continued only in a small number of countries: India, China, Mongolia, Turkey. Evidently this was promoted by several most divergent factors — modernization of railroads enabling to sharply increase actual carrying capacity; thriving development of aviation, automobile and pipe-line transport; structural transformation of the economy, which was reducing the mass bulk cargoes' share in transportation service and, finally, the cheap oil and oil products.

The fuel and energy crisis sufficiently changed the situation. Almost 10-times increase in oil prices and, accordingly, in oil products led to significant increase of costs in aviation and automobile transportation. Under these conditions there was observed the reviving of interest to the railroads as the transportation costs here remained considerably lower. In the developed countries this revival of interest took shape in speeding up of modernization and change in organizational structure which enabled to expedite the delivery and lower the costs. In the developing countries the active role of the railroads provided possibility to, from one hand, lower imports expenditures for the account of use of domestic fuel and energy but from the other hand, — lower the transportation costs in the economy. That is why the number of states, conducting new railroads' construction has been noticeably increasing.

The process of globalization which today engulfed the majority of world countries, is most closely related to the development of international transportation infrastructure and, in the first turn, of rail roads, which have the significant portion of land cargo- and passenger transportation service. The railroads are the important instrument of these processes. Simultaneously the high tempos of the international cooperation integration force to search for the all the new ways of upgrading the efficiency with the aim to satisfy the time demands. Starting from this fact there is observed the appearing of international transportation corridors, long-distance line's and high speed roads and of other innovations based on the recent science and technology achievements. The use in these corridors of unified forms of customs clearance and passing through the state borders not only expedites the cargos and passengers delivery but it is an important step to gradual integration of national transport ways of the developed and developing countries into the single international system.

The Transsiberian long-distance line is one of the largest railroad transportation corridor of the international significance throughout the world, which was built in early XXth century. In a hundred years' period of effective functioning of this long-distance line for the entire economy of Russia there

was raised the urgent question of the extending of this line. The matter is about construction, first of all, of separate links of Transkorean railroad and its connection with Transsib in the area of Khasan-Tumangan, as well as of construction of the bridges and tunnels over and under the sea straits — Tatarsky strait (between the mainland and Sakhalin island) and Laperusa strait (between the Sakhalin island and Japanese island of Hokkaido). The necessity of extending of Transsib is being explained by several reasons. At first, the cargo turn-over between the countries of Asia and Europe has been sharply increasing, but sea transportation shipments which have the main portion of shipping have their limitation. Secondly, in the end of XXth — early XXIst centuries the construction of international railroad long-distance lines bypassing Russia has started, and the connecting of Transsib (with the due condition of its further modernizing) to Transkor and to the Japanese Railroads can ensure the competitive transportation of the bigger part of exports of products being shipped from South Korea to Japan and Europe in the territory of this country. Therefore, Russia can become the important interconnecting link in the foreign trade between the Asia regional economic centers and Europe. Thirdly, the deliveries from Russia of non-transshipping larger-size or heavy-weight cargoes (for example, of coal from Eastern Siberia to South Korea) unarguably would be the most economical while being shipped on the Transib-Transkor railroad. And fourthly, the exports to the CIS markets of such products as cars, household appliances and equipment and computer and information equipment represent the certain interest for Japan and South Korea. The delivery of such cargoes to the CIS countries is the most profitable while being shipped in containers on the Transsib. Hence many Asian countries, besides Russia, are interested in its extending.

А. А. Бурханов,
ТГГПУ, Казань

Золотоордынские города бассейна Сырдарьи¹

(к проблеме изучения контактных зон и историко-культурных связей в Средневековье)

В XIII–XIV вв. территория современного Южного Казахстана входила в состав Кок-Орды, являющейся составной частью Улуса Джучи. До завоеваний войск Чингизхана в бассейнах рек Сырдарьи, Таласа, Чу и их притоков существовали богатые и процветающие городские центры с развитым ремеслом и международной торговлей. В ходе монгольского завоевания многие из них были разрушены, а жители частично уничтожены и угнаны в рабство. Проезжающие через эти территории путешественники, в частности Плано Карпини, увидели множество опустошенных руин былых городов и поселений².

Обширные районы юга современного Казахстана были превращены первоначально в пастбища для бесчисленного скота. Однако постепенно к концу XIII в. положение заметно меняется под давлением объективных причин политического и экономического развития Улуса Джучи. Происходит быстрое восстановление городов и жизни в них под влиянием роста ремесленного производства, развития международных контактов и связей и в связи с этим функционирования караванных торговых путей между Востоком и Западом. Расцвет городской жизни, как и во всем Улусе Джучи, приходится на первую половину XIV в. Характерно, что в рассматриваемом регионе оседлые центры возрождались в основном на месте старых разрушенных городов. Основной зоной расположения городских центров Кок-Орды являлся бассейн Сырдарьи³. Остановимся на характеристике основных городских центров Южного Казахстана золотоордынского времени.

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 09–01–29105а/В/ РГНФ–2009.

² Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1957, с. 72; Л. Б. Ерзакович. О позднесредневековом городище Аснара//Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 96; К. М. Байпаков. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998, с. 56–57; Его же. Древний и средневековый Отрар//Города Туркестана. Алматы, 1999, с. 40–41.

³ А. А. Бурханов. К проблеме изучения контактных зон и историко-культурных связей в древности и Средневековье (Сырдарьинско-Амударьинский бассейн Центральной Азии и Волго-Уральский регион — рестрансляторы культурно-экономических традиций Евразии//Человек и природа: противостояние и гармония. Социоестественная история. Выпуск XXIX. М., 2007 с. 100–101.

Отрар. Остатки городища находится в 15 км западнее железнодорожной станции Тимур Чимкентской области Республики Казахстан, неподалеку от места впадения Арыси в Сырдарью. Именно Отрар в Средние века занимал особое место в регионе, в котором находится нынешний Южный Казахстан, и был столицей территории, известной как «Отарский оазис» (его древнее название — «Округ Фараб» или «Отрар»)⁴. С запада оазис ограничен Кызылкумами, простирающимися между Сырдарьей и Амударьей. Часть территории правобережья — плоская (слегка волнистая поверхность) — заканчивается у горного хребта Каратау.

Сырдарья и его притоки занимали в жизни Отрара и всего оазиса особое место: для населения она была кормилицей, ибо ее воды были богаты рыбой, а берега растительностью, но река создавала трудности непостоянством водного режима: весной выходила из берегов, затопляла большие территории. Она же определяла и очень выгодное стратегическое положение округа Фараб в Южном Казахстане. Неслучайно Отрар упоминается почти во всех географических и исторических сочинениях средневековых авторов. Называют его источники и в числе городов округа Испиджаба («Сайрама»). Говорится даже о существовании нескольких Отраров. Однако Отрар был один: город стоял на стыке различных географических ландшафтов и месте пересечения торгово-караванных путей. Это был и центр земледельческого района, и один из опорных крепостей кочевников. От Отрара до Арыси шли дороги к Таразу, Баласагуну и далее — в Восточный Туркестан; по Сырдарье вверх издревле проторенный путь вел в Шаш, Согд и потом — к Мерву и Нишапуру; вниз дорога направлялась в Приуралье и на Урал; на Запад через Кызылкумы шел в Хорезм, а оттуда — в Поволжье, Причерноморье и на Кавказ⁵.

А. Н. Археолог Бернштам так определяет статус средневекового Отрара: «Трудно найти в Средней Азии более выгодное и более опасное

⁴ Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998, с. 47–61; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985, с. 130; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 115–122; Байпаков К., Ерзакович Л. Керамика средневекового Отрара. Алматы, 1990.

⁵ Бурханов А. А. К проблеме изучения контактных зон и историко-культурных связей в древности и средневековье... М., 2007. с. 97–114; Бурханов А. А. Лебап от кушан до саманидов//Ирано-Славика, М., 2006, №3-4 (12), с. 51–58; Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР)//Труды ЮТАКЭ. Т. 13. Ашхабад, 1966; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973; Федоров-Давыдов Г. А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды//Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. С. 38–59.

положение»⁶. Действительно, это сулило не только блага. Стихия и войны разрушили цветущий город, на его месте остались лишь развалины былых сооружений. Каждый холм, на месте былых поселений, имеет свое название: Алтынтобе, Джалпактобе, Куюк-Мардан и другие уже старые названия их забыты.

На месте Куйрыктобе находился город Кедер, а городищу Оксус соответствует город Весидж. Местные предания связывают современные названия с теми функциями, которые бывшие города округа выполняли по отношению к Отрару. Так, Алтынтобе («Золотой холм») — здесь жили ювелиры, Пчакчитобе («Холм-нож») — поселение оружейников, Куйрыктобе («холм в виде задней части барана») — место обитания мясников.

Развалины Отрара всегда притягивали к себе странников и любителей прошлого как место, где хранятся сокровища древних царей, клады монет и драгоценностей.

Первые археологические работы на Отраре провели члены Туркестанского кружка любителей археологии А. К. Кларе А. А. и Черкасов в 1904 г. Ими была собрана коллекция керамики, кирпичей и медных монет. После этого Отрар долгое время оставался на стороне от маршрутов исследователей, и лишь в конце 40-х годов XX в. А. Н. Бернштам провел рекогносцировочные исследования. На основании полученных материалов исследователь предложил хронологию городищ и сделал предварительную классификацию керамики. Однако, даже эти разведработы показали перспективность Отрара как объекта для изучения многих проблем древней и средневековой истории Средней Азии и Южного Казахстана⁷.

В 1969 г. была организована Отрарская археологическая экспедиция (с 1971 г. Южно-Казахстанская комплексная экспедиция АН КазССР), основным объектом исследований которой стало городище Отрартобе. Здесь были произведены инструментальная съемка плана и аэрофотосъемка городища, проводились ежегодно стационарные раскопки.

Изучение топографии Отрара показало, что облик городища характерен для большинства средневековых памятников Казахстана и Средней Азии.

Центральные развалины представляют собой пятиугольный холм высотой 18 м, площадью 20 га. Стороны: южная — 380 м., юго-западная — 145 м, западная 400 м, северо-восточная — 380 м, восточная — 350 м. По периметру холм окружен стеной, которая и сейчас сохранила на некоторых участках крутизну в 75–80 °. На ней имелись башни: они выглядят как выступающие

⁶ Бернштам А. Н. Древний Ортрар. // Изв. АН Каз.ССР. Серия археолог. 1951, №108, вып. 3. С. 81–97.

⁷ Бернштам А. Н. Проблема древней истории и этногенеза Южного Казахстана. // Изв. АН Каз.ССР. Серия археолог. 1949; 67, вып. 2, с. 59–99.

за линию стены оплывшие бугры округлой формы. За стеной виден ров в виде лощины с покатыми краями глубиной 2–3 м и шириной 10–15 м. В город вели три въезда: два расположены один напротив другого в юго-и северо-восточных стенах, третий — в середине западной стены. Центральная улица соединяет южный (главный) въезд с северным и делит городище на две неравные части. Улица имеет вид ложбины шириной 5–8 м. От нее отходят многочисленные переулки и тупики.

Топография Отрара сложилась в основных чертах к XIII–XVIII вв., поэтому цитадель сейчас не выделяется, и лишь помощью дешифровки аэрофотоснимков удалось выделить ее контур. Цитадель находилась в центре бугра, имела подтреугольную форму со сторонами 220, 230 и 220 м. Темная полоса вокруг может быть понята как древний ров.

К холму, занятому цитаделью и шахристаном, примыкает территория укрепленного рабада площадью 150 га. Стены вокруг рабада сохранились лишь на отдельных участках. Рабад занят остатками построек, группирующихся в бугры различной конфигурации⁸.

Возникновение населенного пункта на месте Отрара относится к первым векам нашей эры, т. е. задолго до нач. IX в., когда впервые в письменных источниках упоминаются названия «Отрар» и «Фараб». Период X–XII в. был временем подъема городской жизни в Средней Азии и в бассейне Сырдарьи, в том числе в Отраре⁹. Возникали новые города, росли и развивались старые.

Расширение площади городов шло за счет рабадов — торгово-ремесленных предместий. Отрар в это время занимал 200 га. В городе строились жилые, общественные и культовые сооружения, развиваются ремесла и торговля.

Расцвет Отрара прервало монгольское нашествие как раз вскоре после того, как он вошел в состав государства хорезмшахов. В 1218 г. Чингизхан отправил в Отрар, ко двору хорезмшаха Мухаммеда торговый караван, который по прибытии был разграблен: таков был приказ Мухаммеда наместнику города — известному кыпчакскому полководцу Инальчик Кайрхану (языческое имя Яган-тугди — «Слон явился»).

Осенью 1919 г. войско Чингизхана подошло к стенам Отрара. Еще до их появления в Ургенче состоялся военный совет, где предлагалось дать генеральное сражение монголам. Однако хорезмшах Мухам-

⁸ Акишев К.А., Байпаков К.М. Древний Ортрар: топография, стратиграфия, перспективы. Алма-Ата, 1972. С. 43–50.

⁹ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 161–162; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. С. 52–53.

мед избрал другой путь: он рассредоточил войска по гарнизонам городов, предоставив полководцам биться поодиночке.

Несмотря на героическое сопротивление, участь Отрара и других городов была решена. Город подвергся разрушениям, а население изгнано. Волной разрушений и бедствий прокатилась монгольская конница по территории Хорезма и всей Средней Азии. Пришли в упадок города, опустели ранее цветущие селения. Следы погромов, пожаров — типичные явления для культурных слоев начала XIII в. Многие города так и не смогли возродиться.¹⁰

Однако Отрар смог подняться из руин и стал важным политическим и экономическим центром на Сырдарье. К середине XIII в. город превратился в крупный торговый центр на пути с Запада на Восток.

Раскопки, проводимые в центральной части городища и на территории предместья, выявили пять строительных горизонтов. Строительные горизонты дают следующую хронологическую колонку сверху вниз: XVII — первая треть XVIII в.; первые три четверти XVII в.; 30-е гг. XV–XVI вв.; вторая половина XIV — первая треть XV в.¹¹

Раскопками на широких площадках установлено, что основными застроенными компонентами Отрара является квартал. Дома в кварталах не имеют индивидуальных выходов на магистральные улицы, они выходят на внутреннюю площадь¹². Улица соединяла живущих на ней людей, была главным фокусом для квартала¹³.

Один из кварталов XIII–XIV вв. был раскопан на площади в 2300 кв. м. Он объединял 12 отдельных домовладений площадью от 30–40 до 250 кв. м. Квартал сформировался у остатков монументальной постройки XI–XII вв. Часть стен построек XI–XII вв. включалась в конструкцию новых планировок, однако в целом квартал XIII–XIV вв. Мало что унаследовал от прошлого, практически он строится по новому плану. Изменилось и направление внутриквартальной улицы.

Квартал же XV в., находившийся на этом месте, в свою очередь, унаследовал планировку квартала XIII–XIV вв. Изменились планировки отдельных домов и помещений внутри, общая же планировка квартала как единицы городской застройки сохранилась и в это время.

¹⁰ Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов — Анутенидов (1097–1231). М., 1986; Бурханов А.А. Древний и средневековый Лебап//Восток. М., 2007. №3. С. 15–16; Гафуров Б.Н. Таджики. Древнейшая и средневековая история. М., 1972.

¹¹ Байпаков К.М. Древний и средневековый Отрар//Города Туркестана. Алматы, 1999. С. 42.

¹² Байпаков К.М. Жилые кварталы позднесредневекового Отрара и вопросы исторической демографии. Ташкент, 1973, С. 186–197.

¹³ Сухарева О.И. Квартальная община позднесредневекового города Бухары. М., 1976. С. 16–17.

Одним из интереснейших сооружений города конца XIV — начала XV в. является соборная мечеть, и она расположена в юго-восточной части центрального бугра¹⁴.

Постройка размером 60х22 м длинной осью вытянута по линии восток — запад. Эта соборная мечеть, а не квартальная. Об этом свидетельствуют ее размеры, характерные строительные материалы (жженный кирпич, изразцы, майолика), присутствие минаретов и мощного портала.

Отрарская соборная мечеть относится к постройкам столпнокупольного типа, хорошо известным в средневековой архитектуре Средней Азии¹⁵.

В числе традиционных компонентов застройки городов Южного Казахстана и Средней Азии XIII — первой половины XV в. были бани. Баня, датируемая последней четвертью XIII — нач. XV в., раскопана в Отраре. Она расположена в 200 м западнее южного въезда, на берегу водохранилища, на месте бани XI–XII вв.

Баня представляет собой прямоугольную постройку с четко читаемой в плане фигурой креста. Баня имела 10 помещений, среди них раздевалка (люнги-хана), центральный зал с двумя беньюарами, служивший паровой и массажной. Из зала открывались входы в помещения для мытья — иссык-хана (горячие) и сауук-хана (холодные).

Первоначально в Отрарской бане было два горячих помещения в западном углу и одно прохладное — в восточном. В помещении для отдыха находился хауз в виде круглого, до 2 м в диаметре, резервуара. Пол его был выложен голубыми изразцами различного формата.

Водоснабжение бани осуществлялось при помощи водопровода, выведенного из водохранилища. Ряды труб были уложены в подземной галерее. Водопровод подходил к помещению бани, где находились цистерны для холодной и горячей воды.

Отрарская баня обогревалась топкой, от которой отходил жаропровод, затем системой столбиков и направляющих стенок жар разделялся на потоки, обогревавшие полы помещений. Дым выводился через вертикальные дымоходы, проложенные в толще стен. Они служили одновременно регуляторами температуры.

Стены бани сложены из жженого квадратного кирпича, для вымостки полов употреблялся кирпич и плиты размерами 40х40х10 см. В ряде

¹⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1986.

¹⁵ Маньковская Ю.Л. Типологические основы зодчества Средней Азии (XI — начало XX в.). Ташкент, 1980, С. 108–112; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 139.

помещений для выкладки полов использовались глазурованные кирпичи и плитки¹⁶.

Во второй половине XIII — первой половине XV в. появляются новые типы жилища.

К первому типу относятся двух- или трехкамерные дома с двориком, расположенные на одной оси. В качестве примера анфиладной планировки дома следует охарактеризовать жилище гончара в мастерской I. Оно состоит из двух жилых помещений и открытого дворика, который соединялся с внутриквартальным тупичком.

Ко второму типу домов относятся жилища, состоящие из четырех помещений, расположенных на пересекающихся осях. Это крестообразная или четырехчастная схема, когда дом имеет подквадратный план, а кладовые расположены слева и справа от айвана, двора или жилой комнаты с тандыром. Вариантов этой схемы несколько. Различаются дома, у которых жилое помещение с очагом — тандыром находится во втором порядке помещений, считается от улицы; в составе дома одно жилое помещение; в доме две жилые комнаты; в жилом помещении один тандыр; в жилой комнате два тандыра. Количество помещений в таком доме может быть больше чем четыре, пять и шесть.

К третьему типу относятся дома, состоящие из двух или более секций. Каждая из секций дома состоит из двух или трех помещений, одно из которых обязательно жилое.

В интерьере жилищ наблюдаются существенные изменения. Узкая суфа вдоль стен Г-или П-образной формы уступает место суфе, которая занимает большую часть помещения. Небольшая площадка перед тандыром, обычно вымощенная кирпичом, определяет уровень пола. Наличие в центре помещения по краю суфы остатков вмазанной плахи, бревна, кирпичной вымостки, каменной плиты свидетельствует о том, что кровля опиралась на одну стоящую в центре помещения деревянную колонну.

Тандыр превращается в универсальный очаг. Он служит средством отопления и очагом для приготовления пищи и хлеба.

По свидетельству источников, монголы, захватив город, в первую очередь разрушали его укрепления. Так, полностью были разрушены стены Отрара и цитадель, такую же участь постигла Сыгнак и Ашнас. Монголы препятствовали их возрождению как крепостей. Марко Поло писал о том, что при монголах «городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск. Так взнузданные наро-

¹⁶ Байпаков К.М. Древний и средневековый Отрар. // Города Туркестана. Алматы, 1999. С. 44–47.

ды остаются спокойными и не возмущаются». И лишь постепенно города вновь стали окружаться стенами.

В Отраре новая городская стена была выстроена в конце XIII — начале XIV в. Разрез стены показал, что она представляет собой вырубленный в культурном слое останец, содержащий материал XI–XII вв., обложенный футлярами из сырцового кирпича (30–32х20–22х8–10 см). Ширина основания стены — 4,8 м, сохранившаяся высота снаружи — 2 м, изнутри — 3,2 м. Максимальная высота стены от основания до бруствера сохранились до 10 м. Стена имеет трапециевидную в разрезе форму.

Время возведения стены вокруг Отрара относится к концу XIII в., когда усиливается борьба за сырдарьинские города между Джучидами и Чагатаидами.

Раскопки Отрара позволили выявить и исследовать места концентрации гончарного ремесла в XIII–XIV вв. как в центральной части города, так и в предместье.

Гончарная слобода Отрара занимает площадь около 2 га. Выявлено два строительных горизонта, из которых нижний (второй) датируется второй половиной XIII — первой половиной XIV в. Комплекс монет, связанный с постройками этого горизонта, представлен главным образом чагатаидскими дирхемами второй половины XIII — первой половины XIV в. Верхний (первый) строительный горизонт датируется монетами Тимура и тимуридов.

К XIII–XIV вв. относятся шесть мастерских, характеристика одной из них дается ниже.

Мастерская имеет площадь 157 кв. м, из которых 89 кв. м занимает производственная часть, а остальное — жилье.

Печь для обжига керамики, расположенная в одном из двух производственных помещений, двухъярусная. Топка имела сферическую форму. Диаметр ее 1,6 м, глубина — 1,6 м.

Свод топки служил основанием пола обжиговой камеры, в нем имелись 12 продухов, расположенных двумя концентрическими кругами. Лаз в топочную камеру имел в разрезе арочную форму диаметром 45 см. Дымоход длиной 1 м был выведен колодцем в стену двора и, видимо, для усиления тяги имел кирпичную трубу, от которой сохранилось выложенное из прямоугольных кирпичей основание.

Жилой комплекс мастерской — это двухкомнатный дом со двором.

Интересна мастерская гончара в центральной части Отрара у городской стены.

В одном из помещений имелась земляная печь в виде ямы длиной 2 м, шириной 0,4 м и глубиной 0,4 м. Печь была заполнена белым кристалли-

ческим порошком, полученным при сжигании тростника, — необходимым компонентом глазури.

У западной стены под навесом стояли два закрома с запасами минеральных красителей в виде порошковидных масс зеленого, серого, розового и белого цвета.

В одном из помещений находился тандыр. Под слоем сгоревшего камыша (помещение погибло в результате пожара) и прокаленной земли расчищены стоящие на суфе сосуды, раздавленные рухнувшей кровлей. Среди них — поливные чаши, кувшины. Скорее всего, в этом помещении осуществлялась сушка керамики перед обжигом. В мастерской собрано большое количество керамики, преимущественно поливной. Исследование керамики позволяет сказать, что мастер, работавший здесь, был специалистом по высокохудожественной керамике.

Керамика XIII — первой половины XIV в. по сравнению с предшествующим периодом претерпевает значительные изменения. Сокращается производство лепных сферических крышек, украшенных оттисками штампов, налепами, резьбой. Наряду с дастарханами распространяются столики на трех выпуклых ножках.

Вся керамика изготавливалась на гончарном круге из плотного серого, желтого, светло-коричневого или красноватого в изломе теста. Снаружи покрывалась светлым ангобом. Красный ангоб покрывал обычно чаши, тарелки, тагора, реже кувшины. Широко используется окраска черными и красными, в виде подтеков, мазками. В кухонной керамике сохраняются традиционные формы горшков с манжетовидными налетами, плоскими ручками.

Основными видами неполивной керамики являются хумы, хумчи, тагора традиционной формы, кувшины широкогорлые столового и водоносного назначения, кумганы и водолеи. Орнаментация кувшинов — резные волнистые линии. Некоторые кувшины имеют сложный резной орнамент из сочетаний резных горизонтальных, волнистых линий и восьмеркообразных фигур.

Часть сосудов расписываются темно-коричневой краской по плечикам и тулову. Это солярные знаки, растительные розетки, спирали, зигзаги, волнистые и струйчатые линии, эпиграфические мотивы.

Появляются флаги, у которых невысокое горло с двумя ручками и выпуклое тулово, украшенное штампованным орнаментом геометрического и растительного характера. В качестве элементов его присутствуют S-видные завитки, звездочки, спирали...

Выделяется группа высокохудожественной штампованной керамики — кувшины и кумганы. Верхняя часть сосудов украшалась эпиграфи-

ческим орнаментом и в одном случае — зооморфным. В верхней части в рамке изображены идущие конь и гепард. Конь взнуздан, повод его узды идет к передней луке седла, на котором сидит сокол. Грива коня передана волнистыми линиями, хвост — в виде елочки. Для коня характерна горбоносость, вытянутые пропорции. Гепард имеет яркие отличительные признаки — высокие ноги, маленькую головку с маленькими ушами, поджарое туловище и спиралевидный хвост. Ниже идет еще один пояс, украшенный фигурками птиц, аналогичных сидящей на луке седла. Фон кувшина украшен выпуклыми шишечками, трилистниками и выпуклыми точками. Аналогов изображению на кумгане из Отрара нет, можно лишь сопоставить «растянутый» стиль изображений со стилем на штампованном кумгане из Ирана, датирующемся этим же временем. Орнамент на штампованную керамику наносился с помощью форм (калыбов).

Значительные изменения происходят в производстве поливной керамики.

К. М. Байпаков считает, что середина XIII в. является рубежом различных керамических стилей в Отраре¹⁷. Исчезает керамика с прозрачной свинцовой поливой, положенной на белый ангоб, и с подглазурными росписями коричневым, зеленым, красным, керамика, покрытая темно-коричневой поливой.

Ангобы — красный, желтый, розовый. Полива — прозрачная и окрашенная в желтый, зеленый, розоватый, голубой и синий цвета. Росписи — растительные, геометрические, буквенные.

Поливная керамика из Отрара имеет аналоги в соседних регионах. К примеру, в городах Средней Азии производилась керамика с зеленой и желтой глазурью и подглазурной гравировкой, с бесцветной поливой с мраморовидной и пятнистой росписями, с синей и голубой глазурью и с черной росписью. Однако такого многообразия цвета полив в сочетании с красным ангобом, кроме золотоордынских городов Южного Казахстана, нигде пока не встречено.

Отмечая инновации в керамическом производстве Отрара и других городов региона, следует отметить преемственность между керамикой XIII–XIV вв. и домонгольского времени.

Кроме керамического производства на Отраре были развиты и другие ремесла. В частности, здесь изучена кирпичеобжигательная мастерская, существовавшая (судя по археологическим данным) три строительных периода со второй половины XIII — до середины XIV в. Центром ее была кирпичеобразная печь, вокруг которого группировались жилые и производственные помещения. Слева от печи находился двухкомнатный дом.

¹⁷ Байпаков К. М. Древний и средневековый Отрар. С. 47–48.

В ходе раскопок здесь найдены интересные находки, в том числе монеты второй половины XIII — середины XIV в., керамика, бронзовое китайское зеркало с изображением животных двенадцатилетнего цикла, нашивные бляшки.

Еще три кирпичеобжигательные печи XIII–XIV вв. были раскопаны в разных местах предместья Отрара. Аналоги этим печам многочисленны, в том числе печь XIII в. из Сарайчика, печи XIII–XIV вв. из Мерва и других городищ.

Металлургическое, в частности железоплавильное, ремесло известно по раскопкам мастерских XIII–XIV вв. на городище Куйрутобе. Квартал плавильщиков занимал в городе площадь 0,5 га. Штабели бракованных криц, найденных в отвалах производства, свидетельствуют о том, что город в это время был крупным металлургическим центром на юге Казахстана.

Судя по большому числу находок бронзовых зеркал, центром производства этого вида изделий был Отрар.

О развитии ювелирного дела говорят коллекции украшений, в том числе изделия серебряного клада, которые относятся к 70-м гг. XIII в.

Во второй половине столетия город был включен в состав владений Тимура и стал важным военным форпостом на северной границе его владений. В середине XV в. энергичный степной хан Абулхайр смог подчинить себе многочисленные племена Дешт-и-Кыпчака и возглавить новое феодальное владение — Узбекское государство. Однако власть его была непрочной. Абулхайру противостояли потомки Джучи-хана Джанибек и Гирей. Период XVI–XVII вв. представляет непрерывную борьбу за политическое господство в казахских степях и на Сырдарье. После смерти одного из наиболее ярких представителей узбекской верхушки Мухаммеда Шейбани в 1510 г. власть переходит к казахским ханам. При Касым-хане Казахское ханство — один из наследников Улуса Джучи — укрепляется, расширяются его границы. Раскопки говорят, что Отрар в XVI–XVII вв. продолжает свое бурное развитие¹⁸.

Окончательное запустение Отрара и других присырдарьинских городов произошло в XVIII в. и связано джунгарским нашествием, междоусобицами, общим застоём экономической жизни в регионах¹⁹.

¹⁸ Байпаков К.М. Древний и средневековый Отрар//Города Туркестана. Алматы, 1999. С. 52, рис. 11.

¹⁹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981; Байпаков К.М. Древний и средневековый Отрар//Города Туркестана. Алматы, 1999. С. 56–58; Байпаков К.М., Ходжаев М.Б. Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV – начало XV вв. на Отраре//Города Туркестана. Алматы, 1999. С. 157–164.

Дженд был одним из огузских и кыпчакских городов и дошел до наших дней как городище Жанкала, который располагается на правом берегу Жаныдарьи, в 115 км к западу от современного г. Кызыл-Орда Республики Казахстан. Городище обнесено крепостной стеной и имеет площадь около 40 га. В северо-западном углу расположена цитадель в виде квадратного бугра. Крепостная стена, окружающая городище, на отдельных участках сохранилась на высоту до 8 м. Вокруг остались и русла каналов, ирригационная сеть, участки полей и садов, следы застройки. Городище датируется I–XVIII вв.²⁰

Название города хорошо известно по средневековым источникам с XI в.

В начале XIII в. Дженд был столицей кыпчакского объединения. Во время монгольского нашествия город оказал сильное сопротивление войскам Джучи, был захвачен и разграблен. В конце XIII–XIV вв. источники сообщают о том, что Дженд — «небольшой город с оживленным базаром». В частности, Джамал ал-Карши (нач. XIV в.) пишет, что «город Дженд был значительным городом, а с недавнего времени разрушен, и все же это действующее торговое место, где купцы соперничают в важности и прибыльности сделок, и чаши весов на его рынке (постоянно) колеблются»²¹. Есть сведения о том, что в это время в городе чеканилась монета²², по крайней мере серебряный кружок, где просматриваются слова «Дженд», был представлен в составе одного из кладов²³.

В XIII–XIV вв. Дженд являлся одним из торговых центров низовьев Сырдарьи²⁴.

Сыгнак. Городище Сунак-Ата, соответствует средневековому Сыгнаку. Его остатки расположены в 20 км северо-западнее железнодорожной станции Тюмень-арык, в 1,5 км справа от современной автодороги Туркестан–Кзыл-Орда (Казахстан).

Название города хорошо известно по письменным источникам и чеканившимся здесь в XIV в. монетам²⁵.

²⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Акишев К.А., Байпаков К.М. Древний Отрар. С. 123.

²¹ Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 73; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 130.

²² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб. 1891, ч.1. С. 151.

²³ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 288–291.

²⁴ Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет из Отрара//Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 51.

²⁵ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 288–290.

Город Сыгнак впервые упомянут в источниках X в., а в XI в. он назван Махмудом Кашгарским в числе городов огузов²⁶. В XII в. Сыгнак становится столицей кыпчакского государственного объединения²⁷.

У историка XIII в. Джувейни имеется описание разгрома города монголами в 1220 г. в отместку за оказанное сопротивление. Он пишет, что отряд Джучи двигался вниз по Сырдарье, брал один город за другим. Джучи сопровождали два местных купца — Хасан-ходжа и Али-ходжа. Хасан-ходжа был послан в Сыгнак уговаривать жителей сдаться, но жители убили предателя и оказали сопротивление. Лишь после семидневного штурма Сыгнак был взят, население целиком вырезано²⁸.

Несмотря на разрушения, город был быстро восстановлен, а в середине XIII в. Сыгнак (Сгнах, так он назван в описании маршрута Гетума)²⁹ постепенно превратился в политический и экономический центр на Сырдарье. В XIV в. Сыгнак становится столицей Кок Орды; в нем ведется строительство мечетей, ханака (хонако) и других общественных сооружений, особенно при хане Эрзене и Урус-хане³⁰. Некоторое время в 20-х гг. XV в. город принадлежал Улугбеку³¹, а в 1446 г. его захватил Абул-Хайр-хан. В 80-е гг. XV в. Сыгнаком завладел Мухаммед-Шейбани, а затем казахский хан Бурундук. Затем город переходил из рук в руки: им владели в 50–60-е гг. XVI в. узбекские ханы, а позже, в конце XV в. он стал владением казахских ханств. Окончательное запустение города относится к XVIII в.³²

Городище Сунак-Ата (развалины Сыгнака) ныне имеет в плане форму неправильного пятиугольника. В топографии его выделяются шахристан

²⁶ Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сунака)//Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. Л., 1929. Т. 2. С. 123–159; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 73–74.

²⁷ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб. 1891. Ч.1. С. 482; Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сунака)//Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. Л., 1929. Т. 2. С. 123–159; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. С. 96–97.

²⁸ Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1220 гг. и его последствия//Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 124.

²⁹ Гандзакенци, Киракос. История Армении/ Перевод с древнеармянского, предисл. и коммент. Л.А. Ханлярян. М., 1976. С. 224; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 73–74.

³⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (СМИЗО). Извлечения из персидских сочинений, собранных В.С. Тизенгаузенным и обработанных Н.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным, М.–Л., 1941, т. 2. С. 125, 130, 196, 211.

³¹ Бартольд В.В. Улугбек и его время//Соч. в 9-ти томах. М., 1964. Т. 2(2). С. 116.

³² Пишулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств в XV–XVII вв.//Казахстан в XV–XVII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 16.

с цитаделью, расположенный в юго-восточной части. Размеры сторон шахристана: северная — 250 м, западная — 360 м, южная — 250 м, юго-восточная — 450 м, северо-восточная — 350 м. Общая площадь городища — около 20 га. Площадь цитадели — 7,2 га, это наиболее укрепленная часть городища. Высота вала, в которую превратилась крепостная стена, достигает до 7 м. По пяти углам функционировало по три круглые выступающие наружу башни. Въездов на территорию городища было два — в центрах западной и северной сторон. Въезд в цитадель, усиленный двумя выступающими на 20 м отрезками стен, устроен и в восточной стене ближе к северо-восточному углу.

Вокруг Сыгнака находились возделанные сельскохозяйственные угодья, орошаемые каналами, выведенными из Сырдарьи и Тюмень-арыком и Бузгил-Узаком, а также речек, стекающих с Каратау — Мынбулака, Чулака, Арсланди, Кизил-тала, Кельте-Чагиз, русла которых до сих пор сохранились в районе городища³³.

Аснас. Остатки еще одного известного города Аснаса (Асанаса) находятся в 50 км юго-восточнее от Кызыл-Орды. Письменные источники сообщают о нем как о городе, оказавшим сопротивление и покоренном войсками Джучи в 1219 г. Городище расположено на берегу сухого русла Асанас-Узьяка. Оно имеет неправильную в плане форму и окружено валом высотой до 5 м. В восточной части городища располагалась цитадель. Сейчас это бугор диаметром до 50 м и высотой 1 м. Благодаря археологическим исследованиям установлено, что жизнь в Аснасе продолжалось с первых веков н. э. до XV в.³⁴

Собраны группы керамики, связанные с культурой огузов, кыпчаков и Золотой Орды³⁵.

Сауран. Одним из наиболее известных средневековых городов Средней Сырдарьи является Сауран. Его остатки, сохранившие прежнее название, находятся в 35 км северо-восточнее от современного г. Туркестана. Первые упоминания о городе относятся к X в. Макдиси характеризовал его так: «Сауран (Савран, Сабран) — большой город, окруженный семью стенами одна за другой, а в нем есть рабад, соборная мечеть находится во внутрен-

³³ Ибн Рузбахан Исфагани, Фазлаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М., 1976. С. 116–117; Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 124–125.

³⁴ Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас//Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 127–133.

³⁵ Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 74.

нем городе. Он — пограничная крепость против гузов и кипчаков»³⁶. Впоследствии о нем упоминает Ибн ал-Асир и Якут как о крупном культурном и торгово-ремесленном центре³⁷. В середине XIII в. Сауран под названием «Савран» указан в маршрутке армянского посла Гетума — в одном ряду вместе с Сыгнаком (Сгнахом), Харчуком (Карачуком) и Асоном (Яссы)³⁸.

При Джучидах, в первой половине XIV в. Сауран был даже столичным центром Кок-Орды. В городе похоронен умерший в 1320 г. правитель Кок-Орды Сасы-Бука. Его сын Эрзен строил в Сауране и других городах медресе, ханак, мечети³⁹. Роль столичного центра Сауран сохранял и в последующее время. В 80-е гг. XV в. городом управлял Иренче-султан, сын одного из первых казахских ханов — Джанибека⁴⁰. Сауран XVI в. обстоятельно описан Рузбиханом. Ценные сведения о городе содержатся в мемуарах поэта и писателя Васифи, жившего здесь в 1514–1515 гг.⁴¹

Жизнь в Сауране продолжалась вплоть до середины XVIII в., в это время город превратился в «мелкое местечко около Туркестана»⁴².

Археологическое изучение городища Саурана началось более 100 лет назад. О нем упоминается в сочинениях П. И. Лерха, в путевых заметках П. И. Пашино, в отчетах А. И. Фидченко. Все они пишут о хорошей сохранности городища, его стен, развалин медресе⁴³.

Археологическое изучение городища проведено в конце 40-х гг. XX в. Южно-Казахстанской археологической экспедицией (А. Н. Бернштам).

³⁶ Материалы и исследования по истории туркмен и Туркменистана (МИИТТ). М., Л., 1939. Т. 1. С. 125; Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. // Соч. М. 1965. Т. 3. С. 225.

³⁷ МИИТТ. Т. 1, с. 374; Волин С. Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР (ТИИАЭ). Т. 8. Алма-Ата, 1960. С. 86.

³⁸ Гандзакеци, Киракос. История Армении. С. 224.

³⁹ СМЗО. Т. 2. М., Л., 1941. С. 129.

⁴⁰ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств в XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 17.

⁴¹ Ибн Рузбихан Исфаганн Фазлаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисл. и примеч. Р. П. Джалиловой. Пол ред. А. К. Арендса. М., 1976. С. 116; Болдырев А. Н. Зайнабдин Васифи. Сталинабад, 1957. С. 160, 161, 335.

⁴² Рычков П. Н. Топография Оренбургской губернии // Сочинение П. Н. Рычкова 1762 г. Оренбург, 1887. С. 18–19.

⁴³ Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867. СПб, 1870. С. 14, 21, 31; Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г.: Путевые заметки. СПб., 1868. С. 59–60; Фидченко А. П. Путешествия в Туркестан. М., 1950. С. 46.

Был снят визуальный план памятника и на основании полученного материала предложена датировка⁴⁴.

Одним из дискуссионных вопросов истории города стала его локализация. Если местонахождение Саурана XIII–XVIII вв. не вызывает сомнений и ему соответствует городище Сауран, то локализация домонгольского города точно не устанавливалась. Дело в том, что на городище Сауран нет слоев с материалами ранее XIII в., т. е. это городище возникло в XIII в. и существовало до XVIII в. Е. И. Агеева Г. И. и Пацевич предлагали искать его на левом берегу Сырдарьи.

Рядом с Саураном, в 3 км восточнее, находится Каратобе. Исследования позволили сделать вывод, что Сауран VI–XII вв. располагался на месте названного городища Каратобе, а Сауран XIII–XVIII вв. был перенесен на новое место, и ему соответствует одноименный памятник.⁴⁵

Городище Сауран представляет собой овальную в плане площадку, окруженную стеной, оплывшие участки которой сохранились на высоте от 3 до 6 м. Вытянуто оно с северо-востока на юго-запад на 800 м и с северо-запада на юго-восток — на 550 м. Площадь городища возвышена над окружающей местностью на 2–2,5 м. Стена его возведена на стилобате высотой 2–3 м. Его наружная часть представляет собой берму (уступ на откосе). Стена сооружена из сырцового кирпича и пахсы, в ней прослеживаются четыре круглые двухэтажные башни, выступающие за линию стены. Верхний этаж перекрывается куполом, опирающимся на тромпы, остатки которых сохранились до сих пор. В стенах башен прорезаны узкие щели бойниц.

Внутрь городища вели двое ворот. Главные ворота находятся в северо-восточной части стены и представляют собой мощное фортификационное сооружение, фланкированное двумя выступающими наружу двухэтажными башнями. Вход представляет собой двадцатиметровый коридорообразный проход, образованный выступающими отрезками стены. Вторые ворота (сохранность их плохая) устроены в юго-восточном отрезке стены городища. В восточной части в башне имелся еще один, видимо потайной, вход в город в виде проема шириной 1,2 м, высотой 1,7 м.

У стены снаружи был выкопан ров глубиной до 3 м, шириной до 20 м. Магистральная улица делит территорию городища на 2 почти равные части по линии северо-восток — юго-запад.

⁴⁴ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН Каз. ССР. Серия археолог. 1949, № 67, вып. 2. С. 82; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ, 1958. Т. 5: археология. С. 107–110.

⁴⁵ Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 67–68.

Кроме двух магистральных улиц, в топографии городища прослеживается множество мелких улочек и тупичков, составляющих сложную разветвленную уличную сеть. На расстоянии 210 м от северо-восточного въезда, слева от магистральной улицы, находятся остатки монументально-го сооружения — медресе (известное по письменным источникам).

Вокруг центральных развалин, в радиусе 1400–1600 м, находятся остатки отдельных усадеб, образующих застройку различной плотности. Каждая усадьба состоит из дома и участка, окруженного стеной. Участки были заняты бахчевыми культурами, садами, виноградниками и посевами зерновых. Площадь средней усадьбы приближается к 1 га, мелких — 0,5 га.

Преобладают средние усадьбы. По подсчетам, сделанным на основании дешифровки аэрофотоснимков сельскохозяйственной округи Саурана, зафиксировано около 350 усадеб.

Подъемный материал (керамика, монеты) позволяет определить время существования усадеб в окрестностях Саурана XIII–XIV и XV–XVIII вв.

Водоснабжение города и орошение пригородных садов, как сообщают средневековые авторы, осуществлялось при помощи кяризов⁴⁶. Остатки кяризов вначале были замечены при визуальном осмотре городища с самолета, а затем отмечены на аэрофотоснимках⁴⁷.

На территории Средней Азии и Казахстана кяризное орошение получило наибольшее развитие в Туркменистане, а также Иране и Азербайджане. Наличие кяризной системы в Сауране свидетельствует о значимости их для развития жизни города⁴⁸.

Городище Сауран, с его высокими, до сих пор (частично) уцелевшими стенами, развалинами жилых кварталов и общественных построек, с его уникальными кяризами, остатками пригородной застройки и древними полями, представляет один из наиболее ценных археологических и архитектурных памятников периода Золотой Орды.

Яссы (Туркестан). Туркестанский оазис был известен еще в VIII в. как округ Шавгар⁴⁹. Столицей его являлся город Яссы, известный с XII в.

⁴⁶ Болдырев А.Н. Зайнабдин Васиби. Сталинабад, 1957. С. 161, 335.

⁴⁷ Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана//Вестник АН Каз. ССР. 1973. № 4. С. 76–78.

⁴⁸ Кикшин Н.Ш. Копет-даг: геологическое и гидрогеологическое исследования в Полторацком уезде Туркменской области в 1923 г. Ташкент, 1924. С. 75–764; Хамраев А.Х. К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в.//Труды САГУ. Новая история. Ташкент, 1948, вып 9. С. 27; Рустамов Я.А. Этнографические данные о кяризной системе водоснабжения в Азербайджане в XIX — нач XX вв. М., 1964. С. 8; Петрушевский И.Б. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII–XIV вв. М., Л., 1960. С. 117–118.

⁴⁹ Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана//Соч. М., 1965. Т. 3. С. 225.

В позднем Средневековье, начиная с XVI в., у Яссы появилось новое имя — Туркестан.

Предположительно город Шавгар отождествлялся с городищем Чуйтобе, расположенном в 8 км юго-восточнее г. Туркестана. Город Яссы первоначально локализовался на месте городища Культобе, находящегося на территории самого Туркестана⁵⁰. Именно здесь чеканил монету хорезмшах Мухаммед ибн Текеш, утвердивший власть Хорезма на этих землях в начале второго десятилетия XIII в.

Судьба города в период монгольского нашествия неизвестна, но уже в сер. XIII в. под названием «Асон» он упомянут в маршруtnике Гетуля⁵¹. В конце XIV в. город стал ареной борьбы между Тохтамышем и Тимуром. В конце XIV — нач. XV в. в связи с постройкой грандиозного мавзолея над могилой суфийского шейха Ахмеда Ясави город приобрел широкую известность и стал важным идеологическим и политическим центром Средней Азии и Южного Казахстана⁵².

Остатки города Яссы находятся на территории современного Туркестана. Его план, в сочетании с данными письменных источников, позволяет охарактеризовать его топографию. Цитадель (где находится мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави) расположена в его северо-западной части. Это пятиугольный в плане бугор со сторонами: юго-восточная — 13 м, северо-восточная — 80 м, северная — 90 м, северо-западная — 130 м, юго-западная — 200 м.

Вокруг цитадели была возведена из сырцового кирпича стена с башнями. Хорошо сохранилась лишь западная стена городища, ее длина около 350 м, таково же расстояние ее от центра цитадели. В восточном направлении городище занимало вдвое большую протяженность, чем в западном, и стена отстояла на расстоянии около 700 м, площадь городища не менее 35 га. Число ворот — 4. Город пересекали три магистральные улицы, соединявшие четверо ворот. В южной части располагался караван-сарай и рядом с ним с внешней стороны стены — базар.

⁵⁰ Пишулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств в XV–XVII вв.//Казахстан в XV–XVII вв. (Вопросы социально- политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 11–13; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана//ТИИАЭ, 1958. Т. 5, Археология. С. 94; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М, 1985. С. 129–130; Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы. 1998. С. 61–65; Смагулов Е.А. Некрополь средневекового Туркестана//Города Туркестана. С. 59–61.

⁵¹ Гандзакеци, Киракос. История Армении. С. 224.

⁵² Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 140–142; Акишев К.А. Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. С. 123.

Городище в своих позднесредневековых размерах, видимо, повторяет размеры домонгольского города Яссы. Об этом свидетельствует находки на всей площади городища материалов IX–XII вв. Само же городище, как показали археологические раскопки, дожило до XIX в.⁵³

В Туркестанском оазисе находились еще несколько городов рассматриваемого времени.

Город Карнак прославился как место, где отливался казан для мавзолея Ахмед Ясави. Ему соответствует городище Ишкан в с. Атабай, в 25 км северо-восточнее Туркестана. Это село до недавнего времени носило старое название Карнак, сохраняя имя средневекового города⁵⁴.

Городище, которое датируется XII–XVIII вв., в плане представляет собой трапециевидный бугор размерами 150х100 м с крутыми склонами и высотой 1,5х²,5 м. Сохранилась лишь центральная часть, вся остальная территория занята современной застройкой.

Город Карачук был впервые назван Махмудом Кашгарским, который написал: «Карачук — название Фараба, а это название города гузов». В маршручнике Гегума город назван «Харчук», а расположение его указывается между Саураном (Савраном) и Яссы (Асоном). В 1582 г. Карачук упомянут в связи с походом Абдаллах-хана. В русских источниках он отмечен на караванной дороге из Сибири в Среднюю Азию, не доезжая 5 верст до Туркестана⁵⁵.

Остатки города состоят из двух частей, разделенных промоиной шириной 20 м.

Керамика, собранная на его территории, датируется III–XVIII вв.⁵⁶

В Туркестанском оазисе находились средневековые города **Икан**, **Сури**, **Сузак**, **Шагильджан**, известные по письменным источникам и следы которых выявлены в ходе археологических исследований⁵⁷.

⁵³ Сенигова Т.И. Керамика городища Туркестана из верхнего строительного горизонта (XVII–XVIII вв.)//Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 171–187.

⁵⁴ Байпаков К.М. О локализации позднесредневековых городов Казахстана//СА. 1977. № 2. С. 203; Массон М.Е. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930. С. 16.

⁵⁵ Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 63–64.

⁵⁶ Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алматы, 1998. С. 663–65; Байпаков К.М. О локализации позднесредневековых городов Казахстана//СА. 1977. № 2. С. 203–209.

⁵⁷ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 273–294; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана//Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 5–42.

Даже из краткого описания городов и поселений рассматриваемого оазиса видно, что это был важный культурный и экономический центр на международных караванных трассах Средневековья.

Рассмотренные нами средневековые города Кок-Орды представляли собой наиболее известные и крупные населенные пункты рассматриваемого региона. Их значение не исчерпывалось влиянием лишь на близлежащую округу; они были важными политическими, ремесленными и торговыми центрами Улуса Джучи и других государств, в состав которых входили в Средневековье. Наряду с рассмотренными городами существовали и более мелкие оседлые поселения, выявленные в ходе археологических исследований в последние годы.

А. А. Дановский, В. А. Дикарев
Институт археологии РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова

О соотношении климатических и исторических эпох на материалах Крыма III–I тыс. до н. э.

Территория Крымского полуострова на протяжении тысячелетий являлась, по выражению А. А. Масленникова [3], «этнолингвистическим мешком», в котором демографические и культурные процессы инициировались преимущественно со стороны степей между Днепром и Доном, но проходили с некоторым запозданием и с выраженной локальной спецификой. Таким же этнокультурным мешком для Крыма, была его восточная часть — Керченский полуостров, путь к которому из северо-крымских степей лежит через узкое пространство между предгорьями на юге и Азовским морем на севере.

Современные границы полуострова были сформированы не так давно. Азовское море было подвержено значительным изменениям его площади в зависимости от трансгрессивных и регрессивных этапов всего Черноморо-Азовского бассейна. В настоящее время считается, что за последние 5000 лет было по крайней мере два трансгрессивных этапа и два регрессивных. Первый трансгрессивный этап получил название Новочерноморского, затем следовал этап Фанагорийской регрессии и затем, уже в нашей эре, некоторые исследователи выделяют Нимфейскую трансгрессию [5]. Хотя их масштабы и временные рамки до сих пор остаются предметом дискуссии, они значительно влияли на изменение очертаний Керченского полуострова и его доступность со стороны Таманского полуострова. По предположениям некоторых исследователей, Керченский пролив на пике Фанагорийской регрессии вообще переставал быть судосходным, и Азовское море превращалось в обособленный соленый водоем. Побережье Керченского полуострова изменялось следующим образом: иную форму имели большинство мысов, некоторые из которых были, возможно, вообще отделены от основного массива Керченского полуострова в период Новочерноморской трансгрессии; крупные озера, находящиеся на территории полуострова, такие как Чокракское, Тобечикское, Узунларское, отделенные от основной акватории в настоящее время узкими пересыпями, были в периоды трансгрессий заливами.

Накопленные к нашему времени материалы археологии и естественных наук позволили сделать некоторые выводы и сопоставления. Первые появления погребений ямной культуры в Крыму, в том числе в Восточном, относятся к концу длительного периода гумидизации. Среднегодовые температуры медленно понижались, повышалась влажность климата, распространились широколиственные леса, занимавшие значительные пространства в предгорьях и на Керченском полуострове. Это событие относится к середине III тыс. до н. э.

Следующий приток населения в Крым датируется концом III тыс. Племена катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) появились сначала в Северном Крыму и некоторое время сосуществовали с ямной культурой. С рубежа III–II тыс. до н. э. племена, занимавшие Восточный Крым, переходят к оседлому образу жизни (по крайней мере, частично): возникают Каменское, Кировское, Планерское поселения. Первое появление племен ККИО связано с периодом постепенной аридизации климата, а переход их к оседлости приходится на пик этой аридизации. Развитие на основе ККИО специфической для Восточного Крыма каменной культуры¹ происходит во время очередной волны плавной гумидизации климата. Это уже оседлая культура, носители которой занимаются придомным скотоводством, масштабным рыболовством, охотой. В середине II тыс. до н. э. в Крыму фиксируется археологический материал, связанный с кругом культур срубной культурно-исторической общности (СКИО). Керченский полуостров в это время уже более обжит: возводятся новые курганы, возникают поселения, преимущественно небольшие. Основное достижение оседлых племен СКИО — сабастиновской, белозерской, бережновско-маевской культур — земледелие. С точки зрения климатологии закат каменной культуры и появление срубных традиций приходится на пик гумидизации и начало постепенного длительного потепления.

Последующий этап истории Восточного Крыма связан уже с греческой колонизацией и появлением в крымских степях кочевников киммерийского, а затем скифского облика (VII–VI вв. до н. э.), когда разнообразие хозяйственной деятельности достигает уровня определенной независимости от климатических условий: сухость климата сглаживается элементами

¹ Не путать с каменной культурой на Алтае. С. Н. Братченко объединяет восточно-крымские памятники с нижнедонскими, называя культуру «каменно-ливленцевской» [1]; Г. Н. Тоцев называет ее «каменно-планерской» по имени двух наиболее исследованных поселений [4]; А. Е. Кислый использует термин «каменная культура Крыма» [2]. Если первый термин спорен с точки зрения археологии, то второй кажется необоснованно громоздким; нам кажется наиболее удачным термин «каменная культура Крыма».

ирригации, лесные массивы сводятся для строительства и отопления, в составе флоры значительный процент получают культурные растения.

Краткий обзор климатической и археологической истории Восточного Крыма III–I тыс. до н. э. указывает на то, что если тенденции соответствия и существуют, то выражены они очень слабо. Ямная КИО проникает сначала в крымский «этнолингвистический мешок», а затем и в «мешок» восточнокрымский в середине долгого периода гумидизации, катакомбная — в середине периода аридизации, культуры раннего железного века — на пике гумидизации. Переход к оседлости осуществлен племенами каменной культуры Крыма на пике аридизации, развитие их связано с постепенным похолоданием и повышением влажности, первые следы земледелия появились на пике гумидизации, развитие оседлых земледельческих культур СКИО происходит во время постепенного потепления.

Литература:

1. С. Н. Братченко Каменско-ливенцовская группа памятников//Археология Украинской ССР в 3-х томах. Т. I. Киев, 1986. С. 458–462.
2. А. Е. Кислый Каменная культура Восточного Крыма//Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Вип. IX. Запоріжжя, 2000. С. 206–228.
3. А. А. Масленников Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем//Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4. С. 291–323.
4. Г. Н. Тоцков Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007. 304 с.
5. П. В. Федоров Последлениковская трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня Мирового океана за последние 15 000 лет//Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. М. Наука, 1982. С. 151–156.

М. Жаковска,
Институт восточных исследований
университета им. А. Мицкевича,
г. Познань (Польша)

**Между социализмом
и национальным вопросом.
КПРФ как российская аналогия
народно-революционных партий
Латинской Америки
(тезисы доклада)**

В последние годы эксперты и публицисты все чаще сравнивают Россию со странами Латинской Америки. Это вызвано подчеркиваемыми ими сходством процессов исторического развития российского и латиноамериканского регионов, а также тем, что они занимают сходные позиции в нынешней мировой экономической системе. Как Латинская Америка, так и Россия принадлежали ко второму эшелону модернизации, которая в итоге приняла в них догоняющий характер. Они также имеют за спиной опыт неолиберальных преобразований в экономике и социальной сфере. Сегодня заметно сходство между Россией и странами Латинской Америки по многим статистическим показателям — валовому внутреннему продукту (ВВП) на душу населения, индексу человеческого развития, средней ожидаемой продолжительности жизни и т. д.

Учитывая похожие моменты в социально-экономическом развитии вышеуказанных стран, можно предположить, что между ними наблюдается сходство по политическим параметрам. Для того чтобы убедиться, насколько этот тезис имеет отношение к действительности, в докладе проводится сравнительный анализ левых флангов партийного спектра в России и избранных государствах южноамериканского континента. Российский левый фланг на сегодняшний день представляется в первую очередь Коммунистической партией Российской Федерации, которая с большой трудностью подвергается научному описанию с помощью категорий западной политологии. Проблема состоит в том, что КПРФ со своей идеологией не соответствует ни понятию «левые», ни понятию «правые». Несмотря на свое название и позиционирование самой себя как однозначно левой силы на политической сцене, российская коммунистическая партия декларирует между прочим озабоченность т. н. «русским вопросом», привержен-

ность традициям православия и патриотическим ценностям. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что КПРФ является чисто российской особенностью, проявлением местной специфики, удивительным феноменом, которому нет аналогий в мире. Другие, как социолог Александр Тарасов, указывают на ее связь по идеологическим и стратегическим установкам с аргентинскими перонистами и перуанскими апристами, которые также сочетают социал-демократизм с популизмом и национализмом. Целью доклада является развить тезис Тарасова и внимательнее проанализировать сходства между указанными партиями для того, чтобы выявить и осветить факторы, которые им способствуют.

И. Л. Измайлов,
Институт истории АН РТ, г. Казань

Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности

Выдающийся английский мыслитель и энциклопедист XIII в. Роджер Бэкон в географическом обзоре народов Европы, упоминал страну «Великая Булгария», которая была населена «злейшими сарацинами». Автор, очевидно пользовавшийся архивами ордена францисканцев, члены которого в XIII в. несколько раз посещали Восточную Европу, с удивлением отмечает: «в высшей степени странно, что до них (булгар) дошло учение Магомета» [Матузова, 1979. С. 215]. Подобное удивление понятно. Распространение ислама так далеко на север ставило в тупик не только иностранных путешественников из христианских, но и из мусульманских стран. Изучение средневековой обрядовой и богослужбной и законоведческой практики может и должно обогатить наши представления о характере ислама, его способности адаптироваться, сохраняя универсальный характер, внедрять единую духовную и бытовую культуру, но при этом включать в нее традиционные для того или иного региона и народа особенности. Все эти проблемы заслуживают пристального внимания и изучения.

Проблема происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье достаточно давно привлекает внимание исследователей. Это связано как с тем, что мусульманская Булгария была одним из ранних средневековых государств в Восточной Европе и активно взаимодействовала с Русью, в том числе и по вопросам религии, но и потому, что ислам резко изменил этноконфессиональную ситуацию в регионе, на многие века определив его своеобразие. Соответственно литература по этой проблеме разнообразна.

Если для национальной татарской историографии вопрос об отношении Волжской Булгарии к исламской цивилизации был несущественным и определялся историко-культурной традицией, то европейская и российская наука решала его заново и самостоятельно.

Весьма интересны в этом отношении замечания В. Н. Татищева о религии, распространенной среди булгар. Пересказывая сообщение русской летописи об «испытании вер» князем Владимиром, он полагал, что ранней религией булгар был брахманизм. Ислам, по его мнению, в Повол-

жье окончательно был принят довольно поздно, в XV в. [Татищев, 1995. С. 133, 411].

Это мнение, основанное на его понимании русских летописей и их пристрастном анализе, осталось в науке экзотическим предположением, поскольку другие историки предпочитали трактовать известия летописей как свидетельство распространения в Булгарии именно ислама [Щербатов, 1901. С. 350, 376]. По мере развития науки и открытия новых источников, представление о значительном распространении ислама в Поволжье уже в домонгольский период стало подтверждаться новыми данными. Показательны, например, исследования историка С. М. Шпилевского, который, изучив весь комплекс письменных и археологических материалов того времени, сделал вывод о распространении ислама в связи с расселением народов края: «В западной части Казанской губернии, памятников древности гораздо менее, нежели в восточной. Причина этому понятна... на востоке губернии было господство ислама и мусульманской культуры, на западе господствовало шаманство и обитали племена, в культурном развитии значительно уступавшие мусульманам» [Шпилевский, 1877. С. 508].

Постепенно в историографии сложились две точки зрения на характер распространения ислама среди населения Булгарии и его характер. Одни исследователи, к ним относятся в основном советские историки (М. Г. Худяков, Н. Н. Фирсов, А. П. Смирнов, Б. Д. Греков Н. Ф. и Калинин), считали, что мусульманством были охвачены в основном горожане и аристократия, а основная часть населения сохраняла язычество. Как писал академик Б. Д. Греков, «Ислам еще долго оставался здесь религией только господствующих классов, народная же масса продолжала пребывать в язычестве» [Греков, 1945. С.32]. Подобные представления в той или иной мере становятся общим местом отечественной историографии.

Данные, полученные из комплексного анализа археологических материалов и письменных источников, рисуют совсем иную картину характера и распространения ислама. Эту точку зрения традиционно разделяли татарские историки (Ш. Марджани, Р. Фахрутдинов, Х. Атласи и др.), а ныне она находит все больше сторонников среди археологов и историков. Этапным в этом отношении следует признать исследование Е. А. Халиковой. Специально проанализировав материалы более чем 20 булгарских некрополей, она пришла к выводу о широком распространении ислама в Булгарии. По ее данным распространение ислама в Булгарии начинается в конце IX — начале X в., полная и окончательная победа мусульманской погребальной обрядности в среде горожан происходит в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине X — начале XI в. [Ха-

ликова, 1986. С. 137–152]. Выводы эти в основном выдержали испытание временем.

Однако вопрос о характере ислама в Волжской Булгарии остается во многом открытым. Кроме вывода о том, что булгары исповедовали ислам суннитского мазхаба, который считается доказанным еще со времен работ Х. Д. Френа в первой трети XIX в. по сути дела других суждений о болгарском исламе практически не предложено. Некоторой новизной является гипотеза о «двоеверии», которое, по мысли некоторых историков и искусствоведов (А. Х. Халиков, Ф. Х. Валеев, Д. К. Валеева, Г. М. Давлетшин), отражает особенности ислама в Булгарии. Суть ее в том, что население Булгарии якобы сохраняла языческие верования под легкой вуалью ислама. Доказательством для нее служат указания на форму некоторых произведений бытовой культуры (например, украшения) и орнаментальные мотивы на посуде и различных предметах быта.

Попытаемся кратко изложить другое видение этой проблемы.

Исследователи по-разному указывали начало распространение ислама в Волго-Уральском регионе, определяли его в пределах VIII–X вв. Представляется, что без новых достоверных источников говорить о точном сроке появления ислама в Булгарии можно лишь гипотетически. Ясно, что с началом установления регулярных торгово-экономических контактов со странами Востока (с конца VII в.) и возникновением магистрального Волго-Балтийского пути с особой инфраструктурой и зоной его влияния, связи с мусульманами также укрепляются и становятся регулярными [Даркевич, 1976; Дубов, 1989; Мельникова, 1999. С. 80–87].

Несомненно, что распространение ислама среди булгар связано с процессами консолидации различных племен под эгидой булгар во главе с Шилки и особенно его сыном Алмышем. Важнейшим политическим мотивом этого было стремление добиться независимости от Хазарского каганата. Алмыш, как, очевидно, и другие вожди тюрко-угорских племен Волго-Уральского региона находились в вассальной зависимости от кагана хазар и платили ему дань мехами, а сын Алмыша находился заложником в Итиле. Вообще власть хазар была довольно безжалостной и унижительной: так, узнав о красоте дочери Алмыша, правитель хазар захотел взять ее в свой гарем и, когда эльтебер булгар отказал, послал войска, которые заставили его послать ему дочь силой. А уже после ее смерти потребовал отдать ему ее сестру [Путешествие Ибн Фадлана. С. 78]. Намереваясь противостоять хазарам, Алмыш стремился консолидировать средневожские племена под своей властью.

Однако по мере подчинения племен правящий клан булгар столкнулся с проблемой не только военно-политического, но и идеологического

объединения различных племен и родов, имевших свои племенные культы и верования, ислам не был востребован элитой булгар. Создание надплеменного этнополитического объединения потребовало утверждения унифицированной, универсалистской и интегрирующей религиозной системы, не имеющей корней в местной среде. Такую веру могли дать только мировые религии. Одновременно новая вера укрепляла власть правителя и, придавая ему дополнительную легитимацию. Она не только ставила его власть выше племенных династий, но и, в определенной мере, отвергала их, лишая их божественной санкции на власть.

Имеющиеся у нас факты свидетельствуют, что процессы становления Булгарского государства стали особенно активно протекать в конце IX — начале X вв., поэтому распространение ислама следует относить именно к этому времени. Неслучайно первые археологические следы ислама прослеживаются еще в языческих погребениях второй половины IX в. Танкеевского могильника, где обнаружены перстни с арабскими надписями, знаменуя, очевидно, начальный этап проникновения ислама в среду булгарских племен [Казаков, 1985. С. 178–182; Казаков, 1992]. Таким образом, основной причиной распространения ислама среди булгар следует признать внутренние факторы, консолидацию различных племен под властью булгар.

Но почему из всех мировых религий в Поволжье распространился именно ислам? Ответ на этот вопрос можно объяснить взаимодействием различных внешних и внутренних факторов. С одной стороны, ни христианство, ни иудаизм не могли быть привлекательны для булгар, поскольку ближайшая тогда христианская держава — Византия находилась в союзе с Хазарией и не оказывала сколько-нибудь активное влияние на Поволжский регион, а против иудейской Хазарии булгары собирались вести борьбу. Следовательно, выбор ислама был предопределен складывающейся политической конъюнктурой.

Особую роль в этом выборе сыграли активные торгово-экономические контакты Поволжья со странами Средней Азии — Хорезмом и державой Саманидов. Благодаря прямому торговому пути в Среднее Поволжье мусульманские купцы получили доступ к северным товарам в обход Хазарии.

Плавное развитие булгарского общества и медленное проникновение в него ислама в IX–X вв. привело к возникновению государственности и принятию мусульманства Алмышем и частью знати. Кратким и в достаточной мере искаженным свидетельством этого служит упоминание в одном из своих сочинений арабского купца и дипломата из Андалусии (Испания) Абу Хамида ал-Гарнати. Он приводит рассказ о начале Булгарского государства и первых его правителях. Особо следует подчеркнуть,

что ал-Гарнати передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает довольно близко к первоначальному тексту отрывок из прочитанной им в книге «История Булгарии», написанной булгарским столичным кади Йагкубом ибн Нугманом, то есть вполне официальную историографическую традицию. «А смысл слова булгар», — пишет андалусский путешественник, — «ученый человек». Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину». Далее он рассказывает о болезни эмира-царя булгар и его жены, их излечении этим факихом и о принятии булгарами ислама. Принятие ислама вызвало гнев царя хазар, который пошел на булгар войной, но был разбит, с помощью «больших мужей на серых конях» («войска Аллаха, великого и славного», как сообщает источник ал-Гарнати) [Путешествие ал-Гарнати. С. 31]. Это, скорее всего, не первая версия этого сюжета, но единственная аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках. Основная канва этого своеобразного «введения» в булгарскую историю состоит в том, что булгары приняли ислам в период существования Хазарского каганата (до начала 980-х гг.), и значительную роль в этом сыграли проповедники из государства Саманидов.

В другой, более поздней версии, дошедшей до нас в преданиях, записанных в XVIII–XIX вв., сюжет этот изложен более подробно и приписывает распространение ислама в Булгарии трем асхабам (сподвижникам) Пророка Мухаммада. Один из них излечил дочь правителя от смертельного недуга и, женившись на ней, дал начало новой исламской династии [Галляутдинов, 1998. С. 162–163]. С точки зрения исторической реальности сюжет этот носит легендарный характер. Это было ясно уже такому реалистически мыслящему просветителю, как Ш. Марджани, подвергшему эту версию резкой критике, и он прав. Однако зерно истины в этой легенде все же есть. По существу, это предание можно расценивать как попытку булгарских средневековых историков удревнить корни своего правоверия и утвердить в среде населения Булгарии чувство превосходства над соседями, не способными претендовать на родство со сподвижниками Пророка. Следовательно, историческая и фольклорная версии довольно сходны, что позволяет думать, что последняя сохранила отрывки булгарской исторической традиции, хотя и в переработанном виде [Измайлов, 2000. С. 99–105].

В чисто богословском аспекте это играет важнейшую определяющую роль. Дело в том, что в IX–X вв. в Средней Азии, особенно при дворе Саманидов, наибольшее распространение получил ханифитский мазхаб (толк) ислама, в то время как в Багдаде утвердились мазхабы аш-Шафии и Ханбали. По ряду замечаний Ибн Фадлана, описывавшего «ошибки»

религиозной практики булгар (особенности чтения хутбы, двойная икама, не упоминание имени халифа и т. д.) можно заключить, что они следовали в ней как раз учению Абу Ханифы. Все это убедительно свидетельствует о приоритете среднеазиатского центра ислама на выбор веры у булгар.

Точная дата принятия ислама Алмышем неизвестна, но достаточно уверенно можно отнести это событие к первому десятилетию X века. Так, Ибн Русте, который, по мнению большинства ученых, писал между 903 и 913 гг. [Крачковский, 1957. С. 159; Новосельцев, 1990. С. 11–12], сообщает, что «Царь Болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам», а «большая часть их (т. е. булгар. — И. И.) исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» [Хвольсон, 1869. С. 22, 23]. Прямо о том, что булгары-мусульмане действовали против русов, совершивших в 912/913 гг. рейд в прикаспийские провинции Саманидов, писал ал-Масуди [Гаркави, 1870. С. 131–133; о политических обстоятельствах и событиях этого похода см.: Минорский, 1963. С. 47–48; Новосельцев, 1990, С. 215; Коновалова, 1999]. Сведения о том, что правитель булгар — мусульманин, сообщает и Ибн Фадлан, хотя старается этот факт завуалировать в стремлении выпятить свою роль в исламизации булгар и их «малика». Тем не менее этот арабский автор, побывавший на Средней Волге, пишет, что в 921 г. в Багдад прибыло посольство к халифу с письмом от «ал-Хасана сына Балтавара, царя славян (сакалиба. — И. И.)» [Путешествие Ибн Фадлана. С. 55], что означает, что правитель булгар (эльтебер и сын эльтебера) Алмыш подписывался мусульманским именем «ал-Хасан» и, очевидно, был мусульманином, как и его дочь [Там же. С. 78]. В составе посольства находился один из приближенных Алмыша, также мусульманин — Абдаллах Ибн Башту ал-Хазари.

Были общины мусульман и в самой Булгарии. Кроме ставки Алмыша, в которой был специальный штат духовенства, включая муэдзина [Там же. С. 69], и где, судя по словам Ибн Фадлана, было довольно много мусульман, и он даже описывает их погребальный обряд [Там же. С. 77–78], были и другие значительные мусульманские общины. Так, Ибн Фадлан описывает общину «домочадцев» (сородичей?) под именем ал-баранджар «в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам... Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся» [Там же. С. 74]. Таким образом, можно уверенно говорить, что уже в 910–920-е гг. среди булгар были значительные общины мусульман, причем и булгарская знать во главе с Алмышем приняла новую веру.

Важнейшим событием, знаменовавшим утверждение ислама в Булгарии, стал обмен посольствами между Алмышем и багдадским халифом ал-Муктадиром. Политическая история этих контактов, а также перипетии

путешествия посольства от Багдада до берегов Волги довольно хорошо изучены [Ковалевский, 1951. С. 189–214; Ковалевский, 1956; Новосельцев, 1990. С. 197–199]. В данном случае важно отметить, что, несмотря на некоторые замечания Ибн Фадлана, ислам был достаточно распространен в Поволжье и в смысле распространения веры посольство успеха не имело. Однако достижением этого посольства стало «дипломатическое признание» Булгарии, как исламской страны. С этого времени ни одно географическое сочинение уже не обходилось без упоминания булгар. Развивались и крепил связи со странами ислама.

В конце X — начале XI в. Волжская Булгария стала средневековым государством, страной «классического ислама» (по терминологии Г. Э. фон Грюнебаума). Уже с начала X в. арабо-персидская историко-географическая традиция (Ибн Русте, Истахри, Марвази, Гардизи, «Худуд ал-алам» и др.) фиксировала, что у булгар два основных города: Болгар и Сувар; в обоих городах — деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными [Захедер, 1967. С. 36; Бартольд, 1973. С. 545]. Все русские и арабо-персидские источники указывают, что уже к концу X в. Булгария на международной арене выступала как мусульманская страна, которая была связана множеством торговых, культурных и политических нитей со странами Средней и Передней Азии, Ближнего Востока.

Но насколько ислам был распространен среди основного населения страны? Помочь ответить на этот вопрос могут археологические материалы.

К сожалению, о внутренней жизни и степени распространения ислама среди населения Булгарии сведений в письменных источниках чрезвычайно мало. В некоторой степени этот недостаток могут восполнить данные археологии. Например, для болгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках [Петренко, 1979. С. 124–138; Петренко, 1984. С. 66–69]. Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника [Петренко, 1984. С. 66–69]. Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних

с Булгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских булгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Анализ их позволяет сделать вывод о начале распространения ислама в Булгарии в конце IX — начале X в., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в. [Халикова, 1986. С. 137–152]. В настоящее время открыто примерно 59 могильников по всей территории Булгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду, и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже и единственного языческого погребения. Характерно, что редкие «отклонения» от канонического обряда некоторые археологи склонны трактовать как «языческие пережитки» и свидетельство наличия языческого населения (критику подобных взглядов см.: [Измайлов, 2002. С. 60–69]).

Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру. Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность выраженных в исторической традиции представлений. По сути дела, полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам (отсутствие костей свиньи и т. д.) свидетельствуют о растворении племенных традиций в общемусульманской однородной этнической среде [Измайлов, 2001. С. 93–119].

Сама организация мусульманской общины в Булгарии плохо известна, но факт ее существования, судя по данным восточных источников, не вызывает сомнений. Уже в начале X в. в булгарских городах и поселениях фиксируются муэдзины и имамы [Хвольсон, 1869. С. 23]. Есть некоторые сведения о существовании в стране булгар института судей — городских кади [Путешествие ал-Гарнати. С. 31], входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах. Косвенные сведения о структуре улама у булгар можно почерпнуть у ал-Гарнати, который, описывая население Саксина, отмечал, что живущие там булгары и сувары имеют своих эмиров и соборные мечети, где они совершают пятничную молитву, у них также есть «кадии, факихи, и хатибы: и все толка Абу Ханифы» [Там же. С. 27]. Это сообщение также подтверждает мысль, что, очевидно, ханифитский мазхаб был традиционным для булгар не только в начале X в., как об этом писал Ибн Фадлан, но и гораздо позднее.

Булгары, приняв ислам, оказались достаточно далеко от стран ислама и в некоторой культурной изоляции, но смогли преодолеть ее. Ученый-энциклопедист ал-Бируни в своем труде отмечая, что булгары оторваны «от коренных стран ислама», тем не менее «не лишены сведений о халифате, халифах, а напротив, читают хутбу с их именами» [Бируни, 1957. С. 55]. Однако само ощущение «оторванности» булгар, нахождение их во враждебном окружении не могло не отразиться на их общественном сознании. Уже отмечался факт, повторяемый целым рядом арабо-персидских авторов, которые, говорили о походах булгар на соседей как о «джихаде/священной войне»: «со всяким войском неверных; сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают» [Бартольд, 1973. С. 545; Захoder, 1967. С. 31]. О регулярных походах на северных язычников царя булгар и обложения их данью (хараджем) сообщает ал-Гарнати [Путешествие ал-Гарнати. С. 30–31]. Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Плано Карпини, Рубрук и т. д.). Наиболее яркая характеристика булгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти булгары — самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» [Путешествия в восточные страны. С. 119].

Мотив «священной войны» и «бремени истории», тяготеющий над их народом, был не только важной политической доктриной болгарской политической идеологии, но и заметно влиял на массовое сознание. Он формировал мнение булгар о себе как об общности, связанной не просто общей судьбой, но борьбой предков за идеалы ислама. Подчеркнутый антагонизм по отношению к соседям, отмеченный восточными и западноевропейскими авторами, служивший, видимо, больше не как постоянно действующая реалья, а как политическая амбиция и перспективная цель, в народном сознании акцентировался в форме подчеркнутого единства мусульман перед лицом угрозы нашествия язычников, реальность которой доказывала историческая традиция.

К сожалению, о характере болгарской богословской школы можно только догадываться, поскольку достаточных источников в нашем распоряжении нет. Однако не возникает сомнений в том, что на всей территории Болгарии господствовал не только единый масхаб (ханифитский в своей основе), но и единая улама, которая трактовала некоторые вопросы права и ритуальной практики в соответствии с выработанными традициями, причем, несомненно, опиралась в этом на светскую власть. Соответственно именно эта традиция преподавалась в медресе и воспроизводилась, сохраняя преемственность и стабильность нормам мусульманского права, на протяжении более чем двух веков, о чем свидетельствуют болгарские погребальные памятники X — первой трети XIII века. Ортодоксальность

погребального обряда булгар, возможно, связана с их представлениями о своей «избранности» вследствие «пограничности» своего положения на краю обитаемой ойкумены и на северной границе исламского мира. Вполне возможно, что этим объяснялась их непримиримость в отношении язычников и язычества. Как бы то ни было, но каноничность и единообразие погребального обряда на всей территории государства свидетельствует о силе религиозных норм, которые явно не просто поддерживались авторитетом государства, а определенно насаждались в обществе.

В булгарском исламе, тем не менее, была заложена определенная противоречивость. С одной стороны, ощущение своего пограничного положения в мусульманской ойкумене и строгое следование определенным ритуалам, что ярко выражалось в особенностях булгарской джаназы и политической практике. С другой — условия жизни и географическое положение диктовали некоторые отступления от канонов ритуальной практики. Например, одной из серьезных проблем для булгар была суровая зима, которая иногда не позволяла совершить обряд погребения в соответствии с предписаниями шариата в день смерти. Вот что пишет об этом андалусский купец и дипломат, живший в Саксине и Болгаре: «Усиливается там мороз до того, что когда умрет ... кто-то, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится как железо, и невозможно в ней копать могилу, и умер у меня там сын, и было это в конце зимы, и я не мог его похоронить, и он оставался у меня в доме три месяца пока не смог похоронить его, и оставался мертвец, как камень, затвердевшим от силы холода» [Путешествие ал-Гарнати. С. 58]. Даже если ал-Гарнати несколько преувеличивает, то и тогда становятся ясны сложности, возникающие перед булгарами в исполнении мусульманских ритуалов. Еще более сложная коллизия была связана с тем, что на этой параллели летом ночи коротки, а зимой — дневной свет. Вследствие этого было затруднительностью совершать положенные шариатом пять дневных намазов. Главным образом проблема состояла в невозможности чтения пятого ночного намаза, который совершался после заката солнца, поскольку летом он по сути дела сливался с утренним намазом. В мусульманском мире солнце считалось зашедшим тогда, когда становилось совершенно темно, и нельзя было отличить белой нитки от черной. Из-за того что в Среднем Поволжье летом вечерняя заря не исчезает, стало быть, время ночного намаза не наступает. Этот факт был отмечен арабо-персидской географической традицией и отмечался практически всеми авторами, кто писал о булгарах. Эти сведения, в той или иной степени, восходящие к Ибн Фадлану, составляли особую традицию: «У булгар летом ночь так коротка, что не успевает вскипеть котелок (или не успевает человек пройти более

одно фарсаха); зимой же день становится таким же коротким, как ночь летом» [Заходер, 1967. С. 40–44]. Своеобразное резюме этих сведений содержится у ал-Идриси (сер. XII в.): «День у руссов и болгар настолько короток, что достигает лишь трех часов с половиной. Сказал ал-Хаукали: «Я был очевидцем этого у них зимой. Продолжительность дня была такова, что ее было достаточно только для четырех молитв, каждая из которых следовала одна за другой, с рикаатами, а между азанам и икамой не было промежутка» [Коновалова, 2006. С. 120]. По этому поводу в богословской литературе и религиозных кругах, очевидно, шли довольно бурные споры. Поездки болгар в Среднюю Азию по религиозным вопросам во многом имели целью разрешение именно этих вопросов ритуальной практики, что породило, видимо, целую плеяду болгарских факихов и богословов, широко известных во всем мусульманском мире (подробнее см.: [Давлетшин, 1990. С. 138–145, 172–176]). С течением времени в Поволжье были выработаны свои особенности ритуальной практики, учитывающие местные особенности, канон, позволявший во время некоторых месяцев читать намаз только четырежды в день. Со временем именно эти особенности поволжского ислама привели татарских богословов к необходимости реформирования догматики ислама и появления своеобразного течения богословской и общественной мысли, как джадидизм (современный взгляд на эти проблемы см. [Мухаметшин, 2003. С. 17–49]).

Таким образом, Булгария уже с X в. являлась самой северной страной исламской ойкумены, а «языком» болгарской культуры был ислам. Есть сведения о развитии монументальной архитектуры, декоративно-прикладного искусства, музыки и литературы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе. Благодаря системе образования население обучалось грамоте и основам религии. Сохранились сведения о развитии наук и знаний — астрономии и астрологии, медицины и алхимии, богословия и права, географии. Существовала своя историографическая традиция, здесь жили и творили многие крупные ученые и богословы: среди них богословы, философы и поэты [Давлетшин, 1990. С. 172–176]. Известны биографии выходцев из Булгарии, ставших на Востоке знаменитыми учеными, (например, известного медика Таджаддина ал-Булгари), что демонстрирует включенность болгар в исламский культурный мир, где они были хотя и отдаленными, но единоверцами. Это показывает, что, несмотря на расстояния, между странами Востока и Средним Поволжьем шел непрерывный информационный обмен [Там же. С. 111–142]. При этом надо учитывать, что болгарам, чтобы участвовать в этом обмене идеями и мыслями, требовались огромные усилия, в первую очередь на создание и поддержание системы образования. Неслучайно, видимо, и удивление

восточных путешественников, видевших мектебе и медресе в булгарских аулах и городах.

Обмен идеями касался и развития богословия, и религиозной практики. Целый ряд отрывочных фактов свидетельствует о некотором распространении в Булгарии такого течения ислама, как суфизм.

Булгария действительно находилась достаточно далеко от основных исламских культурных центров, и это расстояние стало на Востоке, видимо, обычным присловьем. Например, знаменитый философ, проповедник и путешественник Насир-и Хосров, желая подчеркнуть могущество Аллаха, пишет: «С трудом достигается крик твой из комнаты до сеней, а его голос легко доносится из Балха до Булгара» [Семенов, 1953. С. 17].

Перефразируя этот отрывок стиха, можно сказать, что как ни велики были расстояния от стран ислама до Булгарии, также легко ислам и его культура распространялись в Поволжье, создав здесь замечательный ареал тюркской мусульманской культуры.

Таким образом, можно констатировать, что ислам уже с конца IX в. проникал в духовную культуру общества, изменив ее тюркские традиции и оттеснив языческие культы в область суеверий. Ислам проникает в самые широкие слои булгарского общества, и уже с конца X в. мусульманский погребальный обряд и другие нормы ислама (запрет на употребление в пищу свинины и т. д.) безраздельно господствуют в народной среде. Есть основания полагать, что ислам в Булгарии, учитывая ее пограничное положение на «краю исламской ойкумены», был более ортодоксальным и строгим, чем в ряде других стран ислама. На этом фоне развивались своеобразная культура и декоративно-прикладное искусство булгар как сочетание тюркских и восточных традиций и шло формирование единой этнополитической общности.

Литература:

- В. В. Бартольд Введение к изданию «Худуд ал-алам»//В. В. Бартольд Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973.
- Бируни А. Памятники минувших поколений//Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957.
- И. Г. Галаятудинов «Тарих нама-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1998.
- А. Я. Гаркави Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Б. Д. Греков Волжские болгары IX–X веках//Исторические записки. 1945. № 14.
- В. П. Даркевич Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
- И. В. Дубов Великий Волжский путь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Б. Н. Заходер Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967.
- И. Л. Измайлов «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции// Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Наука, 2000.

- И. Л. Измайлов *Средневековые булгары: этнополитические и этноконфессиональные аспекты идентификации*//Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Вып. 2./Под ред. А. А. Бурханова. Казань, 2001.
- И. Л. Измайлов *К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских булгар*//Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002.
- Е. П. Казаков *Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным*//Советская археология. 1985. № 4.
- Е. П. Казаков *Культура ранней Волжской Болгарии*. М.: Наука, 1992.
- А. П. Ковалевский *Посольство халифа к царю волжских булгар*//Исторические записки. 1951. № 37.
- А. П. Ковалевский *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Харьков, 1956.
- И. Г. Коновалова *Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения*//Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.
- И. Г. Коновалова *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий*. М.: Вост. лит., 2006.
- И. Ю. Крачковский *Избранные сочинения*. Т. 4. М.–Л., 1957.
- В. И. Матузова *Английские средневековые источники IX–XIII вв.* М.: Наука, 1979.
- Е. А. Мельникова *Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы*//Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999.
- В. Ф. Минорский *История Ширвана и Дербента X–XI веков*. М., 1963.
- Р. М. Мухаметшин *Татары и ислам в XX веке*. Казань: Фэн, 2003.
- А. П. Новосельцев *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука, 1990.
- А. Г. Петренко, *Биярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг.*//Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
- А. Г. Петренко *Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья*. М.: Наука, 1984.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.)*. Публ. и коммент. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М.: Наука, 1971.
- Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука*. М., 1957.
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу*. М.–Л., 1939.
- А. А. Семенов *Таджикские ученые XI в. н. э. о булгарах, хазарах, русах, славянах и варягах*//Доклады АН Таджикской ССР. 1953. Вып. VII.
- В. Н. Татищев *История Российская*. Ч. 2.//В. Н. Татищев *Собрание сочинений* Т. IV. М.: Мысль, 1995.
- Е. А. Халикова *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в.* Казань: Изд-во КГУ, 1986.
- Д. А. Хвольсон *Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Бен-Омар Идн-Даства*. СПб., 1869.
- С. М. Шпилевский *Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии*. Казань, 1877.
- М. М. Щербатов *История Российская*. Т. 1–2. СПб., 1901 (1-е изд. — 1770 г.).

Е. А. Фомичева,
Институт востоковедения РАН

Природа и духи в представлениях тайцев о мире (тезисы доклада)

Взаимоотношения человека и природы — важнейшая часть жизни традиционного общества. Представления о природе образуют основу мировоззрения традиционного человека. Сегодня в странах Востока связь между человеком и природой сохранилась в большей степени, чем в урбанистической культуре Запада. Это справедливо и в отношении тайцев. Мистические представления, потусторонние силы, духи и сегодня населяют мир и природу, окружающие тайца, особенно в провинции, в сельской местности. Есть духи, охраняющие город (городской столб), духи места, охранители жилища, духи земли, воды, духи деревьев, духи умерших и духи предков, духи и демоны, позаимствованные из индуизма. Неуспокоенные духи умерших людей превращаются в злобных демонов. Обладая мистической силой, духи могут негативно влиять на жизнь индивида и всей общины. Существуют хорошие духи — *пхи ди* и плохие духи — *пхи хай*. Для замирения духов требуются особые обряды и ритуалы, регулярные символические жертвоприношения.

В довольно сложной системе верований и представлений тайцев, где переплелись элементы индуизма, буддизма и анимизма, последний составляет самый древний пласт. Предки современных тайцев, которые пришли на Индокитайский полуостров из южных провинций Китая, двигаясь вдоль речных долин, принесли с собой анимистические представления. Заимствуя многое из религии и культуры уже живших на полуострове народов — моно и кхмеров, которые к тому времени имели развитую государственность и религию, тайцы не отказались от своих анимистических верований и культа предков, которые органично вошли в систему религиозных взглядов тайцев. Сосуществуя вместе с буддизмом как официально принятой религией и индуизмом как ритуалом, анимизм занимает свою нишу, отвечает за определенную сторону жизни тайца.

Вера в магическую силу амулетов, в астрологию и приметы — важная часть жизни тайцев. Это находит отражение, в частности, в тайландском кинематографе. На последнем международном кинофестивале в Каннах первый приз получил фильм тайландского режиссера «Дядюшка Бунми, который помнит свои прошлые жизни».

Яо Ван,
КНР — МГУ

Геополитические аспекты континентальной и приморской китайской культуры

Изучая китайскую геополитическую стратегию, западные ученые часто недоучитывают фактор распространения китайской культуры за пределы континентальной ойкумены тех народов, на базе которых сложилась китайская нация. Факты свидетельствуют, что китайская приморская и заморская культура является прямым продолжением материковой культуры Китая.

Процесс образования заморской культуры с китайской спецификой был весьма длительным. Он шел параллельно формированию китайской нации и расширению региона ее расселения. Китайская цивилизация зародилась на центральной равнине в бассейне Хуанхэ. Ее прообраз был создан 4000–5000 лет назад после объединения населяющих эту территорию племен в единую народность в эпоху мифических первых императоров Яньди и Хуанди. С 770 по 256 г. до н. э. предки современных китайцев заняли берег Желтого моря и тем самым приобрели благоприятные условия для развития соледобывания и рыболовства.

В периоды «Весны и Осени» и «Воюющих царств» (с 770 по 221 г. до н. э.) цивилизация центральной ойкумены распространилась на районы проживания малой народности Байюе. Древние царства У и Юе, которые находились на юге от реки Янцзы, очага китайской цивилизации, первыми ощутили влияние передовой цивилизации центральной равнины. Первые государи царства Юе произошли из династии Ся (примерно 2070–1600 г. до н. э.), они создали общее царство с национальностью Юе. В период государя Гоуцзяна (рожд. 497–465 г. до н. э.) царство Юе благодаря умелой стратегии его правителей стало одним из сильнейших царств периода «Весны и Осени». После свержения царствующей династии на месте сегодняшнего города Вэньжоу и Миньюе в провинции Фуцзянь возникло царства Дуньюе. Таким образом, цивилизация центральной равнины охватывала все более обширные территории проживания национального меньшинства Байюе. Построив канал Линцзюй, соединяющий водосистему рек Янцзы и Чжуцзян, огромная армия царства Цинь численностью 500 тысяч человек молниеносно заняла обширные территории проживания национального меньшинства Байюе. По аналогии с политической моделью центральной равнины на юг от горной системы Циньлин были освоены пограничные области Наньхай, Гуйлинь, Сян. Экспансия шла как военным, так и мирным путем, ее главным

результатом стало утверждение китайской иероглифической письменной культуры и китайских способов и норм жизнедеятельности на обширной территории к югу и юго-востоку от центральной ойкумены. На месте Миньное возникла пограничная область Миньчжун. Начиная с династии Хань, политическая власть и законодательство центральной равнины Китая закрепились в этих районах. Некоторые уроженцы этих мест переселились в новые районы. Так появились первые местные ханьцы, а часть уроженцев национального меньшинства Юе мигрировали в ближайшие районы расселения ханьцев. Таким образом, осуществилось слияние цивилизации центральной равнины и локальной культуры Байюе.

В период Сицинь, Дунцинь, Южной и Северной династий (265–589 г. н. э.) в центральной равнине Китая неоднократно вспыхивали мятежи, в результате чего политические и культурные центры переместились на юг. Один из первых правителей династии Тан (618–907), государь Ли Чжи направил генерала Чэньчжэн с несколькими тысячами человек в местность Минь (в сегодняшней южной провинции Фуцзянь), чтобы укрепить здесь свое господство. Благодаря масштабным переселениям цивилизация центральной равнины принесла свой язык, политический строй, технику и жизненный уклад. В результате взаимодействия цивилизации Байюе с цивилизацией центральной равнины был создан прообраз южной цивилизации, которая и в наши дни осталась своеобразным культурным явлением. В южную цивилизацию вошли культура провинций Чжэцзянь и Цзяньсун, культура южной местности горной системы Циньлин, культура национального меньшинства Кэцзя и культура южной части провинции Фуцзянь.

Благодаря мореплаванию культура центральной равнины распространилась вначале на ближайшие острова Тайвань и Хайнань, а затем и в более дальние страны. Так, Япония, многие страны ЮВА, Вьетнам вошли в *семью конфуцианства*. В южной приморской части Китая появилось множество торговых портов, через которые шел обмен товарами, опытом с разными странами. Вместе с переселенцами из приморского восточного района Китая в государства ЮВА перешли и китайские ремесленные технологии, сельскохозяйственная культура, формы и методы управления, которые способствовали развитию местного хозяйства, обогатили быт и культуру аборигенов.

В то же время культура континентального Китая в какой-то мере ограничивала развитие заморской культуры. У Китая на протяжении длительного периода своей древней истории не было стимула к развитию двустороннего обмена и торговли с другими странами. В то время ближайшие соседи — Корея, Япония, страны Юго-Восточной Азии, были менее развиты, чем Китай. В древние времена эти страны в основном исполняли роль добросовестного ученика у Китая. Им нечего было предложить Ки-

таю в обмен на его передовую для того времени продукцию. Центральное правительство Китая располагалось вдали от культурных, экономических и политических центров других заморских стран. В то же время Китай имел удобные сухопутные пути, по которым беспрепятственно поступало все необходимое для функционирования власти.

Приморские районы по местонахождению считались дальними краями Поднебесной, их развитию не уделялось достойного внимания, хотя приморье имело регулярное морское сообщение с другими странами. Исключением была династия Южная Сун, когда столица Китая в результате нашествия с севера национального меньшинства Цзинь была основана вблизи моря. Цель переноса столицы, как указывает профессор Цзинаньского университета Лу Биньянь, была прагматической: морским путем было легче отступать. Северные кочевые племена часто нападали на Поднебесную империю. Политический центр страны должен был находиться не слишком далеко от северной границы, но и не слишком близко, поскольку сражения в основном происходили на суше¹. Центральные китайские правители стремились к стабильности своего правления. Поскольку заморские районы находились вне сферы их управления, они не поддерживали заморскую торговлю.

Хотя культура центральной равнины благодаря своим богатым ресурсам и огромной территории была самодостаточной и довлела над культурами менее развитых регионов и народностей, тем не менее можно утверждать, что в ходе ее распространения при столкновении с другими культурами преобладали не конфронтация, а мирный диалог и взаимообогащение, особенно в южном приморском регионе. Континентальная культура обогащалась за счет влияния северных народов, которые, проникая в центральную равнину, привносили не только собственный язык, но и новые способы жизнедеятельности.

Для континентальной культуры приморская культура выполняла прежде всего охранную функцию, но одновременно была местом консервации, а также служила форпостом для продвижения вперед. Когда север был захвачен кочевниками, автохтонная китайская культура выжила в южном приморском регионе. До сих пор в диалектах хакка, южнофуцзяньском, гуандунском и сянганском диалектах сохранился древний лексический пласт.

В отличие от севера страны островные китайцы, отделенные морем от военных смут, относились друг к другу более миролюбиво, культивируя такие качества, как дружелюбие и снисходительность. Зарубежные китайцы добились больших успехов в коммерции, а семейная привязанность к Родине про-

¹ 卢兵彦. 从大陆到海洋. 中国地缘政治的战略取向. /太平洋学刊. 2009年, 第5期, 63页 (Лу Биньянь. Из континента к морям и океанам. Геополитическая стратегическая направленность Китая//Научный журнал «Тайпиньян сюекань», 2009, № 5. С. 63).

является в том, что они всегда содействуют экономическому и культурному подъему своей родины, принося инвестиции, зарубежный опыт и знания.

Отличие между континентальной и приморской китайскими культурами стало усиливаться с династий Мин и Цин, которые наложили эмбарго на мореходство, запретившие выход в море даже маленьким суденышкам. Выгодам от коммерции центральная власть предпочла политическую стабильность.

Однако политика изоляционизма не привела к позитивным результатам. Вслед за наступлением эпохи великих географических открытий и началом экспансии европейского капитала западная культура стала активно взаимодействовать с приморской китайской культурой, а через нее влиять на континентальную жизнь Поднебесной. Благодаря судоходству приморское население познакомилось с тем, что происходило за морем. Юго-Восточный Китай при Цинской династии превращается в окно в другой мир, через которое в Китай проникли идеи модернизации. Практически все реформы начинались на юго-востоке страны. Гуанчжоу долгое время являлся единственным внешнеторговым портом при династии Цин.

Центральная власть пренебрегла перспективами развития своих приморских окраин, и те в свою очередь тоже дистанцировались от нее. Происходившие в центре события мало интересовали южан. В результате здесь складывалась своя региональная культура. Когда Англия прорвала блокаду и открыла «ворота Китая», торговая экспансия в Китай шла через пять внешнеторговых городов — Гуанчжоу, Фучжоу, Сямен, Нинбо и Шанхай, — расположенных в юго-восточном и южном приморском регионах. Эти города стали не только окнами, но и важными узловыми станциями для перегрузки товаров на север. Через общение с западными купцами приморское население расширяло кругозор, становилось более восприимчивым к новым веяниям.

Юго-восточный и южный приморские регионы стали базой для различных идеологических течений. Например, в конце правления династии Цин выдающийся китайский реформатор Кан Ювэй создал в Гуанчжоу академию «Ваньму», где воспитывались многие будущие деятели реформаторского движения. Китайские эмигранты из южного приморского района твердо поддерживали революцию и оказывали финансовую поддержку Сунь Ятсену. В период Китайской Республики (1912–1949 гг.) на юге сложился альянс партий Гоминьдан и КПК, отсюда начался их совместный Северный поход против северных милитаристов, который позволил сохранить единство Китая.

С начала проведения политики модернизации и открытости в последней четверти XX в. в южно-приморском регионе были созданы четыре свободные экономические зоны: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямень. Приморский регион благодаря длительным контактам с китайскими соотечественниками,

проживающим за рубежом, остается более привлекательным для инвестиций из Гонконга, Макао, Тайваня и Юго-Восточной Азии.

Диалог между внутриконтинентальной и приморской культурой продолжается и сейчас. Он имеет важное значение для понимания исторического прошлого и перспектив дальнейшего развития страны.

В конце 1980-х гг. возникла дискуссия о типологии китайской цивилизации, а также о причинах отставания Китая. Цивилизация центрального Китая — цивилизация *лессового плато* — стала синонимом консерватизма и замкнутости, а приморская культура признана открытой, более гибкой, поэтому этот регион был выбран в качестве первой площадки для учебы у Запада.

В конце XX в. КНР приступил к укреплению своей морской мощи. С 1990-х гг. в КНР зазвучали голоса об угрозе с моря, которые могут исходить от Тайваня и Японии. Некоторые предполагают, что споры о южно-китайских территориях станут ключевыми в ближайшее время. Основным моментом споров является вопрос о необходимости построения Китаем авианосцев².

Сторонники усиления так называемой приморской культуры ссылаются на историю Западной Европы. Очевидно, что благодаря своей активной морской политике Западная Европа сумела осуществить уникальную по масштабам экспансию. Китай в период своего древнего и средневекового расцвета упустил шанс через мореходство распространить свою цивилизацию по всему миру. Сегодня Китай должен развивать мореходство для того, чтобы усилить свои позиции в глобальной коммерческой конкуренции. Морской путь остается самым дешевым и удобным для перевозки больших партий грузов. Выход в море, безусловно, дает государству большие преимущества. Восточные и южные приморские районы, в которые китайское правительство уже вложило огромные инвестиции, в настоящее время, в свою очередь, оказывают огромную финансовую и интеллектуальную поддержку в подтягивании западного, отсталого в экономическом плане, региона.

Практика свидетельствует, что выходцы из южного приморского района легче налаживают успешные деловые отношения. Этот феномен требует более детального исследования влияния географического фактора на психологию, ментальность и ценности китайцев. Такое исследование позволит развить потенциал как внутриконтинентальных районов, так и всего китайского общества, а также устранить историческую дистанцию между южными и северными китайцами.

² 叶自成. 撰文支持陆权 中国的和平发展: 陆权的回国与发展. 世界经济与政治. 2007年, 第二期, 23页. 倪乐雄. ? 世界经济与政治 2007年 第十一期 22页

ЛАНДШАФТ И ЭТНОС

Э. С. Кульпин,
Институт востоковедения РАН,
МФТИ, ж. «История и современность»

Китайский вызов: пределы роста

(тезисы доклада)

На Планете Земля уже обозначены пределы роста, четко сформулированные Римским клубом¹. Макроподход характеризует Китай с его полуторамиллиардным населением (составляющим пятую, а возможно, четвертую часть всего человечества) как общепланетарное, а отнюдь не локальное или региональное явление.

Рост давления Китая на ресурсы своей страны. Пределы роста Китая определены ограниченностью собственных природных ресурсов. Укажем главные. По извлекаемой на поверхность нефти в среднем на одного китайца приходится 12 % от доли среднего землянина, по природному газу — 4,5 %. Китай является нетто-импортером сырой нефти, железной руды, марганцевой руды, медного концентрата и калийных удобрений.

Среднедушевой размер пашни в КНР составляет 46,4 % от мирового уровня. К тому же 60 % пашни расположено в районах с нехваткой воды или серьезно страдающих от засоления, эрозии почв и опустынивания. В Китае, согласно различным сценариям и в разных районах, снижение урожаев основных сельскохозяйственных культур к 2050 г. может быть, по прогнозам, следующим: риса — от 15 до 78 %, пшеницы — от 21 до 55 %, маиса — от 5 до 19 %.

Приходящаяся на жителя КНР площадь лесов составляет лишь 13,9 % от среднемирового уровня (по другим данным — 17 %). Китай практически прекратил вырубку собственных лесов и является одним из крупнейших импортеров круглого леса и лесоматериалов в мире.

¹ См. Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Денис Медоуз. Пределы роста. 30 лет спустя/Пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.

Запасы пресной воды Китая в расчете на душу населения составляют лишь четверть от среднемирового уровня.

В первом пятилетии XXI в. зависимость Китая от импорта составляла: по железной руде и бокситам — 50 %, по меди — 60 %, по нефти — 34 %. По ряду прогнозов, если не переломить складывающуюся тенденцию, в ближайшие 30 лет сырьевые и топливные потребности КНР в несколько раз превысят возможности собственного производства.

Дальнейший рост Китая возможен только за счет ресурсов всей Планеты.

Рост давления Китая на ресурсы Планеты. Уже в недалеком будущем значительная часть мирового сырьевого рынка должна будет обслуживать Китай. В КНР поставлена задача использования зарубежных рынков и полезных ископаемых, стимулирования выхода отечественных предприятий на международный рынок полезных ископаемых, укрепления сотрудничества и международных обменов в целях эффективного освоения зарубежных ресурсов полезных ископаемых. *Экономический рост Китая обуславливает скачкообразные увеличения спроса Поднебесной на импортные минеральные ресурсы² и скачкообразные повышения мировых цен на потребляемые Китаем ресурсы.³*

В планы Китая входит к 2020 г. в очередной раз учетверить ВВП. Если планы осуществляться, то при нынешней интенсивности использования природных ресурсов давление на природную среду страны увеличится в 4–5 раз. При этом что станет, по-видимому, одной из самых острых проблем среды обитания населения, если не самой дорогостоящей, так это уровень загрязнения пресных вод.⁴

² Так, рост экономики Китая более чем на 9 % в год с 2003–2004 гг. обусловил рост импорта нефти на 35 %, (с 91,1 млн в 2003 г. до 122,7 млн т в 2004 г.), железной руды на 40 % (соответственно, с 148 млн т. до 208 млн т).

³ В 1995–1996 гг. Китай за 18 месяцев импортировал 30 млн т пшеницы, что привело к повышению мировых цен на пшеницу почти вдвое. По некоторым западным оценкам, в 2030 г. дефицит продовольствия может составить более 200 млн т, что может повысить мировые цены на зерно в 7 раз. Растущее благосостояние китайцев позволит им, а снижение урожайности в самом Китае в связи с глобальным потеплением заставит их закупать все больше продовольствия на мировом рынке, стимулируя дальнейшие скачкообразные повышения цен на продукты питания во всем мире.

⁴ Потокам сырья и энергии, поддерживающим население и экономику, есть физический предел. И есть пределы стокам, которые способны поглощать выбросы и отходы человеческой деятельности. Ныне треть промышленных и две трети бытовых стоков Китая попадают в реки без предварительной очистки.

Для того чтобы найти приемлемые решения своих внутренних проблем, Китаю необходимо в 8–10 раз увеличить показатели эффективности использования природных ресурсов, что, в свою очередь, означает создание ряда принципиально новых технологий. Вероятность такого прорыва в ближайшее время достаточно низка. Вообще говоря, необходимость создания новых, прорывных технологий стоит перед всем человечеством, — но не так остро, как перед Китаем. Поэтому вряд ли Китай может рассчитывать на то, что мир будет решать проблему глобальной технологической перестройки в сроки, необходимые для решения внутренних проблем Китая. *Если же предоставленный самому себе Китай не решит эту фундаментальную для собственного развития проблему, остальные его проблемы также не будут решены, следствием чего окажется дальнейший рост давления Китая на ресурсы всей Планеты и рост внутренней социально-политической напряженности в самой Поднебесной.*

Рост внутренней социально-политической напряженности в Поднебесной. Три проблемы являются главными для современного Китая: первая — разрыв в уровне и качестве жизни в 10–20 раз между процветающими прибрежными провинциями и континентальной глубинкой, где находятся все сырьевые ресурсы страны; вторая — разрыв между богатыми и бедными (в том числе непосредственно на предприятиях: разница между доходами руководителей и рядовых работников государственных предприятий составляет от 3- до 15-кратного размера, но нередко бывает и 50-кратной); третья — противостояние города и деревни. Решать проблемы руководство и общество КНР пытается за счет роста экономики. *При этом в принципе не рассматривается проблема пределов роста, поскольку эта проблема вынесена за пределы Китая на Планету в целом.*

Рост социально-политической напряженности на Планете. Пределы системы Планеты не только конечны, но они могут даже уменьшаться в результате разрушения. Это происходит, если нагрузка слишком велика, чрезмерна эксплуатация ресурсов. Тогда в силу могут вступить нелинейные зависимости: после достижения пороговых значений разрушение происходит очень быстро и может стать необратимым. Чтобы этого не произошло, необходимо целенаправленными усилиями замедлить, а затем остановить рост населения (Планеты) и капитала (в развитых странах и Китае), чтобы предотвратить наступление проблем (иначе ситуация будет ухудшаться до тех пор, пока система не выйдет за пределы и пока обратные связи не укажут на это в явной форме). *И от того, как будут решены внутрикитайские проблемы, во многом зависит развитие всей Земли.*

Е. А. Борисова,
Институт востоковедения РАН

Споры вокруг Рогунской ГЭС

(тезисы доклада)

Споры вокруг Рогунской ГЭС между Узбекистаном и Таджикистаном не только показывают наличие конфликта между верховьями и низовьями в отношении объемов потребляемой воды, но и затрагивают все сопутствующие экологические проблемы. Таджикистану эта ГЭС жизненно необходима, чтобы стать наконец-то энергонезависимым государством. Но Узбекистан выступает против строительства гидроэнергостанции на Рогуне, мотивируя это прежде всего возможными экологическими проблемами (нарушение водного/экологического баланса, незащищенность проекта от угроз техногенного характера, строительство ГЭС на сейсмоопасной территории и т. д.). Хотя, возможно, основное его опасение, что Таджикистан, контролируя через Рогунскую ГЭС сброс воды, получит рычаги влияния на Узбекистан.

На все эти претензии у Таджикистана есть собственная аргументация. Один из его аргументов, что соседняя страна прежде всего должна обратить внимание на собственные нерешенные экологические проблемы и решать проблему водного дефицита на собственной территории, а не заикливаться на Рогуне, который с точки зрения таджикской стороны соответствует всем экологическим нормам. Таджикские эксперты приводят доказательства, что основными мероприятиями по снижению дефицита воды в бассейне реки Амударья являются осуществление реконструкции оросительных систем и строительство Рогунского водохранилища. В оросительных системах Узбекистана отмечаются значительные потери воды, так как только тридцать пять процентов протяженности каналов имеют противоточную облицовку, более пятнадцати тысяч километров межхозяйственных и магистральных каналов (шестьдесят процентов всей их протяженности) нуждаются в реконструкции. Другие претензии узбекской стороны также парируются Таджикистаном.

Так чьи аргументы более убедительны? Насколько Рогунская ГЭС на самом деле изменит экологическую ситуацию в регионе в ту или иную сторону? Чего больше в этих спорах: реальной заботы об экологии, политического соперничества или экономической выгоды? И на чьей стороне мировое сообщество?

Б. А. Деспиней-Жоховска,
Сорбонна, г. Париж¹

Системная трансформация и тождественность в пограничье Германии, Польши и Чехии (тезисы доклада)

Введение

Все чаще экономическое развитие понимается как результат торгового обмена, тем временем оно является главным образом сбором отношений между сгруппированными единицами в данном географическом пространстве, имеющем определенную культуру и историю. Цель статьи — представление нескольких замечаний и рефлексий на тему роли культуры и тождественности в экономических поведеньях в посткоммунистических экономиках². Проблематика, представленная в докладе, касается анализа возникающих в настоящее время новых территориальных единиц, часто наднациональных, а также условий их использования для развития государств. Насколько существенна роль культуры в экономических действиях, следует из моих исследований, прежде всего при верификации поставленной мною гипотезы о возможном восстановлении локальной производственной (производящей) системы на польско-чешско-немецкой границе в Еврорегионе «Ныса» (Деспиней-Жоховска, 1997, 2005). Работа поддерживает теоретические тезисы исследованиями, сделанными в районе, а также качественное приспособление статистических мер к новым критериям исследований. Задача этих multidisciplinary исследований — создать возможность определения подобия и разницы между возникающими локальными продукционными системами. Речь идет о том, чтобы понять, каким способом «регенерируются» в единых локальных системах такие компоненты, как работа, взаимные отношения, культура, материальная и нематериальная инфраструктура³. Эти компоненты опре-

¹ Chargée de recherche в Экономическом Центре Сорбоны, CNRS-Университет Париж 1 Panthéon-Sorbonne, 126–112, Boulevard de l'Hôpital, 75647 PARIS CEDEX 13, e-mail: despiney@univ-paris1.fr.

² Проблематика эта изложена мной в работе Глобализация: экономика, работа, культура. К 70-летию со дня рождения профессора Лешка Гилейко, ГЭУ, Варшава 2003.

³ Antonelli C., Technical district and regional innovation capacity, в: Revue d'Economie Régionale et Urbaine, № 5/1986.

деляют тождественность исследуемого региона и его место в международном разделении труда, который в настоящее время определен глобализацией. Также на уровне региона все чаще исследуются проблемы, связанные с инновационностью предприятий, и то, что теперь в общем называется экономикой, основанной на знании. Глобализация экономики подчеркивает, с одной стороны, полностью условный характер территориального положения, а также его историческую и культурную относительность, а с другой стороны, показывает, что возможны новые способы освоения пространства⁴. Традиции и опыт определенной локальной производственной системы должны быть вписаны в глобальную сеть. Однако если локальная производственная система не войдет в глобальную сеть, то она останется только фольклором⁵.

Доверие и культурная близость — условия, детерминирующие процесс «взаимного обучения»

Системная трансформация, реунификация Германии, а также вступление Польши и Чехии в Европейский союз диаметрально изменили значение границы Одер – Нейса. Легкость, с которой можно теперь ее пересекать, создает возможность постоянных контактов, оживляет торговый обмен, миграции и конфликты. Сегодня эта граница является так называемой линией шва, зоной контактов, а также местом конкуренции и возможного сотрудничества. Актуальная ситуация создает условия для образования «маршалловской атмосферы», которая необходима для восстановления локальной производственной системы. Отождествление местного населения с регионом — это очень важный элемент при восстановлении этой же «атмосферы» (*Quaderni*, N°34, 1997/98). Опросы, проведенные в Польше и Чехии, позволяют отметить позитивные явления в этой области, помимо факта, что население в этих регионах главным образом неместное. Чешские исследования показывают, что население, живущее в регионах, граничащих с Германией, проявляет стабильность в ответах. Только 3,5 % анкетированных задекларировало желание изменить место жительства, 76,6 % декларирует желание остаться на месте, а 19,5 % изменить может когда-нибудь, но не сразу. Что касается районов, входящих в Евроорегион (Дэтин/Decin, Чешска-Липа, Либерец⁶), только 5 % населения деклариру-

⁴ Badie B., Smouts M.-C. (Ed.), 1996, *International sans frontières*, Paris, L'Harmattan. С. 11.

⁵ Beccatini G., Rullani E., «Système local et marché global. Le district industriel», в: *Economie industrielle et économie spatiale*, Economica, Paris, 1995. С. 186.

⁶ Район Семилы не был анкетирован.

ет желание выезда, 18 % может выедет когда-нибудь, а 77 % не намерено менять место жительства. С самого начала возникновения Еврорегиона отмечается прирост населения по польской и чешской сторонам. Однако немецкое население Еврорегиона не перестает уменьшаться, что является последствием глубокого кризиса, в котором находится восточная часть Германии после реунификации. Это видно по тенденциям выезда среди молодежи в западную часть страны. С самого начала трансформации это особенно касалось восточной Саксонии (Голдхан, 1997). Единственным исключением оказались Лужице, где проживает население славянского происхождения. Согласно опросу, проведенному в Липске, следует, что экономические результаты в начале трансформации были лучше в районе между Каменц и Баутцен, нежели в районах, где проживает немецкое население, переселенное с территорий, принадлежащих в настоящее время Польше (*Региональная Европа*, № 1, 1996, С. 21). Это население насчитывает около 100 000 человек, среди которых 80 % — это протестанты, а 20 % — католики. Оно более идентифицируется с регионом, нежели население этнически немецкое. Ему удалось в течение тысячи лет уберечься перед германизацией, и 50 лет лучше, чем немецкое население, переносить «пруссский коммунизм» (власти ГДР поддерживали это меньшинство)⁷. Факт, что это меньшинство смогло сохранить свою тождественность, культуру и язык в течение тысячи лет существования, может быть элементом, объясняющим лучшие экономические результаты в начале трансформации. Институционалисты подчеркивают, что те же верования и модели мышления облегчают межличностное взаимодействие, упрощая тем самым процесс совместного обучения (Dentzau&North, 1994). Меньше также стоимость транзакции и более рационально экономическое поведение личностей, принадлежащих к одной этнической группе. Исследования показали, что у евреев, индийцев и китайцев, живущих в диаспоре, стоимость транзакции ниже, нежели у остального населения, среди которого они живут. Общее культурное наследие вызывает исчезновение разницы в интерпретации окружающих людей, явлений и более рациональным становится экономический выбор. Поведение поляков и чехов, проживающих в приграничной зоне с Германией, показывает их большую экономическую активность и неуклонно развивающиеся явления предприимчивости. Нельзя этого сказать о немцах из бывшей ГДР, полностью «рассогласованных» после изменения системы. Руководящие должности часто занимают *Весси*⁸, чтобы ввести западную практику менеджмента и управления предприятием.

⁷ Этот термин часто используют французские исследователи, cf I. Samson et al, 1995 *sprawd? po przecinku, co to jest cf? np?*

⁸ Так называют немцев в западной части страны.

А. В. Дроздов,
Институт географии РАН

Российский синдром экологического мародерства

Синдром (от греческого «скопление») — это закономерное сочетание различных признаков болезни, обусловленных общим происхождением. Известны, например, синдром Дауна и синдром алкоголизма. Первый имеет сугубо биологический генезис (патология хромосом), второй — и физиологический, и социальный.

Мародерство — социальная болезнь. По-видимому, слово происходит от имени одного из военачальников времен Тридцатилетней войны, допустившего разграбление захваченных его армией городов. Явление это, как и воровство, в моральном аспекте преступно и осуждается, во многих странах сурово наказуемо, особенно если совершено военными. В современной России этого явления юридически не существует. Его нет ни в уголовном, ни в административном кодексах. Нет его и в юридической практике.

Обычно мародеры присваивают чужое имущество в момент, когда оно временно или навсегда утрачивает собственников (война, стихийное бедствие). И примеров этому у нас в стране, да и в мире достаточно.

А что же такое экологическое мародерство? Какое и чье имущество присваивается? Кто может доказать, что присвоено чужое имущество, если это воздух, вода, дикая природа или вообще природа? Я думаю, все понимают, о чем идет речь — экологические мародеры присваивают природную среду других людей, ее материальные и нематериальные блага. Их экологический след на Земле отвратителен.

Вы скажите — но ведь земля, например, может существовать и существует в частной, а отнюдь не только в общечеловеческой собственности? Да, но с так называемыми обременениями, определяющими допустимые режимы ее использования. И не любая земля может быть частной. На этот счет есть определенные требования земельного, водного, лесного законодательства.

Вы скажите, стало быть, все ясно с тем, какое природное имущество, какие земли кому принадлежат. И мародерство в его классическом понимании в этой ситуации невозможно и не может оставаться безнаказанным?

Казалось бы, так и есть. Хотя в законодательстве всегда находятся прорехи. А его нарушители далеко не всегда выявляются и наказываются. Но речь далее пойдет не об экологических нарушениях или преступлениях в их юридическом аспекте. А о мародерстве в экологической сфере как о моральном, нравственном преступлении. О его проявлениях и корнях.

Корни

В 1960–1970 годы мне приходилось много ездить по российским черноземным областям. Эти места почти сплошь распаханы, небольшие лесочки прячутся в балках, в долинах рек. Вдоль этих балок и рек вытянуты села. Это все плодородные, богатые земли. А вот деревни встречались там очень разные. С ухоженными домами и дворами, с палисадниками, полными цветов, и удивительно бедные и неопрятные, с грязными улицами, почти без зелени. Вокруг таких убогих деревень леса вытаптывала скотина, повсюду попадались пни.

Но ведь земля там была одна и та же — богатая, щедрая. Я долго не мог понять, отчего совсем рядом люди живут так разное. И вот однажды, в усадьбе Тургенева в Спасском-Лутовинове, вспомнил его Хоря и Калиныча. Они тоже жили рядом, но как разительно отличались их дома.

Может быть, и те столь разные соседние деревни отличались не природой, а характером людей? Их отношением к земле? Может быть, дело — в прошлом этих людей, в их истории на протяжении XVII–XVIII веков? Ведь на тогдашней окраине России, на границе лесов и степей, да и южнее не все крестьяне были под помещиками, не все были крепостными. Там возникали поселения свободных земледельцев, ушедших от неволи на край страны. Эта территория именовалась Слободской Украиной. Ныне это части Харьковской, Донецкой, Сумской, Воронежской, Белгородской, Курской областей. Там же вырастали казачьи слободы. И они, и слободы вольных крестьян никогда не были грязными и убогими. Там жили люди, распоряжавшиеся своей судьбой и своей землей. Могли ли они мародерствовать на этой земле? Думаю, не могли.

Иначе жила крестьянская община под помещиками. Она была снисходительна к мужику, спилившему дерево в барском лесу. Но жестоко судила вора, укравшего что-нибудь у крестьянина. Помещик, а позднее и купец могли с легкостью вырубить или продать лес (вспомним тургеневского Бирюка и чеховского Лешего). Князья и русские цари жаловали своих подданных дачами — не домиками или домами, а участками земли, нередко лесными.

Лесные отношения стали весьма значимыми. Леса были осознаны и как особо ценные экологические ресурсы. И в отношениях власти и общества к лесам сейчас, как и прежде, выразительно проявляются экологические аспекты общественной морали.

Увы, сейчас, как и прежде, для многих людей лес служит или только товаром, источником заработка, или только возжеланным местом для устройства резиденции.

В школьные годы я пешком прошел многие леса Подмосковья. Нередко в очень привлекательных местах упирался в забор особого типа — высокий, зеленый, с глухими воротами и сторожевыми будками. Это были госдачи. Тогда я принимал их как данность, и уже только потом, в хрущевскую оттепель, прочитал миниатюру Александра Солженицына «Озеро Сегден».

Вот ее фрагменты.

«Об озере этом не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку; над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая черточка. Человек или дикий зверь, кто увидит эту черточку над своим путем — поворачивай! Эту черточку ставит земная власть. Эта черточка значит: ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя...

Озеро в небо смотрит, небо — в озеро... Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий. Между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли.

Нельзя. Лютый князь, злодей косоглазый, захватил озеро: вон дача его, купальни его... Злоденыа ловят рыбу, бьют уток с лодки...

Там, за лесами, горбит и тянет вся окружная область. А сюда, чтоб никто не мешал им, — закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них...

Озеро пустынное. Милое озеро... Родина...».

Страшный рассказ. Тогда он показался мне слишком резким, а суждение о том, что так устроена вся моя Родина, преувеличением.

Но таких мест у нас все больше и больше. Власть расширяет свои резиденции. Выбирает прекрасные места, например, в Кавказском государственном биосферном заповеднике (см. материалы Экологической вахты, пресс-релиз от 21 сентября 2008 г., Лунная поляна, «Идите и не останавливайтесь», <http://www.ewnc.org/?q=node/1478>). И не только высшая власть устраивает себе резиденции. Начальники разных уровней следуют при-

меру старших. А может быть, старшие действуют так же, как все, как все наше общество?

Ведь и многие наши люди, отнюдь не из власти, и отнюдь не те богачи, что скупают экологически ценные лесные участки для своих коттеджей, не очень вдумчиво обращаются с лесом. Многие незаконно и беспощадно рубят его для продажи. Нередко поджигают леса первой категории, чтобы перевести их в категорию, допускающую рубки.

Можно думать, что корни такого отношения к лесу давние и глубокие. Мужики воровали помещичий лес, помещики и купцы могли рубить леса без оглядки. Советское лесное хозяйство было тоже не слишком экологичным. «Архаровцами» (беспутными людьми) назвал рабочих приангарского леспромхоза герой повести Валентина Распутина «Пожар».

Но главное дело тут не исключительно в отношении к лесу. Дело в общественной морали. В неписаных кодексах поведения. Ведь оценки Тургенева, Чехова, Солженицына, Распутина — моральные оценки. Но и экологические. Потому что экологическое мародерство произрастает из морали. Другое мародерство тоже.

Современные проявления и признаки

Однако экологическое у нас сейчас особенно опасно, оно повсеместно и обществом почти не осуждается. Если сравнить разные области права по распространенности его нарушений, думаю, экологическое окажется на одном из первых, если не на первом месте. В самом деле, разве многим людям кажется предосудительным нарушать экологические нормы? Чья совесть встрепенется, если речь идет о каких-то там птичках, травках и даже деревьях?

Показательный городской пример — это букетики подснежников и ландышей возле метро и рынков. Кто не знает, что покупать их — значит участвовать в экологическом правонарушении, поощряя браконьеров и торговцев и лишая других людей возможности любоваться этими цветами в лесу или на поляне? А ветки цветущей черемухи? У кого не поднимется рука обломить их?

Таково экологическое мародерство в простейшем виде. Эти примеры — из совокупности признаков синдрома, о котором идет речь. Но есть и другие признаки. Их проявления мы наблюдаем на всех этажах общественной лестницы, в самых разных социальных группах.

Хорошо помню вот какой эпизод. Летом 1990 года в составе экспедиции Академии наук СССР мы работали в окрестностях Красной Поляны. Нам нужно было познакомиться с Генеральным планом города Сочи. Главный архитектор города охотно нас принял, мы начали обсуждать с ним какие-то проблемы. Вдруг в кабинет вошли люди, облик и манеры которых ясно указывали: это важные персоны. Оказалось — представители Олимпийского комитета СССР. Они хотели вместе с главным архитектором наметить места проведения будущей зимней олимпиады в Красной Поляне. Тогда речь шла о казалось бы еще далеких 1998 или 2002 годах. Архитектор предложил и нам, «научникам», участвовать в облете территории.

С вертолета мы осмотрели все ближние и довольно далекие окрестности Красной Поляны. Несколько раз приземлялись. Более всего гостям понравились склоны хребтов в верховьях Мзымты и ее притоков. На мое замечание, что это территория Кавказского государственного заповедника, первый ответ был: не может быть. Когда же я показал карты, последовал другой ответ: «подумаешь,отрежем от заповедника».

Вот и совсем недавно руководитель российского Олимпийского комитета Леонид Тягачев в ответ на протесты экологов, отстаивающих целостность Кавказского государственного биосферного заповедника от притязаний «олимпийцев-застройщиков», заявил, что, если придут «зеленые» и начнут, размахивая Конституцией, говорить о том, что нельзя рубить елки и сосны, проще будет поменять Конституцию (http://www.seu.ru/news_ru/index.html?x=9481). Это позорный пример безответственного поведения. Но это сигнал обществу, особенно чиновникам всех уровней.

А вот сигнал В. В. от Путина — фрагмент его диалога с сопредседателем Международного социально-экологического союза С. И. Забелиным 20 июля 2005 года на встрече с членами Совета по правам человека при Президенте РФ. Забелин высказал обеспокоенность ограничением полномочий государственной экологической экспертизы и недостаточным вниманием государства к экологическим проблемам. Путин, наряду с прочим, сказал в ответ следующее.

«В цивилизованном решении этих проблем мы все в высшей степени заинтересованы... Я ни в коем случае не подвергаю сомнению то, что Вы сейчас сказали, наверное, и здесь нужно еще посмотреть повнимательнее... Но эти экологические экспертизы не должны препятствовать развитию страны и ее экономики... Но, как мы только начинаем что-то делать, одна из линий атаки против нас всегда — экологические проблемы. Посмотрите, на Каспии что происходит. Стоило там «Лукойлу» по-

ставить платформу: нет, нельзя, потому что экология. А все компании, которые там пытаются работать, не имеют таких чистых технологий, которыми пользуются наши компании.

К чему я это говорю? К тому, что для того, чтобы взаимодействие между экологическими национальными организациями, которые используются во благо нашей страны, а не как инструмент конкурентной борьбы с развитием нашей экономики, состоялось в нормальном режиме, нам, конечно, нужны больший контакт и большее доверие. Именно поэтому я говорил о том, что, когда идет финансирование подобного рода работы из-за рубежа, это вызывает подозрение у государства и компрометирует и общественные организации самого разного толка. (<http://www.demos-center.ru/news/4598.html>).

В этой цитате — немало признаков неблагоприятного экологического сознания: общественность «используется», экспертизы не должны «мешать» развитию страны (замечу, это инструмент проверки законности проектов. — А. Д.), экологические проблемы — это «линия атаки», финансирование из-за рубежа «вызывает подозрение» и «компрометирует общественные организации».

Совершенно иной — сигнал это заявление В. В. Путина в Сочи 4 июля 2008 года. Цитирую по «Российской газете», федеральный выпуск № 4700:

В среду в Сочи премьер Владимир Путин провел совещание по проблемам соблюдения экологических требований при подготовке к Олимпийским и Паралимпийским играм 2014 года. На нем он пошел навстречу экологам и заявил о необходимости переноса санно-бобслейной трассы и горной Олимпийской деревни. «Из приоритетов по важности между деньгами и экологией мы делаем выбор в пользу экологии. Иначе природе будет нанесен такой ущерб, который мы не сможем устранить никакими финансовыми усилиями», — заявил премьер. «Все, что мы делаем, должно быть направлено на улучшение среды обитания наших граждан», — сказал премьер. Однако, по его мнению, развитие инфраструктуры и соблюдение экологических требований всегда находятся в конфликте. В любом случае, уверен Путин, решение подобного уровня должно происходить публично, открыто и гласно, «только тогда окончательное решение может стать оптимальным».

Что ж, будем надеяться, что это был сигнал не только членам Международного олимпийского комитета, но и российским чиновникам и что экологическое сознание Путина стало более развитым и гармоничным.

Но, к сожалению, приходится признать, что неразвитым или неблагоприятным экологическим сознанием обладают многие участники процесса

принятия экологически значимых решений. Результаты специального исследования этого феномена были недавно опубликованы¹. Изучались позиции и суждения представителей нескольких социально-профессиональных групп: инициаторов проектов и их инвесторов, разработчиков оценок воздействия на окружающую среду, членов комиссий государственной экологической экспертизы, представителей местных властей, общественности, массмедиа. Один из основных выводов: все предубеждены против всех, не доверяют друг другу, полагая, что правы только они. При этом собственно экологические аргументы в процессе принятия решений оказываются далеко не главными и часто всерьез не рассматриваются.

Итак, каковы же основные признаки (проявления) синдрома экологического мародерства, присущего нашему обществу? Безусловно, ниже перечислены не все, и, скорее всего, они будут дополнены, исправлены, переосмыслены, ранжированы. Ведь чтобы выстроить устойчивую, надежную картину синдрома, нужен труд многих специалистов, нужно время.

И все же предлагаю для обсуждения совокупность признаков, сочетание которых представляется мне неслучайным:

- множественные нарушения формальных экологических норм;
- значительные прорехи в экологическом законодательстве, отказы рассматривать экологические жалобы и иски, неправомочные действия или бездействие правоохранительных, контрольных и надзирающих органов;
- практика использования природных ресурсов и характер экономики;
- антиэкологические и антиобщественные аргументы политиков и бизнеса (экологи как враги и помеха, вот «разбогатеем, тогда и займемся экологией», «вот встает какая-то бабуля и говорит» ...);
- тематика и результаты деятельности природоохранных общественных организаций (например, соотношение протестных и образовательных кампаний);
- экологическое волонтерство — его масштабы и результаты;
- экологическая безграмотность (некомпетентность судебных и управленческих решений, содержание образовательных программ);
- равнодушие и пассивность граждан;
- безразличие и недобросовестность СМИ;
- горы мусора за порогом квартиры или дома или за забором;
- варварские «пикники на природе»;

¹ Оценка воздействия на окружающую среду и российская общественность: 1979–2002 годы. Коллектив авторов. Ответственный редактор А. В. Дроздов. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2006.

- мытье автомашин в речках и озерах, парковки на газонах;
- бродячие собаки;
- букетики диких полевых и лесных цветов, собранные или купленные гражданами.

Некоторые из этих признаков обнаруживать и оценивать просто, другие сформулированы обобщенно и могут быть представлены преимущественно в качественной форме. Часть из этих признаков характеризует рамочные или генерирующие условия синдрома, другие — его прямые проявления. Тем не менее нельзя не признать: синдром уже существует и разрастается именно как мародерский и не только в сфере правовой, но прежде всего в моральной. Впрочем, они тесно связаны.

Утришская «модель»

Утриш — это приморская часть полуострова Абрау между Анапой и Новороссийском. Она представляет собой естественный резерват дикой природы. Прибрежное море здесь самое чистое во всем Северном Причерноморье. На российском черноморском побережье это единственный участок практически нетронутого реликтового леса (три вида древовидных краснокнижных можжевельников, множество других растений-эндемиков, в целом — около 60 видов растений и животных, занесенных в Красную книгу России). Экосистемы полуострова необычайно ценны — как наземные, так и морские. Это сочетание всех основных видов ресурсов (ресурсов генетических, ресурсов редких биологических видов, ресурсов их местообитаний), оберегаемых Конвенцией о сохранении биологического разнообразия, которую Россия ратифицировала.

К началу 1990-х годов экологическая ситуация на Утрише резко ухудшилась. Поэтому научная общественность стала все более активно добиваться придания этим местам природоохранного статуса. В 1994 году был создан комплексный сухопутно-морской заказник краевого подчинения «Большой Утриш». Он простирается неширокой полосой между поселками Малый и Большой Утриш. В связи с особой ценностью территории в согласии с Распоряжением Правительства РФ от 23 мая 2001 г. № 725-р в период до 2010 года здесь должен быть создан Утришский заповедник. Этому распоряжению предшествовали другие подобные решения, принимавшиеся в 1990-х годах на уровне природоохранного министерства.

Заповедник должен быть создан, но по сей день его нет. Почему? Подробно эту историю описал С. Л. Перешкольник в журнале «Охрана дикой природы», № 2 (27), 2004 (<http://www.biodiversity.ru>).

Сейчас экологическая ситуация в заказнике приближается к критической. В ноябре 2007 г. рядом с озером Змеиное незаконно был вырублен и расчищен под дорогу значительный участок можжевельново-фисташкового леса. Совсем недавно активисты-экологи Анапы и представители общественной организации «Экологическая вахта по Северо-Западному Кавказу» обнаружили новое организованное вторжение на территорию заказника. Вот фрагмент из обращения Экологической вахты от 15.12.2008 № EW-137/1–08 в Росприроднадзор по Краснодарскому краю:

«Начиная с 13 декабря 2008 года и по настоящее время, согласно сообщению членов нашей организации, проживающих в г. Анапа, в 50-м квартале Анапского участкового лесничества Новороссийского лесничества, а также на территории заказника «Большой Утриш», ООО «Главпромстрой» ведутся незаконные работы по строительству дороги Сукко — Утриш. В ходе работ осуществляется раскорчевка пней, оставшихся после вырубки деревьев в целях строительства лесохозяйственной дороги, и отсыпка дорожного полотна.

Реализация проекта дороги Сукко — Утриш является незаконной, так как этот проект не получил положительного заключения государственной экологической экспертизы, которая, согласно Федеральному закону «Об экологической экспертизе», обязательна для любых проектов строительства в пределах особо охраняемых природных территорий».

В этом обращении отмечено и много других нарушений, свидетельствующих о самовольности и противозаконности строительства и рубок. Подробная информация о них содержится на сайте Вахты <http://www.ewnc.org/utrish>. В ответ на это обращение оперативного вмешательства властей в ситуацию не последовало. И только множество писем в другие правоохранительные и надзирающие органы, запросы депутата Государственной думы, кампания в Интернете и сообщения о готовящихся акциях протеста спустя неделю 21 декабря привели к приостановке работ. Надолго ли?

Судя по официальной информации Департамента лесного хозяйства Краснодарского края, опубликованной 16 декабря на сайте <http://dlhkk.ru/news/2008/84.html>, власти стараются придать строительству дороги видимость согласованного и экологически целесообразного проекта (четырёхполосную асфальтированную дорогу объявили противопожарной). Возможно, готовятся и другие столь же «убедительные» обоснования.

Здесь необходимо напомнить, что когда какой-либо проект противоречит законодательству об особо охраняемых природных территориях, органы исполнительной власти разных уровней часто своими решениями сокращают площадь этих территорий.

Так, глава администрации города Новороссийска еще 10 лет назад издал Постановление (№ 1097. Новороссийск, 14.08.1998) «Об изменении границ природно-исторического заказника внутрихозяйственного значения «Абрауский»» для того, чтобы через заказник прошел нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума. В результате в районе Южной Озереевки на протяжении около 1,5 км были уничтожены значительные участки редких и ценных фитоценозов: сосновых, дубово-можжевельниковых и дубово-грабовых лесов.

Так было и с Сочинским национальным парком, когда в угоду олимпийским планам 2014 г. было изменено его зонирование.

Не исключено, что подобным образом в ближайшее время с заказником «Большой Утриш» намерены поступить и власти Краснодарского края.

В самые последние дни декабря незаконные работы возобновились при бездействии властей. Экологи вынуждены были организовать акцию гражданского сопротивления. Им несколько раз удавалось останавливать бульдозеры и экскаваторы, удавалось от времени до времени добиваться содействия местной милиции, весьма неохотно исполняющей свои прямые обязанности по пресечению незаконных действий строителей дороги. Хроника событий, дальнейшее развитие которых предсказать трудно, подробно представлена на двух сайтах: www.save-utrish.ru и www.ewnc.org.

Наконец в середине января Министерство природных ресурсов и экологии России выступило с заявлением о намерении возбудить уголовное дело против строителей дороги. Рубки и стройка снова остановились. Тем временем выяснилось, что некая организация арендовала на берегу участок под застройку — по-видимому, к нему и прокладывалась дорога через уникальный лес.

Кто же участники этих событий и кто экологические мародеры? Решайте сами, я только перечислю всех. Но прежде посмотрите хронику и опубликованные документы. Ситуация на Утрише меняется сейчас быстро.

Итак, известные участники:

- ООО «Главпромстрой», без необходимых разрешительных документов строящее на территории заказника автомобильную дорогу — рабочие, техники-геодезисты и их начальники;
- официальный заказчик строительства — Департамент лесного хозяйства Краснодарского края;
- активисты-экологи Анапы, Краснодара, Майкопа и откликнувшиеся на их призыв граждане разных городов России, в основном юноши и девушки, съехавшиеся в заказник, чтобы остановить строительство;

- другие экологи и откликнувшиеся на их призыв граждане, подписавшие письма протеста с требованиями остановить строительство и создать-таки Утришский заповедник;
- природоохранные и правоохранительные органы Краснодарского края и Анапы, в том числе прокуратура и милиция; им были направлены заявления экологов о нарушениях со стороны «Главпромстроя»;
- федеральные властные структуры, к которым были обращены протесты.

Существуют ли неизвестные участники? Вполне возможно, поскольку формальному заказчику работ — лесному департаменту Краснодарского края — такая дорога в качестве противопожарной едва ли нужна. Да и зачем бы этому департаменту нарушать экологическое законодательство, заказывать и разрешать строительство без должных обоснований? Впрочем, нередко необходимые документы появляются задним числом, уже после выполненных строительных или иных работ.

Утришская «модель» — это характерная современная практика «освоения» Черноморья. Она логически наследует тенденции последних лет, направленные на последовательную дезэкологизацию использования наших природных ресурсов. Исключений немного. Делается это в угоду безответственному бизнесу и удовлетворению потребностей не только властной верхушки, но и начальников всех уровней.

Что может остановить такое «освоение»? В первую очередь на государственном уровне это могли бы быть экологически корректные планы землепользования и для полуострова Абрау, и для всего черноморского побережья, имеющие нормативную силу.

К сожалению, во многих заявленных (и при этом весьма нечетких) планах развития побережья нет ясных экологических обоснований — преобладают сугубо экономические мотивы. К тому же эти планы мало доступны как местным жителям, так и общественным организациям. А это потенциальная опасность возникновения конфликтов.

Необходимо публично обсудить проблемы всего черноморского побережья и разработать экологически и социально ответственную стратегию его развития. Для этого потребуются объединенные усилия профессиональных коллективов и авторитетных специалистов, занимающихся экологически ориентированным территориальным планированием, охраной природы, рекреационным планированием, решением экологических, экономических и социальных проблем, а также непременно широкой общественности — местных жителей и общественных организаций региона и страны.

Но, как мы видим, ни федеральные, ни региональные власти не озабочены разработкой такой комплексной стратегии. Напротив, периодически возникают не увязанные между собой, а нередко и противоречивые отдельные дорогостоящие проекты. Таковы, например, попытки регулярно возвращаться к плану строительства магистрали из той или иной республики Северного Кавказа через Главный Кавказский хребет к Черному морю. Я уже не говорю об Олимпиаде-2014, планы осуществления которой во многом не только антиэкологичны, но и плохо продуманы с финансовой и логистической сторон.

Не склонны власти и к открытому диалогу. Более того, в последнее время были приняты поправки в законодательство, например, о референдумах, существенно ограничивающие (но не исключаящие!) возможности участия общественности в решении ее насущных проблем.

Quo vadis?

Все мы помним пушкинское «...и страждут озими от бешеной забавы». Что изменилось в нашем обществе с той поры? Меньше ли страждет земля? Только ли псовая охота на озимях достойна морального осуждения?

Конечно, нет. Изменений немало, они существенны и важны для нашего будущего. По большей части они опасны. Но есть и такие, что указывают возможные пути избавления от мародерского синдрома.

«Успех безнадежного дела» — так называется книга, изданная Центром охраны дикой природы². В ней представлены более ста историй успешных природоохранных кампаний, проведенных разными общественными организациями страны в последние годы. Опыт этих кампаний очень ценен, он конкретен, это реальная практика. Книга доступна на сайте <http://www.biodiversity.ru/programs/experiment.html>.

Недавно успеха добились жители подмосковных Химок. Их энергичные требования вынудили местную администрацию отменить решение о прокладке магистрального шоссе через ценный лес в окрестностях города. Были митинги, пикеты и лагеря протеста, более 12 тысяч подписей под письмами протеста, обращенными к высокому начальству. Но корреспондента, освещавшего эту кампанию, неизвестные негодяи так избили, что он уже долгое время лежит в больнице.

Помню слова одного литовского защитника вильнюсского телецентра в январе 1991 года: демократия жива, если кто-то готов за нее умереть. Это

² Успех «безнадежного дела»: положительный опыт общественной природоохранной работы / Н.А. Соболев (авт.-сост.). М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2006. С. 232.

знали и защитники московского Белого дома в августе того же года. К счастью, танки никогда не атаковали протестующих экологов. Но останавливать бульдозеры и экскаваторы, как мы знаем, экологическим активистам на Утрише уже пришлось.

Значительным успехом следует считать продвижение экологических принципов природопользования в лесном бизнесе. Это добровольная лесная сертификация по схеме Лесного попечительского совета (FSC). Она позволяет сделать управление лесами экономически устойчивым, экологически ответственным и социально ориентированным. Эффект ее определяется тем, что на международных рынках продавать несертифицированную продукцию становится все труднее, и бизнес вынужден к этой ситуации приспосабливаться. Существуют международные стандарты сертификации по схеме FSC, но для наиболее эффективного применения ее принципов требуется разработка национального или регионального стандарта, приспособленного к конкретным условиям. Российский национальный стандарт разрабатывался более 7 лет, на окончательную аккредитацию была представлена его пятая версия. По мнению FSC, это один из лучших стандартов. Он принят и вступил в действие с 11 ноября 2008 г. (<http://www.wwf.ru/resources/news/article/4365>). Это означает, что вскоре все российские предприятия должны будут перейти на использование национального стандарта.

Как в нашем обществе будут развиваться отношения властей и экологов, предсказать трудно. Вариантов поведения властей сейчас может быть несколько, но предвидеть их нельзя. Векторы, в последние восемь лет определяющие их поведение, — это деэкологизация законодательства, пренебрежение общественным мнением. На стороне властей сейчас и крупный бизнес. Или власти на его стороне?

Случаются, однако, и не вполне объяснимые удачи. В самом начале 2006 года закончила работу федеральная комиссия государственной экологической экспертизы, проверявшая документы обоснования строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан. По проекту, представленному компанией «Транснефть», нефтепровод должен был пройти на расстоянии около 800 метров от берега озера Байкал.

Проект вызвал резкие протесты ученых и широкой общественности. Большинство экспертов комиссии также высказались против такого проекта. В результате комиссия проект отклонила. Однако руководитель Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, которая проводила эту экспертизу, не утвердил решение комиссии

и назначил дополнительное рассмотрение проекта другим составом экспертов. Их уровень компетентности вызвал большие сомнения в научном сообществе, в природоохранных общественных организациях, в кругах широкой общественности. Новая «послушная» комиссия приняла положительное заключение, открыто лоббировавшееся «Транснефтью» и правительственными структурами.

Тем временем протесты продолжались и даже усилились. И в апреле 2006 года в ситуацию вмешался В. В. Путин. Он публично предложил руководству компании «Транснефть» изменить трассу нефтепровода, отодвинув ее на безопасное расстояние от берега Байкала. Предложение было тотчас же принято без дискуссий.

Этот пример ярко свидетельствует о неблагополучии в сфере принятия экологически значимых решений. По сути дела, президент страны продемонстрировал неэффективность федеральной экологической экспертизы, не сумевшей адекватно решить чрезвычайно важную проблему, далеко выходящую за рамки национальных интересов, поскольку озеро Байкал является участком Всемирного природного наследия.

Мы можем только предполагать, что побудило Путина «попросить» главу «Транснефти» перенести нефтяную трубу подальше от берега Байкала. Возможное снижение стоимости акций этой компании на зарубежных рынках? Разговор с канцлером Германии? Забота о Байкале? Мы не знаем, ведь после «просьбы» Путина публичной дискуссии не было. Будем надеяться — действительно, забота о Байкале.

Что будет дальше с Утришем — не знаю. Знаю, что цена промедления с организацией заповедника высока. Мы помним, какова она была в прошлом. Достаточно упомянуть действия Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) — государственная экологическая экспертиза могла бы настоять, но не настояла на небольшом изменении трассы нефтепровода (это увеличило бы затраты КТК на ничтожную долю его бюджета). И поскольку заповедник тогда создан не был, власти решением на местном уровне с легкостью пожертвовали частью Абрауского заказника, по которому с их решения кратчайшим путем прорубили трассу нефтепровода.

Научные и юридические аргументы для создания Утришского заповедника достаточны. Все зависит от морального выбора и политических решений, причем не исключено, что ключевые решения формально будут приняты на уровне администрации Краснодарского края или Анапы.

Но чем бы ни закончилось противостояние на Утрише, морально верх уже одержали его защитники. Работавшие там лесорубы, бульдозеристы, наблюдавшие за происходящим милиционеры получили важный

урок. Ведь сугубо силовая победа не всегда нужна для конечного, пусть отдаленного успеха. Одно из известнейших исторических свидетельств тому — это «Стояние на Угре», после которого постепенно прекратилось владычество Орды.

В электронной рассылке среди писем, которыми обмениваются защитники Утриша, встретилось обращение, адресованное всем нам. Насколько помню, в нем были такие слова «...что я, девушка 20 лет, могу сделать? — денег на дорогу в Анапу нет, просить о помощи некого — пожалуйста, посоветуйте...». Не знаю, ответил ли кто-нибудь ей сразу, посоветовал ли что-то или она сама нашла способ участвовать в общей кампании. Но вопрос этой девушки справедлив, он важен и требует ответа.

Пусть не всегда те, кто задают такие вопросы, могут сразу сделать какое-либо очень конкретное дело. Важно другое. Нам всем необходимо искать и находить единомышленников, поддерживать социальные сети, тормозить пассивных сограждан. и помогать в этом тем, кто нас об этом просит.

«Бороться и искать, найти и не сдаваться» — эта знаменитая строка из стихотворения «Улисс» Альфреда Теннисона выбита на памятнике Роберту Скотту. С ним к Южному полюсу пришли лишь несколько человек. Тогда этого оказалось достаточно, чтобы достичь цели.

Нам же сейчас надеяться можно только на массовую солидарность граждан. Иначе мародеров не остановить. Но солидарность нужна не только в проведении кампаний сопротивления отдельным конкретным мародерским действиям. Наши граждане должны научиться не исполнять поручения и даже приказы мародеров. Могли бы пилоты того МИ-8, что недавно полетел на начальственную преступную охоту на алтайских горных баранов-аргали и разбился там — могли бы пилоты не выполнять этот сомнительный рейс? Их моральный выбор мог бы решить дело. Скажите, найдутся другие? Верно, но только до поры до времени.

Поучительны два примера

В дачном Всеволожске под Петербургом на пустующей промплощадке некий бизнесмен задумал построить алюминиевый завод, весьма вредный. Нанял послушных экспертов, согласовал разрешительные документы. Но владельцами дач оказались другие бизнесмены. Иметь по соседству вредный завод им не захотелось. Они быстро нашли достаточные ресурсы, чтобы провести энергичную открытую общественную кампанию. Все

жители Всевожска спохватились. Включились и независимые профессиональные экологи. Алюминиевого завода там нет, и едва ли кто-либо захочет что-то подобное там построить.

В Геленджике (это федеральный курорт!) некие бизнесмены задумали построить рыбный и контейнерный порт. Организовали заказную экологическую экспертизу, получили разрешения на строительство. Геленджикская бухта была бы непоправимо загрязнена. В это время подошли очередные выборы мэра. Активный и умный местный политик своей программой выбрал противодействие планам портового строительства, пообещал жителям льготы в частном курортном бизнесе, организовал референдум. Никаких портов в Геленджике нет, а льготы владельцам частных малых гостиниц есть.

Однако только лишь пока не очень многочисленные разумные политики и бизнесмены, действуя «сверху», не избавят нас от опасного синдрома.

Главная движущая сила — мы сами. Нам нельзя позволять себе мелкое личное мародерство (букетики подснежников, помойки за забором, срубленное дерево, машина, вымытая в речке). Казалось бы, это мелочи. Но ведь мелкое воровство мы осуждаем?

Нам нужно научиться сообща и открыто осуждать экологических мародеров. Мелких и крупных, всех. Дело не просто в нарушении экологических нормативов, а в нравственной основе этих нарушений. Если мародеры утратят моральную опору в обществе, государственному аппарату станет труднее не замечать их, а нередко и покровительствовать им. Власти, в конечном счете, всегда вынуждены следовать нравственному императиву общества. Бизнес — тоже.

Так постепенно можно преодолеть расползание отвратительного синдрома экологического мародерства — свидетельства опасной социальной болезни, угрожающей разрушить природную основу жизни нашего общества. Ведь экологические мародеры присваивают именно это общественное достояние.

А. Ш. Кабирова,
Институт истории АН РТ, г. Казань

Социально-экономическое положение Татарстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

22 июня 1941 г. фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война, сразу же ставшая решающей для судеб всех народов составной частью Второй мировой войны. Татарская АССР с первых дней военного лихолетья превратилась в одну из важных тыловых баз страны.

В кратчайшие сроки работа всего народного хозяйства республики была перестроена. В соответствии с утвержденным мобилизационным планом предприятия, выпускавшие гражданские изделия, такие как фабрика «Спартак», фабрика киноплёнки, Казанский авиазавод, Казанский кетгутный завод, переключились на выпуск необходимой военной продукции. Кроме того, на территории Татарстана было размещено более 70 эвакуированных промышленных заводов и фабрик, среди которых — крупнейшие: Московский авиационный, Ленинградский авиационный, Ленинградский металлообрабатывающий, Московский часовой и другие заводы¹.

На работу в Казань были переведены видные конструкторы военной техники А. Н. Туполев, С. П. Королев, С. А. Чаплыгин, В. М. Петляков, В. П. Глушко и др. Ставшие жертвами незаконных репрессий еще до войны, они в качестве «спецконтингента» казанских тюрем работали на площадях местных авиационных заводов в так называемых «шарашках» над запуском в серийное производство пикирующего бомбардировщика Пе-2 (В. М. Петляков); созданием пульсирующего ускорителя «УС» (Б. С. Стечкин, Г. Н. Лист), совершенствованием новых типов дизельных двигателей для тяжелых самолетов (А. Д. Чаромский). Но главным достижением авиаконструкторов стала разработка и применение на самолетах Пе-2 реактивного двигателя, созданного в результате совместного труда В. П. Глушко С. П. и Королева².

Развитие складывающегося военного производства в Татарстане было отмечено событием, имевшим стратегическое значение: 6 августа

¹ Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Казань, 2000. С.129.

² Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. Казань, 1996. С.252–253.

1943 г. близ села Шугуры мастерами-бурильщиками Г. Х. Хамидуллиным Я. М. и Буянцевым была обнаружена первая партия нефти в республике. Через год, летом 1944 г., забил еще более мощный фонтан на второй скважине³. Открытия военных лет, приведшие к началу промышленной добычи черного золота в регионе, на долгие годы вперед предопределили приоритетное развитие здесь нефтяной промышленности.

Закономерным результатом величайшего самопожертвования рабочих Татарстана стало создание в республике мобильной военной экономики. На фронт поставлялось свыше 600 наименований оружия, боеприпасов, снаряжения. В целом валовая продукция Татарстана за военный период увеличилась в 2,2 раза, составив в 1945 г. 219 % по сравнению с 1940 годом.⁴ Преимущественное развитие получила тяжелая промышленность, удельный вес продукции которой представлял более 2/3 всей промышленной продукции республики. Продукция легкой промышленности, в силу объективных обстоятельств, осталась почти на довоенном уровне, но и эта отрасль давала фронту около 200 наименований вещевого снаряжения и обмундирования для бойцов Красной Армии.

Огромные испытания в военные годы пришлось пережить сельским жителям. Проведенная в стране коллективизация ликвидировала частные крестьянские хозяйства, но заменившие их колхозы и совхозы не успели укрепиться. Материально-техническая база сельского хозяйства находилась на крайне низком уровне, а с началом войны и вовсе перестала пополняться. Не хватало тракторов, машин; остро стояла проблема горючего; началось использование в качестве тягловой силы коров. Но, самое главное, некому было работать на полях. После проведенной в армию мобилизации сельское трудоспособное население республики сократилось более чем на одну треть. При этом размеры обязательных поставок государству сельхозпродукции устанавливались для колхозов исходя не из работающих, а из расчета пашни, закрепленной за ними.

Проблема дефицита рабочей силы в сельском хозяйстве решалась исключительно за счет интенсификации труда и ужесточения дисциплины. В 1942 г. для колхозников был определен обязательный минимум трудодней (100–150 — для взрослых, не менее 50 — для подростков), за невыполнение которого они привлекались к судебной ответственности. Реализация этого постановления поручалась возрожденным на селе политотделам. Наряду с райкомами ВКП (б), политотделы осуществляли политический и хозяйственный контроль за деятельностью колхозов и совхозов. Все про-

³ Кзыл Татарстан. 1944. 18 июня. На тат. яз.

⁴ Народное хозяйство РСФСР: Стат. сборник. М., 1957. С. 109–110; Татария за 50 лет: Стат. сборник. Казань, 1967. С. 18.

изведенное в общественном производстве практически подчистую сдавалось государству. Для личного потребления оставалась только ничтожно малая продукция, полученная за трудовни, а также с приусадебного участка. Но, несмотря на невероятные усилия, государственные планы в полном объеме выполнить не удавалось. Объективные условия развития аграрного производства приводили к уменьшению посевных площадей, ухудшению агротехники, снижению урожайности.

По существу, решение задачи продовольственного и сырьевого обеспечения государства, поставленной перед сельским хозяйством республики, в военное лихолетье было в основном достигнуто благодаря жесткой системе государственного регулирования и мерам прямого администрирования по отношению к колхозному крестьянству. Всего за четыре года войны Татарстан поставил государству 131 млн пудов хлеба, 39 млн пудов картофеля и овощей, 56 млн пудов мяса, 200 млн литров молока⁵.

При этом условия жизни и быта населения были чрезвычайно тяжелыми. Острейшей проблемой все годы войны оставался жилищный вопрос. Бывший непростым и до войны, он обострился еще более в связи с прибытием в республику эвакуированных. Уже к весне 1942 г. здесь было размещено 266 тысяч человек⁶. Под жилье приспособлялись общественные и производственные здания, помещения школ, дачные постройки. Средняя площадь на одного человека в Татарстане составляла 4 квадратных метра, но нередки были случаи, когда на человека приходилось по 2–3 и менее квадратов⁷.

Для обеспечения населения основными продовольственными и промышленными товарами была введена карточная система. Но нормированному снабжению подлежали только жители городов и представители сельской интеллигенции. Колхозники были лишены даже этой поддержки со стороны государства. На крестьян действие карточной системы не распространялось. Выдача продовольствия колхозникам зависела исключительно от выработанных ими трудовней. А она по сравнению с довоенным периодом сократилась почти в три раза. Сельчанин получал из колхоза в день меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля. Да и в городе массовым явлением в военный период стали случаи злоупотреблений с карточками, хищения и растраты в сфере распределения.

⁵ Шарафеев С.М. Татария в новой пятилетке. Казань, 1947. С. 156.

⁶ Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977. С. 78.

⁷ ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 5358. Оп.1. Д. 314. Л. 37.

В определенной степени острые проблемы со снабжением населения призваны были решить рынки, которые продолжали функционировать в военные годы. Но цены на них были запредельными. Например, стоимость картофеля за два года войны поднялась с 2 до 25 рублей, капусты — с 2 до 40 рублей, говядины — с 28 до 280 рублей. Пальто среднего качества в 1942 г. стоило 5–6 тысяч, валенки — 2,5–3 тысячи рублей⁸. При этом средний уровень зарплаты рабочих и служащих за годы войны вырос всего на 198 рублей (с 375 до 573 рублей). К тому же средняя заработная плата тогда, как, впрочем, и сегодня, не может дать реального представления о материальных возможностях граждан. В оборонной промышленности доходы были выше: например, на казанском заводе № 16 зарплата передовых рабочих доходила до 1,5–2 тысяч, в то время как работники сферы образования и культуры получали только 160–180 рублей в месяц⁹.

Большим подспорьем для многих семей военнослужащих должна была стать назначаемая государственными органами помощь в виде пособий и пенсий, размер которой устанавливался от 100 до 250 рублей в месяц в зависимости от количества нетрудоспособных в семье. Но, к сожалению, не всегда чиновники добросовестно исполняли свои служебные обязанности, в результате чего были выявлены грубые нарушения закона как в части сроков назначения и выплаты пособий гражданам, так и в определении их размеров¹⁰.

Как видим, жизненный уровень населения республики в военные годы значительно снизился. Татарстанцам приходилось преодолевать не только объективные тяготы, но и трудности, обусловленные бюрократическими издержками чиновничьего аппарата. Но, несмотря ни на что, люди верили в Победу и приближали ее как могли. Претерпевая жестокие лишения, отказывая себе во всем, они жили и трудились ради мирного будущего. Таким образом, и Татарстан вместе с другими регионами внес свой существенный вклад в дело разгрома врага и победоносное окончание войны.

⁸ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.17. Оп.88. Д.323. Ч.1. Л.7.

⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф.4894. Оп.1. Д.115. Л.17; НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф.Р-3610. Оп.1. Д.329. Л.88.

¹⁰ НА РТ. Ф.Р-3610. Оп.1. Д.399. Л.103–104.

С. К. Костовска, О. Г. Червякова, В. О. Стулышапку,
Институт географии РАН,
ГПЗ «Калужские засеки», МПГУ

Социально-экологическая характеристика региона как основа прогнозирования конфликтных ситуаций

Конфликт природопользования — одна из разновидностей конфликтов, возникающих на основе противоречий при распределении властных полномочий, объемов и форм использования природных ресурсов. По мнению ряда авторов, конфликты природопользования, по сути, представляют собой борьбу за контроль использования природных ресурсов и получение от такого использования различного рода выгод [2, 3]. В ряде случаев такие конфликты могут переходить в открытое противостояние сторон, но чаще всего они не переходят в эту стадию и регулируются взаимными договоренностями участников.

Таким образом, конфликты природопользования (и возникающие при этом конфликтные ситуации) могут рассматриваться как ситуации, в которых участники (оппоненты) отстаивают свои не совпадающие с другими цели, интересы и объекты конфликта, стремясь к достижению некоторого желаемого для них состояния. Если говорить о социально-экономических и собственно биолого-экологических факторах, то, как показывает реальный опыт природоохранной деятельности, на общем позитивном фоне субъективного отношения современных россиян к охраняемым природным территориям, местные жители, то есть та категория населения России, которая проживает в непосредственной близости к ним, относится и вообще к факту их существования, и к программам целенаправленного «разворачивания» их деятельности, мягко говоря, неоднозначно, а порой и попросту враждебно [1]. Как долго будет существовать напряженная ситуация — во многом зависит от позиции и действий собственно природоохранных организаций и прочих заинтересованных лиц. Поэтому актуально не декларативно, не с чисто идеологических, а с принципиально научных позиций диагностировать ситуацию и дать конструктивные предложения преодоления негативного субъективного отношения к ООПТ (в т. ч. заповедникам) жителей близлежащих населенных пунктов.

Изучение возможных и существующих конфликтных ситуаций предполагает «субъект-объектный» подход, при этом в зависимости от типа конфликта (социальные, ресурсные и т. п.) и его участников (например,

природопользователи) определяются субъект и объект. Субъект — это активная сторона, способная создать конфликтную ситуацию и влиять на ход конфликта; объект — причина, мотивация, движущая сила, т. е. элемент, вызывающий к жизни конфликтную ситуацию.

При попытках выявить причины возникновения конфликтов природопользования на землях, примыкающих к ООПТ, в первую очередь необходимо определить, существуют ли причины для возникновения противоречий территориальных приоритетов охраны природы и хозяйственного развития территории в рамках определенного режима природопользования. Данный подход особенно актуален в том случае, когда противоречия выражаются в реальной или потенциальной деградации природных комплексов или их основных компонентов, снижении разнообразия, продуктивности и ценности ландшафтов, а также в общей эффективности реализации хозяйственных функций территории.

В работах по экологической оценке территорий выделяются реальные и потенциальные конфликты природопользования [2].

Реальный (существующий) конфликт природопользования может быть определен при наличии негативных последствий антропогенной трансформации окружающей среды, проявляющихся в загрязнении экосистем, истощении природных ресурсов, деградации естественных ландшафтов, уменьшении биоразнообразия и т. п. и влекущих за собой ухудшение здоровья населения, условий работы технических средств, снижение качества и уменьшение продукции различных отраслей природопользования.

Потенциальный конфликт природопользования характеризуется наличием противоречий приоритетов охраны природы и хозяйственного развития территории без выраженных в настоящее время негативных последствий антропогенной трансформации окружающей среды. При возрастании интенсивности природопользования или при снижении эффективности природоохранных мероприятий высока вероятность перерастания потенциального конфликта в реальный [2]. Как правило, потенциальный конфликт природопользования изначально свойственен всем ООПТ, и заповедник «Калужские засеки» не исключение.

Вместе с тем в любой конфликтной ситуации или конфликте природопользования может быть выделено несколько этапов (фаз).

1. Предконфликт — период накопления противоречий, во время которого столкновение интересов носит скрытый характер.

2. Конфликт — одна из форм проявления противоречий между субъектами, в основе которых лежит столкновение социальных, экологических и экономических интересов, осознанных, оцененных и перешедших в открытую фазу.

3. Постконфликтная ситуация — носит характер последствий, развивающихся в одном из двух направлений: а) доминирование разрушительных процессов; б) доминирование созидательных процессов.

Выявление современных и перспективных конфликтных ситуаций между ООПТ и землепользователями, в т. ч. населением, дают возможность определить границы конфликтных территорий с различной степенью остроты. В то же время создание единой схемы, отражающей сложившиеся и возможные конфликтные ситуации на территориях взаимодействия ООПТ и проживающего населения, позволяют осуществить согласование комплекса хозяйственных и природоохранных мероприятий.

Природный заповедник «Калужские засеки» был образован в 1992 г. Постановлением Правительства РФ № 849 на территории Ульяновского района Калужской области, таким образом, охрана природы «засек» имеет как местное и региональное, так и национальное значение.

Проблемы всех молодых заповедников — это адаптация местного населения к запретам, связанным с особым режимом природной территории. При осуществлении любого вида природопользования обществом должны учитываться особенности природных и социально-экономических условий, многочисленные сложные взаимосвязи, возникающие в системе «среда — население — хозяйство».

Уровень антропогенной нагрузки на особо охраняемую природную территорию в значительной мере определяется воздействием социально-экологической среды региона. Это воздействие может выражаться в различных формах: прямое воздействие, оказываемое людьми: не санкционированная охота, рыбная ловля, сбор ягод и грибов, другие виды пользования; косвенное воздействие населенных пунктов: сброс бытовых отходов, биологические загрязнения; воздействие, оказываемое хозяйственной деятельностью.

Конфликтологический мониторинг рассматривается как выявление состояния и динамики напряжений и конфликтов в исследуемом регионе (в т. ч. на территориях, примыкающих к ООПТ), предложения различных управленческих воздействий на эти ситуации с целью их урегулирования. Задачи, связанные с цивилизованным урегулированием и разрешением конфликтов в виде представления конкретных мероприятий, носят в основном прикладной, процедурно-технологический характер.

При изучении локального конфликта по эмпирическим данным могут быть использованы два подхода [2]:

- обзорное исследование, опирающееся на сбор и анализ статистической, картографической и аналитической информации об арене конфликта и ресурсах;

- проведение полевых работ с изучением в полевых условиях связей между ареной, ресурсами и происходящими изменениями с дополнительным привлечением статистических и других данных.

Основными источниками информации при этом служат [2]:

- ✓ условно-статичная информация (разнообразные картографические данные о территории и ресурсах);
- ✓ данные о динамике (статистические сведения об изменениях в различных социальных и экономических сферах, их характер, глубина и скорость; суммирование и анализ важнейших событий);
- ✓ информация экспертов (аналитические данные, основанные на опросах, результатах современного анкетирования и архива экопросветительского отдела заповедника, протоколов нарушения за последние 5 лет);
- ✓ собственные полевые исследования, включающие сбор первичных данных об арене конфликта, статистических сведений, картографирование процессов и ресурсов, обзорное интервью, опросы).

Результаты исследования территорий, примыкающих к природному заповеднику «Калужские засеки», показали, что социально-экономическое развитие происходит в условиях демографического и экономического кризиса. Ульяновский район — один из наименее заселенных в Калужской области. Заповедник и сопредельная территория относятся к зонам проживания с правом на отселение и проживания с льготным социально-экономическим статусом в результате аварии на ЧАЭС. Это сказалось на численности населения и в конечном счете сформировало экономический уровень района. За последние 10 лет роль естественного движения в формировании сельского населения резко снизилась и находится в неудовлетворительном состоянии, а снижение рождаемости и рост смертности ведут к естественной убыли населения. Ежегодная естественная убыль населения за период 1997–2005 г. составляла от 160 до 217 человек в год. Самые высокие показатели естественной убыли населения приходятся на 2000–2004 гг., что в большей степени связано с изменениями в экономике и социальной сфере (рис. 1).

Немаловажным фактором остается отток населения молодых возрастов из сельской местности. Начиная с 2001 г. в районе наблюдается рост миграционного оттока населения, сальдо механического движения в районе стабильно отрицательное. Также за последние годы снизилась интенсивность миграционного оборота, и число прибывающих на постоянное место жительства в район остается меньше числа выбывающих из него. Это в определенной мере свидетельствует о депрессивном состоянии сельской местности, старении среднестатистического жителя. Наиболее низкой плотностью населения характеризуются в настоящее время

именно интересующие нас юго-восточные лесные районы вокруг заповедника (МО, Мелихово — 2,0 чел. на 1 км²; МО, Поздняково — 3,0 чел. на 1 км²).

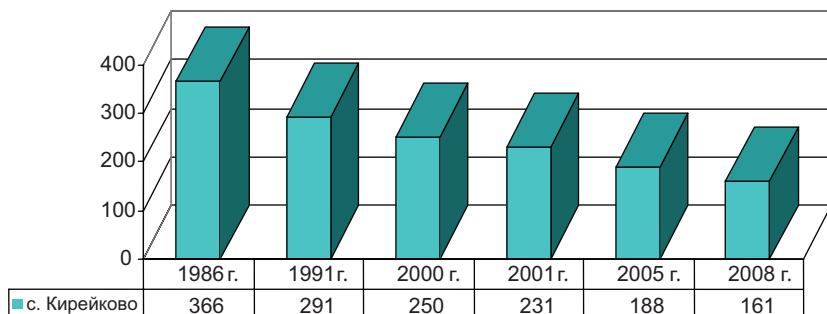
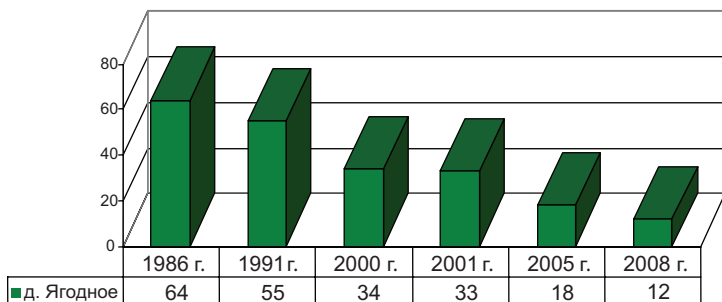
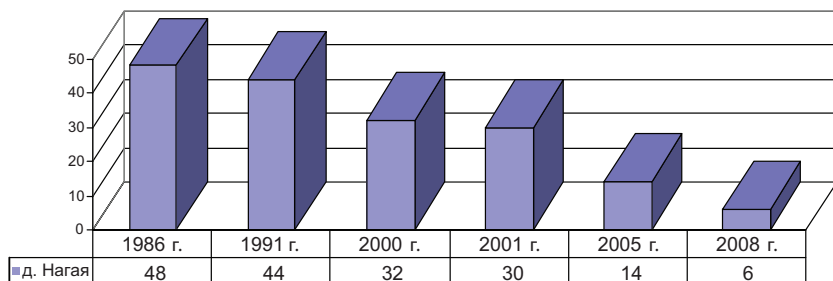

Рис. 1. Численность населения в д. Нагая, Ягодное и с. Кирейково

Занятость населения в основных отраслях хозяйства и трудовая структура по переписям 2002 и 2006 гг. также дают показатель с минусом. Хозяйственная деятельность небольшими объемами ведется вокруг цен-

тральных усадеб с. Мелихово, с. Касьяново. Вокруг заповедника в связи с развалом сельского хозяйства пашни и пастбища зарастают мелколесьем, идет приватизация земельных паев бывших колхозов и продажа в частные руки.

Можно предположить, что факт создания здесь заповедника, ограничивающий традиционное природопользование, также косвенно стимулировал отток из данных мест населения. Возник запрет на свободное перемещение по территории государственного природного заповедника, в том числе по дорогам, сенокосение, выпас, сбор дикоросов, приватизации заповедных земель в населенных пунктах и пр., т. е. создались предпосылки конфликтной ситуации. Надо отметить, что заповеднику удобно проводить охрану в условиях малой заселенности, когда проникновения на территорию видны по чернотропу и тем более по снежной летописи.

Анализируя правонарушения за последние пять лет, можно отметить, что большинство нарушений — это проезд, проход по территории заповедника по дорогам без пропуска. География проживания задержанных обширна: Ульяновский и Козельский районы, города Болхов, Белев, Орел. Браконьерство — наиболее тяжелый вид нарушений, трудно доказуемый, но всегда впоследствии имеет высокий резонанс, сопровождающийся конфликтом. Обычно дело доходит до судебных разбирательств. Среди задержанных нет неосведомленных о запрете охоты. По масштабности угрозы возникновения этот вид нарушения территориально имеет наиболее протяженные границы. По Калужской области практически вся граница заповедника подвергается атаке неорганизованных охотников. Развивающиеся охотничьи хозяйства сдерживают натиск браконьеров, но зачастую сами представляют собой объект потенциального конфликта в перспективе в силу специфики своей деятельности. Хозяйства строят возле границ заповедника свои охотничьи базы, вышки, создают прикормочные площадки для выманивания зверя из заповедника и отстрела. Велика доля нарушителей окрестных поселков Орловской области, а также выходцев этих деревень, проживающих в настоящее время в других городах и селах, так как Южный участок граничит с административной границей. Проблема усугубляется тем, что госинспекторы заповедника на сопредельных территориях лишены права задерживать нарушителей и составлять на них протоколы. А охранная зона — только 200 м вдоль границ заповедника, не выделена в натуре и не проходит по естественным границам, возникают споры с охотниками и браконьерами.

Для понимания сути конфликта необходима оценка свойств арены — обеспечение ресурсами и условиями для нормальной жизнедеятельности [2]. Для жителей Ульяновского, Козельского районов (где лесистость

свыше 55 % всей площади) собственно охраняемый природный объект в целом не представляет собой основного источника средств существования для местного населения, а заповедные места эксплуатируются в силу устоявшихся привычек и низкой экологической грамотности по оценке своих действий. Лесные ресурсы Орловской области значительно уступают калужским, но так же не представляют собой источник существования, хотя по некоторым параметрам имеют экономический интерес (наличие черемши, орехов, барсучий жир и пр.). Территориальная удаленность по Орловско-Калужской линии делает видимость безнаказанности доступных ресурсов.

Анкетирование и опрос по выявлению современного отношения населения к сохранению природных ресурсов и деятельности заповедника проводились среди населения с. Ульяново, с. Середичи и близлежащих деревень потенциально конфликтных зон: Мелихово, Ягодная, Кирейково, Сорокино, Заречье, Поздняково (табл. 1).

Таблица 1

Результаты опроса общественного мнения, направленного на выявление отношения населения к местным природным ресурсам

(Жители сельских населенных пунктов, расположенных рядом с заповедником и с. Ульяново)

Вопросы/ варианты ответов	Ответ, %	
	сельские	с. Ульяново
Ваш статус?		
Учащийся, студент	18,4	23,1
Рабочий	10,2	30,8
Работник сельского хозяйства	12,2	7,7
Служащий	18,4	30,8
Интеллигенция	28,6	–
Другое (неработающий, пенсионер)	12,2	7,7
Ваше образование?		
Высшее	26,5	–
Неполное высшее	4,1	15,4
Среднее, среднее специальное	49,0	69,2
Неполное среднее	20,4	15,4
Длительность проживания на территории Ульяновского района		
Всю жизнь	81,6	69,2
Другое	18,4	30,8

Продолжение табл. 1.

Вы знаете историю малой родины, ее исконные производства, ремесла, природные богатства?		
Да	73,5	30,8
Нет	10,2	30,8
Затрудняюсь ответить	16,3	38,4
Как можно охарактеризовать Ваше отношение к природе в целом (России, мира) и ее ресурсам: рекам, лесам, горам и др.?		
Это источник жизни, ее нужно беречь	55,1	38,4
Обширные запасы, которые нужно эксплуатировать	6,1	–
Возможно разумное использование природных богатств	30,6	15,4
Природа существует независимо от меня	8,2	30,8
Затрудняюсь ответить	–	15,4
Каково современное состояние лесов вблизи вашего населенного пункта для личного пользования?		
Богатые леса — много грибов, ягод, зверя, лекарственных трав	55,2	30,8
Богатые леса — много грибов, ягод, зверей мало	28,6	15,4
Леса мало — за грибами, ягодами еду на машине	10,2	7,7
Не пользуюсь дарами леса	6	30,7
Другое	–	15,4
Вы до сих пор используете «свои» места сбора грибов, ягод, охоты, рыбалки?		
Да	61,0	38,6
Нет, потому, что угожья заросли	31,0	15,4
Нет, потому, что угожья вырубili	–	–
Нет, потому, что запрещено заповедником	2,0	7,6
Нет, потому, что развивается охотхозяйство, ЧП...	6,0	7,7
Другое	–	30,8
Как вы считаете, есть ли контроль за лесами от пожара, незаконных рубок, охоты, нерадивых туристов там, где Вы живете?		
Да	28,6	46,1
Скорее да, чем нет	34,7	7,7
Скорее нет, чем да	22,4	15,4
Нет	10,2	23,0
Затрудняюсь ответить, мне это неинтересно	4,1	7,8
Согласны ли Вы с тем, что заповедник «Калужские засеки» справляется с поставленными задачами охраны природы?		
Скорее да, чем нет	49,0	46,1
Скорее нет, чем да	32,6	30,8
Затрудняюсь ответить, мне это неинтересно	18,4	23,1

Окончание табл. 1.

Ваше отношение к особо охраняемым природным территориям (заповедникам и национальным паркам)?		
Уникальная природа России	36,7	53,8
Территория нуждающаяся в охране	36,7	23,1
Место отдыха сотрудников и высокого начальства	18,4	7,7
Они бесполезны	4,1	7,7
Мне это не интересно	4,1	7,7
Ваше отношение к природному заповеднику «Калужские Засеки» как местному?		
Туристы и ученые прославят наши края	8,2	23,0
Природа охраняется от людей для сохранения потомкам	34,7	30,8
Богатые уголья, где я вырос и знаю каждый куст	28,6	–
Мало знаю о нем, хочу посетить экологические тропы	18,4	30,8
Его нужно закрыть	4,0	–
Мне безразлично есть он или нет	6,1	15,4
Вы считаете деятельность заповедника справедливой?		
Да, только так можно сохранить природу богатой	36,7	23,0
Да, это научный и просветительский полигон	10,2	7,7
Нет, охранные законы ущемляют население	14,3	23,1
Нет, его сотрудники превышают полномочия	12,2	15,4
Я не знаю его деятельности и полномочия	12,2	30,8
Затрудняюсь ответить	12,3	–
Мне безразлично	2,1	–
Какие запреты в заповеднике не корректны и Вы ими иногда пренебрегаете?		
Сбор грибов, ягод, черемши	28,6	7,7
Охота на животных с высокой численностью	4,1	–
Проход (проезд) по дорогам без пропусков	14,3	–
Раскопки погибших воинов в годы ВОВ	12,2	–
Другие (укажите какие)	6,1	–
Я не хожу в заповедник	32,7	–
Все запреты, всем хватит природы без ущерба	2,0	92,3
Как Вы относитесь к развитию сельского, зеленого туризма (проживание в Вашем населенном пункте иногородних туристов)?		
Имею дом и готов пустить на постой	22,4	–
Могу готовить простые сельские обеды на заказ	6,1	–
Готов продать сельскохозяйственную продукцию	26,6	15,4
Могу продать свои кустарные изделия (корзины, ...)	–	–
Могу организовать досуг (экскурсию, рыбалку и др.)	10,2	–
Мне безразлично, я в этом не участвую	22,4	–
Я против чужих людей	12,3	84,6

В целом опрошенные признают уникальность природы заповедника и необходимость ее сохранения для потомков, оценивают лесные запасы как богатые, знают историю своего края. Многие ассоциируют лесные уголья со своей малой родиной, где им знаком каждый куст. Именно поэтому большинство жителей (даже с самыми положительными ответами анкеты) отметили, что нарушают запрет на сбор дикоросов (грибов, ягод, трав)

и запрет на проход по дорогам без пропусков, считая их некорректными по отношению к ним, так как не наносят ущерб естественному ходу процессов. В общем, население заповедных поселений показали большую осведомленность в поставленных вопросах, и в целом ответы были позитивны или нейтральны. В то же время ответы, что сотрудники превышают полномочия, а природоохранные законы ущемляют права населения, предполагают существование конфликта.

В категории людей, желающих больше узнать о заповеднике, посетить экологические тропы, преимущество за городским населением районного центра. Интересная картина выявляется при потенциальной возможности вовлечения населения Ульяновского района в экологическую деятельность. Среди окрестных деревень и сел 65 % опрошиваемых (даже агрессивно нарушающих запреты) готовы участвовать в развитии зеленого туризма — предоставить свои дома для проживания, готовить обеды, продавать сельхозпродукцию для приезжих, организовать досуг и пр., и только 12 % против чужих людей на родной земле. Тогда как среди населения райцентра 85 % опрошенных не желают видеть чужаков, и эта категория населения потенциально является конфликтной при построении общей деятельности.

Низкую информированность о специфике заповедника проявило население Орловской области, множество ответов резки в адрес персонала заповедника и законодательства. Но именно здесь высока познавательная активность населения, администрацией поселений и частный сектор готовы участвовать в экологических акциях. В настоящее время морально-психологический климат между администрации заповедника и населением орловских сел и деревень и можно оценить как «скрытое противостояние», по отношению к калужскому населению — «отчужденное».

Основной «положительной» функцией конфликта природопользования можно считать то, что он позволяет выявить противоречия в сфере природопользования и способствует их разрешению. В конфликте природопользования, как правило, непосредственно участвуют четыре стороны: администрация ООПТ, местное население (частные арендаторы, собственники), землевладельцы (леспромхозы, колхозы) и пользователи (охотхозяйства). Таким образом, основные конфликты, выявленные на исследуемой территории, — это нарушение заповедного режима при относительно богатых ресурсах сопредельной территории (табл. 2).

Формальный повод для непосредственного столкновения участников может быть: выражен фактом наказания за нарушение режима природопользования, специально спровоцирован участниками конфликта, иметь другие объективные и субъективные причины. По сути, это «спусковой

крючок» для перехода потенциального конфликта в реальный (открытый) конфликт.

Таблица 2

Характеристика конфликтов природопользования

Сфера природопользования	Характеристика (суть) конфликта	Экологические требования к снижению степени конфликтности ситуации	Рекомендуемые меры для нейтрализации конфликта
Лесопользование	Нарушение ценных лесных сообществ в результате рубок и рекреации, нарушение земель, почв, уменьшение биоразнообразия, складирование остатков веток, пней, ухудшение облика ландшафта: сопредельные районы Песоченки, Павлодарь, бывшего ЛТП, охота по радиальной границе заповедника, сбор дикоросов на территории заповедника	Регламентированное лесопользование, ограничение рубок, совершенствование системы вывоза и утилизации отходов (рубок). Соблюдение норм и правил охоты на сопредельной территории	Расширение охранной зоны ООПТ, контроль за подведомственной территорией, развитие экологического туризма на привлекательных ландшафтах
Недропользование	Нарушение территорий в результате добычи полезных ископаемых (песка на территории Северного участка)	Экологическое просвещение	Контроль подведомственной территории
Рекреация в перспективной деятельности сельхоз- и промышленных предприятий	Загрязнение окружающей среды бытовым мусором, ухудшение облика ландшафтов в результате — утрата ценных (эстетических) биотопов и видов животных и растений	Регламентирование рекреационной нагрузки на основе функционального зонирования, обустройство зон пребывания рекреантов, отказ от использования ценных рекреационных территорий в целях, не связанных с рекреацией	Расширение охранной зоны ООПТ, контроль за подведомственной территорией
Увеличение интенсивности сельского хозяйства	Разрушение почвенного покрова и уменьшение плодородия. Снижение продуктивности сельхозугодий. Внесение удобрений и пр.	Повышение культуры ведения сельского хозяйства	Расширение охранной зоны ООПТ, контроль за осуществлением с/х мероприятий подведомственной территорией

На территории ООПТ «Калужские засеки» за период его существования отмечено четыре основных подвида реальных (открытых) конфликтов природопользования:

а) конструктивный конфликт — возникший на основе реально существующих между участниками конфликта противоречий; большинство протоколов именно по обоснованному нарушению режима ООПТ обычно заканчиваются примирением. Причина их различна: от незнания законодательства и случайного проникновения до целенаправленного нарушения «на авось»;

б) смещенный конфликт — возникший на ложном основании, когда истинная причина скрыта. Подобные конфликты имеют место, когда конструктивный конфликт не погашен и имеет свойство мести. Негативные межличностные отношения между участниками конфликта зачастую возникают при превышении должностных обязанностей и профессиональной этики сотрудниками заповедника;

в) неверно приписанный конфликт — конфликт, в котором истинный виновник реального конфликта находится за «кулисами» противостояния, а в конфликте задействованы участники, не имеющие к нему прямого отношения. В нашем случае это распространение слухов о вседозволенности сотрудников заповедника по распределению ресурсов между собой и членами своих семей, негативные публикации в прессе со слов «очевидца»;

г) ложный конфликт — ситуация, когда участники конфликта воспринимают возникшую ситуацию в области природопользования как открыто конфликтную, хотя реальных причин для этого нет. Как правило, такая ситуация является следствием недостаточной информированности сторон конфликта. Причина ее возникновения прежде всего может быть связана с низкой эффективностью эколого-просветительской деятельности и работы со СМИ, некомпетентными действиями отдельных представителей заповедника, органов власти и т. п., которые, образно говоря, из мухи раздувают слона.

Именно на первые годы периода 1995–2005 гг. пришлось наиболее тяжкие преступления по отношению к объектам охраны, а также жизни сотрудников заповедника. В настоящее время конфликт не исчерпан, столкновение интересов носит зачастую скрытый характер.

Для стабилизации положения в данной ситуации можно ограничиться рекомендациями по формированию дифференцированной программы экологического просвещения населения в зависимости от выявленного уровня потребностей, в том числе среди сотрудников ООПТ. В то же время спад экономики не вечен, а с учетом планов раз-

вития Ульяновского района можно предположить увеличение антропогенной нагрузки на рассматриваемые ландшафты. И тогда главным критерием возникновения конфликтных ситуаций, вероятно, станет отсутствие стимулов для сохранения биоразнообразия местным населением. Это в равной степени относится к местным жителям, государственным управленческим структурам, частному сектору и сотрудникам ООПТ.

В настоящее время местное население нацелено на получение разовых выгод. С учетом низкой плотности населения воздействие их на природу оценивается минимально. Это выражается разнообразно — от стихийного сбора дикоросов на территории ГПЗ до организованной охоты в охотничьих хозяйствах в сопредельной близости к границам заповедника. Лесозаготовка вне заповедника в районе д. Песоченка уничтожает дубравный комплекс, имеющий высокий научный и эстетический потенциал, места обитания краснокнижных видов флоры, фауны, а также играющие важное значение на пути миграций крупных млекопитающих из заповедника в пойму реки Вытебеть. Данное обстоятельство пока не вызывает конфликтов, но носит в себе заряд сжатой пружины, при чем уже со стороны сотрудников заповедника.

Исходя из территориальной обоснованности основных элементов социально-экономической и экологической обстановки, максимально привязанных к территории, могут быть спланированы конкретные мероприятия, направленные на развитие сбалансированного взаимодействия ООПТ и населения.

Предполагается, что способами, позволяющими минимизировать возможность возникновения конфликтов с местным населением, не исключаяющими разъяснительной работы и способствующими повышению общественного статуса ООПТ, могут быть:

- создание новых рабочих мест в сфере охраны территории или обслуживания посетителей;
- вовлечение населения в управление природными ресурсами и планирование деятельности ООПТ;
- интеграция ООПТ в региональную социально-экономическую структуру.

На исследуемой территории есть необходимость создания условий и механизмов для развития альтернативных видов деятельности, сокращения будущей нагрузки на ценные природные участки сопредельной заповеднику территории и обеспечения базы устойчивой жизнедеятельности сел в долгосрочном периоде, а тому есть реальные примеры [4].

1. Территориальная экологическая политика:

- сохранение биоразнообразия заповедника и его сопредельной территории должны быть включены в приоритетные направления политики развития Ульяновского района;

- рациональное природопользование вокруг заповедника (и в целом охрана природной среды района), которое должно быть инкорпорировано в политику и планы социально-экономического развития муниципальных образований и отдельных природопользователей. Для этого необходимо провести экологическое зонирование вокруг заповедника и увеличить охранную зону заповедника «Калужские засеки» для совместного планирования и контроля экологически обоснованного природопользования, для решения экономических проблем населения, сохранения ценных природных комплексов, не вошедших в границы ООПТ, формирования разных форм экологического (зеленого) туризма. Границы охранной зоны определить в пределах рассматриваемой арены конфликта по естественным рубежам — существующим дорогам, просекам, водотокам.

2. Прямая охрана и обозначение в натуре границ заповедника. Достаточное количество предупредительных аншлагов, шлагбаумов, прощипание окружных просек.

3. Мониторинг конфликтологического состояния региона.

Однако предотвратить конфликтную ситуацию или ослабить ее остроту можно лишь в том случае, если значимо включить человека в практическую природоохранную деятельность.

Литература:

1. Благотворительный фонд «Центр охраны дикой природы». Устойчивое жизнеобеспечение населения (УЖН) в национальных парках России. Компонент Стратегии управления национальными парками России. М, 2000.
2. Гуня А., Келер Я., Цюрхер К. Эмпирические исследования локальных конфликтов. Ч. 1. Введение в методологию и методы полевых исследований. М.: Медиа-Пресс, 2008. С. 152.
3. В. П. Дедков, Г. М. Федоров Пространственное, территориальное и ландшафтное планирование в Калининградской области: Монография/Под общ. Ред. В. П. Дедкова. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 184.
4. Организация устойчивого жизнеобеспечения населения на особо охраняемых природных территориях: концептуальные основы и практическое руководство//С. Н. Тарасов, А. Р. Григорян. Красноярск, 2009. С. 110.

Г. Скруква,
Институт восточных исследований
университета им. А. Мицкевича,
г. Познань (Польша)

Борьба за пространство, зеленые насаждения и строительные капиталовложения в городе Познань (2006–2010 гг.)

Во второй половине первой декады XXI столетия город Познань стал местом конфронтации разных общественных групп и групп давления в деле пространственного обустройства, древонасаждений и городского транспорта.

Первым хронологическим полем конфронтации было запланированное возведение кольцевых дорог, против которых начали протестовать жители пригородных микрорайонов. Их протесты в то время были восприняты как групповой эгоизм — так называемое движение НИМБА (Not In My Backyard¹). Похожая проблема теперь — спор из-за размещения мусоросжигательного завода. Жители районов, пригородных гмин² не хотят сооружения этого объекта на своей территории.

Второе поле конфронтации — это споры и дискуссии об обустройстве мест старой городской инфраструктуры и постиндустриальных местностей: спор из-за территории старого трамвайного депо в районе Ежице (торговый центр, музей техники и парк), старой бойни и старого газового завода.

Третий вопрос — новые жилые микрорайоны. В Познани как и по всей Польше, появляются многочисленные поселки, построенные девелоперскими фирмами. Вокруг этих поселков возникает много общественных конфликтов. Такие поселки вырастают часто в привлекательных местностях, которые другие группы горожан хотели бы видеть зелеными (рекреационными). С другой стороны, жители новых поселков не удовлетворены состоянием инфраструктуры — требуют возведения дорог, школ для своих детей, развития городского транспорта. Отдельный вопрос — широко

¹ Позиция недопущения какой-либо деятельности на своей территории (но не оппозиция самой деятельности; принцип «пожалуйста, но только не у меня».

² Гмина (польск. *gmina* — волость) — наименьшая административная единица Польши. Название произошло от немецкого *gemeinde* (рус. *община*).

обсуждаемая в Польше тема закрытых поселков и социально-культурно-психологические последствия.

Четвертый вопрос — протесты жителей старых жилых массивов, построенных в период социализма. Жители этих массивов протестуют против уплотнения застройки — требуют создания парков и площадок, а не новых домов. Мы наблюдаем за процессом уподобления старых микрорайонов новым: например, при детских площадках возникают доски «посторонним вход запрещен»

Пятый вопрос — центр города, его будущность. Старые торговые улицы приходят в упадок, на них все меньше роскошных магазинов, кафе и ресторанов. Торговля и гастрономия переезжают к торговым центрам. «Урбан справль и довнтоун фаль (*urban sprawl, downtown fall*)»³ — характерные явления для современного города Познань. Возникают общественные движения, медийные движения, требующие от начальства города противостоять этим явлениям.

Шестой вопрос — пригородные гмины и город Познань. С одной стороны, пригородные гмины создают вместе с городом Познань одну метрополию. С другой — интересы жителей пригородных гмин и жителей Познани часто противоположные. Трения возникают, например, по вопросам налогов, подъездных дорог, общественного транспорта, пользования жителями пригородных гмин просвещением в городе и т. д.

Акумуляция этих конфликтов привела к возникновению коалиции разных общественных групп в городе. Городская политика получает новое измерение. Раньше выборы городского совета и мэра города отражали общепольские политические дискуссии. Теперь городская политика начинает касаться картины города, пространства, зеленых насаждений, доступа к воде и чистому воздуху.

³ urban sprawl — стихийный рост городов за счет сельской местности (англ.).

Н. С. Цинцадзе,
Тамбовский госуниверситет

Демозкологические аспекты аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Российской империи в осмыслении ученых второй половины XIX — начала XX в.

К концу XIX — началу XX в. в центрально-земледельческом районе Российской империи отчетливо проявилось резкое несоответствие ресурсных возможностей природно-географической среды и хозяйственно-экономических потребностей крестьянства. Естественные пределы развития аграрной сферы были максимально исчерпаны. Все это в конечном итоге привело к кризису в сельскохозяйственной отрасли производства.

Во второй половине XIX — начале XX в. в отечественном естествознании были сделаны крупные открытия, которые изменили устоявшиеся представления о природных закономерностях, инициировали формирование новых областей знаний.

В этой связи представляет интерес исследование того, как социоестественная проблема преломлялась сквозь призму научного творчества российских ученых, изучавших законы развития природы и общества, принципы взаимодействия социума и окружающей среды.

Компетентное мнение ученых по актуальным вопросам социальной жизни для современников и потомков является, как правило, значимым. Они, будучи самой образованной частью общества, генерирующей новое знание, при помощи методов научного познания анализировали факты и давали им адекватное, рационально-научное объяснение. Представители научного мира в большинстве случаев помимо исследовательской деятельности принимали активное участие в общественной жизни страны. Ряд их научных и публицистических работ позволяет проследить эволюцию взглядов научной общественности на проблему демозкологической составляющей аграрного кризиса в черноземных губерниях Российской империи.

Естественно, при их рассмотрении мы учитываем существовавший тогда уровень развития естественно-научного знания, которое не оперировало понятиями и терминами, появившимися в последующих десятилетиях XX в.: «экология», «экологическое равновесие», «социоестественная история» и др.

Некоторые ученые-современники пытались определить причины хозяйственных проблем крестьян после отмены крепостного права. В пореформенный период появлялись работы научного характера, содержавшие осмысление демографических и экологических последствий реформы 1861 г., ставших позже, по мнению ученых, причиной острого аграрного кризиса.

И. А. Стебут, агроном, профессор Петровской земледельческой академии, в лекциях, прочитанных им в марте 1873 г. в сельскохозяйственном музее Министерства государственных имуществ, отмечал процесс истощения черноземных почв в Тамбовской и Тульской губерниях, показателем которого, по его наблюдениям, явилась замена в крестьянских хозяйствах посевов гречихи посевами проса (И. А. Стебут 1956. С. 61).

Другой известный агроном А. В. Советов в 1876 г. в отчете о поездке по черноземным губерниям России писал следующее: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, то есть нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля и поля с всевозможными красными и серыми хлебами» (А. В. Советов 1876. С. 4)

А. С. Агроном Ермолов писал в конце 1870-х гг. о крайней степени распаханности земель и иных угодий в средней полосе России. Одностороннее развитие земледелия в ущерб скотоводству, по его мнению, привело к падению этой отрасли хозяйства и истощению пашни (А. С. Ермолов 1891. С. 18).

В начале 1880-х гг. К. Э. Линдеман, энтомолог, доктор зоологии, профессор Петровской земледельческой академии, изучал проблему появления и распространения на территории Тамбовской и смежных с ней губерний гессенской мухи, насекомого, наносившего огромный вред зерновым культурам. Он считал, что интенсивные процессы распашки земель, обращения в пашню лугов и выгонов, наблюдавшиеся с середины 1860-х гг., а также сокращения скотоводства, уменьшения количества удобрений, истощения черноземных почв создали условия для широкого распространения вредителей. Вследствие перечисленных причин, по мнению агронома, сельскохозяйственные культуры стали менее выносливы и устойчивы к вредителям и болезням (Журнал... 1881. С. 18).

Подтверждения выводов ученого нашли отражение в докладе, представленном К. Э. Линдеманом на чрезвычайной сессии тамбовского губернского земского собрания 17 июня 1892 г., где сообщалось о распространении в губернии саранчи, которая на протяжении нескольких лет уничтожала большие площади хлебных посевов (К. Э. Линдеман 1892. С. 1).

О проблеме обезлесивания и засух в средней полосе России писал агроном-почвовед, профессор Петербургского университета П. Н. Косты-

чев. Он сообщал о том, что в хлеботородных губерниях России в 1870-е гг. часто повторялись неурожаи, вызванные засухой, поэтому одной из главных мер борьбы с природными катаклизмами, по мнению П. Н. Костычева, являлось искусственное насаждение лесов. В своей статье он рассматривал значение лесных ресурсов прежде всего как средство улучшения (увлажнения) климата Европейской России. При этом автор ссылался на авторитетную книгу немецкого ботаника М. Я. Шлейдена (М. Я. Шлейден: 1873), в которой на основе современных тогда биологических и географических исследований доказывалось благотворное влияние леса на климат (П. Н. Костычев 1876. С. 1-3).

В работе «Русский лес», принадлежавшей перу Ф. К. Арнольда, агронома, лесоведа, профессора Лесного института и Петровской земледельческой академии, отмечалось, что вопрос о степени влияния лесов на климат к началу XX в. был недостаточно изучен российскими учеными. При этом он признавал значение лесов в сохранении рек и других водных источников, в предотвращении засух. По его убеждению, лес играл главную роль в увлажнении климата (Ф. К. Арнольд 1890. С. 13–14). Ф. К. Арнольд обращал внимание на то, что черноземные губернии были малолесными, качество леса было низким, т. к. среди лесной территории часто встречались овраги, песчаные бугры, вырубki и пр. неудобные места (Ф. К. Арнольд 1890. С. 21, 26). Ведение лесного хозяйства в России ученый емко характеризовал народной поговоркой: «Без хозяина товар плачет» (Ф. К. Арнольд 1890. С. 84).

Известный химик Д. И. Менделеев в одной из своих работ по сельскому хозяйству, относящейся к 1892 г., размышляя над отличительными особенностями отечественного лесоводства от европейского, пришел к выводу о взаимовлиянии природного и антропогенного факторов, сложившемся еще в начальные периоды российской истории. Более того, он высказал утверждение о зависимости состояния климата от природно-хозяйственной деятельности человека: «Россия в отношении лесов, как и во многом другом, совершенно выделяется от остальных стран Европы. Важнее всего здесь три обстоятельства.

1. Лесов у нас там много, где народу мало, то есть на северо-востоке, а где много людей и где есть все другия главные условия для скорого дальнейшего увеличения населенности, то есть на черноземе и на юге России, где особо необходима забота об их разведении, оказывающемся по множеству опытов вполне возможным, там лесов до крайности мало.

2. Главный лесовладелец России есть само государство. Это большое благо, т. к. можно надеяться на некоторое сохранение остатков лесов, ис-

требляемых безрасчетливо для личных выгод хозяев и губительно для будущей судьбы России.

3. Русский народ, исторически родившись среди лесов, привыкнув смотреть на лес как на божий дар, данный для топлива и стройки, а на землю из-под него как на средство расширять пашню, русский народ не привык беречь лесов, охотно их истребляет и очень мало заботится о их разведении, а это грозит при кажущейся еще большей пропорции лесов (38 % площади, а на 1 тысячу жителей 50 губерний в среднем по 62 кв. км леса) неисчислимым бедствием, особенно же уменьшением равномерности климата и увеличением и без того пагубных для русских урожаев засух» (Д. И. Менделеев 1954. С. 303–304).

Свои мысли о лесоохранении и лесоразведении Д. И. Менделеев продолжил в записках, специально составленных им по просьбе двух министров финансов С. Ю. Витте и П. И. Шипова, которые хотели знать мнение ученого о способах улучшения состояния сельского хозяйства. В записке «О сельскохозяйственных мелиорациях», представленной С. Ю. Витте 21 сентября 1902 г., распространение засух в черноземных губерниях России ученый объяснял как естественными природными условиями, так и «мероприятиями земледельцев». Под последними он понимал несвоевременную и ненадлежащую вспашку земли. Для борьбы с засухами и оврагами химик считал необходимым вспахивать овраги не вдоль, а поперек их склонов, повышать уровень грунтовых вод, устраивать искусственные водоемы — пруды в низинах и запруды оврагов, способствовать лесонасаждению (Д. И. Менделеев 1954. С. 382–385).

В записке, поданной П. И. Шипову 24 января 1904 г., Д. И. Менделеев настойчиво писал о необходимости увлажнения сухого климата Европейской России путем орошения земель по сухим в климатическом отношении берегам низовьев Волги, Урала, Дона, Днепра (Д. И. Менделеев 1954. С. 387).

Важным фактором напряженности в среднерусской части России, по мнению Д. И. Менделеева, являлся стабильный ежегодный высокий демографический прирост населения, который сокращал количество земли, пригодной для земледелия (Д. И. Менделеев 1906. С. 12,24).

М. Н. Богданов, зоолог, путешественник, исследователь чернозема, в 1870-е гг. отмечал пагубное влияние хозяйственной деятельности человека на природную среду: «За что ни возьмись, на каждом шагу приходится говорить о былом богатстве, о хищнической деятельности человека, о глубоком нарушении былого строя органической жизни. Одни животные истреблены человеком; других истребили вырубка лесов, распашка попуток и степей; третьих разогнал человек; четвертых он сделал своими

нахлебниками, которые, как кара Божия, наказывают его за хищничество истреблением посевов и неотступно по его следам идут на север... В настоящую минуту черноземная область представляет поистине безотрадную картину для того, кто сколько-нибудь изучил ее былое. С одной стороны, неистощимое плодородие почвы, безпримерной в целом мире, благодатный здоровый климат, как нельзя более выгодный для культуры полезнейших злаков, обширная система текучих вод — богатых рыбой и превосходных, как пути сообщения. С другой стороны, видишь повсеместное разорение, словно следы неприятельского нашествия, — бедность животного и растительного мира, бедность человека. Пора понять, что цветущее положение органической жизни в девственной степи было основано на счастливом сочетании степи, леса и текучей воды. Облесение балок, оврагов и речных долин задержит вешние воды в них и во всех углублениях почвы, и тогда черноземная равнина сделается действительно житницей Европы и кормилицей русского народа; голодовки исчезнут из памяти людей; никакие кузьки, саранча и прочая челядь не будут тревожить земледельца. Самая засуха не будет губить поля, возделанные в поте лица. Тогда уровень воды в реках будет менее колебаться и тем облегчит судоходство» (П. П. Семenov 1902. С. 113).

Первым, кто провел специальное научное изучение вопросов обеспеченности крестьян землей и иными угодьями, роста крестьянского населения в пореформенный период, был Ю. Э. Янсон, статистик и экономист (Ю. Э. Янсон 1877). Книга ученого, созданная на основе данных «Валуевской комиссии» 1872–1873 гг., для своего времени была сенсацией, которая шокировала общество убедительными, научно доказанными фактами. Она способствовала резкому росту интереса к аграрной проблематике и вновь поставила на обсуждение крестьянский вопрос.

Применительно к губерниям центрально-земледельческой полосы статистик пришел к выводу о том, что «в 62 % уездов черноземной трехпольной полосы все бывшие помещичьи крестьяне не могут получить с своих наделов даже насущно хлеба, а в остальных 38 % уездов в таком положении находится значительная часть этих крестьян». Особенно тяжелым, по мнению Ю. Э. Янсона, было хозяйственное положение тех крестьян, которые получили наделы ниже средней нормы и четвертные (Ю. Э. Янсон 1877. С. 69).

Он отмечал, что крестьяне лишились части выгонов, сенокосов и лесов, возможности получения в неблагоприятные годы помощи от помещиков. Уменьшение площади пастбищ и сенокосов, по его убеждению, повсеместно повлияло на снижение урожайности (Ю. Э. Янсон 1877. С. 70, 73–75).

Земский статистик Н. Н. Романов, используя подворные опис. 1852 г. и 1884 г. по с. Каменка и д. Изобильной Каменской волости Тамбовского уезда Тамбовской губернии, в своем монографическом исследовании впервые показал развитие конкретных населенных пунктов в динамике, сравнивая дореформенные демографические и хозяйственные показатели с пореформенными.

Статистик пришел к выводу о том, что естественный прирост населения в этих двух селениях Тамбовской губернии за период с 1852 г. по 1884 г. составил 44,39 %. Количество крестьянских дворов увеличилось на 111,5 %, а площадь пашни при этом возросла лишь на 7 % (Н. Н. Романов 1886. С. 2–3, 14).

Н. Н. Романов считал, что в 1880-х гг. крестьяне имели гораздо меньше земли, чем при крепостном праве. Помимо этого он отмечал процесс истощения земли, который связывал с отсутствием достаточного количества пастбищ и лугов, сокращением количества рабочего скота у крестьян и, соответственно, удобрений. Крестьяне вынуждены были содержать скот на пашне и непашных участках. Площадь выгонов и сенокосов сокращалась вследствие их распашки для новых семей (Н. Н. Романов 1886. С. 16–18, 21–24, 42, 62–63).

В. Н. Григорьев, статистик и экономист, отмечал активное переселенческое движение крестьян черноземных губерний из-за недостаточности наделов. Он считал, что выселение крестьян «на самару», т. е. на новые земли, было вызвано несоответствием между количеством надельной земли и рабочими силами, истощением земель, крайней теснотой в выгонах и трудностью арендования земель. Этот процесс статистик рассматривал на примере Раненбургского, Данковского и Скопинского уездов Рязанской губернии, соседних с Тамбовской губернией. Он сообщал о том, что выгоны, пространства из-под лесов, лощины в полях, а иногда приречные луга подвергались максимальной распашке. В. Н. Григорьев отмечал, что во многих селениях у крестьян не было выгонов и пастбищ, а в других — «их осталось ничтожное количество». Процент пашни в Раненбургском уезде составлял 83,9 %, в Данковском — 82,8 %, в Скопинском — 75,6 % (В. Н. Григорьев 1884. С. 46–47, 61). Земский деятель писал о слабом развитии скотоводства вследствие сокращения выгонов и сенокосов, при котором скот нередко пасся по жнивью и паровому полю; о неудобном расположении крестьянских полей (В. Н. Григорьев 1884. С. 64, 66–67).

Анализируя статистические сведения, полученные в результате проведения подворной переписи в Курской губернии, В. Н. Григорьев приходил к выводу о недостаточности земель у бывших помещичьих крестьян

и в этой губернии, приведший к громадному росту пашенных угодий. Так, в Львовском уезде процент пашни равнялся 83,3 %, в Дмитриевском уезде — 83 %, в Суджанском — 81,2 % (В. Н. Григорьев 1884. С. 59–62).

В. Н. Григорьев обращал внимание на то, что подобные проблемы в развитии крестьянских хозяйств существовали в Воронежской и Тамбовской губерниях (В. Н. Григорьев 1884. С. 61–82; 1885. С. 1–10).

И. И. Экономист Иванюков, изучая особенности развития крестьянского хозяйства Тамбовской губернии, писал о том, что вследствие истощения почвы посевы пшеницы значительно сократились в 1880-е гг. по сравнению с серединой XIX в. Причину сокращения скота и количества получаемого удобрения он видел в уменьшении пространства лугов и пастбищ, которое, по его мнению, было вызвано колоссальным ростом населения (И. И. Иванюков 1887. С. 20).

И. И. Иванюков писал о трудностях крестьянского хозяйства следующее: «Скудно количество скота у крестьян Тамбовской губернии, но и это количество они, в огромном большинстве случаев, не могут содержать средствами из своих наделов, и это потому, что сельские общины очень бедны сенокосами и пастбищами. Возрастание населения при полнейшей почти неподвижности сельскохозяйственной культуры заставило крестьян распахать все, что из прежних лугов и пастбищ было годно для пашни. В среднем выводе по десяти уездам распаханное угодья составляют 68 % всей крестьянской земельной собственности; между тем при трехпольной системе с удобрением рациональное отношение пахотных полей к пространству под лугами и выгоном составляет два к трем, иначе 40 к 60 %. Этот недостаток в лугах и выгонах далеко не пополняется и арендой» (И. И. Иванюков 1887. С. 7).

В. А. Экономист Розенберг был убежден в том, что крестьянское малоземелье черноземных губерний проявилось еще в середине 1870-х гг., которое впервые было замечено земцами и экономистами Янсоном, Чаславским, Посниковым, Орловым и др., а не в середине 1880-х гг., как считали члены учрежденного в 1902 г. «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности».

В. А. Розенберг полагал, что по реформе 1861 г. крестьяне получили не только недостаточные по площади наделы, но и неудовлетворительные по составу и качеству угодья. С ростом крестьянского населения появились такие проблемы, как увеличение распахки за счет выгонов и лугов, истощение почв, падение скотоводства, переселенческое движение из центрально-земледельческих губерний на восток страны (В. А. Розенберг 1904. С. 9–42).

Экономист А. А. Кауфман считал, что крестьяне в результате реформы не получили даже дореформенного размера надела, их землевладение почти повсеместно подверглось сокращению. Помимо этого он обращал внимание и на факт низкого качества крестьянских земель и неудобного их расположения: «Сам способ отвода наделов в массе случаев был весьма невыгоден для крестьян: не говоря уже о том, что в надел, как правило, поступали худшие, помещиком оставались лучшие земли, — наделы весьма часто отводились в крайне неудобных для крестьян очертаниях: клочки крестьянских угодий оказывались вклинёнными среди помещичьих земель, среди крестьянских наделов врезывались помещичьи «клинья» и «западни», крестьяне сплошь и рядом оказывались отрезанными от своего водопоя или даже вовсе лишенными водопоя, и т. п. ...» (А. А. Кауфман 1918. С. 29–30).

Общий уровень наделного обеспечения крестьян в пореформенные годы, отмечал экономист, сократился в 2,5 раза «благодаря исключительно сильному в России естественному приросту населения». Рост населения повлек за собой увеличение распашки земель и других угодий, истощение почв, особенно четко обозначившиеся в черноземной полосе «с ее максимальной населенностью и безнавозным характером хозяйства» (А. А. Кауфман 1918. С. 70–71, 197).

По мнению А. А. Кауфмана, проблему недостаточности крестьянских наделов поставил на всеобщее обсуждение в середине 1870-х гг. Ю. Э. Янсон. Со времени появления его книги, как отмечал автор, вопрос о крестьянском малоземелье стал «одним из средоточий общественного мнения» (А. А. Кауфман 1918. С. 68–69).

Н. А. Каблуков, статистик и экономист, объяснял нестабильность урожаев негативными изменениями климата. Он был уверен в том, что климатические и почвенные условия влияли на соотношение между количеством прилагаемого труда и его результатом (Н. А. Каблуков 1899. С. 28–29, 42).

В начале XX в. экономист П. П. Маслов аграрный вопрос в России называл наиболее жгучим и настоятельным. Он отмечал высокий и неконтролируемый уровень рождаемости в черноземных губерниях, вследствие которого сокращалась предельно допустимая емкость территории. Выход из ситуации хронического малоземелья он видел не в крестьянском многоземелье (эту идею 1870–1880-х гг., основанную на теории Мальтуса, он считал утопичной), а в повышении производительности земли и ее урожайности (П. П. Маслов 1903. С. 1, 207, 213, 233).

В лекциях, прочитанных Н. П. Огановским в I-м Московском государственном университете, отмечалось, что за пореформенное 40-летие ко-

личество сельского населения увеличилось на 52 %. Усиленная распашка земель и лугов в черноземных губерниях, по его наблюдениям, привела к сокращению скотоводства и кризису пашенного хозяйства. При этом агроном писал о том, что если раньше хозяйственная деятельность человека приспособлялась к природе, то позже она стала изменять ее (Н. П. Огановский Б. г.: 12, 14, 24, 93).

А. И. Экономист Чупров писал в статье 1904 г. о том, что с 1861 по 1900 г. население европейской России возросло с 50 до 86 млн человек, или на 79 %, а площадь земли, принадлежавшая крестьянам, осталась прежняя. Это стало причиной невиданных масштабов распашки всех пригодных для земледелия угодий, которая, в свою очередь, вызвала выпаханность и истощенность земель. Ученый с чувством рисовал картину экологического кризиса в Центральной России: «В бесилии смотрит современная захудалая деревня, как надвигаются пески на ее дома и нивы, как благодатные поля превращаются в безобразные овраги, как покрываются мохом и болотами немногие остающиеся луга, как посевы поедаются насекомыми» (А. И. Чупров 1909. С. 131–132, 135).

Экономист-аграрник А. Н. Челинцев обращал внимание на высокий показатель демографического прироста населения Тамбовской губернии в пореформенные десятилетия. По его сведениям, средний ежегодный прирост населения с 1861 г. до 1880-х гг. составлял 1,32 %, до 1912 г. — 1,58 % (А. Н. Челинцев 1919).

О колоссальных темпах рождаемости и их влиянии на уровень развития сельского хозяйства писал земский агроном Моршанского уезда Тамбовской губернии Г. Ф. Нефедов. Опираясь на теорию Мальтуса, на «закон убывающего плодородия почвы», согласно которому плотность земледельческого населения достигает некоторого предела, за которым дальнейшее приложение труда становится невыгодным, ученый предлагал ввести государственное регулирование рождаемости для того, чтобы численность населения соответствовала площади земли, на которой оно проживало; интенсифицировать сельскохозяйственное производство (Г. Ф. Нефедов 1906; 1910).

Тамбовский почвовед Г. М. Тумин в исследовании почв Тамбовской губернии вывел закономерность, согласно которой «морфологический облик и изменение мощности горизонтов почвы находятся в зависимости от почвенно-климатических сочетаний». Он отмечал возрастающую выщелоченность (обеднение почвы питательными веществами) почв губернии в направлении с юга на север, а также связанную с этим «колеблемость» урожаев (Г. М. Тумин 1915. С. 51, 55–56).

О засоренности большинства рек, водоемов и озер Центральной России, о неумелом устройстве плотин и мельниц, вызывавшем нарушение русла рек, подтопление близлежащих лугов, сообщалось в докладе гидротехника Р.П. Спарро в феврале 1911 г. на Московском областном съезде деятелей агрономической помощи населению (Р.П. Спарро 1911. С. 35–39).

Известный геолог и почвовед В.В. Докучаев, исследуя в 1870–80-е гг. проблемы взаимосвязи и взаимовлияния общества с окружающей его естественно-природной средой обитания, выявил причины негативных климатических изменений в черноземной полосе России. По его убеждению, часто повторявшиеся засухи и, как их следствие, неурожаи, эрозия почв, истощение черноземного слоя были последствиями нерациональной, зачастую хищнической хозяйственной деятельности человека (В.В. Докучаев 1883). Выводы ученого особенно убедительно доказал неурожай 1891–1892 гг., после которого В.В. Докучаев составил и предложил к реализации свой план восстановления сельского хозяйства, являвшийся по его замыслу важной составной частью глобальной миссии сохранения биосферы Земли в целом. План включал в себя меры по регулированию оврагов и балок, защите почв от смыва, созданию лесополос, искусственному орошению, поддержанию определенного соотношения между пашней, лугом и лесом (В.В. Докучаев 1892).

В начале XX в. знаменитый географ, путешественник, статистик П.П. Семенов-Тянь-Шанский составил одиннадцатитомное и самое подробное географическое описание Российской империи. Второй том этого уникального издания был посвящен Среднерусской черноземной области. В трех крупных разделах исследования содержатся современные на тот период сведения о строении почв, рельефа местности, о реках и озерах, растительном и животном мире, состоянии климата, а также о составе населения, особенностях его распределения по территории, о быте и культуре, промыслах и занятиях.

В предисловии ко второму тому П.П. Семенов замечал, что центрально-земледельческий регион России, бывший с конца XVII столетия «материальной и духовной житницей России», в начале XX в. «не без основания считается «оскудевшим», что привлекало к нему пристальное внимание власти и общества (П.П. Семенов 1902: IV). Причины данного явления ученый связывал с демографическими, хозяйственно-экономическими, эколого-географическими факторами, которые, по его убеждению, были тесно связаны между собой и обуславливали друг друга.

Он обращал внимание на то, что за период пореформенного сорокалетия крестьянское население черноземных губерний увеличилось на 47 %,

не считая тех, кто выселился на восток страны. Естественный прирост с 1888 г. по 1897 г. по данным губерниям, по сведениям П. П. Семенова, составил в среднем от 0,89 до 1,57. Причем, «наибольший прирост дал тамбовский тучный чернозем», а родная для автора исследования Рязанская губерния по темпам рождаемости занимала первое место в европейской России (П. П. Семенов 1902. С. 160, 172). По убеждению исследователя, уже в 1870-е гг. постепенно увеличивавшееся население переросло емкость данной территории, которая оказалась максимально превышена (П. П. Семенов 1902. С. 265).

Обращаясь ко времени реализации крестьянской реформы 1861 г. в изучаемом регионе, П. П. Семенов отмечал, что бывшие помещичьи крестьяне в надел получили больше всего пашни и менее всего других угодий (П. П. Семенов 1902. С. 202). Вследствие этого землепашество в центрально-земледельческих губерниях долгие годы развивалось в ущерб скотоводству. Ученый писал о неуклонном сокращении и упадке данной отрасли хозяйства. Безлошадность, по данным П. П. Семенова, составляла в регионе в среднем 31,7 %. Увеличение количества безлошадных хозяйств он связывал с ростом населения и с сокращением наделной площади земель (П. П. Семенов 1902. С. 228–229, 233–234).

Под влиянием нужды в пахотных, сенокосных, лесных участках земли крестьяне вынуждены были распахать степи, луга, леса. По наблюдению исследователя ландшафты нечерноземных и черноземных уездов Среднерусской полосы различаются степенью лесистости, соотношением сенокосов к пашне. В черноземных местностях внешний природный облик был практически безлесным, в них мало осталось естественных лугов, преобладали пахотные участки. Сенокосы в нечерноземных уездах полосы в среднем занимали 12,4 % общего объема угодий, в черноземных — 9,3 %; пашня в нечерноземных местностях составляла в среднем 40,9 %, в черноземных — 71,5 %. Максимальной распаханностью, как отмечал ученый, отличались части Тульской, Орловской, Рязанской и Тамбовской губерний, т. е. тех территорий, которые раньше всех были колонизированы и в которых к началу XX в. наиболее резко были выражены черты «осушения» (П. П. Семенов 1902. С. 193–194).

По сведениям П. П. Семенова, в двух западных уездах Орловской губернии, четырех северных уездах Рязанской и Тамбовской губерниях, в Городищенском уезде Пензенской губернии лесов к началу XX в. осталось 40 %, а в типично черноземных частях Среднерусской полосы доля лесных угодий составляла всего лишь 10 % (П. П. Семенов 1902. С. 57). Ученый с горечью писал о хищническом лесоистреблении: «Нельзя не признать, что немного теперь осталось от прежнего богатства и разнообразия

природы этого края. На громадных протяжениях глаз тщетно ищет следов первобытной растительности; жалкие остатки роскошного некогда растительного покрова степей искусственно загнаны теперь человеком в крутые скаты оврагов и узкие опушки немногих уцелевших еще среди пашни лесных островков; но и здесь они не имеют возможности дальнейшего существования, так как постепенно вытравляются скотом и заглушаются созданием человека — сорной растительностью; ничтожные обрывки некогда обширных лесов дубрав лишены теперь обыкновенно, вследствие пастбы в них скота и постоянных порубок, дающего тень и сохраняющего влагу кустарного и травяного подседа» (П. П. Семенов 1902. С. 112).

Бесконтрольная распашка лесов и степей, по мнению ученого, вызвала катастрофическое сокращение многообразия растительного и животного мира черноземной полосы, в то время как возросло разнообразие видов вредных насекомых. По набору насекомых-вредителей Центрально-Черноземная область занимала первое место в России. В качестве примера П. П. Семенов приводил данные за 1880–1881 гг., когда гессенская муха, вредитель зерновых культур, уничтожила треть урожая ржи в Козловском уезде Тамбовской губернии и Елецком уезде Орловской губернии, поразила 18 тыс. дес. урожая хлеба в Воронежской губернии (П. П. Семенов 1902. С. 78, 111–112).

Другим негативным следствием истребления лесов, распашки склонов речных логов и лощин, как считал П. П. Семенов, явилось образование большого количества и огромного масштаба оврагов. Искусственное изменение рельефа местности влияло на понижение уровня грунтовых вод, колебание русла рек, обмеление некоторых из них, засорение и даже исчезновение озер. К тому же в реках сократилось разнообразие видов рыб по сравнению с прежними временами (П. П. Семенов 1902. С. 11–12, 15, 17–20, 108).

Еще пагубнее неразумная хозяйственная деятельность жителей Среднерусской черноземной полосы, как отмечал географ, отразилась на состоянии климата в целом европейской России, который с каждым десятилетием становился все суше. Показателем этого служила сильная «колеблемость» урожайности. Интенсивность летних засух в европейской части России, по наблюдениям П. П. Семенова, увеличивалась по направлению с северо-запада на юго-восток (П. П. Семенов 1902. С. 50, 219).

По мнению исследователя, на преобладание экстенсивного характера развития хозяйства в данном регионе оказал влияние характер заселения и освоения южной окраины Русского государства, начатого еще в первой половине XVII в. «Вынужденная непоседливость местного населения в течение нескольких столетий», как писал П. П. Семенов, вызвала то,

что оно не дорожило насиженными местами и легко покидало их, благо кругом было много нетронутой целины, землю обрабатывали кое-как, даже жилища строили из некачественного и малоценного материала, что способствовало истреблению лесов (П. П. Семенов 1902. С. 136).

Таким образом, явление излишней демографической нагрузки на природные ресурсы, породившее максимальное истощение некогда плодородного чернозема, катастрофические масштабы наступления человека на лес и степь с целью расширения площади пригодной для сельского хозяйства пашни, необратимые природно-климатические изменения, получило научное подтверждение еще учеными-современниками.

Они, располагая определенной свободой научного осмысления происхождения и дальнейшего развития аграрного кризиса, оказались правыми и решительными в своих оценках и выводах, в которых экологическое мышление доминировало над экономическим, преобладавшим в среде общественности и властей.

При поддержке ученых-аграрников и экономистов земские деятели сумели организовать проведение подворных переписей, систематизировать полученные сведения и довести результаты статистических обследований крестьянских хозяйств до общества.

В силу профессиональной замкнутости научного сообщества, недоступности для широкого круга лиц исследований агрономов и экономистов по проблемам пореформенного развития черноземной деревни научно обоснованные выводы о причинах их происхождения не были известны обществу. Ю. Э. Именно Янсон инициировал изучение и обсуждение актуальных проблем аграрного развития страны. Его заслуга состоит в том, что он не только исследовал названные явления, но и популяризировал итоги своей научной работы. С подачи Ю. Э. Янсона стали появляться и другие исследования экономистов, ученых, агрономов, а проблема стала широко и активно обсуждаться в среде общественности.

В начале XX в. П. П. Семенов-Тянь-Шанский провел комплексное исследование черноземных губерний России, дополнил и обогатил представление современников и потомков об особенностях и проблемах развития данного региона. Работа была проведена на высоком для своего времени научном уровне и до сих пор это обобщающее географическое описание Среднерусской черноземной полосы сохраняет актуальность и носит справочно-энциклопедический характер.

Немаловажно, что в своей книге ученый делал упор на том, что нерациональная и бесконтрольная хозяйственная деятельность человека, направленная на одностороннее потребление ресурсов и максимальное их истощение, вызвала в природной среде обитания необратимые экологи-

ческие изменения. Причем если в начале XIX столетия демографический фактор доминировал в системе «человек-природа», то с конца XIX — начала XX в. в ней уже превалировал эколого-географический фактор. П. П. Семенов-Тянь-Шанский в своих наблюдениях убедительно доказал неразрывность частей одного целого, их взаимообусловленность, пагубность нарушения баланса сил в системе.

Обращает на себя внимание то, что экономисты, статистики, часть агрономов во второй половине XIX в., размышляя над причинами упадка крестьянских хозяйств в пореформенный период, больше внимания уделяли хозяйственно-экономическим причинам, а также демографическим, связанным с высоким уровнем естественного прироста населения. По мере развития естественно-научной области знания, выделения из него узких направлений исследования природы, накопления и осмысления эмпирического материала на первый план среди причин и последствий аграрного кризиса географами, зоологами, орнитологами, энтомологами и пр. стал выдвигаться экологический фактор. Учеными начала прошлого века природно-географический фактор рассматривался как органическая и естественная часть социального развития.

Итак, анализ лишь ряда мнений отечественных ученых-естественников, экономистов, статистиков о демозкологической составляющей проблемы «оскудении» центральной России в начале XX в. позволяет сделать вывод о том, что ученые первыми установили тесную взаимосвязь между природными и человеческими факторами в возникновении и развитии аграрного кризиса. Они выявили и доказали действие глубинных закономерностей в системе «человек — природа», тем самым способствовали научному осмыслению проблемы взаимовлияния географической среды обитания и социума. Теоретические подходы в дальнейшем вызвали к жизни появление конкретных практических решений в восстановление нарушенного социоестественного баланса.

Литература:

- Арнольд Ф. Н. 1890. *Русский лес*. Т. 1. СПб.: б. и.
Григорьев В. Н. 1884. *Земско-статистическое исследование по Курской губернии*. *Русская мысль* 2. С. 59–67.
Григорьев В. Н. 1884. *Земско-статистическое исследование по Тамбовской губернии*. *Русская мысль* 9. С. 61–82.
Григорьев В. Н. 1884. *Переселение крестьян Рязанской губернии*. *Русская мысль* 12. С. 46–47, 61.
Григорьев В. Н. 1885. *Земско-статистическое исследование по Воронежской губернии*. *Русская мысль* 10. С. 1–10.
Докучаев В. В. 1883. *Русский чернозем. Отчет Императорскому Вольному экономическому обществу*. СПб: б. и.
В. В. Докучаев 1892. *Наши степи прежде и теперь*. СПб: б. и.

- Ермолов А. С. 1891. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. СПб.: б. и.
- Журнал чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания, 27 июля 1880 года. 1881. Тамбов: Тип. Губ. земства.
- Иванюков И. И. 1887. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии. Русская мысль 1. С. 20.
- Каблуков Н. А. 1899. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России (очерки по экономике сельского хозяйства). М.: б. и.
- Кауфман А. А. 1918. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М.: б. и.
- Костычев П. Н. 1876. Способствует ли разведение лесов уничтожению засух? Отечественные записки. 3. С. 1–3.
- Линдеман К. Э. 1892. Саранча в Тамбовской губернии. Доклад, представленный Тамбовскому губернскому земскому собранию чрезвычайной сессии 17-го июня 1892 г. Тамбов: Тип. Губ. земства.
- Маслов П. П. 1903. Условия развития сельского хозяйства в России. Опыт анализа сельскохозяйственных отношений. СПб.: б. и.
- Менделеев Д. И. 1906. К познанию России. СПб.: б. и.
- Менделеев Д. И. 1954. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы.
- Нефедов Г. Ф. 1906. Аграрный вопрос и закон народонаселения (к вопросу об аграрной реформе). Моршанск: б. и.
- Нефедов Г. Ф. 1910. Закон народонаселения и Россия. Ч. 1. Моршанск: б. и.
- Н. П. Огановский Б. г. Очерки экономической географии России. Б. м.: Б. и.
- Розенберг В. А. 1904. Из хроники крестьянского дела. А. А. Мануйлов (ред.) Очерки по крестьянскому вопросу. Вып. 1. М.: Московский университет: 9–42.
- Романов Н. Н. 1886. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда. Исследование губернского земского статистика. Особое прибавление к «Сборнику статистических сведений по Тамбовской губернии». Тамбов: Тип. губ. земства.
- Семенов П. П. (ред.) 1902. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб.: А. Ф. Издание Девриена.
- Советов А. В. 1876. Краткий очерк агрономического путешествия по некоторым губерниям центральной черноземной полосы России в течение лета 1876 года. СПб.: б. и.
- Спарро Р. П. 1911. Некоторые меры к развитию работ по осушению земель. Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению. 21–28 февраля 1911 г. Т. IV. М.: б. и.
- Стебут И. А. 1956. Избранные сочинения. Т. 1. Основы полевой культуры. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы.
- Тумин Г. М. 1915. Почвы Тамбовской губернии. Ч. 1. Тамбов: Тип. Губ. земства.
- Челинцев А. Н. 1919. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков: б. и.
- Чупров А. И. 1909. Речи и статьи. Т. 2. М.: б. и.
- Шлейден М. Я. 1873. Дерево и лес. СПб.: б. и.
- Янсон Ю. Э. 1877. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб.: б. и.

НА ПОРОГЕ МЕТАМОРФОЗ

Э. С. Кульпин,
Институт востоковедения РАН,
МФТИ, ж. «История и современность»

Василий Докучаев как предтеча биосферно- космического историзма: судьба ученого и судьбы России

Докучаев Вас. Вас. (1846–1903), рус. естествоиспытатель, проф. Петерб. ун-та (с 1883). В классич. тр. «Русский чернозем» (1883) заложил основы генет. почвоведения. Создал учение о геогр. зонах. Дал научн. классификацию почв (1886). В кн. «Наши степи прежде и теперь» (1892) изложил комплекс мер борьбы с засухой. Основал первую в России кафедру почвоведения (1895). Идеи Д. оказали влияние на развитие физ. географии, лесоведения, мелиорации и др.

(СЭС, М.: Сов. энциклопедия. 1987. С. 404).

Казалось бы, о В. Докучаеве, создателе генетического почвоведения, уже все сказано. Есть подробные описания жизни и творчества, социальных связей в научно-популярных работах И. А. и Л. А. Крупениковых¹, глубоко изучены роль и место Докучаева в истории науки — в трудах В. И. Вернадского². Сведения о жизни и творчестве ученого содержатся

¹ Крупениковы И. и Л. Докучаев. 1846–1903 Серия: Жизнь замечательных людей. Москва: Молодая гвардия 1948 г. 280 с.; Крупениковы И. и Л., Путешествия и экспедиции В. В. Докучаева, М., 1949; Крупеников И.А., Крупеников Л.А. Василий Васильевич Докучаев. М.: Сельхозгиз, 1950. 192 с.; Польшов Б. Б., Крупеников И. А., Крупеников Л. А., Василий Васильевич Докучаев. Очерк жизни и творчества, М., 1956;

² Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988; Из переписки В.В.Докучаева и В.И.Вернадского//Научное наследие, т. 2. М., 1951, с. 778, а также в ряде др. многочисленных изданий.

в специальной научной литературе³, воспоминаниях учеников⁴, отдельных аналитических исследованиях⁵, научно-популярной литературе⁶.

Но что же из всех этих публикаций мы знаем сегодня о Василии Васильевиче Докучаеве? В целом то, что изложено в эпиграфе к статье — краткой справке из Советского энциклопедического словаря. Если взять любые другие энциклопедии, статьи, книги, посвященные его творчеству, то увидим там те же самые позиции, только в развернутой детализации.

Но интуитивно чувствуется: что-то в этом огромном массиве литературы не так. Вчитываясь, начинаешь замечать какую-то недосказанность.

В самом деле, вроде бы Докучаев — основоположник научного почвоведения. Но оказывается, что он делит это почетное положение со своим вечным оппонентом П. Костычевым, с которым, за пределами официальных встреч, он даже не здоровался. Получается, что ученые, стоящие на принципиально разных научных позициях, совместно создают одну науку. Одну ли?

³ Зонн С.В. Василий Васильевич Докучаев, 1846–1903. М.: Наука, 1991. 219 с.; Докучаев Василий Васильевич Учение о зонах природы.. М.: Географиз, 1948. 64 с.; Соболев С. С. Развитие идей В. В. Докучаева, в кн.: Докучаев В. В., т. 9. М., 1961; Чеботарева Л. А. Василий Васильевич Докучаев, в кн.: Докучаев В. В. Соч., т. 9. М., 1961; В. В. Докучаев и география (1846—1946). Сб. статей, М.—Л., 1946; Русский чернозем: 100 лет после Докучаева. М.: Наука, 1983.

⁴ Отоцкий П.В. Жизнь В.В. Докучаева//«Докучаев». Изд-во ж. «Почвоведение». 1904. С.10; Ферхмин А.Р. Нижегородский период деятельности В.В. Докучаева// Почвоведение. 1903. № 4. С. 343–350.

⁵ Добровольский Г.В. Язык В.В. Докучаева как отражение широты его научного мировоззрения и литературного таланта. Почвоведение, 2007, № 9, С. 1129–1137; Добровольский Г.В. След на все времена (К 150-летию со дня рождения В.В. Докучаева) //Вестник РАН. 1996. № . С. 153–158; Добровольский Г.В. Докучаев и современное естествознание//Почвоведение. 1996 № 2. С. 117–123. Заварзин Г.А. Смена парадигмы в биологии//Вестник РАН. 1995. № 1; Захаров С.А. Последние годы деятельности В.В. Докучаева// Почвоведение. 1939. № 1; Крупенников И.А. Магия личности и имени В.В. Докучаева//Почвоведение. 2002. № 9. С. 1034–1042; Преображенский В.С. В.В. Докучаев – исследователь и проповедник// Россия. 1996. № 6. С. 60–65; Ю.Г. Саушкин. Русская ландшафтно-географическая наука. Вступ. ст. // Докучаев Василий Васильевич Учение о зонах природы. М.: Географиз, 1948.

⁶ Герасимов И. П. Великий русский ученый В. В. Докучаев (к 125-летию со дня рождения), Почвоведение, 1971, № 8; Герасимов И.П. Учение В.В. Докучаева и современность. М.: Мысль, 1986. 124 с.; Кирьянов Г.Ф. Василий Васильевич Докучаев, 1846–1903. М. : Наука, 1966. 291 с.; Сеятели и хранители: Очерки об известных агрономах, почвоведех, селекционерах, генетиках, экономистах-аграрниках; Отрывки из документов, науч. статей, воспоминаний: В 2-х кн. - М.: Современник, 1992. КН 1. 1992. 415 с. КН 2. 1992. 527 с.; Баландин Р. К. , В. В. Докучаев: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1990. 96 с.; Борейко В., Грищенко В., 1986. Василь Васильович Докучаев//Рідна природа, № 3, стор. 58–59; Филоненко И.Е. Особая экспедиция: Докум.-ист. повесть. М.: Прима-Пресс-М, 2000.

Среди последователей этих ученых ведется какая-то глухая борьба и спустя сто лет после их смерти. Постепенно выясняется: выдающиеся ученики и последователи Докучаева (В. Вернадский, Л. Берг и Г. Морозов) почему-то не стали почвоведрами, а разошлись по разным научным дисциплинам. Сам Докучаев, по утверждению его последователей, «не задумывался об учениках, о новой научной школе» [Зонн, Ерошкина, 1996. С. 124]. и была ли в то время научная школа именно тем, что сейчас под этим понимается?

Наконец, почему Докучаев — почти былинный богатырь с высоким интеллектуальным потенциалом, оказывается в возрасте чуть больше пятидесяти (совсем не старость для ученого) неизлечимо больным и, похоже, страдающим слабоумием?

О его физическом состоянии, о личной жизни во всей литературе говорится уклончиво. Лишь в некрологе одного из учеников — П. Отоцкого (в научном отношении не самого близкого, но, по крайней мере, бывшего с ним последние годы) вещи называются своими именами: «С 17-го февраля 1846 г. по 26-е октября 1903 г. — вот время действия *большой трагедии*, именуемой жизнью Докучаева; *трагедии, построенной по всем правилам классической*: с верхней кульминацией, приходящейся приблизительно на 1894 г., с низкой уже трагической кульминацией в девятисотые годы и... *искупительным или избавительным концом*» (здесь и далее курсив мой. — Э. К.-Г.) [Отоцкий, 1903. С. 319].

В чем состояла трагедия? Потомкам без свидетельства современников ее суть непонятна. Надо выяснить, о чем умалчивают не только современники, но и потомки, связанные, возможно, цеховой этикой.

Оценка научного вклада и приоритета Докучаева

Родившись в семье биологов, я слышал о Докучаеве с детства. Но, попытавшись найти в литературе подобие моего понимания роли этого ученого как предтечи современного научного мировоззрения, я потерпел поражение. Практически не освещена роль Докучаева как предшественника учения Вернадского о биосфере, общей теории систем и синергетики. Нет ни слова и о том, как отнеслось к этому мировоззрению российское научное сообщество. Показательно, что лишь в 1990-е гг. появилась статья с цитатами Докучаева, созвучными нашему времени и с упоминанием имени И. Пригожина⁷ [Добровольский, 1996].

⁷ В статье, в частности, выделена мысль Докучаева о недостаточности разрозненного изучения природных тел: «Необходимо иметь в виду, по возможности, всю, единую, цельную и нераздельную природу, а не отрывочные ее части... иначе мы... никогда не будем в состоянии учесть, что принадлежит к одному, а что к другому фактору... Само собой разумеется, что и почвы, подобно всем организмам, могут быть между собой сравниваемы лишь при условии одного и того же возраста» [Докучаев, 1951. С. 399, 97, 381].

Полноценная продуманная оценка вклада Докучаева в развитие современной науки, как ни парадоксально, содержится в работах, посвященных совсем другому ученому — биологу Н. Тимофееву-Ресовскому. При этом характерно, что представленная последним научная традиция возводится к связке Докучаев — Вернадский. Сам Тимофеев-Ресовский писал о Докучаеве мало, но подчеркивал следующее: «Вероятно, самым замечательным учеником Докучаева, — человеком, деятельность которого возвеличивает Докучаева даже если бы Докучаев, кроме воспитания этого ученика, ничего не сделал, — был В. Вернадский... Вернадский встретился, естественно, с внушенным ему его учителем учением о зонах природы, учением о почвах, как результате деятельности природных факторов на поверхности нашей Земли, формирующих лик Земли, ее «биосферу» ... и занялся построением общего учения о биосфере Земли, то есть той сфере нашей планеты, в которой основную роль играют живые организмы» (цит. по [Тюрюканов, Федоров, 1996. С. 67]).

Исследователи творчества Тимофеева-Ресовского А. Тюрюканов и В. Федоров развили эту мысль и обозначили смысл кардинальных преобразований, осуществленных Докучаевым в науке. Они полагают, что «исходным и вместе с тем конечным пунктом деятельности Докучаева и Вернадского было исследование взаимосвязи общества с природой, разработка теоретических и практических аспектов этой взаимосвязи... *Как эстафету, «из рук в руки», «из души в душу», передал Докучаев свое космически-временное мышление своему другу и ученику Вернадскому... В творческом содружестве Докучаева и Вернадского, учителя и ученика, был совершен решающий прорыв к биосферно-космическому научному мышлению, наполненному историзмом...* Понятие биосферы стало ядром, центром необходимого, естественного и точного синтеза многочисленного эмпирического материала о жизни поверхностной оболочки нашей планеты... Разработанное Докучаевым понятие естественно-исторического тела (системы, образования) стало основополагающим понятием биосферного класса наук. Являясь элементарным (далее не разложимым, без потери качества), оно стало исходным моментом, всеобщей и универсальной основой изучения биосферы и ее систем, тем зародышем, из которого развились все другие понятия биосферных наук» [Тюрюканов, Федоров, 1996. С. 24–25].

Исследователи убеждены, что, когда Докучаев «создавал науку о почве как особом естественно-историческом теле природы, он думал не только о факторах почвообразования, ее формирующих, но прежде всего *о времени*, его текущем невидимом потоке, создающем почвы, их сложную организацию и особый тип их жизни. Все его работы о почвах несут печать

современного типа мышления, названного им естественно-историческим подходом... Он показал, что человеку «противостоит» природа в форме интегральных систем (почвы, природные зоны), формирующихся и развивающихся в процессе длительного исторического взаимодействия мертвой и живой природы, климата, горных пород, поверхностных и грунтовых вод» [Тюрюканов, Федоров, 1996. С. 26].

* * *

Значимость наследия Докучаева в наши дни, когда развиты природоохранная деятельность и экологическое сознание, казалось бы, очевидна. Борясь за сохранение почв, он говорил об устойчивом развитии, о сохранении биосферы. Ведь 99,8 % биомассы создается почвами и 92 % видового разнообразия обусловлено ими же, а деградация почв — прямое и самое точное свидетельство деградации природы, снижения уровня ее самоорганизации, экологического кризиса. Но надо помнить, что в конце XIX в. этого никто не понимал. Вернадский отмечал: «...руководящие мысли, наполнявшие научную деятельность Докучаева в почвоведении, казались его современникам странными и неправильными» [Вернадский, 1988. С. 271]. Взгляд Докучаева на окультуренную почву представлялся неприемлемым и полвека спустя.

А. Ярилов в 1930-е гг. писал: «Сейчас нетрудно критиковать многие положения и высказывания Докучаева, особенно его противопоставление естественной почвы почве культурной. Для Докучаева последняя — «кирпич», выделанный человеком из природного сырья... Это, конечно, не так». Позитивно относясь к наследию ученого, он вместе с тем пытался «оправдывать» его в духе своего времени: «Докучаев не был знаком с учением Маркса — Энгельса» [Ярилов, 1939. С. 15].

При жизни ученого его непримиримым врагом был Костычев, который до сих пор считается наравне с Докучаевым основоположником современного почвоведения. Главное различие взглядов обоих исследователей было мировоззренческим. Д. Виленский, сравнивая в 1950 г. вклад того и другого в науку, писал, что, согласно Докучаеву, почва есть результат совокупной деятельности и влияния материнской породы, растительных и животных организмов, климата, возраста страны и рельефа местности. Но, как утверждает исследователь, Докучаев не смог показать «тесную связь и взаимодействие почвы с растительностью». По мнению Виленского, этот недостаток был исправлен Костычевым, впервые определившим, что почвой нужно называть «верхний слой земли до той глубины, до которой доходит главная масса растительных корней» [Виленский, 1950. С. 5].

Из этой цитаты видно, что точка зрения Докучаева (указание на роль растительных и животных организмов) *включает* в себя костычевские представления. Позиция Костычева на деле является лишь частью более широких воззрений Докучаева. Это частный взгляд на почву как явление, сфокусированный на ее практической пользе для ныне живущих и оставляющих проблемы будущего состояния почвы — будущим поколениям.

Стороннему наблюдателю такое противопоставление может показаться незначимым или даже лишенным смысла, но это важный показатель разницы в мировоззрениях (от частного к целому или от целого к частному). Последователи первого подхода полагают, что сумма решений частных проблем даст возможность решения общей, их оппоненты придерживаются противоположного взгляда. Первые — осознанно или неосознанно — считают, что проблемы должны решаться, исходя из интересов современных поколений, вторые полагают, что необходимо учитывать и интересы последующих, при системном и историческом подходе, с учетом стабильности биосферы в целом.

Борьба этих двух мировоззрений — презентистского и исторического — продолжалась в естественных науках весь XX век. Опасность презентизма за это время часто обнаруживалась на практике, и тогда возрождался интерес к историческому подходу.

Это произошло, в частности, после засухи 1947–1948 гг. С. Зонн и А. Ерошкина отмечают, что тогда «работы велись под лозунгом борьбы с засухой методами, якобы разработанными Докучаевым — Костычевым — Вильямсом. Это... не соответствовало истине... <Вся работа проводилась> под научным девизом... Докучаева — Вернадского — Вавилова. Именно эти ученые внесли новые идеи в ресурсные науки и предсказали пути прогрессивного развития природных процессов и антропогенных воздействий на них. *Но большинство идей остались невостребованными*, и освоение природы пошло иным... истощающим путем» [Зонн, Ерошкина, 1996. С. 130].

Драма Докучаева как ученого в том, что он не оставил потомкам точных, выверенных, как математические формулы, основополагающих принципов своего научного мировоззрения. Из-за краткости своей физической жизни он не успел составить научное завещание. К тому же, как писал Вернадский, Докучаев «работал в такой области знания, в науках наблюдательного характера, где нет места блестящим открытиям... Если исследователь почему бы то ни было не имел времени связно и цельно обработать свои мысли, был завален текущими вопросами дня — его основные идеи высказывались лишь *между прочим*... не они бросались в глаза современникам и последующим поколениям, не они отмечались в научной библиографии

и литературе. Иногда их можно понять, только окинув взором всю совокупность его научных работ, — только тогда видно, как эти идеи повторяются на разные лады, составляют основной тон научной мысли исследователя, нигде не выражаясь, однако выпукло, никогда не служа предметом самостоятельной обработки» [Вернадский, 1988. С. 270–271].

Если проявление идей осуществляется «почти бессознательно», надо обращаться к конкретным рекомендациям Докучаева, интерпретировать ту теоретическую модель, на основе которой они создавались [Вернадский, 1988. С. 271]. Например, в книге, посвященной опыту неурожаев 1891–1892 гг., Докучаев излагает план реконструкции сельского хозяйства черноземной полосы России. В этих рекомендациях оптимальные системы обработки почв представлены лишь как условие для наилучшего использования влаги. Но очевиден и контекст: почвы в его представлении — живой организм, воздействие на который должно быть весьма осторожным и сопряженным со всеми остальными действиями, направленными на «оздоровление» природы. Именно о нарушении такого подхода к почве в СССР пишет Зонн: «Многие, если не все приемы модернизации земледелия вели к «обезжизниванию» почв, к гибели ее животного и бактериального населения. Внесения в почву огромного количества химических удобрений, гербицидов, пестицидов, уменьшение... органического вещества при обогащении ее тяжелыми металлами и радиоактивными нуклидами привело к отравлению животных и возделываемых растений», и далее: «В то же время докучаевские методы воздействия на почву повысили урожайность на 20–30 %» [Зонн, Ерошкина, 1996. С. 127].

На пороге XXI века исследователь творчества Докучаева И. Филоненко с горечью констатировал: костычевское направление в науке и через сто лет будет подспудно, неосознанно враждовать с докучаевским и не даст последнему проявить себя на больших территориях [Филоненко, 2000].

Реалии землепользования и русская революция

Главным фактором, заставившим ученых обратить внимание на особенности природы России, стала деградация почв, приведшая к грандиозным неурожаям на самых плодородных землях России — Черноземье и Поволжье в начале 1890-х годов. Эта деградация стала прямым социально-экологическим следствием Крестьянской реформы — ключевой составляющей российской модернизации второй половины XIX — начала XX века. «Дарование» свободы крестьянам происходило при выкупе земли с рассрочкой платежа на 50 лет. Выкуп брался не с отдельного крестьянина, а с общины, что означало повышение роли коллективной собственности на зем-

лю, а следовательно, и архаизацию форм землепользования. Гнет общины оказался тяжелее помещичьего, а специфические формы хозяйствования приводили к деградации почв и возникновению экологического кризиса.

Общинная, по качеству разная, земля для создания равных возможностей для крестьян все чаще делилась не по семьям или числу работников, а по едокам. Этот принцип стимулировал взрыв рождаемости. Количество детей в крестьянских семьях росло из года в год. Ежегодно происходили и переделы земли. В результате вся земля находилась во *временном* пользовании. А раз так, то и не имело смысла вкладывать средства и труд в повышение ее плодородия, внедрять новые, более производительные технологии, то есть делать то, что постоянно предпринимает частный собственник.

Снижалось плодородие почв, что обуславливало падение уровня и качества жизни крестьян. Это и стало главным фактором, определившим перспективы предреволюционного развития России, скатывание страны к революции.

Несмотря на постепенное развитие городов и крупной промышленности, судьба страны в конце XIX — начале XX в. диктовалась прежде всего положением самой многочисленной части населения — крестьянства — и процессами, происходившими в деревне. Начиная примерно с 1870-х гг. эти процессы приобретали все более кризисный характер, что вызывало постепенное учащение неурожаев. В земледелии преобладали трехпольная и переложная системы, которые при недостаточном удобрении вели к падению плодородия почв. Количество вносимых удобрений в наиболее плодородных черноземных областях Центральной России уже в первой половине XIX в. было примерно в 15 раз ниже нормы [Люри, 1997. С. 74]. Во второй половине XIX в. степень восполнения уносимых вместе с урожаем питательных веществ, необходимых для восстановления почв, еще больше снизилась.

До тех пор пока плотность населения и соответствующее хозяйственное давление человека на землю не достигали критической отметки, трехпольная и переложная системы землепользования еще не слишком нарушали естественные процессы восстановления плодородия почв. Но с 1850 по 1900 г. население России удвоилось (а в начале XX в. возросло еще на 30 %) [Вернадский, 1997]. Соответственно, во второй половине XIX в. в наиболее важных аграрных районах России плотность населения и степень демографического, хозяйственного давления на землю существенно выросли, достигнув критических значений, при которых все более затруднительным становилось восстановление почв без применения минеральных удобрений и изменения самого характера землепользования.

Наиболее ярко этот процесс прослеживается в Центрально-Черноземных областях, игравших роль житницы России. Д. Люри отмечает: «Пашни, изъеденные эрозией и истощенные многолетней нехваткой удобрений, и луга, выбитые до истощения копытами коров и лошадей, мстили сокращением сбора зерна и падежом скота. В 90-х гг. XIX в. катастрофический неурожай поразил этот регион, еще недавно бывший основной житницей страны. Нехватка черноземного зерна откликнулась голодом во всех уголках огромной Империи». По словам исследователя, «первая экологическая бомба» в этом регионе разорвалась в середине XIX в., когда из-за сокращения угодий пастбищная нагрузка превысила критическую величину, и продуктивность лугов стала заметно снижаться. «Вторая «экологическая бомба» взорвалась примерно в 1880-х гг., когда истощение почв полей достигло критической величины. Урожайность зерновых снизилась до 5,7 ц/га и стала такой же, как в конце XVIII в. Началось падение объемов ресурсопользования и потребления. В 1890-х гг. обвал еще более усилился, и социальная обстановка стала катастрофической» [Люри, 1997. С. 65, 77].

На эти процессы, вызванные деятельностью человека, наложился изменения, определяемые собственно природными факторами, прежде всего климатические колебания, которые во второй половине XIX в. заметно усилились в Черноземье.

Общая тенденция к потеплению, которая наметилась в конце XIX в. и сравнительно слабо проявила себя во многих других регионах, оказала заметное воздействие на климат в Поволжье и некоторых других черноземных областях России [Клименко, 1997. С. 95]. И без того не слишком устойчивый климат стал здесь еще более нестабильным и засушливым. Приспособиться к подобным колебаниям (и тем самым уменьшить их влияние на урожай) можно лишь разрабатывая новые земледельческие технологии, адаптированные к природным условиям Черноземного региона, относительно недавно вовлеченного в хозяйственный оборот. Между тем внимание большинства крестьян и помещиков (по разным причинам, ради целей выживания или ради увеличения вывоза зерна) было направлено не на совершенствование технологий, а на хищническую эксплуатацию земли, истощение которой лишь усиливало воздействие климатических колебаний. По сути, наблюдалось резонансное взаимодействие негативных тенденций: истощения, эрозии почв, изменения ландшафта в результате хозяйственной деятельности человека, с одной стороны, и резких климатических колебаний — с другой.

Летом 1891 г. степной край России поразила сильная засуха, охватившая более трети черноземной полосы и вызвавшая небывалый неурожай.

«В декабре 1890 г. задули сильные северо-восточные ветры. Срывали снег вместе с землей, засыпали дороги, сады, селения. Поезда не могли двигаться из-за заносов. Специальные спасательные команды откапывали полустанки. В некоторых уездах чернозем был полностью выдут. Черную пыль донесло до Швеции. Солнце не могло пробиться к земле. Пополз слух, что настал конец света. Докучаев наблюдал, как один овраг лишь за день «вырос» на 16 м в длину. В 1891 г. такой овраг взял приступом Путивль, сокрушая на своем пути улицы и городские площади. Черные бури, суховеи, овраги, засухи стали страшным бичом народа. В 1891 г. очередной засухой было охвачено двадцать губерний, в основном юга России» [Борейко].

Ретроспективный взгляд на русскую историю показывает, что наиболее эффективным средством смягчения кризиса мог бы стать переход к новым технологиям сельскохозяйственного производства. Однако процессы начались лишь после аграрной реформы П. Столыпина (до этого в условиях общинного хозяйства трехпольный севооборот был во многом принудительным, и крестьяне не были заинтересованы в качественном улучшении обработки земли), происходили слишком медленно и не могли предотвратить социального взрыва, резко ускоренного тяготами Первой мировой войны. Более того, после некоторого периода восстановления в 1900-х гг. рост численности населения и повышение цен на зерно на внутренних и внешних рынках привели в 1910–1914 гг. к новому истощению полей и деградации лугов. Еще опаснее была общая скрытая деградация окружающей среды во многих российских регионах — глубинная причина низкого уровня жизни населения. **В конечном счете именно социально-экологический кризис — кризис одновременно и общества, и природы — лежал в основании Великой русской смуты XX века.**

За агрономическими предложениями Докучаева стояли не только гуманистическая установка, но и полусознанная необходимость смены научной парадигмы, то есть осуществления *революционных изменений в моделях осознания реальности*, в самой научной среде. Российская наука того времени, как все институты, порожденные догоняющей модернизацией, искала ответы на свои вопросы в европейских научных достижениях. Однако российские реалии взаимодействия человека и природы, а значит, и природосбережения сильно отличались от европейских: в частности, истоки деградации окружающей среды в России были существенно иными.

В Европе деградация природы в XIX в. неразрывно связана с промышленным загрязнением трех сред, наглядным воплощением чего стали лишенные жизни черные воды Рейна. Вклад сельского хозяйства в процесс деградации природы Западной Европы был минимальным. Традиционное комплексное земледелие включало утилизацию отходов животноводства

как источника органических удобрений, а частная собственность на землю была надежной преградой на пути локальной деградации почв — основного источника существования семьи. Находящаяся в частной собственности земля принималась поколениями земледельцев на уровне максимально возможного плодородия и такой же передавалась следующим поколениям. Открытие Ю. Либихом роли неорганических удобрений и развитие их массового промышленного производства стало еще одним барьером на пути деградации почв.

Многое, но не все из европейского опыта годилось для нас. Многовековые пути преобразования природы в Европе и в России были разными, в результате даже при схожих исходных почвах (в основном серых лесных) образовались разные по составу культурные почвы. Отсюда и задачи повышения их плодородия не были идентичными. К тому же нельзя не учитывать принципиальную особенность России: кризис разразился на землях, к освоению которых страна только-только приступила. Это были самые плодородные земли не только России, но и мира — степной и лесостепной чернозем.

Степной чернозем стал входить в хозяйственный оборот страны после присоединения Крымского ханства в последней четверти XVIII века. В Поволжье, завоеванном еще в XVI в., огромные просторы степей сохраняли свою девственность до XIX века.

Распашка этих земель стала *первым этапом* преобразования естественной природы в антропогенизированную. Цель, стоявшая перед Россией, была принципиально иной, чем в Западной Европе, — не допустить падения уровня продуктивности естественной природы при введении ее в хозяйственный оборот. Эта цель требовала исследований и использования возможностей естественной природы, чтобы не ломать ее, а *идти за ней*, «учиться» у нее. Отсюда и методы достижения цели должны быть иными, чем в Западной Европе, что, конечно, не исключало использования ее достижений.

Разница целей и задач, стоявших в XIX в. перед сельским хозяйством и почвоведением России и Западной Европы, до сих пор четко не отрефлексирована русскими учеными и прошлого, и настоящего. Но именно эта разница между экологической ситуацией в Европе и России, определяемая историческим путем их социальной и экономической жизни, стала пусковым механизмом, подтолкнувшим возникновение нового понимания отношений человека и природы на Планете и, в частности, определившим специфику широкого природоохранного движения в России.

Трагедия ученого

Почему так случилось, что именно Докучаев смог преодолеть казавшуюся неразрывной связь с европейской традицией в почвоведении и создать собственную, российскую, основанную на совершенно иных принципах и открывающую новые познавательные перспективы? Отчасти потому, что Докучаев плохо учился на старших курсах университета. Когда профессор минералогии П. Пузыревский, научный руководитель Докучаева, спросил, чем он специально занимался в университете, тот искренне ответил: «Картами и пьянством», — и это не было шуткой. Студенческие годы Докучаева делятся на два равных периода. Сначала студент полностью посвящал себя учебе. Но с 3-го курса Докучаев занялся репетиторством, и появившиеся деньги круто поменяли его жизнь. В стиле немецких буршей, он обратился к картам и пьянству, «которым он предается с такой же необузданностью, с какой впоследствии отдается работе» [Отоцкий, 1903. С. 321].

Его последующая биография также полна противоречий. Лишь после долгих колебаний он остался работать на кафедре геологии. Однако защита им диссертации на тему «Способы образования речных долин Европейской России» «имела характер триумфа», он стал сначала доцентом, а затем и профессором, несмотря на то что «его никогда не интересовали ни петрография, ни историческая геология». По воспоминаниям учеников, профессорские обязанности «не только не давали ему нравственного удовлетворения, но в последние годы положительно тяготили». В то же время моральная «отдача» была несомненной. «Аудитория обыкновенно была полна», от ученого исходила «та таинственная сила, присущая только крупным и сильным людям, которая невольно заставляет их слушать и каждому пустяку придает какое-то особенное значение и важность» [Отоцкий, 1903. С. 325–327].

Почему же Докучаев избрал нелюбимую карьеру геолога? Конечно, на кафедре он получил *свой* кабинет и *свою* лабораторию, которая «вскоре фактически превратилась в почвенную и выпустила немало очень ценных работ» [Отоцкий, 1903. С. 327]. При этом ему поневоле пришлось изучить и переосмыслить геологические процессы. Поскольку Докучаев не был отягощен приверженностью традициям, он сумел найти собственный подход к проблемам почвоведения. Приобретенное в зрелом возрасте знание геологии дало ему возможность рассматривать почвенные процессы в огромном историческом масштабе времени. «Настоящего систематического руководства в своих геологических работах Докучаев не имел и был в значительной степени самоучкой. Тем не менее замечательно, что он сразу вступил на единственно правильный путь актуализма», — писал

Ф. Левинсон-Лессинг (цит. по [Крупенников, 2002. С. 137]). Им никто не руководил; как утверждает главный биограф Докучаева И. Крупенников, он сам выбрал объект, нащупал методологию исследований [Крупенников, 2002. С. 137].

Другой причиной выбора профессии было особое, неакадемическое отношение к научному знанию. Признанный факт: побудительным мотивом Докучаева был не научный интерес, а активная гражданская позиция. «Докучаева привел к почве социальный заказ... Докучаеву совершенно чужда точка зрения чисто академического изучения «почвы в себе». Ему чужд, с другой стороны, и «чисто коммерческий» подход к почве» [Ярилов, 1930. С. 13, 16]. После окончания университета в нем «отчетливо выступает общественная жилка человека, принципиально по складу своей натуры не признающего науки, оторванной от жизни» [Отоцкий, 1903. С. 324].

Путь формирования мировоззрения ученого складывался из ряда этапов, связанных с решением проблем, имевших огромную общественную актуальность и ориентированных на охрану природы. После поездок 1871–1877 гг. по северной и центральной России и южной части Финляндии он формулирует гипотезу, согласно которой происхождение речных долин связывается с «жизнью» оврагов и балок; в 1875 г. после работ в болотах Полесья он пишет книгу об осушении болот и четко заявляет о себе как природоохраннике: «Прежде чем затрачивать миллионы на осушение болот, необходимо доказать, что реки, берущие свое начало в болотах, могут обойтись и без них. Иначе нам придется еще больше затратить и труда и средств, чтобы обводнить осушенную местность» (цит. по [Чечелюк, 2002]). Живая меняющаяся природа всегда подсказывает правильный ответ ученому. После работы в Полесье Докучаев приходит к важному для себя лично и для всей своей последующей научной деятельности выводу: решение хозяйственных задач не должно ставить своей целью перестройку ландшафтов, напротив, там, где возможно, естественная природа должна сохраняться.

В 1877–1881 гг. Докучаев совершает многократные поездки по югу и юго-востоку России, Крыму и Северному Кавказу, в 1882 г. — проводит нижегородскую экспедицию, в 1891–1892 гг. главную для него — «Особую экспедицию по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России» [Зонн, Ерошкина, 1996. С. 130]. В результате поездок ученый приходит к убеждению о необходимости пересмотреть бытующие взгляды, согласно которым у нас в стране корень зла — в климате, а не в методах хозяйствования. Засуха, по мнению Докучаева, — явление не только и не столько климатическое, сколько созданное по большей части российской земледельческой практикой. При-

чина засух — в уничтожении лесов, естественных водоемов и в распашке массы земель. Чтобы избежать засухи, нужно создать многочисленные лесополосы, водоемы, засадить деревьями и кустарниками овраги и тем прекратить эрозию почв. Для этого нужно не только серьезно изучать все факторы природы, менять ландшафт, исправлять систему обработки почвы, но и сформировать мировоззрение земледельца. К 1882 г., по утверждению ученика Докучаева А. Ферхмина, тот «вырос во весь рост; он уверовал сам в себя и в свои силы; он был уже не один, — он создал школу». Школа эта состояла менее чем из десяти участников его экспедиций. Но это были люди нового научного мировоззрения, и к ним примыкали исследователи, представлявшие разные традиционные научные специальности: ботаники, климатологи, агрономы, химики [Ферхмин, 1903. С. 345, 347].

Докучаев, предвосхищая будущие достижения общей биологии, теории эволюции, общей теории систем и синергетики, впервые стал рассматривать почвы как самостоятельное живое природное тело, сформировавшееся под воздействием комплекса факторов окружающей природной среды. «Он был первым ученым, не только указавшим на необходимость комплексного изучения природы, но и практически осуществившим такое изучение» [Виленский, 1950. С. 18–19]. Его «интересовали не отдельно взятые факты, а *соотношения* между ними, интересовала *динамическая* сторона явлений природы, интересовал *процесс* явлений» [Богословский, 1903. С. 354].

Примечательно, что Докучаева не принимали в клан почвоведов («педологов»), поскольку он не соблюдал каноны сельскохозяйственной науки, разработанные до него.

Господствовавший в то время эмпирический подход к изучению почв базировался на европейском опыте применения неорганических удобрений и связывал свойства почв с характером почвообразующих горных пород, то есть с *неживой* природой и, соответственно, в основе такого подхода лежали законы неживой природы. Неслучайно в русском языке синоним «неживая» относительно природы — «косная». Косность в русском языке, согласно В. Далю, означает свойство «упорно оставаться в одном и том же положении, состоянии... Косность людей происходит от лени, бездушия или нерешимости. Всякому телу или веществу свойственна косность (инерция); оно не двинется без действующей силы» [Даль, 1955. С. 173].

Позиция Докучаева противостояла устоявшимся научным взглядам, не соответствующим реалиям природы и особенно — практике природопользования в России. Причем долгое время он оставался в одиночестве. У него были предшественники (Д. Берендт, Ф. Рихтгофен, Ф.-А. Фаллу). «Однако никто из этих предшественников и современников Докучаева не дал цельной и научно обоснованной схемы» [Богословский, 1903.

С. 358]. Докучаев достойно справлялся с возложенной на себя ношей, одерживал победы в многочисленных научных баталиях, и именно ему руководство страны поручало проведение экспедиций. «В каждом слове его чувствовалась огромная сила, уверенность в себе и правоте своего дела; во всем его умственном складе поражали необычайная энергия, не знавшая усталости, не признававшая препятствий, добивающаяся намеченной цели во что бы то ни стало» [Герасимов, 1971. С. 3].

Объем работ с годами рос, как снежный ком. Докучаев никогда не изменял своему принципу: не отказываться ни от какой работы, и ничто так не выводило его из себя, как отлынивание от работы его учеников [Отоцкий, 1903. С. 330]. В 1892 г. он принял предложение произвести реорганизацию Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства. Прежде всего им были пересмотрены учебные программы и созданы новые, ставшие затем образцовыми для всей системы образования в стране.

Готовились специалисты, мировоззрение которых опиралось на новые научные представления, а направленность профессиональной и общественной деятельности была ориентирована на сохранение природы. Так возникла важнейшая предпосылка для создания сети природоохранных учреждений в России.

Отношение бюрократии к трудам Докучаева было противоречивым. Он долгое время получал поддержку от А. Ермолова [Зонн, Ерошкина, 1996. С. 129]. Но начальник Докучаева по Варшавскому учебному округу Апухтин, которому ученый мешал использовать земли академии для собственных хозяйственных нужд, препятствовал его педагогической работе. Когда в 1894 г. директором Департамента земледелия стал его ярый недруг Костычев, ученый заболел. Начались «сильный шум в висках, бессонница, ослабление памяти, слуха и зрения... В 1898–1900 гг.... (его деятельность) носит несомненный характер болезненности; какая-то судорожная, чрезмерно спешная и напряженная, часто нецелесообразная, ненормально шумная... уходят дела и, что еще ужаснее, уходят сотрудники, и действительно, работать с ним в это время было почти невозможно... Он сохраняет сознание и неустанно молит Бога и близких об одном: «поскорее зарыть его в сырую землю»» [Отоцкий, 1903. С. 335–338]. Скоро Докучаев умер.

Ученый, опередивший время

Как пишут Зонн и Ерошкина, Докучаев «стихийно» прокладывал свой путь в науку, а потому «не смог добиться официального признания Рос-

сийской академией наук почвоведения как фундаментальной естественной науки. **Официальное признание деятельности обошло Докучаева. Он не удостоился никаких академических званий, не занимал научно-административных постов, не читал лекций и не занимал кафедры почвоведения в высших учебных заведениях. Он не был прямо причастен и к рупору новой науки — журналу «Почвоведение»»** [Зонн, Ерошкина, 1996. С. 125–126].

Судьба ученого ясно говорит о том, что он был не способен преодолеть косность научной, тем более — социальной среды. Можно сказать, что в лице Апухтина с Докучаевым боролась сама среда. Но какова цена такой борьбы? В России того времени четко выраженная тенденция снижения уровня жизни резко расходилась с социальными ожиданиями.

Где общество должно было искать решение этой проблемы? В области социальных отношений или в области взаимоотношений человека и природы? В поисках ответа на острейшие текущие политические проблемы или разбираясь в сложнейших долгосрочных проблемах природосбережения? От правильной расстановки этих акцентов зависело будущее России.

Это сейчас, после двух мировых войн и неоднократно возрождавшейся карточной системы распределения продовольствия, нам очевидно, что социальная справедливость — хоть и важный, но все-таки не первостепенный фактор устойчивого развития. Если земля не будет давать достойный урожай, никакие социальные меры по справедливому распределению даров природы не способны противостоять общему падению уровня жизни. Правильно хозяйствовать и на этой основе получать максимально возможные доходы — дело первостепенной важности, а справедливое распределение общественного богатства — дело важное, но все-таки второстепенное.

Мы не знаем, когда и как Докучаев пришел к этому, как следует из картины всей его жизни, очевидному для него выводу. Более того, этот вывод ученый никогда четко не формулировал, но по косвенным свидетельствам видно, что в своей учебной деятельности и практических рекомендациях он следовал именно ему. Из воспоминаний учеников мы знаем, что он питал «органическое отвращение к богословской схоластике, которую позднее перенес на все отвлеченные и дедуктивные науки (за исключением математики), философские, юридические и др., окрещенные им общим именем «болтовня».

К «наукам не точным он относился с презрением и даже ненавистью», «споры марксистов с народниками называл «праздной болтовней» [Отоцкий, 1903. С. 321, 333].

* * *

Общественная элита страны — бюрократия и политическая оппозиция — почти всегда ищет решения в социально-экономической сфере. Иной путь, путь технологической перестройки, могут предложить только ученые, естественно-научная среда. И только после того, как она выскажет свое консолидированное суждение, часть политической элиты может начать говорить языком технологических аргументов.

Но встает вопрос: насколько авторитетным и императивным для общества может быть такое высказывание ученых? Мы видим, что природоохранный по своей сути мировоззрение Докучаева как норма жизни не стало всеобщим более чем за век. Это повлекло за собой множество трагедий и катастроф. Тут — еще одно свидетельство того, что рекомендации концепции устойчивого развития могут не исполняться, даже если это угрожает жизни человека на Земле.

Литература:

- Н. А. Богословский. *Общий характер научной деятельности В. В. Докучаева*//Почвоведение. 1903. № 4.
- В. Е. Борейко. *На колени перед русским черноземом* (<http://bio.1september.ru/2002/22/5.htm>).
- В. И. Вернадский. *Страница из истории почвоведения (В. В. Памяти Докучаева)*//В. И. Вернадский Труды по истории науки в России. М., 1988.
- Г. В. Вернадский. *Русская история*. М., 1997.
- Д. Г. Виленский. *Почвоведение*. М., 1950.
- И. П. Герасимов. *Великий русский ученый В. В. Докучаев (к 125-летию со дня рождения)*//Почвоведение. 1971. № 8.
- В. И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Т. 2. М., 1955.
- Г. В. Добровольский. *Докучаев и современное естествознание*//Почвоведение. 1996. № 2.
- В. В. Докучаев. *Соч. в IX т. Т. VI. М. —Л., 1951.*
- С. В. Зонн, А. Н. Ерошкина. *Ученики и последователи В. В. Докучаева*//Почвоведение. 1996. № 2.
- А. В. Клименко, В. В. Клименко. *Энергия, природа и климат*. М., 1997.
- И. А. Крупенников. *Магия личности и имени В. В. Докучаева*//Почвоведение. 2002. № 9.
- Д. И. Люри. *Развитие ресурсопользования и экологические кризисы*. М., 1997.
- П. В. Отоцкий. *В. В. Жизнь Докучаева*//Почвоведение. 1903. № 4.
- А. Н. Тюрюканов, В. М. Федоров. *Н. В. Тимофеев-Ресовский: биосферные раздумья*. М., 1996.
- А. Р. Ферхмин. *Нижегородский период деятельности В. В. Докучаева*//Почвоведение. 1903. № 4.
- И. Е. Филоненко *Особая экспедиция*. М., 2000.
- Чечелок П. *Анабиоз мелиоративного монстра*//Зеркало недели. 2002. № 46 (421). 30 ноября — 6 декабря (<http://www.zn.ua/3000/3320/36896/>).
- А. А. Ярилов *Докучаев*//Почвоведение. 1939. № 1.

В. В. Бушуев, В. С. Голубев,
Институт глобальных проблем
энергоэффективности и экологии,
Институт системного анализа РАН,
Институт энергетической стратегии

Проект социогуманитарного развития России

1. Вводная часть

В предлагаемой работе осуществлен синтез авторских исследований по теории социогуманитарного государства начиная с 90-х годов прошлого века. Естественно-гуманитарный синтез, осуществленный в работе, основан на физической теории социоприродного развития (дедуктивный метод) и на обобщении эмпирических данных по функционированию и эволюции экоса — глобальной системы «природа — человек — общество» (индуктивный метод). Результаты, полученные индуктивным и дедуктивным методами, взаимно контролировались и корректировались.

В исследованиях и обсуждениях, которые легли в основу данного проекта, принимали участие В. В. Бушуев (д. т. н.), А. А. Коробейников (д. ф. н.), А. М. Тарко (д. ф.-м. н.), Результаты исследований, вошедшие в модель, содержатся в многочисленных публикациях. ([1–4] и др.). Однако отсутствует последовательное изложение проекта. Последнее и служит целью данной работы.

2. Цель и задачи исследования

Цель: обосновать необходимость перехода страны на траекторию социогуманитарного развития с тем, чтобы реализовать прогресс российского экоса (системы «природа — человек — общество») на современном этапе.

Научная основа: оригинальная теория социоприродного развития, физический аппарат новой естественно-гуманитарной науки эргодинамики.

Основные задачи:

- разработать системные индикаторы, определяющие развитость страны и качество жизни;
- рассчитать системные индикаторы для стран мира и определить рейтинг России;

- сформулировать принципы мировоззрения социогуманизма;
- развить теорию социогуманитарного государства;
- показать эволюционную обусловленность построения в России социогуманитарного государства и имеющиеся предпосылки для этого.

3. Теория социогуманитарного государства

Принципиальное отличие нашего подхода от большинства имеющихся качественных построений о государстве заключается в следующем. Он основан на ясной теоретической базе — количественной теории социоприродного развития, физическом аппарате новой естественно-гуманитарной науки эргодинамики [5].

В эргодинамике вводится новое ключевое понятие — структурная энергия (Φ). Она соотносится с работой образования эволюционирующей системы из простых веществ. Структурная энергия в стоимостном выражении отражается понятием — капитал. При прогрессе растет со временем (t) структурная энергия системы, то есть условие прогресса:

$$d\Phi/dt > 0. \quad (1)$$

Применительно к социуму условие (1) означает рост со временем удельного национального капитала УНК (долл./чел.). Последний является суммой частных капиталов: физического (УФК), человеческого (УЧК), социального (УСК) и природного — воспроизводимого эокапитала (УЭК) и невоспроизводимого палеокапитала (УПК), то есть:

$$\text{УНК} = \text{УФК} + \text{УЧК} + \text{УСК} + \text{УЭК} + \text{УПК}. \quad (2)$$

Согласно новой теории человеческого капитала [5] он складывается из следующих составляющих: витальной — УВК, интеллектуальной — УИК и духовной — УДК (характеристик физического здоровья и качества человека как работника и носителя нравственности соответственно), то есть:

$$\text{УЧК} = \text{УВК} + \text{УИК} + \text{УДК}. \quad (3)$$

В свою очередь, социальный капитал рассматривается как сумма трех составляющих, характеризующих организованность труда (через величину безработицы), социальное расслоение (через децильный коэффициент) и законопослушность граждан (через величину преступности).

Палеокапитал (УПК) определялся географической территорией, площадью лесов и сельхозземель, запасами пресной воды. При расчете па-

леокапитала учитываются прогнозируемые запасы горючих ископаемых (нефть, газ, уголь) и руд по 15 металлам (алюминий, вольфрам, железо, золото, марганец, медь, никель, ниобий, олово, ртуть, серебро, свинец, титан, хром, цинк).

Величина УНК является обобщенной характеристикой развитости страны: чем она больше, тем развитее страна. Наряду с УНК рассчитывается национальный (суммарный) капитал НК (долл.) по формуле:

$$НК = (УНК) N, \quad (4)$$

где N — численность народонаселения.

Наряду с эволюцией системы рассматривается эволюция сопряженного процесса ее функционирования (воспроизводства). Прогресс процесса имеет место, если растет со временем его удельная мощность P :

$$dP/dt > 0. \quad (5)$$

Применительно к социуму условие (5) показывает рост со временем производства национального капитала (в расчете на одного человека, долл./чел. год). Эта величина характеризует качество жизни.

Для удобства сопоставления нами вводится безразмерная величина — индекс качества жизни I . Она равна сумме отношений производств частных капиталов к соответствующим им максимальным значениям среди всех стран мира. Индекс меняется от 0 до 1; чем он больше, тем выше качество жизни.

Дадим окончательные расчетные формулы (относя интересующегося читателя к публикации [6], где приведем их вывод).

Для индекса качества жизни:

$$I = 1/5 (I_{\phi} + I_{\text{ч}} + I_{\text{с}} + I_{\text{з}} + I_{\text{н}}), \quad (6)$$

где частные индексы будут:

индекс физического капитала:

$$I_{\phi} = \text{ВВП}/(\text{ВВП})_{\text{max}}; \quad (7)$$

индекс человеческого капитала:

$$I_{\text{ч}} = 1/3 [G/G_{\text{max}} + (OP + 3P)/(OP + 3P)_{\text{max}} + (s_{\text{max}} - s)/(s_{\text{max}} - s_{\text{min}})]; \quad (8)$$

индекс социального капитала:

$$I_c = 1/3 [(N_{\max} - N)/(N_{\max} - N_{\min}) + (D_{\max} - D)/(D_{\max} - D_{\min}) + (P_{\max} - P)/(P_{\max} - P_{\min})]; \quad (9)$$

индекс экокапитала:

$$I_c = 1/3 (S/S_{\max} + S_1/S_{1\max} + S_2/S_{2\max} + M/(M_{\max})); \quad (10)$$

индекс палеокапитала:

$$I_{\pi} = 1/2 [1/3 (M_{\pi}/M_{\pi\max} + M_{\Gamma}/M_{\Gamma\max} + M_{\gamma}/M_{\gamma\max}) + 1/16 (\sum_i (M_i/M_{i\max}))]. \quad (11)$$

При выводе расчетной формулы для удельного странового капитала принимается дополнительное допущение о равной значимости для стран иметь максимальные значения отдельных капиталов (физического, человеческого, социального, природного). Поэтому значения максимальных среди всех стран мира частных капиталов приравняются друг к другу.

Необходимость данного допущения обусловлена тем, что в действительности неизвестны (и никогда не будут известны) ни истинная цена человека, ни природы, ни социальных структур и др. Соотношения между разными капиталами определяются действующими в социумах ценностями и приоритетами. В дальнейшем может потребоваться иная нормировка для капиталов в связи с тем, что со временем будут возрастать стоимость как человека, так и природной среды.

С учетом данного допущения имеем следующую расчетную формулу для УНК:

$$\Phi = \text{УНК} = (I_{\phi} T_{\phi} + I_{\chi} T_{\chi} + I_c T_c + I_{\varepsilon} T_{\phi} + I_{\pi} T_{\phi}) (\text{ВВП})_{\max}. \quad (12)$$

В формулах (7) — (12) используются следующие обозначения: ВВП — валовой внутренний продукт, G — жизненный потенциал, равный произведению удельной рождаемости на среднюю продолжительность жизни, (OP + ЗР) — расходы государства на образование и здравоохранение, s — число суицидов (в расчете на одного человека за год), N — доля безработных, D — децильный коэффициент, P — преступность (в расчете на одного человека за год); S — площадь территории стран, S₂ — площадь лесов, S₃ — площадь сельхозземель, M — запасы пресной воды, M_н — запасы нефти, M_г — газа, M_у — угля, M_i (i = 1, 2, 3, ... 15) — металлов, T со значками — характерные времени производства капиталов: физического (25 лет), социального (25 лет) и человеческого (средняя продолжительность жизни). Значки max и min относятся к максимальным или минимальным значениям соответствующих величин среди всех стран мира.

Таким образом, главными показателями, характеризующими состояние страны и для которых должен проводиться мониторинг, являются: национальный (страновой) капитал (НК) — характеристика богатства страны; удельный национальный капитал (УНК) — характеристика развитости страны; производство национального (удельного) капитала (ПНК) — размерная характеристика качества жизни; безразмерный индекс качества жизни (I). По этим показателям следует оценивать состояние страны и контролировать траекторию ее развития.

Развитый подход к проблеме национального богатства принципиально отличается от подхода Всемирного банка [7], который рассматривает национальное богатство как будущее валовое потребление за 25 лет (среднее время смены поколений). Наконец, индекс качества жизни, в отличие от индекса развития человеческого потенциала ИРЧП (по методике Программы развития ООН [8]), имеет ясную теоретическую базу и учитывает существенно больше значимых факторов развития, чем ИРЧП.

4. Национальное богатство и качество жизни: мир и Россия

На основе разработанной оригинальной методики расчета национального богатства и индекса качества жизни проанализируем положение России в мире и на этой основе обоснуем оптимальную социогуманитарную траекторию ее развития.

Как показано выше, национальное богатство, или страновой (национальный) капитал, складывается из физического, человеческого, социального и природного капиталов. Природный капитал включает в себя воспроизводимую (экокапитал) и невоспроизводимую (палеокапитал) составляющие. Физический и человеческий капиталы являются стоимостной оценкой всего накопленного в социуме материального и человеческого фонда соответственно. Социальный капитал служит стоимостной оценкой структур социумов, эффективности их функционирования. Наконец, природный капитал есть стоимость возобновляемых и невозобновляемых (месторождения полезных ископаемых) природных ресурсов (леса, воды и др.).

Выше на основе оригинальной теории социоприродного развития [5] (дедуктивным методом — от общего к частному) разработана методика расчета странового капитала. При расчетах по этой методике учитывались следующие конкретные параметры стран. Для физического капитала — валовой внутренний продукт (ВВП) и среднее время его «жизни» (25 лет). Для человеческого капитала — рождаемость, продолжительность жизни,

расходы государства на образование и здравоохранение, суицидность. Для социального капитала — безработица, социальное расслоение (через децильный коэффициент, равный отношению доходов 10 % богатых к доходам 10 % бедных), преступность. Для экокапитала учитывалась площадь стран, лесов и сельскохозяйственных земель в них, а также запасы пресной воды; для палеокапитала — прогнозируемые запасы горючих ископаемых (нефть, газ, уголь) и руд (по 15 металлам).

Согласно проведенным расчетам (см. ниже) самой богатой страной мира является Китай. Его национальный капитал равен 6470 трлн долл. Второе место у Индии (6340 трлн долл.). США с 2260 триллионами долларов занимают лишь третье место в мире. Китай и Индия опережают США благодаря человеческому капиталу — из-за существенно большей численности населения в этих странах. Россия занимает в рейтинге 10-е место — ее страновой капитал равен 600 трлн долларов. Вместе с тем по природному капиталу Россия — первая в мире. Природные ресурсы — главное богатство нашей страны.

Развитость страны определяется не общим, а удельным, в расчете на одного человека, капиталом. По этому показателю на первом месте Австралия — ее удельный страновой капитал (фактически богатство, приходящееся на одного человека) равен 9,33 млн долларов. За ней следуют Канада и Норвегия. Россия с 4,23 млн долл. занимает в рейтинге лишь 103 место.

Качество жизни характеризуется величиной производства странового капитал в расчете на одного человека за год (долл. на чел. в год). Для удобства сопоставления вводится безразмерная величина — индекс качества жизни (ИКЖ). Он равен отношению наблюдаемого производства странового капитала к идеальному, желаемому его значению. Последней служит максимальное производство странового капитала, отвечающее наибольшим наблюдаемым на исследуемое время величинам производств частных капиталов (физического, человеческого, социального, природного).

По индексу качества жизни на первом месте находится Австралия, у нее ИКЖ = 0,611, далее — Канада (0,556) и Норвегия (0,520). Россия занимает в рейтинге 80-е место между Македонией и Румынией, у нее ИКЖ = 0,304. Найденные значения показывают, насколько еще качество жизни (даже в Австралии) далеко от идеального (при котором ИКЖ равен единице) и сколь значимы для всего мирового сообщества перспективы дальнейшего развития.

Столь неблагоприятное состояние страны связано с низким производством человеческого капитала (из-за малой рождаемости, низкой продолжительности жизни и др.) и социального (из-за резкого социального

расслоения, высокой преступности и др.). Так, по гуманитарной составляющей индекса качества жизни Россия занимает лишь 168-е место в мире, а по социальной — 100-е место. Сопоставление современного состояния России с другими странами и с ситуацией в СССР до начала либеральных реформ свидетельствует о том, что страна переживает острый социогуманитарный кризис — кризис человека и модели развития.

Общий вывод из полученных результатов следующий. Россия переживает острый социогуманитарный кризис — кризис человека и модели развития. Выход из него — строительство социогуманитарного государства. В нем главным приоритетом становится человек, его гармоничное развитие, опережающий рост человеческого капитала.

5. Основные принципы социогуманизма и концепции социогуманитарного государства

Современный финансово-экономический кризис показывает исчерпаемость существующего пути мирового развития, финальность материальной цивилизации, которая выдвигает на первый план экономику, возвышение материальных потребностей человека. На смену ей идет социогуманитарная цивилизация. В ней экономика перестает быть целью, а становится средством гармоничного развития человека, обеспечивая опережающий рост человеческого капитала.

Социогуманизм по-иному, чем либерализм, решает основные вопросы развития. Сформулируем в тезисной форме основные положения концепции социогуманизма и социогуманитарного государства.

1. Согласно либерализму, цель развития — рост потребления, рост ВВП. Согласно социогуманизму, цель — гармоничное развитие человека, или, в количественном выражении, рост человеческого капитала. Экономика — не цель, а средство гармоничного развития человека. Критерий либерального (стихийного) развития — рост физического капитала — снят социогуманитарным критерием — ростом человеческого капитала.

2. Цель социального государства — свободное развитие человека. Последнее может означать развитие как позитивных, так и негативных качеств. Социогуманитарное развитие предполагает гармоничное развитие человека, то есть сопряженный, соразмерный рост составляющих человеческого капитала — витальной, интеллектуальной и духовной, характеризующих человека как биологического (здоровье), социального (работник) и духовного (носитель нравственности) субъекта. Учет всех составляющих человеческого капитала обусловил необходимость введения нами нового понятия — социогуманитарное государство.

3. Продвинутый либерализм — концепция социального государства. В нем функционирует «человек социальный». Социогуманизм по-иному трактует феномен человека, рассматривая его в трех ипостасях — как существо биологическое, социальное и духовное одновременно. Это потребовало введение нового понятия — социогуманитарное государство. В нем функционирует «человек социально-духовный».

4. В социогуманитарном государстве функционирует регулируемая рыночная экономика, ориентированная (через систему налогов и социальную политику) на гармоничное развитие человека. Социогуманизм может в определенной степени рассматриваться как синтез позитивных сторон социализма и капитализма. От социализма берется цель — развитие человека, от капитализма — средство его реализации: регулируемый рынок.

5. Социогуманизм решает проблему устойчивости развития, что не удалось сделать либерализму (последний пример тому — современный финансово-экономический кризис). Главный порок либеральной (материальной) цивилизации — положительная обратная связь между производством товаров и материальными потребностями человека (закон возвышающихся потребностей), разрушающая устойчивость. Установка материализма «бытие определяет сознание» не обеспечивает устойчивость, ибо в ней отсутствует обратная связь. При социогуманизме задействована отрицательная обратная связь, ограничивающая рост материального: не только «бытие определяет сознание», но и «сознание определяет бытие».

6. Социальная устойчивость социогуманитарного государства обеспечивается максимальным задействованием отрицательных обратных связей, что означает диалектический синтез противоположностей: сильного государства и демократии, прав и обязанностей человека, установок «человек для государства» и «государство для человека», общенародной и частной собственности.

7. Экологическая устойчивость обеспечивается сопряжением прямой («биосфера для человека») и обратной («человек для биосферы») связи. Человек выполняет свою биосферную функцию — поддержание устойчивости биосферы — через регулирование антропогенных потоков углерода в атмосферу и через невмешательство в биоразнообразие.

8. Согласно социогуманизму, первично добро, а не зло, альтруизм, а не эгоизм, кооперация, а не конкуренция. Движущая сила развития — научно-технический прогресс, конкуренция же лишь устраняет отсталые технологии.

9. Нельзя идти вперед, не зная цели развития, которую формулирует идеология. Идеология социогуманитарного государства — социогума-

низм. Существование идеологии, поддерживаемой государством, отнюдь не отрицает идеологического разнообразия.

10. Согласно социогуманизму, жизнь — высшая ценность бытия. Поэтому гуманитарные ценности (здоровье, образование, мораль, семья) приоритетны по сравнению с материальными. Так, иерархии материальных приоритетов: богатство — власть — слава — можно противопоставить социогуманитарные: умеренность — свобода — достоинство.

11. Согласно социогуманизму, гармоничный образ жизни отвечает максимальной продолжительности деятельной жизни, что достигается на основе задействования обратных связей между витальным и духовным капиталом. Здоровье человека в значительной степени определяется его мировоззрением. Оптимизация здоровья и высокая культура жизни достигаются на основе мировоззрения социогуманизма.

12. Аномальная жажда обогащения рассматривается социогуманизмом как патология.

13. Ценности социогуманизма во многом соотносятся с ценностными установками основных религий мира. Это особенно касается таких существенных моментов, как отношение к человеку и материальной стороне его жизни, а также к труду и богатству.

14. Цель гармоничного развития человека — счастье: состояние равновесия, согласия с самим собой, другими людьми и природой.

К сожалению, российскими политиками концепция социогуманитарного государства и социогуманизма не была по настоящему воспринята. И лишь в 2008 г. Президентом В. В. Путиным была озвучена стратегия инновационного развития России до 2020 года «Стратегия-2020». В ней нашли отражение существенные признаки социогуманитарного развития. По существу, под задачи, сформулированные В. В. Путиным, уже имеется научная теория социогуманитарного развития.

6. Политика социогуманитарного государства

Данный вопрос уже подробно обсуждался [2, 3]. Ниже излагаются лишь ключевые позиции политики социогуманитарного государства.

Общегуманитарная политика. Социогуманитарное государство служит «чистым средством» реализации Национальной Идеи — «служение человеку». Это достигается на основе удовлетворения основных жизненных потребностей человека и роста его качества как работника и носителя нравственности. Способ реализации Национальной Идеи — эволюционный, с учетом принципа относительного совпадения цели и результата развития (в силу чего средства становятся в определенном смысле «важнее»

цели). Либеральные ценности приобретают гуманитарный характер, лишь когда они сопряжены с ценностями противоположного плана: — свобода с обязанностями, «служение себе» — со «служением народу», частная собственность — с общенародной, развитие демократии — с усилением государства.

Государственная политика. Функционирует «государство для человека», в котором реализованы формула российского менталитета «служение государству» и Русская Идея «служение народу». Максимально полно задействована выборность органов власти на основе повышения правосознания избирателей. Три главных основания социогуманитарной государственной политики: *цель* — Национальная Идея — гармоничное развитие человека; *средство реализации цели* = «государство для человека»; *условие реализации цели* — социогуманитарное строительство как «народное дело».

Экономическая политика. Экономика перестает быть целью, а становится средством гармоничного развития человека. Критерий стихийного либерального развития — рост физического капитала — снят социогуманитарным критерием — ростом человеческого капитала. Функционирует регулируемая рыночная экономика, ориентированная через систему прогрессивных налогов и социальную политику государства на гармоничное развитие человека. Сосуществуют на конкурентной основе государственная, частная и народная формы собственности.

Социальная политика. Реализуется социальное равенство как равенство возможностей каждого и социальная справедливость как справедливость распределения общественного продукта. Социальная опора государства — средний класс с опорой на человеческий капитал: работники бюджетной сферы, интеллигенция, высококвалифицированные наемные работники, мелкий и средний бизнес.

Культурная политика. Культура является главной производительной силой социогуманитарного общества — она воспроизводит человеческий капитал. Государство использует внешние опосредованные механизмы культурной политики и не вмешивается во внутренние механизмы функционирования культуры — творческий процесс. Культурная политики направлена на формирование мировоззрения социогуманизма, выбор индивидом восходящей линии саморазвития на всех уровнях: физическом, интеллектуальном, духовном, биосферном, универсальном. Это означает, по крайней мере, следующее: физическое здоровье, долголетие, образованность, открытость, творчество, познание самого себя и своего места в жизни, цельность, веру в познаваемость мира и осознанное желание его познать, любовь, осознание своего единства с природой.

Молодежная политика. Главная ее направленность — способствовать самореализации человека, поиску своего места в общественной жизни, развитию его позитивных качеств и способностей. Социогуманитарное государство обеспечивает для молодежи равные возможности воспитания, обучения и трудоустройства, предоставляя максимально широкий выбор для самореализации человека. Утверждение в молодежи мировоззрения социогуманизма, престижа семейных ценностей позволит решить главную проблему современной России — демографическую, увеличить рождаемость и продолжительность жизни.

Экологическая политика. Основной принцип экологической политики — сотворчество человека и природы на основе выполнения человеком своей биосферной функции поддержания устойчивости природных систем через систему рентных платежей за пользование биосферой. Рента используется на природоохранные и природовосстановительные работы, развитие экохозяйства и др. Биосферный компонент, жизнь в гармонии с природой становятся, наряду с моралью и нравственностью, приоритетной ценностью человека.

Принципы международной политики, национальной политики, военной политики, политики в области гражданской безопасности и борьбы с преступностью обсуждаются в [2, 3], куда и отсылаем читателя. Что касается проблемы государственного устройства, то представляется преждевременным обсуждать ее — она решится сама собой по мере продвижения страны по траектории социогуманитарного строительства.

7. Предпосылки построения в России социогуманитарного государства

Данный вопрос подробно обсуждается в публикациях [5, 9]. Главной предпосылкой является исконно российский менталитет «служение народу». И хотя этого менталитета придерживалось и продолжает придерживаться лишь эволюционно продвинутое меньшинство общества, тем не менее потенциал этого менталитета огромен. Именно ему мы обязаны феноменом русской культуры высочайшего качества. Социогуманитарный строй является эволюционно и исторически обусловленным. К нему стихийно движется все человечество. Об этом свидетельствует весь пройденный исторический путь, на котором неизменно увеличивалась «цена жизни», рос человеческий капитал. Возможно ли ускорить данный процесс на основе творчества народов? Может ли стать Россия во главе данного процесса?

Простого ответа на данный вопрос не существует. Тем не менее можно высказать ряд соображений по данной теме. В современной России существует эволюционно продвинутый слой — работники так называемой бюджетной сферы. Они заняты воспроизводством человеческого капитала — главной движущей силы социогуманитарного строительства. В принципе, этот слой «служит государству», но на современном этапе — элите (поскольку в системе «государство — народ» практически отсутствует обратная связь «государство → народ»).

Социогуманитарный переход состоится тогда, когда к власти в стране придет элита высокого эволюционного качества. Тогда «служение элите» станет «служением государству». В нем будет сполна задействована обратная связь «государство → народ». Это и станет началом строительства социогуманитарного государства, где реализован эволюционный синтез установок «человек для государства» и «государство для человека».

Демократический путь к социогуманитарному строю подразумевает создание и успешное функционирование политической партии социально-го гуманизма и утверждение в обществе мировоззрения социогуманизма. Последнее должно стать «главным делом» для российской интеллигенции. Тогда окажется реальным, путем демократических выборов, приход к власти новой элиты высокого эволюционного качества. Социогуманитарное строительство станет происходить на основе «управления сверху» и «самоорганизации снизу».

Партия «Единая Россия» недавно озвучила свою идеологию «российского консерватизма», то есть медленного постепенного развития. Нельзя не видеть определенного противоречия этой идеологии со стратегией инновационного развития России до 2020 г. («Стратегия-2020»). Но если понимать под консерватизмом (в отличие от либерализма) идеологию, утверждающую необходимость роста эволюционного качества человека, то такая неоконсервативная идеология смыкается в определенном смысле с социогуманизмом.

В настоящее время народ разобщен и духовно опустошен либеральной пропагандой. Удастся ли его мобилизовать на социогуманитарное строительство? Если нет, то возможен другой путь — преобразования сверху, приход просвещенного правителя. Но придет ли он?! И если придет, то не будет ли его приход слишком поздним для разложенной и агонизирующей страны?

Но авторы — оптимисты и верят в то, что придет час возрождения России как страны, обустроенной на принципах социогуманизма — наиболее актуальной и оптимальной для XXI века доктрины социоприродного развития. А лидер, который станет во главе социогуманитарного строи-

тельства, лишь тогда достигнет успеха, когда его воля станет опираться на научный фундамент социоприродного развития.

Литература:

1. В. С. Голубев *Социоэволюционная концепция устойчивого развития*. М.: РАЕН, 1994.
2. В. С. Голубев *От государства для элиты — к государству для народа*. Газета «Воскресенье». 2003. № 1, 2.
3. В. В. Бушуев, В. С. Голубев, А. М. Тарко *Индикаторы социоприродного развития российских регионов*. М.: ИАЦ Энергия, 2004.
4. В. В. Бушуев, В. С. Голубев, А. А. Коробейников, Ю. Г. Селоков *Человеческий капитал для социогуманитарного развития*. М.: ИАЦ Энергия, 2008.
5. В. В. Бушуев, В. С. Голубев *Социоприродное развитие*. М.: ИАЦ Энергия, 2007.
6. В. В. Бушуев, В. С. Голубев, А. М. Тарко *Качество жизни и его индексы: мир и Россия. Уровень жизни населения регионов России*. 2010, № 1.
7. *Where is the Wealth of nation? Measuring capital for the 21 st Century*. Washington, World Bank, 2006.
8. *Доклад о развитии человека 2006*. М.: Весь мир, 2006.
9. В. С. Голубев *Дорогами познания*. М.: Наука, 2010.

Н. В. Бекиров,
Крымский инженерно-педагогический
университет

Предпочтения крымских татар

**(по материалам социологического опроса
7–8 сентября 2007 г.)**

Цель — выяснить отношение крымско-татарского народа к основным институтам национального самоуправления — Курултаю и Милли Меджлису, их будущему, к деятельности крымско-татарских депутатов различного уровня, отдельным политикам.

Само собой, здесь непрофессионалу делать нечего, поэтому я обратился в организацию, именуемую «Крымсоцис», у которой огромный опыт в проведении социологических исследований в Крыму. Была составлена анкета, большое количество волонтеров-помощников разъехалось по Крыму. Собравшись через несколько дней, они сдали анкеты специалистам. Всего было опрошено чуть более тысячи крымских татар в населенных пунктах Крыма. Данные были обработаны при помощи компьютерной программы. И вот что мы получили.

Крымские татары — динамичный и уверенный в своих силах народ. Более 60 % считают, что их жизнь складывается в большей степени в зависимости от них самих, чем от внешних обстоятельств. Социальные проблемы, которые их заботят в наибольшей степени: постоянная работа — 47,2 %, возможность получить дом или иное жилье — 50,3 %, получение земельного участка для строительства дома — 42 %. Более 53 % ощущают недостаток взаимопонимания между людьми различных национальностей, и более 63 % не хватает уверенности, что в Крыму не будет межнациональных конфликтов.

Наибольшая часть вернулась в Крым между 1988 и 1995 гг., наибольший приток был в 1991 г. — 17,8 %, а в 1990 и 1992 гг. — по 13 % с лишним. В последние пять лет в Крым прибывает по 0,2–0,5 % в год.

Более 40 % принимали участие в национальном движении еще до возвращения в Крым, в настоящее время 16,4 % принимают участие постоянно, 55 %, когда этого требует обстановка.

Из всех прибывших в Крым только 7,3 % приехали по государственной программе, 91 % сделали это самостоятельно.

Помощь на обустройство от государства деньгами получили 12,9 %, не получали такой помощи 87,1 %. Помощь в виде стройматериалов по-

лучили 4,7 %, жилплощадью — 10,8 %. Удовлетворены своими жилищными условиями 66 %, совершенно не удовлетворены — 10,1 %. В большей или меньшей степени удовлетворены тем, как питается семья, более 70 %, совершенно не удовлетворены — 4,6 %. Это опасная цифра — около 5 % наших соотечественников здесь в Крыму голодают.

У почти 27 % за пределами Крыма остались члены семьи, которые хотят вернуться, у более 42 % есть такие родственники.

Примерно 57 % крымских татар, живущих в Крыму, собираются жить там, где они находятся сейчас, в другую местность Крыма хотят переехать 19,8 %, пока еще не приняли решение 18,1 %.

Только 15,6 % крымских татар считают, что политика украинского государства соответствует их интересам, 54,7 % оценивают ее как не соответствующую интересам таких людей, как они, 45,2 % полагают, что у них по сравнению с людьми других национальностей равные шансы на достижение успеха в жизни, 40,9 % с этим не согласны.

То, что Крым должен быть автономной республикой крымских татар в составе Украины, считают 69,4 %, не согласны с этим 12,5 %.

Членами общеукраинских политических партий являются 6,8 %. Надо отметить, что в среднем по миру это 5 %, то есть крымские татары едва ли не на треть более политически активны, нежели вообще население Земли.

В прошлых выборах принимали участие 73 %.

Далеко не все знают, сколько депутатов-крымских татар избрано в Верховную раду АРК. Ответы удивительные: от 1 до 92, хотя 40 % называют число 7–9. То, что их 7, знают 20,2 % крымских татар.

Разошлись мнения относительно того, правильно ли, что фракция «Курултай-Рух» работает совместно с блоком «За Януковича», коммунистами, блоком Витренко, партией «Союз», блоком «Не так» в крымском парламенте. Одобряет это 13,1 %, считает, что это вынужденная мера 37,2 %, не одобряют — 49,6 %. Я должен подчеркнуть, что опрос проводился до того, как вышла первая часть моей статьи, и мои взгляды не были известны опрашиваемым — они давали оценку совершенно независимо.

Работу Верховной рады АРК в целом оценивают как эффективную около 28 % крымских татар, как малоэффективную — 72 %. Только 8,9 % опрошенных назвали фамилии депутатов из фракции «Курултай-Рух», которые сделали что-либо положительное для них, их семьи или других крымских татар, проживающих с ними в одном населенном пункте, затруднился с ответом 91 %.

Очень интересная картина наблюдается в оценке деятельности фракции «Курултай-Рух» в вопросах восстановления прав крымских татар и решении различных проблем.

Около 36 % оценивают работу этой фракции в вопросах восстановления политических прав крымско-татарского народа как «хорошую» или «удовлетворительную». Хотя возникает вопрос, а как именно, в какой форме эта фракция вообще занимается этими вопросами. Они выдвинули какие-либо предложения в этой части, поставили их на голосование?

Работу этой фракции в решении экономических проблем репатриантов как «хорошую» или «удовлетворительную» оценивают около 34 %, в создании условий для завершения возвращения крымских татар из мест депортации — около 28 %, по обеспечению обустройства уже вернувшихся — чуть больше 27 %.

Правда, работу по сохранению и развитию крымско-татарского языка положительно оценивают более 63 % (опять-таки интересно, что фракция выдвигала какие-то предложения по этому вопросу в Верховной раде, защищала их?), в возрождении культуры крымско-татарского народа положительную оценку дают более 63 % (то же самое, какие действия приняла фракция «Курултай-Рух» для этого?).

В деле наделения репатриантов земельными участками оценивают деятельность «Курултая-Руха» «хорошо» — 9,5 %, «удовлетворительно» — 19,7 %, «неудовлетворительно» — 38 %, затрудняются с ответом — 9 %, по-видимому, ничего об этом не знают — 32,1 %.

Одним из водоразделов между моей позиций и позицией руководителей Милли Меджлиса является отношение к Курултаю и его будущему. На заседании Милли Меджлис 19 августа Председатель Центральной избирательной комиссии по выборам делегатов Курултая Ахтем Чийгоз доложил, что в выборах делегатов 5-го Курултая приняло участие более 60 000 избирателей крымских татар, что, по его мнению, делает будущий Курултай легитимным в соответствии с правилами, установленными последней сессией 4-го Курултая. Но вот что показывают цифры. Непосредственно в собрании избирателей принимало участие 13,6 % крымских татар, знают, что принимали участие члены их семьи, 12,8 %. То есть вместе — 26,4 %. Вот вам и обязательная одна треть! Ее не было.

Правда, был найден незаконный по нашим правилам механизм — сбор подписей от имени избирателей за того или иного выборщика — в этом принимали участие 17,3 %. Вместе с реальными собраниями это дает необходимые 33,7 %. Вот такими подтасовками и сколачивался делегатский корпус; 42,3 % заявили, что они ничего не знают о выборах у них по месту жительства, а еще 14,2 % твердо заявили, что собрания избирателей у них не проводились. То есть в соответствии с данными опроса как минимум 55,5 % наших соотечественников заведомо были отстранены от выборов Курултая!

При этом только 10,3 % крымских татар знают нынешние правила выборов хорошо, 28,4 % знают их в общих чертах, 15,9 % кое-что слышали о них, 45,2 % практически их не знают. Трудно ли было в таком случае манипулировать выборами?!

После этого понятно, что только 12,7 % оценили проведение выборов, как прошедшие в соответствии с избирательными правилами, 11,5 % как прошедшие с частичными нарушениями, 7,3 % — как выборы с грубыми нарушениями (отнимите эту цифру от необходимой трети, что получится?), а 68,0 % затруднились ответить на этот вопрос. Однако суммарно оценили состоявшиеся выборы как демократические всего лишь 26,6 % опрошенных крымских татар.

Как я уже писал, на мой взгляд, то, что Курултай теперь официально избирается заведомым меньшинством крымско-татарского народа, изначально делает его и избираемый им Милли Меджлис нелегитимным. Просто превращает в прошлом представительный орган крымско-татарской нации в одну из многочисленных общественных организаций или, точнее, партий. В соответствии с полученными в результате соцопроса цифрами эта партия в лучшем случае (без учета грубых нарушений) представляет чуть более 26 % крымских татар. Для сравнения: как показывают соцопросы среди всех избирателей Украины, «Партию регионов» поддерживают более 30 %, БЮТ — около 28 %, однако ни та ни другая не считает себя единственным держателем власти в Украине, не заявляет, что имеет право представлять в единственном числе весь украинский народ. Монополия одной партии на власть существовала долго — 70 лет, называлась она КПСС, и против этого в те времена яростно боролся молодой Мустафа Джемилев. Сегодня такую монополию среди крымских татар он считает нормой.

Неудивительно, что работу 4-го Курултая оценивают «хорошо» или «удовлетворительно» около 40 %, работу Милли Меджлис — 43 %. Большинство народа к этому относится иначе.

Есть ли выход? Мне кажется, да. Он также заложен в ответах наших соотечественников. Лишь 16,8 % считают, что Курултай должен избираться двухступенчато. Как сейчас 38 % (в два раза больше!) считают, что Курултай должен избираться прямыми всеобщими выборами при тайном голосовании. Для того чтобы Курултай мог представлять крымско-татарский народ в отношениях с государством и другими органами, организациями и лицами, он должен представлять не менее 1/3 избирателей крымских татар, живущих в Украине, (то есть, как сегодня) считает только 10,6 % опрошенных. А вот, что он должен представлять не менее 1/2 избирателей крымских татар, живущих в Украине, считает 44,7 %. Я уверен, что за этим будущее!

Чтобы внести некоторую ясность в вопрос о популярности различных крымско-татарских политиков, мы провели рейтинг среди тех, кто уже является депутатами, руководителями общественных организаций, журналистами, известными людьми. Основой был вопрос, кого из них хотели бы видеть депутатами Верховной рады АРК? Отвечающий мог отметить 5 человек, поэтому общая сумма процентов превышает 100.

Вот что получилось (в алфавитном порядке по фамилиям)

1) Абдуллаев Азиз	12,0 %
2) Абдуллаев Куртсеит	4,1 %
3) Абдураимов Васфи	3,1 %
4) Аблаев Решат	3,1 %
5) Авамилева Эмине	14,6 %
6) Безазиев Лентун	4,8 %
7) Бекиров Надир	22,3 %
8) Буджурова Лиля	36,8 %
9) Гафаров Эдип	3,6 %
10) Джемилев Мустафа	24,4 %
11) Джемилева Сафинар	6,2 %
12) Джеппаров Абдурешит	1,8 %
13) Ибадуллаев Нариман	3,8 %
14) Ильясов Ремзи	7,1 %
15) Кадыров Синавер	6,4 %
16) Кубединов Февзи	1,5 %
17) Мустафаев Айдер	3,9 %
18) Салиев Сервер	6,2 %
19) Сеттаров Раэт	6,3 %
20) Сулейманов Абмеджит	2,7 %
21) Теминдаров Смаил	4,4 %
22) Умеров Ильми	19,7 %
23) Хайбуллаев Шевкет	5,5 %
24) Хайрединов Эреджеп	2,4 %
25) Хубединов Кубедин	2,2 %
26) Чубаров Рефат	32,4 %
27) Эмиров Айдер	2,9 %
28) Якубов Февзи	28,9 %

На четвертой сессии 4-го Курултая Председатель Милли Меджлиса также докладывал о данных соцопроса, проведенного независимыми исследователями: «Могу только сказать, что наиболее популярным, пользующимся наибольшим доверием и уважением наших соотечественников политиком, депутатом и членом Меджлиса крымско-татарского народа

оказался Рефат Чубаров. Ему выразили полное доверие 73,4 % опрошенных».

Надо сказать, что у Р. Чубарова и осенью 2007 года был все еще великолепный рейтинг, но примерно в два раза ниже, чем в декабре 2005-го. Я полагаю, это в том числе и его собственных рук дело.

В общем и целом результаты исследования показывают, что реалии, в которых живет крымско-татарский народ, далеки и от официозной рекламы, и от тех мифов, которые распространяют коллаборационистские круги в крымско-татарском национальном движении.

Проведение сопоставительного исследования сегодня, уверен, дало бы еще более показательные результаты.

Имеет смысл подобного рода мониторинг вести регулярно, что позволит лучше понимать внутреннюю динамику политического развития крымско-татарской нации.

И. А. Гундаров,
ММА им. И. М. Сеченова, г. Москва

О контроле над эффективностью модернизации в России по динамике качества жизни

Эффективность широкомасштабной модернизации в России невозможна без контроля над результатами проводимых преобразований. В свою очередь, контроль требует знания цели модернизации и наличия ее индикаторов, по которым оценивается правильность движения. Иначе призыв «Россия — вперед!» останется просто лозунгом, без ясного видения: вперед — это куда?

Цель модернизации страны не может противоречить Основам конституционного строя, седьмая статья которого утверждает Россию социальным государством, призванным обеспечивать населению условия высокого качества жизни. Однако критерии качества жизни для государственного управления не выработаны. Не фигурируют они и в отчете правительства перед Государственной думой. Это затрудняет реализацию главной конституционной нормы, способствуя правовому нигилизму на правительственном уровне.

Зачастую качество жизни отождествляют с уровнем жизни, что неправомерно. Уровень жизни — это совокупность социально-экономических условий, которыми пользуется население. Его величина измеряется непосредственным подсчетом количества и качества потребляемых товаров и услуг. Единицами измерения служат абсолютные значения соответствующих параметров.

Люди, взаимодействующие с условиями жизни, имеют разные потребности и возможности, различаются смыслами жизни, варьируют разнообразием позитивных и негативных эмоций.

Качество жизни есть мера соответствия условий жизни людей их потребностям и возможностям, с учетом смысла жизни и выраженности эмоциональных устремлений. Это — индикатор адекватности окружающего мира запросам человека: насколько жизнь его достойна, чтобы ощущать себя уютно, комфортно, счастливо.

Измерить качество жизни напрямую невозможно. Потребовалось бы просчитать всю совокупность внешних и внутренних обстоятельств, влияющих на общество, что нереально. Для измерения скрытых явлений наука использует метод «черного ящика». На вход изучаемого объекта подаются

различные сигналы, а на выходе оцениваются его ответы. По соотношению первых и вторых судят о происходящих внутри объекта процессах. Качество жизни есть тот трудноизмеряемый набор жизненных условий, который влияет на состояние населения хорошим или плохим образом. Эти «хорошо» и «плохо» проявляются на выходе посредством субъективных и объективных характеристик человека или общества. Субъективные характеристики измеряются путем социологических опросов, показывающих удовлетворенность людей своим существованием. Объективные характеристики выражаются через психофизиологическое состояние людей, определяемое как психическое и физическое здоровье.

К важным показателям физического здоровья относятся: продолжительность жизни (лет); общая смертность (на 1000 жителей); общая рождаемость (на 1000 жителей); индекс суммарной рождаемости (на 10 женщин 15–49 лет) и др.

К важным показателям психического здоровья относятся: человечность отношений между людьми, где крайняя степень бесчеловечности проявляется убийствами и покушениями на убийство; наличие смысла жизни и желание жить, где крайняя степень безысходности и потери ценности жизни выражается смертностью от самоубийств и несчастных случаев; социальный оптимизм, одним из проявлений которого служат свадьбы; дисгармония семейных отношений, крайним проявлением которой являются разводы; справедливость распределения собственности; социальная дифференциация населения (отношение доходов самых богатых/самых бедных семей). Определяющая роль перечисленных параметров для качества жизни доказывается тем, что именно они отобраны историческим опытом в виде нравственных заповедей мировых религий: «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «не отчаивайся» и др.

Качество жизни способно выступать не только целью модернизации страны, но и ее условием. При достижении высоких значений качества жизни общество может ставить себе иные важные задачи. Но никакие реформы не должны вести к ухудшению базовых показателей сверх пороговых значений. Они есть те «красные флажки», за которые власть не имеет права заступать.

Расчеты показывают, что материальный достаток определяет здоровье и самочувствие населения примерно на треть, а на две трети они зависят от социальной атмосферы: нравственных ценностей, смысла жизни, текущих установок, базового настроения и выраженности эмоций. Данная закономерность, однако, игнорируется при оценке благополучия общества. Полагают, что улучшения экономического положения вполне достаточно, чтобы говорить об улучшении качества жизни населения. Поэтому, напри-

мер, бедные республики Северного Кавказа (Дагестан и др.) причисляются к регионам с плохим качеством жизни, куда для улучшения ситуации направляется представитель богатого Красноярского края.

В действительности же по абсолютной величине качества жизни, включающего перечисленные выше параметры, среди субъектов РФ в 2009 г. первые места занимают Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан. Последние места — у Тверской, Нижегородской, Смоленской областей. Красноярский край занимает лишь 59-е место.

Представленный анализ доказывает необходимость создания Федерального центра мониторинга качества жизни с целью общественного контроля над эффективностью проводимой в России модернизации.

Формат ежегодного отчета правительства перед Государственной думой должен включать характеристику динамики качества жизни в целом по России и регионам.

В. В. Лапкин,
ИМЭМО РАН, «Полис»

Глобальная динамика в эпоху великих потрясений

Текущий глобальный финансово-экономический и социально-политический кризис завершил предшествующую эпоху процветания — беспрецедентную по своей протяженности (более полувека) и масштабам преумножения богатства, завершил всерьез и надолго. Причем с точки зрения базовых концепций, так сказать научного *mainstream*¹, кризис оказался непредвиденным и теоретически непредсказуемым, не поддающимся адекватной концептуализации. Серьезные аналитики рынка (прежде всего — в США и Западной Европе), равно как и исследователи, анализирующие нелинейную динамику мирового развития, почти единодушны в том, что кризис еще не сказал своего решающего слова, что проблемы сохранятся по крайней мере на ближайшие год-два, а может быть, и на значительно более длительный срок, что основные причины, его породившие, не устранены, уроки — не извлечены и не усвоены, что основная цель «реактивных» усилий подавляющего большинства ключевых акторов глобальной политики и экономики сугубо консервативная — возвращение к прежнему *status quo*. Потребность в опережающем осмыслении предстоящей эволюционной трансформации, призванной привести глобальную систему к качественно новому состоянию, так и не проявилась ни в деятельности экономистов-практиков, ни на уровне реальной политики, ни в сфере теории социальной динамики¹.

Кризис стал своего рода «моментом истины» для неолиберальной доктрины, трансформировавшим ее «грандиозный успех» в столь же «грандиозный провал» [см. Валлерстайн 2009: 20]. Он в одночасье опрокинул и многочисленные теоретические модели так называемого «устойчивого развития», и господствовавший в сознании значительной части исследовательского сообщества радужный образ установившегося чуть ли

¹ Эту институциональную и интеллектуальную несостоятельность прежнего *mainstream*'а предчувствовали и о ней пишут сегодня столпы прежней финансовой политики [см. напр. Soros 2008; Сорос 2009; Greenspan 2007; Гринспен 2009; Скидельски 2008; Скидельски 2009; см. также альтернативные *mainstream*'у теоретические и полужемпирические подходы к исследованию глобальной нелинейной динамики: Арриги 2007; Валлерстайн 2003а; Модельски 2005; Хазин б.г.; Modelski 1987; Wallerstein 1987; Wallerstein 2004; Chase-Dunn, Hall 1997].

не «до скончания времен» глобального миропорядка [см. напр. Wallerstein 2008].

Происходящее побуждает всерьез усомниться в адекватности представлений о принципиальной завершенности и безальтернативности нормативной и институциональной структур современного мира, а вместе с тем более внимательно отнестись к блестящей попытке, предпринятой в свое время Карлом Поланьи, поставить — на основании анализа причин и опыта Великой депрессии 1930-х годов — проблему поиска глобальных институциональных альтернатив прежнему миропорядку [см. напр. Поланьи 2002: 13–16, 70, 272].

Первые сокрушительные удары кризиса испытали на себе преимущественно финансовые институты, крупные биржевые игроки, бизнес-структуры, соблазнившиеся сверхдоступными кредитами, а также политические институты, ответственные за проведение государственной финансовой политики. Но очень скоро, с осени 2008 г., финансовые потрясения обозначили кризис всей глобальной системы, причем в первую очередь кризис управляемости, т. е. кризис политический и институциональный. А спонтанная реакция на его первые проявления привела лишь к усилению политико-институциональной составляющей кризиса, поскольку самое активное вмешательство государства в финансово-экономическую сферу, конвертация его репутационных ресурсов, ресурсов общественного доверия в конкретную поддержку банковской сферы стремительно трансформировала ситуацию очередного финансового «сбоя» в глубокий политический кризис глобального масштаба с непредсказуемыми последствиями и весьма туманными перспективами разрешения. Наряду с перспективой глубочайших потрясений глобальной финансовой системы сегодня можно констатировать возрастающую вероятность суверенного дефолта крупнейших держав, ответственных за устойчивость всей современной геополитической архитектуры.

В преддверии глобальной геополитической «перестройки»

Аналогия текущего глобального кризиса с кризисной эпохой 1930-х годов, инициированной биржевым крахом 25.10.1929 г. неслучайна. Фактически на наших глазах завершился полный цикл эволюционного развития глобальной экономической и социально-политической системы, охватывающий весь минувший восьмидесятилетний период (1929–2009 гг.). Существо этого цикла выражается емким понятием *Pax Americana*, включающим представления о последовательном утверждении в мире многочисленных форматов *американской гегемонии*: и финансово-экономической (берущей начало с Бреттон-Вудских соглашений 1944 г.), и международно-

политической (окончательно утвердившейся с распадом — в 1991 г. — СССР), и культурно-информационной (задавшей всему миру образцы так называемой массовой культуры и привычку «подражать всему успешному, американскому...»), и, наконец, инновационно-технологической (на основе концентрации в США громадного большинства мировой научной элиты и ключевых инновационных разработок).

Позволю себе небольшой исторический экскурс, иллюстрирующий структурно-функциональные аспекты глобальных перемен, происходящих, когда один цикл соответствующего эволюционного развития завершается, и ему на смену приходит другой. Каждый раз прежде в такую эпоху ставился и решался вопрос принципиального обновления или смены лидерства в рамках глобальной социально-политической и экономической системы [подробнее см., напр., Пантин, Лапкин 2006. С. 280–301; Пантин, Лапкин 2002. С. 6–19]. Так, в свое время именно в ходе Великой депрессии 1930-х годов произошла окончательная смена глобального лидерства: прежний мировой лидер, Великобритания, уступил место новому лидеру, США. Процесс этот был отнюдь не одномоментным и весьма болезненным не только для «уходящего, старого лидера», но и для обретающих полноценное лидерство США, а также, и может быть в наибольшей степени, — для всего остального мира, как бы утратившего в этот период всеобщее интегрирующее начало. Повсеместной практикой стали экономическая автаркия и межгосударственные военные конфликты (так называемый *перedel мира*). При этом в те годы было положено не только начало эпохе глобальной американской гегемонии, но и обозначено окончательное завершение прежней эпохи *Pax Britannica*, длительное время характеризовавшейся не менее выразительным экономическим, международно-политическим, культурно-информационным и технологическим доминированием Великобритании.

Здесь важно зафиксировать два момента.

Во-первых, смена лидерства сама по себе составила целую эпоху (в самом широком смысле — с начала XX в. по 1941–1945 гг.) и по отдельным своим составляющим протекала асинхронно: раньше — в сфере технологий, и позднее всего — в сфере международной политики. Вместе с тем эту смену характеризует сочетание преемственности и радикального обновления основных принципов мирового порядка при сохранении на протяжении всего этого периода интенсивного и предельно согласованного финансово-экономического и военно-политического взаимодействия между «уходящим» и «новым» лидерами.

А во-вторых, распавшийся в 1930-х гг. прежний мировой порядок пришлось восстанавливать на новых основаниях немалыми усилиями. При-

чем то, что было сделано к 1945 г. за счет военной силы, стало возможным благодаря политике «Нового курса», подготовившей США к тому, чтобы предложить послевоенному миру (и если необходимо, навязать — по праву нового глобального гегемона) обновленные модели глобального порядка в сферах экономики, политики, культуры и пр.

Иными словами, возвращаясь к сегодняшним сюжетам, из предположения структурного и функционального подобия текущего кризиса Великой депрессии 1930-х годов² с неизбежностью следует, что этот кризис завершает уходящий глобальный эволюционный цикл, стимулирует радикальное изменение парадигмы глобального лидерства, довершает формирование будущего субъекта-новатора, предназначение которого — осуществить трансляцию основных новаций по всему глобальному пространству в качестве новой базовой нормы политического, социального, культурного и экономического порядка.

При этом сохраняется возможность, что на сей раз такую задачу сможет выполнить и старый лидер — обнаружив в себе ресурсы прежде всего для собственного радикального обновления, подобно тому как это произошло в первой половине XIX в. с Великобританией, которая дополнила тогда свой статус ведущей торговой державы мира еще более значимым статусом ее «мастерской», диктующей миру направление его научного и промышленно-технологического развития. Впрочем, возможности столь глубокой трансформации современных Соединенных Штатов вызывают сегодня большие сомнения.

Альтернативный вариант, сопряженный с появлением нового глобального лидера, также представляется пока весьма проблематичным — в силу отсутствия на данный момент реального претендента на роль преемника глобального лидерства (Китай — не в счет, поскольку функционально он может претендовать лишь на роль лидера глобальной альтернативы существующему капиталистическому миропорядку, но не на роль *преемника*, призванного осуществить его *восстановление через обновление капитализма*).

Ирония истории состоит в том, что накопленный потенциал позволяет США эффективно *сдерживать* процессы формирования новых мировых центров мощи, прежде всего — способных стать преемником нынешнего лидера (если и когда глобальное лидерство станет США не по силам). При этом кажущаяся безальтернативность американского лидерства лишь

² Такое предположение эмпирически представляется весьма обоснованным, с учетом масштабов эффекта торможения глобального развития, отмеченного в конце 2008 и начале 2009 г., устойчивой стагнации потребительского спроса и пр. О теоретических подходах к его обоснованию речь пойдет ниже.

усугубляет драматизм проблем текущего кризиса³. Последовательно нарастает потенциал международной конфликтности, а нормы и институты международного порядка подвергаются интенсивной эрозии. По целому ряду ключевых направлений глобального развития сохранение наметившихся в последние десятилетия тенденций, прежде всего стремительно растущего неравенства в ресурсных притязаниях «благополучных» и «бедных» (стран, регионов, сообществ), представляется одним из наиболее серьезных вызовов порядку, стабильности и эволюционным перспективам современной цивилизации. Эффективный ответ на такого рода вызовы может быть получен только при условии радикального изменения парадигмы глобального лидерства.

Феномен сложных, эволюционирующих социальных систем

Многие из существующих ныне разнообразных моделей экономических циклов, колебаний рыночной конъюнктуры и биржевых котировок вполне эффективны в плане принятия тактических, а еще лучше — сиюминутных решений. Но их потенциал стратегического прогнозирования в условиях нынешних экономических потрясений оказался ничтожен, лучшим подтверждением чему является колоссальный ущерб, который терпят сегодня большинство ключевых экономических и политических институтов во всем мире. Главное, что пока ускользает из поля зрения исследователей, — это неотвратимость инициированной кризисом эволюционной трансформации глобальной системы (и в финансово-экономическом, и в социально-политическом аспектах), принуждающей ее к переходу на обновленный *режим движения*.

Разработка исследовательских инструментов, пригодных для изучения природы таких трансформаций, продвигается крайне медленно и непоследовательно. Более востребованы по-прежнему подходы, нацеленные на моделирование монотонных трендов, в основе которых лежат представления о *неизменности* законов движения сложных систем в процессе их развития. В чем же состоит существо теоретико-методологических затруднений при прогнозировании развития такого рода сложных систем в период их эволюционной трансформации? Прежде всего: 1) в неадекватности доминирующей в исследовательском сообществе линейно-поступательной парадигмы реальным трендам мирового развития; 2) в отсутствии методологии изучения структурной эволюции миропорядка,

³ «...На наших глазах провалены уже несколько мощных, профессионально разработанных политик — кстати, вполне „инновационных“ — от вашингтонского консенсуса и финансовых деривативов до имперской политики и распространения демократии Джорджем Бушем-младшим. Проблемы с нашим миром явно глубже дипломатических недоработок...» [Павловский 2009: 7].

способной описывать феномены трансляции мирового лидерства и его оспариваемости⁴; 3) в игнорировании эволюционного потенциала конфликтности; конфликт и нестабильность, как правило, рассматриваются как «нежелательные факторы» глобального миропорядка, подлежащие устранению во имя «устойчивого развития», тогда как история политики постоянно указывает на конфликт и кризис как основное движущее начало социального и политического развития. Более того, вопреки любым усилиям любых глобальных игроков мировая система *изменчива*, причем интенсивно и регулярно и не только количественно, но и качественно. И системно устойчивым в ней остается лишь процесс ее эволюционного усложнения, т. е. с эмпирической точки зрения *движения через кризисы*. Вопрос заключается в том, каким могло бы быть наиболее эффективное описание такой системы?

Несколько огрубляя ситуацию, можно рассмотреть два альтернативных подхода. Первый, более традиционный, сводит все к модели структурно недифференцированного целого, которую можно отобразить с помощью минимального числа «сквозных параметров», равно пригодных для описания системы на разных стадиях ее эволюции, сколь бы радикально при этом ни трансформировались регулирующие ее развитие принципы, нормы и правила⁵. Другими словами, этот своего рода «технологический императив» меняющемуся предмету вменяет свойство *качественной* неизменности, дает ему универсальную меру, в конце концов — конструирует ее⁶.

Иной подход концентрируется на описании последовательности эволюционных циклов глобальной системы сообразно взаимосвязанному изменению ее структуры и функций. Его цель — *поиск законов изменения*

⁴ В этом отношении исключение составляют, безусловно, работы Ф. Броделя и школы Мир-системного анализа.

⁵ Блестящий пример такого подхода — см. [Коротаев, Малков, Халтурина 2007]. Амбициозную задачу моделирования глобальных демографических, экономических и культурных процессов на протяжении многих тысячелетий истории авторы решают с помощью построения однотипных моделей, включающих простейшую компактную формулу и единый «сквозной» параметр. Впрочем, такой подход — скорее крайность. Но и более сложные случаи, рассматриваемые другими авторскими коллективами и предполагающие использование особо конструируемых комплексных индексов или исчисляемых агрегированных факторов, в конечном счете методологически сводятся к той же проблеме выявления устойчивых «сквозных параметров» системы.

⁶ В отечественной науке такой подход наиболее последовательно и плодотворно развивается Коротаевым, Грининым и их коллегами [см., напр., Гринин, Коротаев 2007; Марков, Коротаев 2009]. Наряду с этим следует отметить и попытку тех же авторов дать более широкую панораму методологических подходов к изучению того, что они называют «социальной макроэволюцией» [см., напр. Гринин, Коротаев 2009].

норм и правил, регулирующих развитие такой системы, а также временного закона эволюции и «особых (бифуркационных) точек» на ее эволюционной траектории. В этом и состоит ключевая методологическая дилемма, сопутствующая изучению сложных интенсивно эволюционирующих систем. В одном случае мы имеем удобство использования уже готовых, доступных нам математических инструментов, но вынуждены *пренебречь* нюансами неоперационализируемых подробностей эволюционного процесса. В другом — основной целью становится *понимание* описываемых процессов и формирование инструментов такого понимания, а платой за это — открытый вопрос о возможности перевода качественной модели процесса в строгую математическую форму⁷.

Стоит более конкретно рассмотреть методологию эволюционного подхода, ключевым понятием которого является эволюционный цикл. Проходя его, система переходит к качественно более «продвинутому» состоянию структурной сложности, принципиально повышающему ее возможности целесообразной адаптации к наличествующим внешним условиям. Такой подход позволяет по-новому, системно взглянуть на проблему локализации источника сегодняшних кризисных потрясений, усматривая в них ресурсы качественного развития системы и подходя к выработке стратегии преодоления последствий кризиса на основе фундаментальной логики ее эволюционного усложнения, а также избежать ряда методологических ловушек, с которыми сопряжено продвижение в русле традиционных подходов.

Для большинства физических модельных систем (за исключением, может быть, диссипативных) скорость эволюционных изменений их базовых параметров пренебрежимо мала в сопоставлении не только со временем жизни отдельного человека, но и человечества в целом, что упраздняет саму потребность рассматривать такие системы как эволюционирующие (за исключением масштабов времен, принятых в космогонических теориях). В случае социально-политических систем, напротив, фундаментальные изменения базовых законов и норм их существования сегодня происходят уже на протяжении жизни одного поколения, причем ускоряясь со временем, что в последние десятилетия становится более чем очевидно. Тем не менее и в этом случае велик соблазн использования традиционного инструментария, интерпретируя развитие таких систем прежде всего как количественный рост и абстрагируясь от сопутствующих ему качественных изменений (паллиативным зачастую оказывается решение

⁷ Особо следует отметить исследовательский подход социоестественной истории (СЕИ), развиваемый Э.С.Кульпиным-Губайдуллиным и его единомышленниками, ориентированный на изучение процессов коэволюции природы и общества и стремящийся сочетать возможности и преимущества как качественных, так и строгих количественных методов исследования [см., напр. Кульпин 1995].

исследователей принять текущее состояние системы за окончательно установившееся: см., например, концепты пресловутого «конца истории» или «окончательного торжества коммунизма, рыночной экономики, глобальной американской гегемонии» и т. д.).

В предельном случае закон движения системы полагается неизменным, как бы «заранее заданным» и лишь «раскрывающимся» в процессе ее эволюционного усложнения. С формальной точки зрения такая логика производит впечатление безупречной, однако тонкость состоит в том, что безупречной она остается лишь на предельном уровне абстракции. В приложении к моделированию конкретных эволюционирующих систем эта логика понуждает исследователя избегать «сложных решений», предполагающих возможность закономерного изменения законов движения в процессе развития, и хотя бы качественного описания природы процессов, сопряженных с последовательным нарастанием сложности системы. В итоге задача поиска закономерностей, по которым изменяются законы ее движения в ходе эволюции, снимается, а частичные «правильности», эффективно описывающие (в виде «монотонного тренда») траекторию системы на локальном участке, соответствующем определенной фазе ее эволюционного цикла, предлагаются в качестве универсальных. В качестве конкретных примеров срабатывания этой методологической ловушки можно указать на многочисленные теории экономического роста, построенные на основании анализа относительно устойчивого, динамичного, «почти бескризисного» развития мирового рынка после Второй мировой войны (период *Pax Americana*)⁸: при первых же ударах текущего глобального кризиса их прогностический потенциал стал стремительно девальвироваться...

Апофеозом этой исследовательской логики стали получившие широкое распространение с середины 1990-х годов идеальные модели «конца истории», «униполярного мира» и «устойчивого развития»⁹. Все они — своего рода *маркеры* глобального движения к *псевдооднопольному* миру 1990-х гг., ставшему воплощением триумфа США, сконцентрировавших под своим контролем подавляющую часть общемировых ресурсов (веще-

⁸ Отмечу, что с точки зрения альтернативного подхода, предполагающего эволюционное усложнение глобальной системы, это был период, начало и конец которого четко датируемы соответственно завершением Великой депрессии и периода глобальных потрясений (1945 г.) и вступлением мира в новую эпоху Великих потрясений (2008–2010 гг.) [см., напр., Пантин, Лапкин 2006. С. 315].

⁹ Первые две сегодня уже (устаами большинства своих адептов) признали свою несостоятельность. Последняя по-прежнему популярна, соблазняя исследователей перспективой — путем концентрации ресурсов в руках ключевых глобальных акторов — элиминировать кризисы развития как таковые.

ственных, институциональных, интеллектуальных и т. д.). Перед нами — еще одна обостряющаяся на глазах методологическая дилемма: либо мы исходим из предположения о сохраняющемся эволюционном потенциале глобальной системы и приходим к закономерному выводу о неизбежности обновления или смены лидера в ходе текущей кризисной эпохи, либо следуем логике обозначенных выше идеальных моделей и закрываем глаза на симптомы системного неблагополучия глобального развития в рамках прежней парадигмы *Pax Americana*.

Концептуализация глобальной динамики в рамках парадигмы эволюционных циклов

Потребность в новых, более адекватных самой сути наблюдаемых трансформаций формах концептуализации перемен в сфере политики и экономики становится сегодня одним из наиболее серьезных вызовов науке об обществе. Интенсивность сдвигов и новаций в этих сферах сейчас такова, что с полным основанием позволяет рассматривать их в одном ряду с другими интенсивно эволюционирующими системами (как правило, биологической природы), когда, говоря словами И. Пригожина и И. Стенгерс, определение системы нужно «модифицировать в ходе ее эволюции» [Пригожин, Стенгерс 2000: 172]. Необходимость исследования систем подобного уровня сложности и изменчивости выявляет существенные методологические лакуны соответствующих предметных дисциплин, недостаточность их исследовательского инструментария для надежной фиксации изменений и описания механизмов эволюционной динамики. Теоретический инструментарий, мало-мальски адекватный вызовам происходящего, можно обнаружить лишь в стороне от *mainstream*'а.

Среди исследователей, изучающих глобальную социально-политическую динамику, — на фоне почти безраздельного господства установок, фактически не допускавших даже постановки вопросов о временных пределах геополитического господства *Pax Americana* и неотвратимо приближающемся глобальном экономическом коллапсе, — выделяются адепты мир-системного подхода, в рамках которого было наиболее глубоко проработано теоретическое описание циклической природы глобальных экономических и социально-политических процессов. Однако обратим внимание на то, что в рамках этого подхода экономические циклы (50–60-летние циклы Кондратьева) и циклы международной политики (100–150-летние так называемые циклы гегемонии) разведены, и корреляция между ними не всегда прослеживается. Так, например, в своей книге 1995 г. «After Liberalism» И. Валлерстайн «финальную острую субфазу» фазы «Б» экономического цикла (или так называемой

понижительной волны Кондратьевского цикла), «сравнимую с периодами 1932–1939 или 1842–1849», датирует 1990-и годами [цит. по Валлерстайн 2003б. С. 33], тогда как период радикальной перестройки сформированного США миропорядка («день расплаты Америки») отодвинут им на «2025 или 2050 г.» [там же с. 193; см. также там же с. 65–67; см. также Модельски 2005. С. 63–64]. Обращаясь к этой проблеме, мы в содружестве В. И. с Пантиним уже имели возможность дать развернутые критические оценки этим и ряду других теоретических и методологических аспектов мир-системного анализа [см. Пантин, Лапкин 2006. С. 280–287; см. также Лапкин, Пантин 2006]. Резюмируем кратко: во-первых, вслед Н. Д. за Кондратьевым, мир-системный анализ исходит из неизменной продолжительности циклов, что в последние десятилетия входит в непосредственное противоречие с практикой¹⁰ и тем самым резко снижает прогностическую ценность соответствующих построений; а во-вторых, теоретическое разведение глобальных экономических циклов и «циклов гегемонии» подрывает возможности комплексного подхода к проблеме, искусственно разделяя вопросы финансово-экономической и международно-политической гегемонии, что тем более странно в современном глобализованном мире (в последнем случае следует также обратить внимание на то обстоятельство, что с точки зрения теории колебаний длительно сосуществующие в единой системе колебательные процессы с неизбежностью синхронизируются).

Альтернативный подход к описанию глобальной динамики, разрабатываемый автором совместно В. И. с Пантиним в рамках теории эволюционных циклов международной экономической и политической системы¹¹ исходит из модели четырехфазных эволюционных циклов (сдвоенных кондратьевских циклов с функциональным различием каждой из четырех фаз и поэтапным сокращением длительности понижательных волн при постоянной длительности повышательных волн). В рамках этой модели данные эволюционные циклы рассматриваются как универсальный механизм социальной эволюции, в рамках которого аналитически выделяемы экономическая и политическая составляющие (в ряде случаев — путем простого фазового сдвига в рамках единого цикла, о чем ниже).

Ключевое понятие, позволяющее описать такой интегральный эволюционный процесс, в свое время было сформулировано Т. Парсонсом. Согласно Парсонсу циркуляция власти внутри политики составляет лишь

¹⁰ Уже задолго до сегодняшнего дня скрупулезный анализ продолжительности кондратьевских циклов выявлял тенденцию к их постепенному сокращению [см. Бродель 2007: 64; Tausch 1998].

¹¹ Первоначальные подходы: [Умов, Лапкин 1992]; методологическое обоснование: [Лапкин, Пантин 1999: 42–59], развернутая версия: [Пантин, Лапкин 2006. С. 280–332].

один из аспектов функционирования политической системы; гораздо существеннее, особенно с точки зрения характеристики эволюции общества, роль взаимообменов между его функциональными подсистемами (экономической, политической, интеграционной и воспроизводства образца). Взаимодействие политики с экономической подсистемой общества создает *систему мобилизации ресурсов* [Parsons 1967. С. 351]. Такая система в процессе своего длительного функционирования и сопряженной с этим внутренней дифференциации характеризуется *накоплением* (как правило, определенным образом локализованным в наличествующем геополитико-экономическом пространстве) значительных ресурсов власти и собственности (денег¹², богатств, капиталов), необходимым для стабилизации ее функционирования. Функцию накопления и структурной организации ресурсов мы, вслед за Парсонсом, рассматриваем как необходимый элемент эволюционной дифференциации общества и наращивания его структурной сложности. Само понимание сферы политического, по Парсонсу, предполагает момент контроля над ресурсной сферой: «Мы рассматриваем какое-то явление как *политическое* в той мере, в какой оно связано с *организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей*» [Парсонс 1998. С. 30]. Заметим, что при этом строго выдерживается ясное разграничение функций политики и экономики по отношению к ресурсной сфере: обеспечение эффективного управления имеющимися ресурсами есть сфера экономики и технологии, в то время как организация и мобилизация ресурсов для достижения целей сообщества и повышения его адаптивных возможностей (т. е. фактически создание эффективного ресурсного потенциала сообщества) относятся к сфере политической.

Принимая парсонсовскую функциональную дифференциацию на подсистему целедостижения (сфера политического) и подсистему адаптации

¹² Особое свойство денег и рынков делает экономическую сферу наиболее пригодной для универсального общения, возникающего «поверх» любых локальных сообществ, цивилизационных и национально-государственных барьеров. «Деньги и рынок действуют там, где существует достаточно широкое разделение труда и где область экономического действия достаточно отделена от политических, общинных и моральных императивов. Из всех обобщенных механизмов социетального взаимообмена деньги и рынки менее всего связаны с нормативным порядком, воплощенным в социетальном сообществе» [Парсонс 1998. С. 32]. В последние десятилетия прогресс коммерциализации общественной жизни, проникновение универсальных рыночных регуляторов во все сферы общественного самовоспроизводства резко повысили уровень угроз и рисков превращения общества в придаток рынка, о которых писал в свое время К. Полаanyi [см. напр., Полаanyi 2002. С. 70]. В рамках этой тенденции можно констатировать определенную узурпацию прерогатив политической сферы структурами глобальных финансово-биржевых игроков.

(сфера экономики), можно сформулировать и более общую исследовательскую задачу: изучение *взаимообусловленности* двух функций — 1) функции целедостижения по отношению к внешней среде и 2) функции адаптации к внешней среде. Адаптация, т. е. освоение внешних ресурсов, формирует предпосылки для дальнейшего целеполагания и целедостижения, что, в свою очередь, обеспечивает новый уровень освоенных ресурсов, стимулирует постановку новых целей экспансии общества вовне и открывает новые сферы такой экспансии, формируя новый «цикл» (или, точнее, принимая во внимание пространственную составляющую глобальных эволюционных процессов, новую «волну») развития глобальной системы. Таким образом, формируется своего рода *циклически-волновой механизм* приращения способности общества к «действию» и активной «целесообразной адаптации» по отношению к внешней ресурсно-сырьевой среде. В этом — одно из важных дополнительных обоснований необходимости развития теоретического инструментария исследования циклически-волновых процессов эволюции общества посредством трехмерного сопряжения «политика—экономика—пространство».

Обратим внимание на одно важное отличие разрабатываемой нами модели от широко распространенных моделей экономических циклов [см., напр., Гринин 2010. С. 44–70]. Даже в случае, когда модель экономического цикла предполагает не две фазы (напр., повышательную и понижательную, как в случае Кондратьевских циклов), а четыре, эти четыре фазы описывают феноменологию экономического роста (последовательность фаз *оживления*, *подъема*, *рецессии* и *депрессии*), тогда как наша модель ориентирована на описание структурно-функциональных изменений, обеспечивающих качественную эволюционную трансформацию системы. В рамках разрабатываемой нами модели четырехфазный эволюционный цикл международной экономической и политической системы включает соответственно последовательность фаз *технологического переворота* (или, иначе, *инновационного рывка*), *великих потрясений* (или, иначе, *репродукционной релаксации*), *революции международного рынка* (или, иначе, *репродукционного рывка*) и *структурного кризиса* (или, иначе, *инновационной релаксации*). То, что — с акцентом на экономическую суть происходящего — мы называем чередованием периодов инновации и репродукции, иначе — акцентируя доминирующий политический тренд периода — следует рассматривать как чередование периодов *дифференциации* (1) и *интеграции* (2), т. е. как (1) выделение в фазе *технологического переворота* особых, эффективно формирующих и осваивающих инновации регионов и политических (т. е. осуществляющих, по Парсонсу, функцию целеполагания и целедостижения) структур и, напротив, как (2)

самое широкое распространение в фазе *революции международного рынка* новых политических и хозяйственных практик и выработку общих стандартов потребления и производства. Последовательность всех четырех фаз эволюционного цикла можно представить следующим образом: > *фаза инновационного рывка* (технологического переворота) > *фаза репродукционной релаксации* (великих потрясений) > *фаза репродукционного рывка* (революции международного рынка) > *фаза инновационной релаксации* (структурного кризиса) >.

Принципиальные новации разрабатываемой модели позволяют существенно повысить прогностический потенциал теоретического анализа циклически-волновых процессов мирового развития и проиллюстрировать эволюционную динамику мировой системы по крайней мере на протяжении трех последних эволюционных циклов, охватывающих период протяженностью в два с половиной столетия. Применительно же к текущим событиям нас прежде всего интересуют переход от фазы *технологического переворота* к фазе *великих потрясений*, а также детализация структуры последней. Сравнительная датировка соответствующих периодов трех последних эволюционных циклов приведена в таблице.

Фаза эволюционных циклов международной экономической и политической систем	Расчетная датировка цикла в целом и его фаз (годы)		
	цикл		
	1789–1897	1897–1981	1981–2041
Фаза технологического переворота (или — инновационного рывка)	1789–1813	1897–1921	1981–2005
Фаза великих потрясений (или — репродукционной релаксации)	1813–1849	1921–1945	2005–2017
В т. ч. период: растущей неустойчивости	1813–1825	1921–1929	2005–2009
великой депрессии	1825–1837	1929–1937	2009–2013
общей дестабилизации	1837–1849	1937–1945	2013–2017
Фаза революции международного рынка (или — репродукционного рывка)	1849–1873	1945–1969	2017–2041
Фаза структурного кризиса (или — инновационной релаксации)	1873–1897	1969–1981	2041–2041

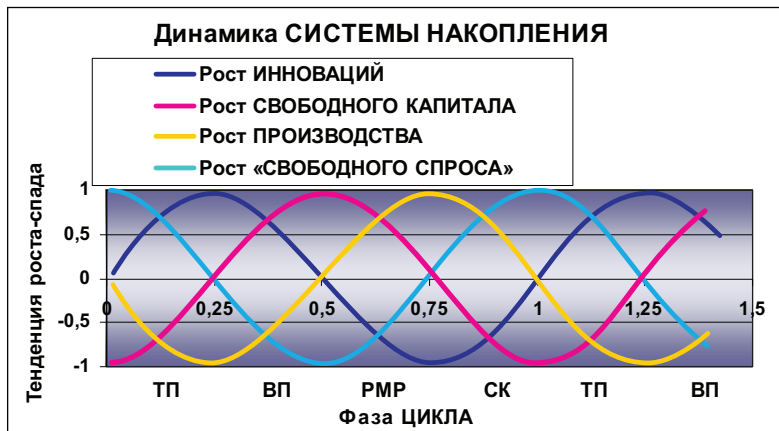
Анализ датировок смены фаз, представленных в таблице, иллюстрирует базовый принцип, заложенный в конструкцию предлагаемой циклической модели: ведущий 12-летний ритм, синхронизирующий основные процессы мировой динамики, плюс пошаговое сокращение (на те же 12 лет) длительности понижательных фаз (великих потрясений и структурного кризиса) при постоянной длительности повышательных фаз (технологического переворота и революции международного рынка). Вместе

с тем отметим, что описанный выше цикл смены глобального лидерства (*Pax Britannica* > *Pax Americana* >) легко реконструируется из приведенного в таблице путем фазового сдвига (переноса точки отсчета с начала фазы технологического переворота к переходу от периода растущей неустойчивости к периоду великой депрессии в фазе великих потрясений). Тем не менее с точки зрения логики эволюционного процесса предпочтительнее в качестве фазы начала цикла избрать фазу *технологического переворота*, как это и сделано в таблице.

Нетрудно также увидеть, что текущий цикл (в рамках данной модели) оказывается особым, завершающим, поскольку в его конце система приходит в сингулярную точку (продолжительность понижательных фаз эволюционного цикла *снижается до нуля!!!*). Этот вывод, со всей определенностью следующий из исходных посылок модели, побуждает рассматривать период завершения текущего цикла (2030-е годы) как преддверие перехода глобальной системы к новой парадигме развития, предполагающей по меньшей мере элиминирование фаз релаксации, функциональная потребность в которых, по-видимому, отпадет. Вместе с тем этот недвусмысленный вывод побуждает более внимательно отнестись к функциональной роли фаз релаксации, в ходе которых происходит своего рода *оптимизация* транзакционных издержек, обусловленных структурными диспропорциями и внутренней конфликтностью процессов жизнедеятельности глобальной системы. Вплоть до последнего времени выявление и преодоление этих проблем и противоречий требовало жестких геополитических решений, прямых военных столкновений так называемых мировых держав. Лишь в последние два десятилетия появилась возможность использовать для этой цели более «мягкие» методы (*soft power*), а также кооперативные усилия основных глобальных игроков. Это — лишь одна из современных тенденций, позволяющая осмыслить существо предстоящего «обнуления» длительности фаз релаксации (или понижательных волн) мирового эволюционного процесса.

Динамика сегодня уже глобальной *системы мобилизации ресурсов* (или *системы накопления* ресурсов власти и собственности) структурно организуется посредством трех различных принципов дифференциации. Во-первых, проводится различие последовательно сменяющих друг друга фаз «рывка» и «релаксации», во-вторых, фаз «инновации» и «репродукции». Наконец, между однородными (инновационными или репродукционными) фазами рывка и последующей релаксации имеются две фазы относительно устойчивого развития тенденций, обеспеченных предшествующим рывком, тогда как, в свою очередь, релаксация (на первый взгляд, парадоксально) непосредственно предвещает последующий рывок,

по существу подготавливая его (что проявляется при более глубоком проникновении в существо вопроса, принимая во внимание сказанное выше о функциональной роли фаз релаксации). Учитывая, что рост производства есть функция (производная) от «свободного спроса», а рост инноваций — функция (производная) от «свободного капитала», взаимосвязь этих четырех величин, в первом приближении, можно отобразить в виде четырех последовательно смещенных на $\pi/2$ синусоид (см. рисунок).

Примечание. Используемые обозначения: ТП — фаза *технологического перелома*; ВП — фаза *великих потрясений*; РМР — фаза *революции международно-го рынка*; СК — фаза *структурного кризиса*. Последовательность всех четырех фаз: > ТП > ВП > РМР > СК > образует целостный эволюционный цикл, что на рисунке условно отображается по шкале абсцисс как $0,25 + 0,25 + 0,25 + 0,25 = 1,00$. При этом фазе «0» соответствуют даты 1789, 1897, 1981, 2041 гг., фазе «0,25» — даты 1813, 1921, 2005 гг., фазе «0,5» — даты 1849, 1945, 2017 гг., фазе «0,75» — даты 1873, 1969, 2041 гг. (см. таблицу).

Пояснение к рисунку. Максимальный рост инноваций приходится на стык ТП-ВП (как, например, в период 2001–2008 гг.), минимальный — на стык РМР-СК (см. кризис начала 1970-х годов, обозначивший острейший спрос на принципиально новые технологии в сферах энергосбережения, информатики и коммуникаций, новых материалов). Максимальный рост «свободного капитала» приходится на стык ВП-РМР (в начале 1940-х годов это проявилось в острейшей борьбе за рынки приложения капиталов, когда только под защитой «государственного предпринимательства» — в форме военных заказов и прямого военного насилия по отношению к глобальным конкурентам — капиталы находили себе производительное применение), минимальный — на стык СК-ТП (яркий пример тому — рейганомика начала 1980-х годов, выбравшая путь «одоления» СССР не посредством предо-

ставления ей «займов» (как это практиковали международные финансовые институты, подконтрольные США, в 1990-х годах), но навязывая ей гонку вооружения, выявившую вопиющее несовершенство советской системы мобилизации капиталов и предопределившую крах «реального социализма»). Максимальный рост производства приходится на стык РМР-СК (характерна ситуация энерго- и материалоперепроизводства конца 1960-х — начала 1970-х годов, когда потребность экономики в сырьевых ресурсах оказалась необеспеченной наличествующей сырьевой инфраструктурой), минимальный — на стык ТП-ВП (начало 2000-х годов, когда спекулятивный характер капиталистической экономики становится наиболее вызывающим, а реальное производство поражено стагнацией; нечто подобное характеризовало и эпоху начала-середины 1920-х годов). Наконец, максимальный рост так называемого свободного спроса приходится на стык СК-ТП (расцвет «общества потребления», как, например, в 1980-е годы, когда «спрос» стимулирует рост инноваций и, в свою очередь, сам активно генерируется инновационными технологиями), минимальный — на стык ВП-РМР (когда выходящее из потребительского кризиса периода ВП общество начинает осторожно «размораживать» свои прежде ограниченные до минимума потребности, см, например, 2-ю половину 1940-х годов).

Прогностический потенциал теории эволюционных циклов и ближайшие перспективы мирового развития

Итак, вопреки большинству экономических прогнозов, но в соответствии с предсказаниями теории *эволюционных циклов* [см., напр., Пантин, Лапкин 2006. С. 315] в диапазоне 2004–2006 гг. мировое сообщество вступило в чрезвычайно бурную и динамичную фазу «великих потрясений», во многом подобную двум прежним (1813–1849 и 1921–1945 гг.) и характеризующуюся резким ростом политической и экономической нестабильности в мире. А в 2008 г. спекулятивно-финансовый и спровоцированный им экономический кризисы, в хорошем соответствии со сценарием начала 1930-х годов, сработали в качестве спускового механизма, запустившего фундаментальные процессы преобразования всего прежнего социально-политического миропорядка, — путем разложения скреп стабильности, прежде десятки лет надежно защищавших общество. Прежний глобальный миропорядок (в его финансовых, шире экономических, а также внутри- и внешнеполитических проявлениях) стремительно разрушается, а ресурсов и политической воли, необходимых для выработки новой архитектуры глобального миропорядка, преемственной, но в то же время и альтернативной прежней, пока обнаружить не удастся. Действия ключевых глобальных акторов сводятся пока преимущественно к косметическому ремонту старой конструкции (в формате «двадцатки») или же к поиску сепаратных региональных решений (что демонстрируют члены ЕС, ряд стран Вос-

точной Азии и др.). При этом, как и следовало ожидать, противоречия между ключевыми игроками глобального рынка обостряются, нарастают тенденции протекционизма и поисков сепаратных путей преодоления кризиса. Все отчетливее перспектива размыwania единых основ прежнего финансово-экономического миропорядка.

Наиболее подробно в таблице представлена структура текущего периода кризисной трансформации миросистемы, соответствующего фазе «великих потрясений» ее эволюционного цикла (и аналогичных периодов двух предыдущих циклов). Первый этап (в текущем эволюционном цикле миросистемы датируется 2005–2008 гг.) характеризуется растущей неустойчивостью миропорядка, усилением поляризации и обострением конфликтов. Переход ко второму этапу (великая депрессия, 2009–2012 гг.) обозначается глубочайшим финансово-экономическим кризисом, сокрушающим прежний мировой порядок в этой сфере (структурные аналоги нынешнего острого глобального финансового кризиса в предшествующих эволюционных циклах — эпохальные кризисы 1825 и 1929 гг.). Последовательное углубление этого кризиса и сопровождающие его социальные катаклизмы в конечном счете принудят всех основных субъектов миросистемы к решительному изменению прежних экономической и политической парадигм, причем каждый из них вынужден будет руководствоваться почти исключительно собственными, частными интересами, формируя свой, «особый» путь преодоления последствий кризиса (это — отдельная, большая тема дезинтеграции мирового порядка, тенденций автаркии и кризиса структур международного политического регулирования, неизбежных на этом этапе). Наконец, третий, заключительный этап фазы «великих потрясений» (2013–2017 гг.) станет периодом всеобщей геополитической конфронтации и дестабилизации, когда выработанные на региональном и страновом уровнях *рецепты преодоления кризиса* будут опробованы в ходе открытых межблоковых столкновений за право распространить их на всю глобальную систему (новый «передел мира»), которая и будет таким образом вновь интегрирована (по крайней мере — по большей части) к концу этого периода.

Любой кризис — по определению — является сбоем предшествующего тренда, сигнализирующим о неработоспособности прежней парадигмы, о том, что последующее находится за пределами доступного ей горизонта видения. Однако с более общих, «гиперсистемных» позиций, на которые нас выводят представления о последовательности эволюционных циклов, кризис — необходимый этап развития, функционально ответственный за осуществление структурных перемен и функциональной коррекции в целостной системе, и если говорить о глобальной мироси-

стеме, то в самом общем смысле роль текущего кризиса состоит в первую очередь в радикальном изменении парадигмы глобального лидерства. Впрочем, не будем забывать, что та относительно «рутинная» (с учетом предшествующего исторического опыта) системная трансформация, осуществить которую призван нынешний кризис, лишь предваряет и, по существу, не идет ни в какое сравнение с той, с которой миру предстоит столкнуться через каких-нибудь тридцать-тридцать пять лет, когда, в соответствии с изложенной моделью, эволюционное развитие глобальной системы элиминирует фазы релаксации и потребует выработки иных, менее ресурсно расточительных механизмов и принципов социального движения. Достаточным ли окажется потенциал эволюционной сложности глобальной системы и в достаточной ли мере мы будем понимать существо предстоящих задач, характер и масштабы связанных с их решением рисков? Собственно в этом и состоят вызовы, бросааемые современным развитием науке об обществе.

Литература:

- Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2007.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. 2-е изд. М.: Весь мир, 2007.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003.
- Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса. Тридцать лет спустя. — *Эксперт*, № 35 (672), 2009.
- Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. — *Проблемы математической истории: макроисторическая динамика общества и государства*. Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. с. 49–101. М.: КомКнига/URSS, 2007.
- Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Л. Е. Гринин. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюгляровских циклов. — *Анализ и моделирование глобальной динамики*. Отв. ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. Изд 2-е. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.
- А. В. Коротаев, А. С. Малков, Д. А. Халтурина. Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. Изд. 2-е, испр. и доп. Отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: КомКнига, 2007.
- Э. С. Кульпин. Путь России. Книга 1. М.: Московский лицей, 1995.
- В. В. Лапкин, В. И. Пантин. Концепция эволюционного усложнения мировой политической системы (Взгляд из России). — *Полис*, № 1, 2006.

- В. В. Лапкин, В. И. Пантин. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы). Полис, № 4, 1999.
- А. В. Марков, А. В. Кортаев. Гиперболический рост в живой природе и обществе. Отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Модельски Дж. Эволюция глобальной политики. — Полис, № 3, 2005.
- Павловский Г. Американский момент России. — Русский Журнал, № 13 (27), 26.05, 2009.
- В. И. Пантин, В. В. Лапкин. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования. — Полис, № 2, 2002.
- В. И. Пантин, В. В. Лапкин. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2006.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетея, 2002.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Скидельски Р. Моральная уязвимость рыночной системы. Доступ: http://www.akipress.org/_print.php?db=analit&id=1342. 2008.
- Скидельски Р. Финансовый кризис и контуры мировой экономической системы будущего. Мир перемен, № 1, 2009.
- Сорос Дж. Глобальная антикризисная политика: Создать новые деньги. Ведомости, № 23 (2293) от 10.02.2009. Доступ: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/02/10/180897>.
- В. И. Умов, В. В. Лапкин. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. Полис, № 4, 1992.
- Хазин М. б. г. Теория кризиса. Доступ: <http://worldcrisis.ru/crisis/khazin>.
- Chase-Dunn C., T. D. Hall 1997. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, Colorado: West-view Press.
- Greenspan A. The Age of Turbulence: The Adventures in a New World. 2007. N. Y.: The Penguin Press, 2007.
- Modelski G. Long Cycles in World Politics. L.: Macmillan, 1987.
- Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. N. Y.: Free Press, 1967.
- Soros G. The New Paradigm for Financial Markets: The Credit Crisis of 2008 and What It Means. N. Y.: PublicAffairs, 2008.
- Tausch A. Submerging Markets. The Development Maraphon, 1960–2000, and Its Lessons for East Central Europe. URL: <http://wsarch.ucr.edu/archieve/books/tausch/marathon/submerg1.htm>, 1998.
- Wallerstein I. World-System Analysis. Social Theory Today. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
- I. M. Wallerstein. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press, 2004.
- Wallerstein I. 2008: The Demise of Neoliberal Globalization. — Fernand Braudel Center, Binghamton University, 2008. Доступ: <http://fbc.binghamton.edu/226en.htm>

О. А. Машкина,
МГУ

Китайский вызов: перспективы инновационного развития и возможности образования

В докладе профессора Э. С. Кульпина-Губайдуллина «Китайский вызов: пределы роста и новые технологии» предельно четко обрисованы перспективы тех негативных последствий для КНР и всего человечества, к которым ведет дальнейший рост в первичном и вторичном секторах китайской экономики.

Политика руководства страны и настрой китайского общества не дают основания полагать, что в ближайшие годы Китай будет решать свои проблемы путем внешней агрессии. Миграция из Китая, безусловно, будет и далее нарастать, но она имеет объективные ограничения и в ближайшие 20–30 лет не окажет кардинального влияния на решение комплекса острых внутренних проблем: демографических, экологических и продовольственно-ресурсных. Поиск выхода из надвигающегося кризиса лежит в другой плоскости.

Стремительный скачок от массового голода и нищеты к обществу достатка, гарантирующего хоть и разный, но стабильный прожиточный уровень, произошел практически за период жизни одного поколения. Гордость за свои личные и национальные успехи дала мощнейший толчок к росту внутренней мотивации китайцев к саморазвитию.

Амбициозный план китайского руководства превратить КНР в первой четверти XXI в. в страну с наиболее высоким ВВП в мире и реальные достижения на этом направлении привели к изменению национальной идентификации, вернее, к возрождению традиционных представлений о месте Китая как центра мира и соответствующей трансформации роли Поднебесной: служить образцом для других народов¹. Для того чтобы подтвердить свой престиж и удержаться на волне пассионарности, Китай должен продемонстрировать миру качественные, а не количественные показатели своих достижений.

¹ На бытовом уровне это проявляется в учащении случаев высокомерного отношения к иностранцам или необоснованных претензий к представителям других наций. Например, на Шанхайской ярмарке 2010 г. толпа китайцев выражала недовольство по поводу медленного продвижения очереди в немецкий и английский павильоны. Немцев даже называли фашистами.

Указанные ограничения свидетельствуют об исчерпанности ресурсов прежнего пути развития КНР как промышленно-производственного лидера. На данной фазе развития глобальной экономики есть две ниши, где Китай может занять достойное место: 1) предоставление потребительских услуг, направленных на повышение качества жизни человека и удовлетворение индивидуальных потребностей (туризм, отдых, развлечения, медицина, образование); 2) превращение в центр развития инновационных технологий. Первый из них в наибольшей степени соответствует нынешним возможностям Китая. Китай благодаря высокому уровню развития национальной культуры, медицины и некоторых традиционных наук, а также благодаря доброжелательности и терпеливости китайцев, некоторым другим национальным характеристикам обладает уникальной конкурентоспособностью именно в сфере обслуживания. Однако с точки зрения сырьевых ресурсов это затратный путь. Как компонент третичного сектора китайской экономики сегмент услуг, безусловно, будет расти, а качество услуг — совершенствоваться. Это позволяет поглощать избыточную китайскую рабочую силу, с одной стороны, и повышать популярность Китая как центра международных потребительских услуг — с другой, но хочется надеяться, что такой направление станет побочной, а не основной дорогой будущего развития Китая.

Таким образом, мы подходим к рассмотрению способности КНР найти себе достойное место в последней из названных ниш мирового экономического пространства — стать лидером инновационной экономики, основанной на новейших ресурсо- и здоровьесберегающих технологиях. С точки зрения будущего мира и страны переход к инновационной модели развития — это оптимальный для КНР сценарий развития, однако он возможен только при наличии рабочей силы соответствующего типа.

Рассмотрим динамику развития человеческого потенциала, и в первую очередь в школьной и студенческой возрастной когорте, поскольку именно их трудовая деятельность определит успехи и неудачи Китая в ближайшие десятилетия. Попробуем ответить на вопросы: чем они отличаются от старших поколений в своих ценностных предпочтениях; каков уровень их образования; кем они работают и каковы их профессиональные устремления; что относится к характерным особенностям их поведения и что они делают для повышения своего человеческого капитала?

Для анализа комплекса этих вопросов, кроме официальных источников и научных работ, будут использованы результаты письменного и устного опроса и анкетирования, проводимого на факультете педагогического образования МГУ (ФПО) среди китайских магистрантов, аспирантов и ста-

жеров. В общей сложности было опрошено 90 китайцев, обучавшихся за последние 5 лет на ФПО.

Приводимые ниже статистические данные характеризуют главным образом демографические процессы в той части, которые касаются молодежи; уровень образования и качество профессиональной подготовки; индивидуальные социальные, профессиональные запросы молодежи и возможность их реализации.

1. В 2005 г. доля китайцев младшего поколения (0–14 лет) составляла 21,6 %, (а в РФ — 15,1 %. Среднемировой показатель — 28,5%. The 2008 Green Paper 2008. С. 220, 194].

2. Доля населения в возрасте 15–59 лет в КНР составляет 67,4 %. Для сравнения: в РФ — 67,8 % [The 2008 Green Paper 2008. С. 220]. Своего пика в КНР население в трудоспособном возрасте достигнет в 2011 г. (72,3 %), после чего количество начнет постепенно снижаться, одновременно существенно уменьшится и доля подрастающего поколения. За период 2005–2020 гг. доля детей и молодых людей в возрасте 6–22 лет снизится с 27,1 до 20,9 % [The 2006 Green Paper 2006. С. 75].

3. Данные 5-й всекитайской переписи населения 2000 г. свидетельствовали, что на каждые 100 рожденных девочек приходится 120 родившихся мальчиков, в городах этот перекоп менее ярко выражен, чем в сельской местности. Хотя рождаемость в 1990-е гг. упала почти вполнину, гендерная диспропорция увеличилась на 10 %. Общее количество мальчиков в возрасте 0–15 лет больше аналогичной возрастной группы женского пола на 18,8 млн чел. [Social Population 2004. С. 122–123]. Это, очевидно, сейчас и в будущем будет фактором психологической напряженности в обществе, и не исключено, что вынудит молодых китайцев отправляться за границу не только в поисках работы, но и невест.

4. В 1991 г. в рамках программы сокращения рождаемости одного ребенка имели 92 % семей в Шанхае, 88 % в Пекине, 77 % в Тяньцзине [Social Population 2004: 61]. Однако деревня по-прежнему руководствуется традицией: «раньше родишь наследника, раньше добьешься удачи», поэтому появление в семье девочки считается нежелательным или недостаточным. У государства мало механизмов сдерживания рождаемости в деревне, официальная статистика часто не фиксирует так называемых черных, т. е. «сверхнормативных» детей. После 1985 г., когда ослабили репрессивные меры (в частности, перестали насильственно направлять сельских женщин на аборт), коэффициент рождаемости в деревне пополз вверх. Что касается города, то рост экономического благосостояния позволил многим семьям, несмотря на санкции (штраф в 2,5 тыс. долл. за рождение второго ребенка, лишение социальных дотаций на лечение и образование второго ребен-

ка, потеря родителями перспектив на служебное повышение), нарушить установление «одна семья — один ребенок». После страшного землетрясения в Сычуани в 2008 г. некоторые китайские ученые склоняются к идее о том, что необходимо разрешить китайским семьям иметь двух детей. Это позволит, по их мнению, не только снизить социальное недовольство, но и расширит потенциальный генофонд талантливых людей.

5. Сопоставление параметров здоровья китайцев и японцев показало, что 7–18-летние жители КНР ниже ростом, чем японцы, чаще японцев страдают от превышения веса [Social Population 2004. С. 30]. Питание — это не только вопрос экономического характера, это — вопрос общей культуры нации.

6. Число инфицированных СПИДом к 2010 г., по прогнозам некоторых китайских ученых, достигнет 10 млн чел. [Social Population: 31]. 93 млн человек, по данным органов здравоохранения КНР, заражены гепатитом Б. Таким образом, Китай может превратиться в страну с самым большим числом носителей СПИДа и гепатитом Б. Очевидно, что большинство зараженных или носителей вируса — это молодые люди. До недавнего времени в стране поощрялась нетерпимость к тем, кто имел несчастье заболеть СПИДом и гепатитом Б. [Женьминь жибао. 30.12.2009]. Лишь в конце 2009 г. министерство здравоохранения КНР отменило такое дискриминационное требование, как предоставлять при поступлении на работу и учебу справку о прохождении теста на гепатит и СПИД и запретило дискриминацию в отношении этих групп людей, однако на бытовом уровне негативное отношение к ним остается. Китайское общество на данном этапе своего развития мало заботится об адаптации молодых инвалидов к жизни. Такое положение, помимо того, что сеет раскол в обществе, наносит серьезный экономический ущерб государству в целом.

7. В 2005 г. в КНР было проведено выборочное обследование 1 % населения страны, которое показало, что миграционный поток превысил 147 млн чел. [The 2006 Green Paper: 7]. В результате миграции усиливается региональная неравномерность распределения населения. Наплыв в город неквалифицированной молодой рабочей силы из деревень, с одной стороны, позволяет удешевлять промышленное производство, а с другой, тормозит внедрение новых технологий и рост производительности и качества труда. Кроме того, внутренняя миграция рабочей силы превратилась в лазейку для увеличения числа незарегистрированных детей. Но даже зарегистрированные на временное проживание дети этой группы китайского населения лишены возможности получить полноценное образование. По закону, за обучение детей мигрантов в рамках 9-летнего обязательного образования отвечают местные власти, которые нередко не желают выде-

лять деньги на обучение детей приезжих. Например, правительство Шэньчжэня, одного из самых динамично развивающихся и богатых приморских городов, приняло постановление, в соответствии с которым финансирование из городского бюджета будет распространяться только на обучение детей горожан, имеющих постоянную регистрацию. Это означает, что дети более 10 млн приезжих временных работников будут лишены возможности учиться, несмотря на то что их родители платят налоги [China Daily, 29.11.2005]. Дискриминация в отношении детей мигрантов из сельских районов проявляется и в том, что городские власти направляют их учиться в «слабые» школы [Zhang Tiankan: 2]. Меры, урезающие права детей мигрантов на получение обязательного образования, идут в разрез с провозглашенными правительством Китая целями создания гражданского общества и обеспечения равных прав и стартовых позиций для молодых граждан страны.

Реализуемая в КНР с конца 80-х гг. модель приоритетного экономического развития части районов и некоторых категорий населения, главным образом городского, с одной стороны, способствовала стремительному социально-экономическому росту, с другой — привела на рубеже веков к опасному для национальной безопасности неравномерному региональному развитию. При этом вопрос неравномерности и несбалансированности образования приобрел столь острый характер, что вызвал необходимость корректировки образовательного курса. Его основные направления в полной мере вписывались в общегосударственную стратегию устранения неравенства и создания гармоничного общества.

С 2002 г. в сфере образования КНР реализуются следующие установки.

1. Создание справедливых условий для обучения в обязательной 9-летней школе, в первую очередь это коснулось сельских детей и нуждающихся семей. В 2007 г. обязательная 9-летняя школа охватывала 99 % детей соответствующего возраста [The 2008 Green Paper 2008. С. 55]. Главный вопрос для руководства — это создание справедливых условий для обучения сельских детей на данной ступени образования, что позволит решить проблему отсева. От разных видов расходов за обучение (в том числе за учебники) были освобождены все сельские школьники, а проживающие в интернатах дети из бедных семей стали получать дотации на жизнь. Благодаря этим мерам (两免一补) выиграли 150 млн учащихся и 7,8 млн детей из бедных семей. Государство существенно улучшило условия обучения в сельской местности, починив 2,2 млн аварийных школ и построив более 7000 интернатов, выделив немалые средства на оснащение школ оборудованием для дистанционного обучения. [The 2008 Green Paper 2008. С. 6]. Тем самым создаются предпосылки не только для повышения общего ка-

чества обучения, но и для индивидуализации образовательной траектории учащегося.

2. Существенно выросли масштабы обучения в СШВС и высшей школе, из элитарного образование превратилось в массовое (им охвачено 45,22 млн подростков), из них в общеобразовательных СШВС обучается больше половины. В целом число обучающихся в СШВС выросло на 55,5 % по сравнению с 2002 г. [The 2008 Green Paper 2008. С. 56].

3. Профобразование вступило на путь новой технологизации. В 2007 г. в системе средней и высшей профессиональной школы обучалось соответственно — 20 млн и 8,61 млн (в сравнении с 2002 г. выросло в 2,68 и 4,45 раза (соответственно). В структуре СШВС и ВО соответственно составили 44,6 % и 45,7 %. Кроме того, в системе неакадемического высшего образования (университеты для взрослых и различные курсы) на основном и специализированных программах обучается 5,24 млн из них 57,5 % в рамках специализированных профессиональных. В общей сложности в сфере неакадемического (недипломированного) образования число выпускников составило 68,1 млн на ступени среднего и 4,126 — на ступени, приравненной к высшей школе [The 2008 Green Paper 2008: 56].

4. Прием в вузы увеличился с 7,2 % от числа молодых людей соответствующего возраста в 1995 г. до 23 % в 2007 г. [Educational Statistics Yearbook of China 2007. С. 15]. К 2007 г. в вузах обучалось 27 млн чел, на 1,2 млн больше, чем в 2002 г., из них по программам бакалавриата обучалось 10,244 млн а в магистратуре — 1,195 млн (соответственно больше, чем в 2002 г., на 55,8 % и 2,39 раза. Еще большие количественные успехи демонстрирует набор в специализированные потоки обучения (небакалавриат). Примечательно, что 52 % учащихся этого типа программ — сельская молодежь. Значительно усовершенствована инфраструктура ВО. С 2002 по 2006 г. площадь кампусов увеличилась почти в половину с 1,12 млн до 2,12 млн м², в том числе площадь учебных помещений выросла с 120 млн кв. м до 270 млн м², а стоимость учебных приборов и оборудования с 61,7 млрд до 1421,4 млрд юаней [The 2008 Green Paper 2008. С. 56].

5. Вузы превратились в крупнейшие научно-исследовательские и изобретательские центры, они получают свыше половины технических изобретательских патентов и государственных премий. В 2006 г. 62 государственных технопарка, 63 % ключевых лабораторий и инженерно-конструкторских исследовательских центров существовали при университетах. Университеты в 2006 г. владеют 45 тыс. патентов [The 2008 Green Paper 2008. С. 57]. Вузы не только сосредоточили в своих руках самое современное исследовательское оборудование, но и стали высокотех-

нологичными предприятиями, обладающими правом интеллектуальной собственности. Это означает, что они на практике осуществляют инновационную политику. В стенах высшей школы работает свыше 90 % ученых, занимающихся исследованиями по философии и общественным наукам, на долю которых приходится 90 % исследовательских результатов по общественным наукам. Это означает, что они выбрали интеллектуальную элиту, которая занимается изучением и разработкой эффективных моделей развития китайского общества. Таким образом, можно утверждать, что в вузах создана среда самой высокой конкурентоспособности в КНР.

6. Согласно прогнозам на 2020 г., если темпы роста системы высшего образования составят 3 %, то прием в вузы увеличится до 38 %, а при темпах в 4–5–6 % достигнет 45–52–61 % соответственно [The 2006 Green Paper. С. 72,78–79,112]. Бурный рост высшей школы позволяет китайским специалистам говорить о том, что в стране начался переход от элитного высшего образования к массовому, который позволит к 2020 г. достичь показателей развитых стран.

7. Задача вывода национального образования на уровень передовых международных стандартов. С конца 1990-х годов в КНР обнаружилось перепроизводство специалистов узкого профиля. Данная тенденция отражает реальные «вызовы» китайской действительности. Во-первых, в традиционных отраслях экономики относительно снижается спрос на специалистов, обладающих узкой квалификацией. Во-вторых, развитие передовых наукоемких отраслей невозможно без выхода на рынок труда специалистов, обладающих широкими фундаментальными знаниями. Под влиянием новых тенденций изменялась структура высшего образования. На рубеже XX–XXI вв. происходило слияние мелких вузов, закрывались узкоспециализированные краткосрочные профессиональные колледжи. Укрупнение вузов позволяло более рационально использовать материальные ресурсы, педагогический и научный потенциал, сократить управленческий аппарат. Менялись содержание и методика обучения, набор учебных дисциплин, а вместе с этим обновлялись и создавались новые учебные пособия. В учебных планах изучаемых образовательных программ значительно увеличилось время, отводимое на факультативы. В среднем факультативы и предметы по выбору составляют 20–30 % от общего объема учебной программы [Россия — Китай: образовательные реформы 2007. С. 253–254]. В китайских вузах больше внимания стали уделять изучению современных западных научных теорий. Таким образом, последние десятилетия китайское высшее образование не только развивается высокими темпами, но и неуклонно движется в сторону современных мировых стандартов.

8. Министр образования КНР Чжоу Цзи, выступая в Хайнаньском университете в начале 2007 г., отметил, что за 10 лет расходы вузов на обучение и проведение научно-исследовательской работы увеличились соответственно в 4 и 6 раз [Zhong Minyuan 2007. <http://www.nfcmag.com>]. Согласно оценкам ОЭСР в 2006 г. Китай по расходам на научные исследования и разработки затратил 136 млрд долл., перегнав по этому показателю Японию. Китай обладает огромным контингентом научных работников, их число увеличилось с 1995 г. на 77 % и составляет около 1 миллиона. По числу занятых научно-исследовательской работой, Китай уступает только США (1,3 млн чел.). По словам главного экономиста ОЭСР Марио Сервантеса, «Китай становится основным игроком. Хотя он еще далеко не генератор инноваций, но потенциал для этого есть» [О. А. Машкина 2009. С. 145].

9. У населения страны изменились ценностные приоритеты. Граждане страны стремятся получить хорошее образование, открывающее перед ними возможности успешного трудоустройства и карьерного роста.

10. Базовые ценности китайца ориентированы на традиции и опыт прошлого. На протяжении многих лет они включают в себя идеалы сильного и богатого государства, справедливо устроенного общества, уважение к закону, ценность образования и самосовершенствования. Ценности коллективизма традиционны для Китая, они актуальны и сегодня. Общество и государство их не только защищают, но и продолжают основывать на них политическое воспитание молодежи.

11. В то же время молодые граждане Китая стали прагматичнее своих родителей. Молодежь 70–80-х гг. XX в. улучшение своей жизни связывала с процветанием страны. После 90-х гг. деньги принимают форму одной из целей и занимают весомое место в умах молодежи. В начале XXI в. выбор денег в качестве цели признается разумным аргументом. Богатство начинают связывать с благородством. В этот период фраза «меня не интересуют деньги» в большинстве случаев расценивается как ложь и лицемерие [Юнь Цзаньчен, 2003].

12. Исследования стиля жизни молодежи начиная с 1980-х гг. позволили выявить следующую динамику изменений в шкале ценностей. В 1980-е гг. молодежь только начинает осознавать связь возможности удовлетворения своих потребностей с деньгами. Эта связь становится более отчетливой в 1990-е гг. и начинает вытеснять такие ценности предыдущих лет, как уважение, дружба. У университетского студенчества деньги также становятся немаловажным фактором, но ситуации поклонения им не возникает, поскольку богатство ценится ниже карьеры и знаний. Однако в XXI в. роль денег становится важнейшей целью всех слоев общества [Юнь Цзаньчен, 2003]. Таким образом, деньги в шкале ценностей выдвигаются

гаются на первый план, а образование рассматривается как одна из возможностей их получения, т. е. обогащение становится важнее повышения социального статуса.

13. Большинству китайской молодежи приходится выбирать профессию исходя из существующего спроса и предложения на специальность, материального положения семьи, уровня ее притязаний и доступности образования. Важным фактором выбора той или иной профессии является и собственно материальное положение семьи. Результаты обследования, проводимого китайскими социологами в 2004 г., показали зависимость достижения социального престижа и высоких доходов от уровня материальной обеспеченности и образования родителей. Как правило, дети обеспеченных родителей в настоящее время не идут на государственную службу, а открывают собственный бизнес [Social Education, 2004].

14. Одновременно реформы раскрывают большие возможности для индивидуализации. Молодые люди оценивают возможности самореализации, проявления инициативы и творчества.

15. Как свидетельствуют результаты проведенного в 2008 г. опроса 142 молодых китайцев, влияние западной культуры на китайскую молодежь очень существенно и прослеживается в предпочтениях в музыке, кино, одежде, прическах и т. д. В то же время чтение художественной литературы нехарактерно для китайской молодежи [http://www.zhijizhibi.com/op_FullResultReport!questionnaireid_164526549!chart type_2.html]. Узоутилитарный подход к духовным и культурным потребностям является ограничителем не только личностного, но и национального потенциала страны.

16. Возникшая в последние годы мода на приобретение предметов роскоши — это скорее реакция на недавнюю бедность Китая. В Китае очень много молодых людей в возрасте от 18 до 28 лет, которые увлекаются приобретением предметов роскоши. Большинство таких покупателей — юноши и девушки, родившиеся в 1980-е гг. Как правило, они работают на предприятиях с привлечением иностранного капитала, многие из них занимаются собственным бизнесом. Аналитики предполагают: то, что китайская молодежь гоняется за фирменными товарами, — еще одно яркое свидетельство динамичного развития китайской экономики. Стремление к предметам роскоши — это стремление к более высокому качеству жизни², но это и побочный продукт политики «одна семья — один ребенок» [<http://russian.people.com.cn/31521/4254981.html>].

² Результаты обследования: глобализация влияет на культурные потребности китайской молодежи (人民日报调查: 全球化影响着中国青年的文化消费关)// <http://russian.people.com.cn/31521/4254981.html>

17. Рост индивидуализации и дифференциации в китайском современном обществе ведут к тому, что молодые люди возлагают надежды лишь на себя и своих близких, при этом тревогу вызывает усиливающаяся неразборчивость в средствах достижения ими «жизненного успеха». Наблюдаются снижение социальной активности молодежи, кризис идеалов и утрата духовных ориентиров, снижаются культурные запросы.

18. Несмотря на достигнутые успехи, удельный вес лиц с высшим образованием в рабочей силе КНР пока остается незначительным. В 2005 г. насчитывалось всего около 70 млн человек, получивших высшее образование в объеме вузов и высших профессиональных колледжей [Чжунго тунцзи няньцзянь 2005. С. 108]. Большая часть этих людей сосредоточена в городе. Соотношение между работниками с высшим образованием, проживающими в мегаполисах, мелких городах и деревнях составляет 20:9:1 [Social Education 2004. С. 212]. Качество и количество подготовленных кадров не отвечают в полной мере потребностям национального рынка труда. На рынке труда остро ощущается дисбаланс между спросом и предложением специалистов различных квалификаций. Китайские вузы по-прежнему готовят главным образом инженеров для традиционных отраслей промышленности, которые в новых экономических условиях не востребованы рынком труда. Подобная ситуация порождает как минимум два негативных последствия. Во-первых, растут расходы на высшее образование. Во-вторых, значительная часть выпускников вузов, получивших инженерное образование, в последующем трудоустраиваются не по специальности. В итоге оказывается, что средства на их обучение были затрачены впустую. «Голод» на научно-технические кадры, которые могли бы работать в высокотехнологических совместных предприятиях. Инновационные отрасли промышленности предъявляют все больший спрос на специалистов в области компьютерной техники, информатики, информационных технологий. Однако число выпускников, получивших соответствующее образование, в годы 10-й пятилетки (2000–2005 гг.) неуклонно снижалось и почти сравнялось с численностью лиц, получивших историческое образование, спрос на которых и так был значительно ниже, чем предложение.

19. Симптоматично, что среди безработных преобладают люди с достаточно высоким уровнем образования. Согласно последней всекитайской переписи 2000 г. не могли найти работу 4,15 % людей с начальным образованием, 9,77 % — со средним образованием первой ступени (9-летнее обязательное образование), 11,67 % — с полным средним образованием, 9,20 % — со средним профессиональным образованием, 4,43 % — с высшим профессионально-техническим образованием, 1,97 % — с высшим

профессиональным образованием [Social Population. С. 158]. Экономика КНР не способна вовлечь всю новую рабочую силу. Скопившаяся в городах безработная молодежь с достаточно высоким уровнем образования превращается в острую социальную проблему, осознанную на высшем руководящем уровне [Ли Ланьцин 2007. С. 150].

20. Трудности с трудоустройством приводят к тому, что выпускники вузов хватаются за любую более или менее удовлетворяющую их трудовую вакансию, независимо от личных и профессиональных интересов. Многие из тех выпускников, кто после окончания вуза был вынужден поменять свою специальность, — талантливые, способные к научной деятельности молодые люди. Их уход из отраслей фундаментальной науки часто обусловлен чисто экономическими причинами. Невостребованные на рынке труда бакалавры идут обучаться в магистратуру и аспирантуру, рассчитывая на то, что тем самым они смогут повысить свои шансы на успешное трудоустройство по окончании послевузовского обучения [Wang Ting 2008. С. 6]. Их выбор преследует чисто утилитарные цели и не связан с намерением заниматься наукой. Число аспирантов в 2005 г. достигло 900 тыс. человек. В китайских вузах не хватает научных руководителей соответствующего уровня: на каждого профессора приходится от 10 до 30 аспирантов. Качество послевузовского образования падает, о чем с тревогой пишут китайские ученые [The 2006 Green Paper 2006: 78,114].

21. Узость кругозора, слабая логика, неразвитость творческих запросов — это звенья одной замкнутой цепи. «Чем старше учащиеся, тем беднее их воображение» — к такому выводу приходит Гу Ян, член жюри прошедшего в 2007 г. 15-го всекитайского конкурса научно-популярных работ школьников «Золотой ключ». «В своих сочинениях на тему генного моделирования и клонирования большинство школьников старшей средней школы прибегают к шаблонным формам изложения общих сведений и делают акцент на политических аспектах темы, в то время как учащиеся младших классов пишут в более свободной и сильной манере. Они словно на сказочном коне несутся по облакам» [High School Students: <http://www.china.org.cn/english/culture/83073.htm> — 10.03.2007]. «В действительности, наши ученики старших классов и студенты не лишены воображения и креативности. У них просто нет времени для творчества. Экзаменационная система вынуждает их интенсивно зубрить учебники и не оставляет времени для чтения научно-популярных книг. Нашей стране необходимо разработать механизм оценки качества школьной работы наших детей», — так сформулировал задачу изменения концепции школьного обучения главный редактор журнала People and Science Ван Синь-

шэн [High School Students: <http://www.china.org.cn/english/culture/83073.htm> –10.03.2007].

22. Руководство КНР в настоящее время нацеливает школу на переориентацию учебного процесса от механического запоминания к инициативному осмыслению, анализу и творчеству. «Сумеет ли китайская нация выйти победителем в острой конкуренции по комплексной мощи страны — в конечном счете зависит от того, сможем ли мы повысить общекультурный уровень всей нации, сумеем ли воспитать новое поколение всесторонне развитых людей, отвечающих четырем требованиям: быть идейными, высокоморальными, образованными и дисциплинированными», — так сформулировал основную политическую задачу в сфере просвещения заместитель премьера Госсовета КНР Ли Ланьцин [Ли Ланьцин 2007. С. 394].

Очевидно, что в настоящее время в Китае существует реальное противоречие между установкой правительства на широкое распространение фундаментальных знаний и подготовку специалистов широкого профиля, способных к созданию новых технологий, реальными запросами экономики и прагматичными установками молодежи. Это объективное противоречие, и его не устранить одними директивными мерами, однако можно пытаться изменять сознание и мышление младшего поколения китайцев, меняя модель школьного и вузовского образования. Смещение акцентов жизненных ожиданий молодежи в сторону повышения требований к качеству жизни заставляет молодежь овладевать современными профессиями, что, в свою очередь, дает стимул к развитию инновационного образования.

Литература:

На русском языке

Кульпин-Губайдуллин Э. С. *Россия и Китай: проблемы безопасности и сотрудничества в контексте глобальной борьбы за ресурсы*//Полис № 6: 147–156.

Кульпин-Губайдуллин Э. С. *Китайский вызов: пределы роста и новые технологии (тезисы доклада на Семинар по социоестественной истории, ИВАН РАН. Москва: 26 мая 2010)*.

В. В. Кузнецова, О. А. Машкина. *Высшая школа КНР*//Экономика и образование, 2009, № 2.

О. А. Машкина. *Образование как ресурс развития Китая в XXI в.*//История и современность. 2009. № 4. С. 130–153.

Ли Ланьцин. *Образование для 1,3 миллиарда (Экс-вице-премьер КНР Ли Ланьцин на десятилетней работе реформы и развития китайского образования)*. Пекин, 2007. — С. 611.

Народонаселение Китая. Серия «Основные сведения о Китае». Под ред. Тянь Сюеюань, Чжоу Липин. *Китай: Межконтинентальное издательство Китая*, 2004. 148 с.

Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв.: Сравнительный анализ// Отв. ред. Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяюань. М, 2007. 592 с.

На китайском и английском языках

Бай Цзяньфэн. Жусюе цзюе будей ча игань. (白剑峰. 入学就业不得查乙肝. – 人民日报. 30.12.2009. 第6页. Бай Цзяньфэн. При поступлении на учебу и работу не нужно проходить обследование на гепатит Б). Газета Женьминь жибао. 30.12.2009. с. 6.

Wang Ting. Graduates lower job aspirations. Shanghai Daily, 05.12.2008.

Чжунго тунци няньцзянь 2005 (Китайский статистический ежегодник 2005). Пекин: Чжунго тунци чубаньше, 2005.

The 2006 Green Paper on Education in China (Зеленая книга: Образование в Китае 2006). Авторы-составители: Фан Вэньяо, Чжан Ли и др. Пекин. Образование и наука. 2006. 234 с.

The 2008 Green Paper on Education in China (Зеленая книга: Образование в Китае 2008). Пекин: Образование и наука. 2008.

Чжунго цзяоюй тунци няньцзянь 2007 (Educational Statistics Yearbook of China 2007. Китайский статистический ежегодник по образованию 2007). Пекин, 2008.

Чжунго цзинци няньцзян 2007 (Китайский экономический ежегодник 2007). Пекин, 2007. 850 с.

Social Population in Transforming Period (Китайское общество в переломный период: проблемы народонаселения). Авторы-составители: Хуан Жунцин и др. Китай, Ляонин: Ляонинское издательство образования. 2004. 380 с.

Social Education in Transforming Period (Китайское общественное просвещение в переломный период). Авторы-составители: Лю Цзинмин и др. Китай, Ляонин: Ляонинское издательство образования. 2004. 370 с.

Zhang Tiankan. Jiaoyu jingfei kefou fengei nongmingong zidi yi bei geng (Будут ли распределены средства на образование детей крестьян, работающих по найму в городе). Газета Renmin ribao. 25.02.2010. с. 2

Zhong Minyuan. Yixing gaoxiao xianxing (на кит. яз.) (От мифов к реальности высшей школы). Nanfeng chuang. 25.02.2007. //http://www.nfcmag.com.

High School Students Lack Imagination? Xinhua News Agency. December 22, 2003. <http://www.china.org.cn/english/culture/83073.htm>. 10.03.2007

Цзяоюй gao шуофэй ши шуй синьчжун ды тун (Высокая плата за высшее образование — чья это головная боль?). Газета Shichang bao «Шичан бао», 03.12.2007. <http://www.nfcmag.com>.

Чжунго циншяонянь яньцзю чжунсинь Хуан Чжцзянь тунчжи цзай кэсюе фачжаньгуань юй циннянь фачжань лишуньянь яньтаохуэй шанды фаянь. (Выступление руководителя всекитайского центра молодежи Хуан Чжцзяня 10.05.2004 г. на теоретическом семинаре «Научные представления о развитии и развитие молодежи») <http://www.cacsi.org.cn/article.asp?articleid=1258ЯХ>.

<http://russian.people.com.cn/31521/4254981.html> (Результаты обследования: глобализация влияет на культурные потребности китайской молодежи. 人民日报调查: 全球化影响着中国青年的文化消费关).

http://www.zhijizhibi.com/op_FullResultReport!questionnaireid_164526549!chart type_2.html (Исследование влияния американской культуры на китайскую молодежь 调查: 美国文化对中国青年的影响).

В. И. Пантин,
ИМЭМО РАН

Перспективы мирового развития: взаимодействие глобального экономического и глобального экологического кризисов¹

Глобальный экологический кризис и современное развитие

Современный глобальный финансовый и экономический кризис, начавшийся в 2008 г., тесно переплетается с гораздо более долговременным глобальным экологическим кризисом, который усиливался на протяжении всего XX века. Благодаря бурному экономическому росту стран БРИК (прежде всего Китая, Индии и Бразилии), во многом ставшему следствием вывоза капитала и производства из европейских стран, Японии и США в страны с более дешевой рабочей силой, ускоренными темпами уничтожаются «легкие планеты» в Сибири и в Южной Америке. Так, во многих районах Восточной Сибири и на Дальнем Востоке леса вырубаются подчистую, а древесина контрабандным путем в огромных количествах вывозится в Китай. Аналогично дело обстоит с вырубкой лесов в Юго-Восточной Азии, в Бразилии и других странах. В Европе, например, в Греции и Испании леса специально поджигаются ради захвата земель, остающихся после лесных пожаров. В свою очередь, это ведет к возрастающей неустойчивости климата, к резким перепадам температуры, к засухам в одних районах и наводнениям в других, к заметному учащению стихийных бедствий, к ухудшению качества атмосферы и связанному с этим распространению заболеваний дыхательных путей.

Кроме того, быстрое уничтожение лесов в сочетании с глобальными климатическими изменениями приводит к обмелению рек, к растущему дефициту пресной воды. По прогнозам Института водных проблем, около 2025–2030 гг. почти половина населения Земли окажется в условиях, когда пресной воды не будет хватать для элементарных потребностей [Данилов-Данильян 2008. С. 45]. Уже сейчас в условиях хронического дефицита пресной воды живут 1,1 млрд человек; нехватку пресной воды испытывают ряд районов Африки, страны Ближнего Востока, Центральной Азии.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09–03–00279а).

В недалеком будущем, несмотря на наличие крупных рек, дефицит воды начнут испытывать две самые населенные страны — Китай и Индия. Важно подчеркнуть, что мировой финансовый и экономический кризис дополнительно ухудшает экологическую ситуацию в мире, поскольку в условиях нехватки денежных средств у многих государств расходы на экологию, защиту природы и профилактику техногенных катастроф неизбежно сокращаются, а аварии и техногенные катастрофы, напротив, учащаются и становятся более масштабными. При этом речь идет не только о развивающихся, но и о развитых странах. Примерами могут служить авария с нефтяной платформой в Мексиканском заливе, способствовавшая загрязнению побережья США, или частые аварии химических предприятий в Китае. В итоге темпы деградации биосферы резко ускоряются, причем сами масштабы этой деградации делают изменения необратимыми.

Между тем глобальный экономический кризис 2008–2010 гг. выявил то обстоятельство, что новые технологии (новые экологически чистые источники энергии, усовершенствованные информационные технологии, нано- и биотехнологии, производство новых материалов и др.) внедряются чрезвычайно медленно и функционируют недостаточно эффективно. Одна из причин этого — отрыв финансовой сферы от реального производства и сосредоточение ведущей мировой державы США на производстве новых финансовых инструментов, являющихся орудием массовых финансовых спекуляций, вместо создания новых, необходимых миру технологий. В настоящее время, по словам президента Б. Обамы, США превратились из мирового лидера промышленного производства в мирового лидера по производству различных финансовых инструментов. Иными словами, колоссальный научный и технологический потенциал, накопленный Соединенными Штатами, расходуется главным образом на все более изощренные финансовые спекуляции американских банков, а также на создание все более разрушительных видов оружия. Другие государства — страны ЕС, Япония, Китай, Россия — не располагают столь мощным, как США, потенциалом инновационного технологического развития, и мировая экономика в значительной мере топчется на месте. Во многом именно с таким положением дел в мире связан нынешний глобальный финансовый и экономический кризис, который, по целому ряду прогнозов [Кругман 2009; Акаев, Садовничий 2010. С. 23], скорее всего будет сопровождаться длительной депрессией, сопоставимой по своим социальным и геополитическим последствиям с Великой депрессией 1930-х годов.

Кондратьевские циклы и перспективы мирового развития

В связи с этим возникает вопрос: как долго будет длиться нынешняя кризисная эпоха и каким образом будет осуществлен выход из нее? Для ответа на первый вопрос целесообразно обратиться к циклам Н.Д. Кондратьева [Кондратьев 1989; Mandel 1980; Modelski G., Thompson 1996] и сопоставить между собой понижительные волны этих циклов, во время которых происходят глубокие мировые кризисы и депрессии, подобные нынешним. Следует заметить, что циклы Кондратьева (в англоязычной литературе их называют длинными волнами), в отличие от многих других колебаний экономического и политического развития, статистически достоверны и количественно охарактеризованы (см., например: [Long Waves 1984; Акаев, Садовничий 2010]). Кондратьевский цикл состоит из повышательной и понижительной волн. Во время повышательной волны, которая длится обычно около 25 лет, наблюдаются ускоренный рост мировой рыночной экономики, быстрое распространение новых технологий, войны, политические перевороты и революции. Во время понижительной волны, которая сменяет повышательную волну, преобладают экономические кризисы и депрессии, а прежние технологии теряют свою эффективность, что создает условия для формирования и внедрения новых технологий. Несмотря на огромное число работ, посвященных кондратьевским циклам, их природа и механизмы до сих пор изучены недостаточно; в связи с этим необходимы дальнейшие исследования структуры циклов Кондратьева и их роли в мировом социально-экономическом развитии.

В этом плане весьма плодотворными являются сопоставление и сравнительный анализ понижительных волн последовательно сменяющих друг друга кондратьевских циклов, оно, в частности, уже позволило предсказать мировые экономические кризисы 2000–2002 и 2008–2010 гг. за несколько лет до их наступления [Пантин 1996; Пантин, Лапкин 2006]. Такое сопоставление дает возможность прогнозировать и новые кризисы, которые, вероятнее всего, наступят примерно в 2012–2014 и 2017–2019 гг. (см. таблицу).

Приведенные данные, основанные на общепринятой (за исключением последнего, пятого цикла) датировке понижительных волн кондратьевских циклов и соответствующих экономических кризисов, указывают на вполне определенную структуру этих волн. Каждая из рассмотренных волн, независимо от ее общей продолжительности, четко делится на три практически равные между собой части, причем в конце каждой трети наблюдается достаточно глубокий экономический кризис. Иными словами, прослеживаются три этапа развития кризисных явлений в мировой экономике

и политике, в ходе которых происходят важные социальные, институциональные и ментальные сдвиги, формируются условия для нового длительного экономического подъема. На первом этапе возникают глубокие кризисные явления, обусловленные исчерпанием доминировавших прежде технологий, а также связанных с ними социальных институтов; этот этап завершается глубоким мировым кризисом вроде кризиса 1825 г., 1929 г. или 2008 года. На втором этапе нестабильность социально-экономического и политического развития усиливается, наступает депрессия; это происходит из-за того, что с наступившим кризисом продолжают бороться прежними, уже неэффективными методами. Наконец, на третьем этапе после очередного кризиса происходят крупные геополитические и социальные сдвиги, иногда в виде масштабных войн или революций, которые ломают прежние общественные структуры и ментальные установки, создавая тем самым условия для бурного развития новых технологий. После этого начинается повышательная волна кондратьевского цикла продолжительностью около 25 лет (время активной деятельности одного поколения в истории), в ходе которого наблюдается ускоренный экономический рост с относительно короткими и неглубокими кризисами.

**Сопоставление понижательных волн
циклов Н. Д. Кондратьева**

I цикл: 1813 (1815) — 1825 (кризис) — 1837 (кризис) — 1849 (1851) (кризис)
II цикл: 1873 (1874) — 1882 (кризис) — 1890 (кризис) — 1897 (1899) (кризис)
III цикл: 1920 (1921) — 1929 (кризис) — 1937 (кризис) — 1945 (1946) (кризис)
IV цикл: 1969 (1970) — 1974 (кризис) — 1978 (кризис) — 1980 (1982) (кризис)
V цикл: 2003 (2005) — 2008 (кризис) — 2013 (кризис) — 2017 (2019) (кризис)

Приведенная таблица также указывает на заметное сокращение длительности понижательных (кризисных) волн, а значит, и на сокращение циклов (витков) технологического и социально-экономического развития, связанное с общим увеличением его темпов. Как показывает исторический анализ [Arrighi 1994; Пантин 1996], первый кондратьевский цикл (цикл технологических, социальных и политических изменений) продолжался около 60 лет — с конца 1780-х до конца 1840-х гг. В результате этого

цикла возник 1-й технологический уклад (ТУ), основанный на водяном и паровом двигателе, а также хлопчатобумажной промышленности. Вторым кондратьевский цикл, в ходе которого возник 2-й ТУ, основанный на железнодорожном строительстве, черной металлургии и пароходостроении, продолжался около 50 лет — с конца 1840-х до конца 1890-х гг. Третий кондратьевский цикл, в ходе которого возник 3-й ТУ, основанный на электродвигателе, электротехническом и тяжелом машиностроении, неорганической химии, длился около 45 лет — с конца 1890-х до середины 1940-х гг. Четвертый кондратьевский цикл, связанный с развитием 4-го ТУ, основанного на автомобилестроении, тракторостроении, цветной металлургии, переработке нефти, органической химии, длился около 40 лет — с середины 1940-х до середины 1980-х гг. Наконец, пятый кондратьевский цикл, связанный с развитием 5-го ТУ, основанного на микроэлектронике, производстве и использовании персональных компьютеров, телекоммуникациях, будет длиться около 35 лет — с середины 1980-х до начала 2020-х гг. [Глазьев 1993]. Шестой кондратьевский цикл и развитие 6-го ТУ, основанного на экологически чистых источниках энергии, био- и нанотехнологиях, производстве новых материалов, а также на усовершенствованных, продвинутых информационных технологиях и робототехнике вероятнее всего будет длиться еще меньше, около 25–30 лет — с начала 2020-х до начала 2050-х гг. Отсюда общее сокращение кондратьевского цикла составляет 2–2,5 раза — с 60 до 25–30 лет, а значит, и темпы технологического и социально-экономического развития по сравнению с первой половиной XIX в. в первой половине XXI в. также возрастут примерно в 2–2,5 раза, приближаясь к физиологически допустимым для человека темпам адаптации к новым условиям.

Таким образом, выход мировой рыночной экономики из эпохи кризисов и депрессий скорее всего произойдет после 2020 г. и будет связан с расширенным воспроизводством нового, шестого технологического уклада, основой которого, по-видимому, станут усовершенствованные информационные технологии и робототехника, экологически более чистые источники энергии, био- и нанотехнологии, новые материалы. Очевидно, что широкое распространение этих новейших технологий потребует существенного изменения многих социальных, политических и экономических институтов, в том числе международных. Так, весьма вероятно изменение структуры и состава участников Совета Безопасности ООН, МВФ, Всемирного банка и других организаций, призванных осуществлять глобальное управление. Кроме того, необходимо учитывать, что в ближайшие десятилетия будет продолжаться перенос центра тяжести мировой экономики и политики с Запада на Восток. Уже сейчас страны Юго-Восточной Азии вместе

с Китаем и Индией производят около половины мирового ВВП. В этих условиях Соединенным Штатам, несмотря на сохраняющееся технологическое и военное превосходство, будет все труднее диктовать свою волю другим странам. Перспективы развития Европейского союза, объединяющего страны с различным уровнем жизни и различным экономическим и научно-техническим потенциалом, также выглядят не слишком радужно. Однако и Китай, Индия, а также другие страны Южной и Юго-Восточной Азии вряд ли избегнут внутренних социальных потрясений. Все это, вместе взятое, через период некоторого хаоса может привести к постепенному становлению нового мирового порядка и новой глобальной системы управления. Однако для этого необходимо изменение самой модели глобализации, которая бы учитывала взаимодействие разных цивилизаций и разных региональных экономических союзов.

Еще один, важный для социоестественной истории вопрос заключается в том, какими будут социальные и экологические последствия дальнейшего (послекризисного) технологического и социально-экономического развития. Этот вопрос является чрезвычайно важным, поскольку отмеченное выше значительное ускорение технологического и социально-экономического развития уже в сравнительно недалеком будущем может привести к необратимым последствиям и для биосферы, и для человека. По-видимому, в период бурного экономического роста в 2020–2040-х гг. будут исчерпаны не только многие природные ресурсы, но и в значительной мере ресурсы дешевой рабочей силы в Китае, Индии, других странах. Рост населения, несмотря на общее замедление его темпов, может привести к целому ряду локальных социально-экологических кризисов, особенно в Китае, Индии, странах Африки и Юго-Восточной Азии. В результате возникнет необходимость изменения модели глобального развития. Согласно ряду прогнозов в середине XXI в. произойдет некоторая стабилизация численности населения Земли (см., например: [Long-range 2001. P. 4; Шишков 2002. С. 64–79], и это создаст условия для перехода к новой модели социально-экономического развития.

Более того, существуют веские основания для предположения о том, что в середине XXI в. произойдут принципиально важные изменения в самой структуре циклического (волнообразного) технологического и социально-экономического развития, связанные с исчерпанием как возможностей адаптации человека к сверхбыстрым изменениям, значительным ростом числа психических и нервных расстройств, так и с глобальными экологическими проблемами, с исчерпанием природных ресурсов, в частности, с упоминавшейся выше нехваткой пресной воды, в условиях которой будет жить почти половина человечества. В середине XXI в.

не только возможны, но и весьма вероятны новые масштабные потрясения и кризисы, связанные с глобальным переходом от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу, от массового производства к более индивидуализированному, от прежней неолиберальной модели глобализации к другой. В то же время человечество в этот период будет балансировать на грани самоуничтожения из-за резко обострившихся экологических и социальных проблем. Однозначно ответить на вопрос о том, сумеет ли человечество в этих условиях выжить и перейти к более устойчивому развитию, в настоящее время невозможно. Однако иметь в виду ожидающие мировое сообщество угрозы и риски необходимо уже сейчас, чтобы человечество, различные локальные цивилизации, отдельные люди не оказались беспомощными перед лицом этих рисков и угроз и сумели к ним подготовиться.

Альтернативы развития России

Очевидно, что положение России в ближайшие десятилетия будет оставаться весьма сложным благодаря мощному экономическому и политическому давлению на нее с Запада и демографическому давлению с Востока, прежде всего со стороны Китая и стран Центральной Азии. Учитывая отсталость и общую сырьевую ориентацию российской экономики, широко распространенную коррупцию и неэффективность управления, в ближайшее десятилетие можно прогнозировать общее ухудшение социально-экономической ситуации, серьезные социальные потрясения, особенно на Северном Кавказе, в Калининградской области, на Дальнем Востоке. При этом наиболее сложными для России будут периоды предстоящих кризисов (2012–2014 и 2017–2019 гг.), которые наверняка приведут к падению или к существенным колебаниям мировых цен на энергоносители и другое сырье. Однако наиболее сложным для России, по-видимому, станет период начала 2020-х гг., когда весь мир перейдет к повышательной волне нового, шестого кондратьевского цикла, которая будет сопровождаться внедрением новейших технологий шестого технологического уклада, а Россия из-за замедленного их освоения и нарастания внутренних конфликтов может оказаться в положении далеко отставшего. Альтернативой такому варианту развития событий могут стать только существенные изменения внутри правящей элиты и переход к новой экономической политике, отвечающей особенностям российского общества, его менталитета, истории и культуры.

В то же время Россия располагает огромными природными ресурсами в Сибири, для освоения которых, правда, необходимо использова-

ние новых, нестандартных технологий [Кульпин 2009]. Если это не будет сделано в течение 10–15 ближайших лет, природные богатства Сибири и Дальнего Востока будут осваивать Китай, США, Япония и другие страны, которые уже с воодушевлением поглядывают на природные ресурсы Сибири и пытаются их «интернационализировать». Однако можно заранее быть уверенным, что подобная «интернационализация» ресурсов Сибири в итоге вызовет острейшие противоречия и конфликты между государствами, пытающимися их поделить. Кроме того, она неизбежно приведет к еще более ускоренному уничтожению сибирской тайги и, как следствие, к резкому усилению глобального экологического кризиса. Как ни парадоксально, отсталость России в известной мере способствует замедленному уничтожению одного из «легких планеты» и дает некоторое, хотя и небольшое время для разработки и внедрения принципиально новых, менее разрушительных технологий, позволяющих осваивать природные ресурсы Сибири без глобальных катастрофических последствий. Однако ситуация в целом является весьма неустойчивой и может радикально измениться в ту или другую сторону уже в ближайшие 10–15 лет.

В связи с этим существуют разные варианты развития России в ближайшие десятилетия. Первый вариант включает «точечное» освоение определенных регионов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера с использованием новых и новейших технологий, не требующих большого количества рабочей силы. В то же время реализация этого варианта требует развития инфраструктуры, в частности, прокладки новых дорог, трубопроводов, средств связи. Пока частный бизнес, в том числе крупные российские корпорации, слабо заинтересованы в подобном развитии, поэтому значительная роль неизбежно будет принадлежать государству. Основная опасность, однако, состоит в том, что в условиях кризиса под предлогом нехватки денег и дефицита бюджета важные проекты освоения природных богатств Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера могут быть заморожены или отложены на неопределенное время. Для того чтобы переломить эту неблагоприятную и опасную тенденцию, необходима мобилизация усилий различных групп и слоев общества, которую в условиях современной России может осуществить только государство. Эта мобилизация будет отличаться от той мобилизации, которую осуществляли Петр I и Сталин, модернизируя Россию, прежде всего новыми, более производительными и интенсивными технологиями и более высокой квалификацией людей, использующих эти технологии. И тем не менее новая модернизация России, если она состоится, неизбежно будет отличаться от модернизации западноевропейских стран или США: отличие будет состоять в том, что госу-

дарство, включая государственные корпорации, в условиях кризиса будет играть ведущую роль.

Второй вариант предполагает развитие российского общества и российской экономики преимущественно по западному образцу, тесное экономическое взаимодействие с Европейским союзом и политический союз России с США. На первый взгляд, такой вариант выглядит предпочтительным, поскольку он дает возможность России освоить западные технологии и западные социальные и политические институты. Однако в условиях глобального финансового и экономического кризиса положение европейских стран и США не является устойчивым, и слишком тесное взаимодействие с ними чревато тем, что западные страны могут утянуть Россию на дно. В отношении стран зоны евро это очевидно, а что касается США, то значительные вложения России в американские ценные бумаги и доллары являются чрезвычайно рискованными, поскольку в любой момент крупные американские банки и страховые компании могут потерпеть крах в результате финансовых спекуляций и лопания финансовых пузырей. При этом сами США скорее всего выйдут сухими из воды, поскольку они располагают возможностью печатания долларов, обращающихся в качестве мировой резервной валюты, в неограниченных масштабах, но для других стран и прежде всего для России подобные катаклизмы могут оказаться чрезвычайно болезненными, если не смертельными. В связи с этим представляется, что в ближайшие годы для России более эффективной будет политика взаимодействия с западными странами по наиболее важным вопросам и заимствования у них новых технологий, но без слишком тесного сближения, чреватого превращением России в сырьевой придаток Европы или США. Кроме того, не следует забывать, что в США и европейских странах существуют влиятельные круги, которые мечтают о полном уничтожении России, не считаясь с возможными последствиями такого уничтожения. Важно также учитывать постепенный перенос центра тяжести мирового экономического развития с Запада на Восток, прежде всего в Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии.

Наконец, четвертый вариант, который можно назвать «инерционным», основан на фактическом «проедании» уже освоенных природных ресурсов, природной ренты и ресурсов рабочей силы. Этот вариант, сопровождающийся постепенной деградацией науки, системы образования, промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, возможен в том случае, если в России возобладают интересы паразитического банковского капитала, живущего за счет финансовых спекуляций, а не за счет развития реальной экономики. Подобная опасность вполне реальна для современной России, тем более что российский финансовый капитал тесно связан

с международным финансовым капиталом, который уже привел мировую экономику к глобальному кризису и продолжает надувать очередные финансовые «пузыри». Очевидно, что в условиях новых кризисов, которые практически неизбежны, так как не устранены основные причины глубоких кризисных явлений в мировой экономике и социально-политической сфере, сохранение господства финансового капитала обернется для России и других стран целым рядом катастроф. Эти катастрофы в недалеком будущем могут привести к распаду России на множество территорий и государств, воюющих друг с другом или контролируемых криминально-мафиозными структурами. В условиях наличия огромных запасов ядерного и обычного оружия распад России обернется гораздо большими потрясениями и гораздо большими жертвами, чем распад Югославии в 1990-х гг., и тем не менее, на Западе и внутри самой России существуют круги, которые с вожделием мечтают о распаде России, не понимая, к каким тяжелейшим последствиям этот распад может привести весь мир (см., например: [Friedman 2009]).

В этих условиях России во что бы то ни стало необходимо преодолеть инерцию движения к пропасти и мобилизовать все оставшиеся силы и ресурсы для ускоренного экономического, социального и культурного развития. При этом очень большую роль может сыграть учет особенностей российской ментальности [Кульпин, Клименко и др. 2005], а также как сохранение идентичности отдельных народов, населяющих Россию, прежде всего русских и татар, так и формирование наряду с ней новой российской национально-цивилизационной идентичности. Однако главное условие реальной модернизации и выхода из тупика состоит в эффективном давлении на правящую элиту со стороны образованных слоев общества и изменение соотношения сил в правящей элите в пользу модернизаторов-реалистов. Грядущие кризисы, с одной стороны, создадут условия для таких изменений, а с другой стороны, могут привести к неконтролируемым радикальным выступлениям, к «русскому бунту, бессмысленному и беспощадному». Все будет зависеть от степени зрелости российского общества, от того, сможет ли оно заставить коррумпированную правящую элиту хотя бы частично отказаться от губительного авантюризма, от слепых надежд на псевдолиберальный экономический курс, от преклонения перед «законами свободного рынка», которые совершенно неэффективны в кризисной ситуации. В настоящее время, как свидетельствуют социологические опросы, в российском обществе нарастает неудовлетворенность проводимым экономическим и политическим курсом, постепенно формируется запрос на новую элиту и нового лидера, но при этом остро ощущается отсутствие такой элиты и такого лидера.

Литература:

Акаев А., В. А. Садовничий О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России//Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. М., 2010.

Глазьев Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.

Данилов-Данильян В. Вода дороже нефти?//Аргументы и факты, 2008, № 4.

Н. Д. Кондратьев Проблемы экономической динамики. М., 1989.

Э. Г. Кульпин, В. В. Клименко, В. И. Пантин, Л. М. Смирнов Эволюция российской ментальности. М., 2005.

Э. С. Кульпин Альтернативы российской модернизации, или Реставрация Мэйджи по-русски// Политические исследования, 2009, № 5.

В. И. Пантин Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.

В. И. Пантин, В. В. Лапкин Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006.

Ю. В. Шишков Демографические перспективы мирового сообщества//Размышления о будущем. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 7 (19). М., 2002.

Friedman G. The Next 100 years: A Forecast for the 21st century. N. Y. — London, 2009.

Long-range World Population Projections: Based on the 1988 Revision. UN, 19 September 2001.

Long Waves in the World Economy. L., 1984.

Mandel E. Long Waves of Capitalist Development. Cambridge, 1980.

Modelski G., W. R. Thompson Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics. University South Carolina Press, 1996.

Студенна М.,
Институт восточных исследований
университета им. А. Мицкевича,
г. Познань (Польша)

Участие и роль украинских женщин в миграционных процессах после падения СССР

(тезисы доклада)

Явление женщин-мигрантов остается очень интересным, но все еще не разработанным в достаточной степени вопросом научного анализа, особенно если речь идет про пространство Центральной и Восточной Европы. Хотя традиция миграции женщин характерна для прошлых времен, первые научные исследования этой темы датируются только девяностыми годами XX века. Открытие границ между бывшими странами народной демократии и Западной Европой с 1989 г. предоставляют новые возможности для свободно трансграничного движения и расширяют спектр вызывающих его причин. Как замечает социолог Мияна Мороквасиц, *системная трансформация вызвана падением коммунизма и привела к тому, что «в пути» нашлось огромное количество женщин, избегающих либо новых рыночных отношений, либо доминирующего в новообразованных государствах националистического проекта.*

На территории бывшего Советского Союза наблюдаем совсем другой процесс. Границы между республиками превратились в государственные границы, пересечение которых нередко связано с формальными требованиями. Въезд в страны Евросоюза обострен рядом условий. Но и на этой территории существует явление женской миграции, и именно тому посвящается моя статья. Мои рассуждения сосредоточены на примере Украины. В рамках доклада постараюсь в первую очередь перечислить и определить факторы, влияющие на принятие решения о миграции. Далее в моей статье анализируются направления женской миграции и ее масштабы. Обращу внимание на потенциальные угрозы, которым подвергаются женщины-мигранты. В последней части доклада говорится о социальной роли женщины в постсоветском обществе.

С. И. Харниш,
Институт социологии РАН

Хранение и передача знаний цивилизации в условиях смены технологий

Статья посвящена проблемам сохранения и передачи знаний и научной информации в условиях перехода от бумажных носителей к электронным носителям информации. Трансформация содержания печатных и рукописных текстов в базы данных, хранящихся в электронном виде, поднимает ряд проблем, связанных с переподготовкой работников библиотек, преподавателей и обучения их навыкам работы с электронными носителями. Не менее сложной является проблема ликвидации компьютерной неграмотности среди разных групп населения. Данные проблемы приобрели особую актуальность в рамках обсуждения концепций информационной грамотности (ИГ) и информационной культуры (ИК) и их основных составляющих. В условиях многообразия языков и культур возникают проблемы межкультурного общения и управления транснациональными корпорациями. Информационная культура включает в себя ряд компетенций, в том числе знание родного и иностранных языков, коммуникативную компетенцию межкультурной коммуникации. Эти компетенции необходимо развивать среди работников как крупных транснациональных предприятий, так и малых интернациональных коллективов среднего бизнеса, в частности, занятых в третьем (услуги, торговля) и четвертом (информация и развлечения) секторах трудовой занятости населения.

Владение хотя бы одним иностранным языком, грамотность владения двумя языками — стали реальной потребностью профессиональной и деловой деятельности в условиях XXI-го века. В статье использованы частично результаты проведенных в рамках проекта СПУТНИК (2002–2008) опросов различных групп (администрация, научные разработчики и обслуживание) работников транснациональных корпораций, в которых в качестве рабочих языков используются русский и английский. Использованы также результаты анкетирования участников семинаров и вебинаров, проводимых для специалистов и разработчиков информационных технологий и средств коммуникации и связи на базе компьютерной техники. В качестве контрольной группы были условно взяты студенты и магистранты МГУ, владеющие русским и английским языками в качестве иностранных.

1. Основная задача данной статьи — рассмотреть ряд организационных проблем, возникающих при трансформации содержания научной, технической и служебной информации, хранящейся в виде бумажных текстов (печатных и рукописных), на электронные носители. В центре внимания в основном оказываются технические и финансовые проблемы обеспечения данного процесса. Между тем существует ряд социальных, правовых, культурно-образовательных и социально-прагматических проблем, решение которых требует самого пристального внимания широкого круга специалистов как технических, так и естественных и социальных наук. Некоторые из таких проблем и стали предметом обсуждения данной статьи.

В процессе дигитализации, знаний или перевода бумажной информации на цифровые или электронные носители, наиболее важными оказались следующие проблемы. Во-первых, это проблема сохранения преемственности традиций и способов хранения и передачи знаний в разных национальных культурах от поколения к поколению. Во-вторых, вопрос о выборе языка (языков), на которых должны быть в полной мере отражены достижения отдельных этносов и мировые достижения всей человеческой цивилизации в прошлом и настоящем. Кроме того, встает вопрос о доступе специалистов и населения в целом к источникам и средствам электронных информационных систем.

Существуют технические, правовые и понятийные проблемы интерфейса различных информационных систем, которые так или иначе связаны с проблемой сохранения своих национально-государственных, ведомственных, промышленных, научных и индустриальных секретов и документов, имеющих особую государственную важность. Возникла необходимость пересмотра концепции национальной безопасности в информационном виртуальном пространстве, с одной стороны. А с другой стороны, перед образовательными институтами современного общества стоит задача обучить население своей страны пользоваться новыми средствами информации и связи на базе компьютерной техники. Овладение компьютерной грамотностью населением всех возрастов, от дошкольников до пенсионеров, и всех профессий стало целью программ ликвидации информационной неграмотности в рамках ООН и ЮНЕСКО. В рамках данной статьи обсуждаются три проблемы, условно называемые **ТРИ-О**, а именно:

→ **Отбор** и систематизация научной информации для хранения на электронных носителях в библиотеках, архивах, государственных ведомствах, а также в научных и учебных заведениях страны.

→ **Обеспечение** свободного доступа к базам данных научной информации, хранящихся в бумажном и электронном виде, для специалистов, студентов и широкой аудитории.

→ **Обучение** специалистов, учащихся и населения в целом компьютерной грамотности, т. е. умению работать с источниками электронной информации.

Концепции информационной грамотности и информационной культуры в условиях смены информационных технологий рассматриваются в работе в свете обсуждения таких понятий, как «цивилизация», «транснациональная сеть» (network), «метаязык» и проблемы взаимопонимания в условиях многообразия языков и культур.

В процессе написания данного раздела оказалось невозможным не обратиться к опыту прошлого и к традициям сохранения и передачи знаний от поколения к поколению и роли родных и иностранных языков в обучении и профессиональном общении специалистов. Не менее привлекательна тема надежности различных типов носителей информации и научных знаний, в частности, бумага, камень, электроника и др. Но хотелось бы актуализировать проблему кода и языка, на котором представлена информация. Известно, что носитель информации может пережить своих создателей и избежать уничтожения. Для того чтобы его прочесть и понять информацию, нужно знать тот язык, на котором изложена информация. Кроме того, необходимо уметь декодировать вербальные и невербальные знаки сохранившегося текста или изображения и интерпретировать его на уровне знаний и понимания той эпохи, к которой относится исторически данный текст. Это объясняет включение в работу раздела, посвященного языку как коду хранения и передачи знаний.

1.1. Понятие информационной грамотности (*information literacy*) было введено в 1974 г. в отчете Национальной Комиссии по вопросам библиотек и информации для определения «технических средств и способностей человека», необходимых для поиска литературы по заданной теме, понимания и критического осмысления содержания текстов. В рамках Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» (*«Information for all»*) [IFAP] ликвидация информационной неграмотности рассматривается как одна из задач всеобщего образования.

1.2. Концепция информационной культуры (*information culture*) Информационная грамотность включает в себя следующие формы грамотности:

- **Традиционная грамотность** — умение грамотно читать и писать на родном языке, а также излагать (письменно и устно) содержание прочитанного или услышанного текста.

- **Компьютерная грамотность** — навыки работы с компьютером и офисной техникой (диктофон, факс, мобильный телефон, принтер, ксерокс) и с аудиовизуальными СМИ (ТВ, видеофильмы и пр.).

- **Грамотность читателя библиотеки** — умение пользоваться бумажной и электронной картотекой читального зала. Как выяснилось, в США массовое население не пользуется библиотеками. Население России и стран Европы имеет высокий показатель грамотности и посещаемости библиотек. Они являются представителями традиционной (читающей) культуры. Многие страны Азии, Африки и Южной Америки относятся к устной культуре. Население этих стран предпочитает аудиальные (радио, телефон) средства общения и информации. США в своей массе относится к аудиовизуальной культуре, в которой предпочитают ТВ, общение по скайпу, визуальная реклама (с минимальным текстовым сообщением). Такая классификация стран по их предпочтению СМИ условна. Внутри каждой страны существуют различные социальные группы, которые имеют разные информационные предпочтения. Однако в целом такие обобщающие характеристики основаны на существующих в данных культурах традициях общения и к какой-то мере отражает уровень развития экономики и техники в развитых и развивающихся странах.

- **Аналитическая и критическая грамотность** — предполагает умение аналитически и критически осмысливать получаемую информацию, в частности, из СМИ и Интернета, с учетом специфики источника информации и заинтересованности создателя информационного сообщения в той или иной реакции адресата. Своеобразный «информационный иммунитет» оказывается необходимым, чтобы устоять перед призывами рекламных сообщений, агитационной пропаганды в период предвыборной кампании, а также в связи с распространением негативных слухов и фобий. К последнему случаю, кстати, относятся сообщения о качестве тех или иных продуктов, новых формах гриппа, новых средств лечения медицины и др.

- **Финансовая или банковская грамотность** как особая форма компетенция в рамках информационной грамотности стала востребованной относительно недавно, в связи с введением кредитных карточек, возможностью оплачивать покупки при помощи кредитной карточки, с переходом на электронную систему оплаты коммунальных услуг населением, использованием электронных авиабилетов и пр. Данные формы информационной грамотности условно можно отнести к категории профессиональных

навыков, однако в условиях современного общества данные навыки стали необходимыми каждому в каждодневной практике. Все пять видов компетенций объединены общей концепцией информационной грамотности.

1.3. Информационная грамотность. Информационная культура.

В свете указанных выше видов информационной грамотности совершенно по-новому ставится вопрос о традиционной грамотности. Во многих европейских странах и в России проблема ликвидации неграмотности практически была решена еще в XX-м веке. Однако во многих развивающихся странах процент неграмотного населения довольно высок. Это объясняет, почему в программе ООН одной из основных задач является всеобщее начальное образование. При обсуждении концепции информационной грамотности было предложено использовать понятие «информационная культура»¹ в 70-х годах прошлого века. Данная концепция, по мнению отечественных исследователей, более точно передает значение термина «информационная грамотность». При этом слово «грамотность» остается определением для умения читать и писать.

Информационная культура, или информационная грамотность, включает в себя не только элементы традиционной письменности (чтение, письмо и счет), но и широкий набор сложных компетенций, необходимых для современного образованного и культурного, если можно так сказать, человека. Весь набор компетенций, указанных выше, основан на традиционной грамотности. Особенно важным является овладение навыками письма и чтения на родном языке. Информационная культура нередко понимается как особый феномен информационного общества. В зависимости от объекта рассмотрения стали выделять информационную культуру общества, информационную культуру отдельных категорий потребителей информации (например, молодежь, пенсионеры, безработные, работники разных секторов трудовой занятости) с учетом особенностей информационной культуры личности, бюджета времени и выбора тематики информационных поисков различных социально-демографических групп населения. При этом без должного внимания остаются вопросы о том, на каком языке респонденты получают информацию, какие языки они используют для поиска информации, обмена информацией с коллегами и какую роль играют родные и иностранные языки в традиционных (бумажных) и новых (виртуальных) источниках информации. С целью восполнить данный

¹ Войханская К.М. и Смирнова Б.А. Библиотекари и читатели об информационной культуре//Библиотека и информация, 1974; Шапиро Э.Л. «О путях уменьшения неопределенности информационных запросов//Научно-технические библиотеки СССР, 1975.

пробел и был проведен ряд исследований в рамках проекта СПУТНИК (2002–2008) преимущественно в РФ, а также в Германии и Малайзии, результаты которых частично опубликованы и апробированы на всероссийских и международных научных конференциях, форумах и конгрессах.

Информационная грамотность, или информационная культура, в широком ее понимании определяется как совокупность принципов и механизмов, обеспечивающих взаимодействие этнических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества в новых условиях развития науки и техники современного общества. В более узком, специальном смысле концепция информационной культуры, или информационной грамотности, рассматривается как набор умений, навыков или компетенций, обеспечивающих оптимальные способы обращения с информацией, а именно доступ к источникам информации, поиск, изучение, понимание и анализ содержания информации, способность использовать полученное знание для решения теоретических и практических задач профессиональной и повседневной социальной и социально-бытовой деятельности. При этом в центре специальных исследований технических, естественных и гуманитарных наук находятся как сами технические средства и механизмы совершенствования технических сред производства, хранения и передачи информации, так и проблемы развития и реформирования системы обучения в формальных институтах образования (детсад, школа, средние учебные заведения и вузы), а также другие социальные институты образовательного окружения (семья, СМИ, Интернет, др.), которые помогают в подготовке человека к эффективному использованию информационных средств и информации.

2.0. Переход от бумажных носителей информации к электронным — одно из основных особенностей цивилизационных изменений XXI-го века. Появление цифровой техники информации и коммуникации (ТИК) стало возможным благодаря разработкам и научным открытиям естественных и технических наук, экономически выгодному внедрению этих открытий в производство. Простота использования новых технологий ТИК, высокая скорость обмена информацией неограниченного объема на любом расстоянии виртуального пространства, которое не признает никаких границ, а главное — возможность хранения большого объема информации в минимальных носителях — обеспечили массовое распространение цифровых ТИК в конце XX-го и в начале XXI-го века. Одними из первых на электронные носители информации переводятся национальные библиотеки, медицинские и военные учреждения, юридические и законодательные ведомства. Наибольшие сложности при этом возникают

в тех случаях, когда работа ведомства, социального института или сети имеет следующие характеристики:

(а) большой объем содержания информации (книги, картотеки, документация);

(б) многочисленность населения, которые являются либо пользователями, либо сотрудниками ведомства или предприятия;

(в) использование двух или более языков как средства профессионального общения или для работы с населением в условиях разноязычного состава жителей региона или сотрудников ведомства или предприятия;

(г) наличие филиалов или подразделений ведомства или предприятия в различных регионах одной страны или нескольких стран (для транснациональных корпораций).

2.1. Переход на электронные носители некоторых ведомств начался в бывшем СССР в конце 80-х. Он продолжается и сейчас. Многие библиотеки и поликлиники ведут двойную систему сбора и хранения служебной информации — традиционную бумажную и новую виртуальную. А в некоторых до сих пор используется только бумажная система информации. Это объясняется тем, что (1) не все регионы могут приобрести компьютерное оборудование для своих библиотек, больниц и других ведомств; (2) не все сотрудники могут работать с компьютером и далеко не все сотрудники стремятся этому учиться; (3) многие считают, что бумажные носители служебной информации более надежны в работе, нежели электронные.

Агентства печатных и аудиовизуальных СМИ проявили активность в освоении информационного киберпространства. Почти все крупные газетные и журнальные издательства США и Европы предоставляют своим читателям возможность иметь доступ к электронным версиям своих изданий практически бесплатно или за небольшие вступительные взносы. Многие телевизионные программы новостей, спортивных передач и галаконцертов имеют свои сайты, о которых регулярно напоминают своим телезрителям, приглашая их получать «дальнейшую информацию» по той или иной обсуждаемой в новостях теме на сайте программы.

В настоящее время происходит переход предприятий торговли в электронные системы виртуальных магазинов. Многие крупные торговые фирмы США, Японии и Западной Европы имеют свои сайты, на которых покупатели могут выбрать, заказать и оплатить товар и его доставку в Интернете, не выходя из дома. В России примером такого «шопинга в Интернете» служит система магазинов «Утконос».

2.2. Система образования в России оказалась в условиях реформирования в связи с внедрением новых информационных технологий.

С одной стороны, появляется необходимость в электронной системе ведения административного управления, а с другой стороны, ставится вопрос об обучении учащихся информатике и компьютерной грамотности. Появляется новый предмет — компьютерный класс. Возникает новая дисциплина — информатика в средней школе и в вузах. Соответственно, есть востребованность в преподавателях данной дисциплины. Кроме того, пересматриваются методики обучения в школе и вузах, предполагающие использование компьютерной техники для различных предметов не только в качестве дополнительной иллюстрации по тематике урока или лекции, но и как средство выполнения домашнего задания, тестирования и контроля учителя за работой учащихся и студентов.

Использование электронной сети делает возможным расширение системы заочного обучения и введения дополнительного профессионального образования в высшей школе зарубежных и отечественных институтов и университетов. Одним из показателей высокого качества обучения вуза становится наличие у вуза сайтов на нескольких языках, что рассматривается как важное средство привлечения иностранных студентов в вузы, а также как показатель профессиональной компетенции преподавательского состава. Так, например, среди наиболее важных внешних факторов конкурентоспособности выпускников вузов в поиске работы оказываются следующие: наличие диплома о высшем образовании, фактор макроэкономической стабильности как способность к самоорганизации, гибкость рынка труда, запросы рынка труда на определенные профессии и виды занятости, а также инновационный потенциал в рамках профессиональной деятельности. Следует отметить, что выпускники филологических факультетов российских университетов и языковых институтов, по данным исследования трудоустройства выпускников 60–80-х годов, проявляют наибольшую гибкость в переквалификации и освоению новых профессий.

В конце 80-х годов, к сожалению, было сформулировано мнение о социальной невостребованности гуманитарных профессий, в частности историков, филологов и других. Гуманитарные науки рассматривались как области знаний, не имеющие прикладного значения и, соответственно, не дающие большого дохода государству в отличие от технических и естественных наук, открытия которых неминуемо ведут к инновациям, техническому прогрессу и, очевидно, к успеху экономики. За этим последовало реформирование образования в России и реорганизация преподавания многих фундаментальных дисциплин, например, теоретической физики в вузах. Целью реформирования было сделать их прагматичными, способными к самокупаемости, что привело к кризису образования и науки в 90-х годах прошлого века. Данный вывод оказался ошибочным.

Гибкость в освоении новых профессий выпускниками филологических факультетов объясняется тем запасом базисного образования, которое дает филологическое образование, позволяющее легко перестраиваться в профессиональной деятельности. Фактор «высшее образование» российских вузов обеспечивает гибкую систему умения учиться, что оказывается полезным в дальнейшей профессиональной деятельности выпускников вузов. Это относится и к тем факультетам и вузам, в программе которых предусмотрено преподавание высшей математики в системе вузов естественных наук, а также социальных и гуманитарных наук.

Слабым звеном российских вузов 90-х годов было фактически отсутствие профессиональной подготовки управленцев, специалистов в менеджменте, а также недостаточное внимание к проблемам работы в условиях корпоративных фирм и компаний. Проблемы повышением квалификации, изменения профессиональной квалификации и получение дополнительного образования становятся актуальными в 90-х годах в условиях перестройки.

2.3. В условиях постиндустриального общества появляется новый вид продукции, особенностью которой становится ее нематериальность. Формируется новое отношение к самим знаниям и научной информации и информационным услугам. В отличие от аграрной и индустриальной цивилизации (Тоффлер, 1978), которые производят материальные продукты и которые продают реальные товары, супериндустриальная цивилизация производит и продает нематериальные продукты. Формируется экономика оказания услуг. Появляются профессии по оказанию услуг людям и техническому оборудованию. Уход за больными пациентами, детьми и домашними животными становится профессиональной и хорошо оплачиваемой деятельностью. Помимо аграрной индустрии и индустрии промышленности появляются индустрии услуг и индустрии информации и развлечений. Понятие *индустрии* (от лат. *industria* — «деятельность») приобретает новое значение как предприятие, способное производить и продавать «товары» нематериального свойства. Информацию можно создавать, хранить и продавать как особый товар. Информационное общество нуждается в производстве и обслуживании техники. Оно также нуждается в специалистах, способных создавать информацию для наполнения каналов информационных программ радио и телевидения. Оно нуждается в специалистах, способных излагать содержание научных открытий и достижения для массовой аудитории СМИ и пользователей Интернета на языках, понятных аудитории, и в форме, доступной их пониманию. Появляется индустрия экономики интеллектуальных ресурсов.

Возникает проблема защиты авторских прав. Формируется особый вид профессиональной деятельности. Помимо трех секторов трудовой занятости населения, традиционных известных как аграрное производство, промышленная индустрия и индустрия сферы услуг, появляется новый сектор профессиональной деятельности, целью которой является создание и изложение информации. В условиях экономически развитых стран в данном секторе занято наибольшее число трудоспособного населения (табл.), в то время как в развивающихся странах по количеству занятого населения доминируют аграрный и промышленный секторы.

Таблица 1

Соотношение численности занятости населения Венгрии, Германии, Китая, России, США и Японии/1000 человек в возрасте 16 и старше, в четырех секциях трудовой деятельности с указанием места этих секций в обеспечении работы за период 1990–1994 гг.

Секции	Страны					
	Япония	Китай	Россия	Венгрия	Германия	США
Сельское хозяйство	4	1	4	2	4	4
Промышленность	2	2	1	1	2	3
Обслуживание	1	4	3	3	1	2
Информация	3	3	2	4	3	1

3.0. Распространение новых технологий информации и коммуникации на базе компьютерной техники — один из факторов трансформаций современного общества. В США сектор информации занимает лидирующую позицию. На втором месте стоит сектор обслуживания. В Германии и Японии доминирует сектор обслуживания. Сектор информации занимает второе место в России. В России и Венгрии по численности рабочих мест доминирует индустриальная промышленность. А в Китае доминирует сельское хозяйство как наиболее многочисленный сектор трудовой занятости населения.

В Венгрии сельское хозяйство находится на втором месте. Между тем в США, Германии, Японии и России сектор сельского хозяйства оказывается малочисленным. Учитывая специфические стандарты, используемые при сборе и обработке статистических данных в разных странах, трудно отрицать очевидность следующих выводов.

Прежде всего очевидно, что третий и четвертый секторы трудовой занятости доминируют по числу рабочих мест в таких развитых странах, как США, Германии, и Японии. Соответственно, учебные заведения этих стран строят свои программы с учетом потребностей основных секций или видов трудовой занятости. С тех пор как техника стала панацеей

для экономики государства, интерес к развитию и использованию новых технологий растет. Соответственно, растут и потребности в специалистах, работающих в области научных разработок, производства, рекламирования и продажи технологий. Динамику изменений объема трудовой занятости в четырех секторах использования рабочей силы в США в период между 1800 и 1980 годами показывает табл. 2. Так, число населения США, занятого в сельском хозяйстве, сократилось с 87,2 (1800) до 2,1 % (1980). Количество работников в секторе промышленности увеличилось от 1,4 (1800) до 22,5 % (1980). Пики приходятся на 1860 г. (37,0 %) и 1950 г. (38,3 %). Обслуживанием в 1800 г. было занято 11,3 % всего работающего населения. Эта цифра возрастает до 28,8 % в 1980 году. Пики замечены в 1880–1900 гг. (около 25 %) и в 1930–1950 гг. (более 20 %) (табл. 2).

Таблица 2

***Использование рабочей силы в США в четырех основных секциях трудовой занятости в 1800–1980 гг.
(% от общего числа).***

Основано на: Белл П. Данные по трудовым резервам Трудовое проектирование и статистики в США. 1979. р. 185.

Год	Сельское хозяйство (%)	Промышленность (%)	Услуги (%)	Информация (%)	Полная рабочая сила (в миллионах)
1800	87,2	1,4	11,3	0,2	1,5
1860	40,6	37,0	12,5	4,1	5,2
1900	35,3	26,8	25,1	12,8	29,2
1910	31,1	36,3	17,7	14,9	39,8
1930	20,4	35,3	19,8	24,5	51,1
1940	15,4	37,2	22,5	24,9	53,6
1950	11,9	38,3	19,0	30,8	57,8
1960	6,0	34,8	17,2	42,0	67,8
1970	3,1	28,6	21,9	46,4	80,1
1980	2,1	22,5	28,8	46,6	95,8

Следует отметить, что в настоящее время около половины всего работающего населения (46,6 %) в США занято в секторе информации. В 1800 г. в этой секции было занято только 0,2 % работающего населения. В настоящее время в любой секции трудовой занятости, включая сельское хозяйство, промышленность и обслуживание, широко используется инновационная технология, основанная на компьютерной технике связи.

3.1. В системе образования развитых стран особое внимание направлено на обучение и подготовку специалистов в области научного исследования и разработки инновационных технологий. Появился особый

вид профессий, известный в английском языке как R&D — сокращение для *Research and Development*, что переводится на русский язык как «исследование и развитие». Наиболее удачным русским эквивалентом английского понятия R&Ds является профессия *инженер* или специалист в области технологии. Инженеры требуются в различных секциях трудовой деятельности. Диапазон уровня их квалификации широк — от научных исследователей, теоретиков и разработчиков технологий до технических сотрудников и операторов, обсуживающих технологии, обеспечивающих их ремонт и пр. Они вовлечены в специальные программы исследования по новым технологиям, и они же ответственны за качество работы самих технологий.

Количество специалистов в области новых технологий в различных странах отражает объем использования данных технологий в этих странах. Отрасли промышленности по производству средств массовой информации и связи, например компьютеров, радиоприемников, телевизоров, видеоманитов, телефонов, факсов, средств тиражирования печатной продукции, являются основными для обеспечения таких специалистов рабочими местами. Чем больше производится таких товаров, тем, соответственно, большее число специалистов необходимо и тем выше спрос на таких специалистов на рынке труда. Различен и объем расходов на обучение и подготовку специалистов в области новых технологий в разных странах. Если сопоставить статистические данные о численности инженеров и об объеме финансирования их обучения в разных странах, то отмечаются следующие тенденции (табл. 3). Прежде всего наблюдается общая тенденция к росту объема финансирования подготовки специалистов по новым технологиям в странах Азии. Так, расходы на обучение специалистов в области технологий выросли в Азии от 19,3 % (1980) до 22,8 % (1990), а в Латинской Америке от 2,2 % (1980) до 3,1 % (1990). Есть некоторое снижение расходов на обучение инженеров в Европе от 22,8 % (1980) до 20,9 % (1990). В бывшем СССР снизились государственные расходы на обучение инженеров и техников от 15,5 % (1980) до 12,3 % (1990). В Арабских странах и в странах Африки распределение объема финансирования обучения специалистов в области технологий неравномерно. В Азии, главным образом в Японии, расходы на подготовку соответствующих специалистов возрастают от 13,5 % (1980) до 19,6 % (1990). После 1990 г. отмечаются некоторое увеличение числа специалистов в технике (плюс 0,2 %) в США и возрастание объема государственных расходов на их подготовку (плюс 0,7 %). Смена технологий и появление новых средств информации происходит так быстро, что есть постоянная необходимость в переподготовке специалистов.

Таблица 3

Число инженеров и техников, занятых в области исследований и распространения новых технологий, и объем расходов на их подготовку в 1980, 1985, 1990 гг. в разных странах

Источник: Ежегодные статистические выпуски ЮНЕСКО.

Континенты или группы стран (годы)	Количество инженеров и техников (общее число)	Количество инженеров и техников (на 1 млн населения)	Расходы на подготовку инженеров и техников (млн дол.)	Расходы на подготовку инженеров и техников % от ВВП
Всего в мире:				
1980	3 920 754	894	208 370	1,35
1985	4 422 867	920	271 950	2,2
1990	5 223 614	1 000	452 590	2,55
Страны Африки:				
1980	52 224	111	1 081	0,28
1985	56 781	106	921	0,25
1990	73 081	117	1 139	0,25
Америка:				
1980	774 922	1 268	70 431	1,35
1985	925 648	1 390	118 944	2,35
1990	1 090 653	1 509	196 561	2,97
Страны Азии:				
1980	788 034	310	31 726	1,40
1985	954 634	342	47 188	1,77
1990	1 229 512	401	91 218	2,05
Страны Европы:				
1980	893 482	1 859	70 712	1,81
1985	940 351	1 927	65 540	2,02
1990	1 091 003	2 206	104 956	2,21
Бывший СССР:				
1980	1 373 300	5 172	32 273	4,69
1985	1 491 300	5 385	37 143	5,03
1990	1 594 420	5 892	55 712	5,66

3.2. Технологизация как признак информационного общества проявляется на нескольких уровнях. Прежде всего можно говорить о технологизации самой индустрии производства технологий. Условно можно различать страны, в экономику которых входит собственное производство техники информации и связи на основе компьютерной техники для собственных нужд и для продажи другим странам. Соответственно объем

расходов на обучение и подготовку собственных специалистов в области новых технологий возрастает. Другая группа стран оказывается в роли покупателей техники зарубежного производства, если они не занимаются разработкой и производством собственных технологий. Населению фактически безразлично, в какой стране произведена та бытовая техника, которую они приобретают в магазинах. Но это не безразлично для экономики страны и ее технологического потенциала. Количество техники у населения и качество инновационных систем коммуникации и связи на основе использования компьютера не гарантируют качество содержания программ, работающих в системе данных технологий.

На основе сопоставления объема печатной продукции и количества аудиовизуальных СМИ среди населения разных стран можно говорить о разном уровне значимости письменных (печатных) текстов и аудиовизуальных средств информации в различных культурах. Так, традиции письма и чтения доминируют в Европе и прежнем СССР, что подтверждается наиболее высоким процентом читающей аудитории в этих странах. В странах Азии и Африки среди населения преобладает интерес к аудиовизуальным средствам информации. В данных странах сильны традиции фольклорной культуры и устного общения. В определенной степени это объясняется и относительно низким уровнем грамотности среди населения этих стран. США занимает промежуточную позицию с небольшими колебаниями соотношения интересов населения к печатным и аудиовизуальным СМИ среди разных социальных групп населения.

3.3. Обучение экспертов в области технологий в США, Европе и Азии. Развитие новых технологий считается панацеей для успешной экономики. Неудивительно, что подготовка экспертов для работы с новыми технологиями стала центральной в системе образования.

4.0. Выбор языка как средства образования приобретает особую актуальность в связи с обменом студентами в рамках Болонского процесса (Harnisch & Mashkina, 2009). Существуют проблемы обучения иностранных языков собственных студентов и проблемы обучения иностранных студентов языку той страны, на котором ведется обучение. Данные проблемы связаны не только с разработкой методики обучения студентов иностранным языкам, но и с проблемами финансирования и разработки программного обеспечения реализации профессионального, непрерывного и интернационального образования. Баланс соотношения интересов локальных (национальных, региональных) и глобальных (транснацио-

нальных и интернациональных) структур предполагает наличие гибкой стратегии национальной политики в сфере образования на организационном, содержательном и прагматическом уровнях. Необходимость информационного обеспечения о достижениях науки и техники и расширение международных связей с другими странами обусловили постановку проблемы о языке общения в профессиональных сферах (Mulgan 1991; Ulijn & Strother 1995; Харниш 2001). Возможны следующие пути решения этой проблемы:

- продвижение развития местных языков для применения их в новых технологиях. При этом необходимы разработка специальной терминологии, подготовка специалистов, публикации научных трудов и пр.;
- использование одного из международных языков в качестве рабочего средства общения. Такой язык нуждается в адаптации для специального и профессионального использования и стандартизации для преподавания в качестве иностранного языка;
- введение универсальной системы невербальных кодов.

4.1. Каждый из этих путей имеет свои достоинства и недостатки. Местные языки хороши для работы локальных сетей и структур и для применения в системе национального образования. Но они оказываются недостаточными для общения на интернациональном уровне. Английский язык признан рабочим языком на уровне международного общения в авиации, навигации. Он является донором технической терминологии электроники. Но его использование зависит от уровня владения им в качестве иностранного среди экспертов разных стран. Невербальные коды помогают преодолеть языковое разнообразие экспертов, например, в математике и химии. Использование невербальных кодов нередко сталкивается с проблемами национальной, промышленной и информационной безопасности.

4.2. Проблема восприятия информации и основные формы речевой деятельности находится на стыке педагогики, лингвистики и психологии. По мнению авторитетных психологов, наиболее эффективным является «активное обучение», которое позволяет учащимся и студентам быть задействованными в процессе обучения игры или активного обсуждения заданной темы. В начале прошлого века американский философ и педагог Джоном Дьюи утверждал, что традиционной системе образования, основанной на усвоении знаний, может быть противопоставлена система обучения «путем делания». Его идея, что знания приходят и уходят в практическую деятельность и тесно связаны с личным опытом, были развиты в 50-х и 60-х годах прошлого века. Результаты исследований

и психологических экспериментов легли в основу двух концепций американской педагогики, а именно: (1) «пирамида обучения» (learning pyramid) и (2) «конус опыта Эдгара Дейла» (Dale's cone of experience). Конус Эдгара Дейла наглядно показывает, что различные формы речевой деятельности учащихся (пассивное слушание, чтение, письмо, говорение, активное участие в обсуждении и игровой ситуации) могут быть использованы в качестве носителей (media) информации о предмете обучения (рис. 1).

Рис. 1. Пирамида обучения

Используемая в данной статье версия пирамиды была опубликована в 1970-х годах². Данная пирамида показывает, что классическая лекция (обычная речь, не сопровождаемая слайдами и другими иллюстрациями) является наименее эффективным методом обучения. Устное изложение материала учителем в классе и преподавателем на лекционном занятии обеспечивает самое минимальное освоение (5 %) содержания. «Активное обучение» позволяет вовлечь учащихся в различные формы активности, что позволяет добиться значительно лучших результатов (рис. 2). На основании ссылок на «пирамиду» разработаны основы корпоративного обучения Джан Майстер «Корпоративные университеты». Данная работа, посвященная построению корпоративных систем обучения и развития, определяет основные задачи развития человеческих ресурсов крупных компаний.

² Dale E. Audiovisual methods in teaching. 3rd edition. New York: The Dryden Press; Holt, Rinehart and Winston. 1969.

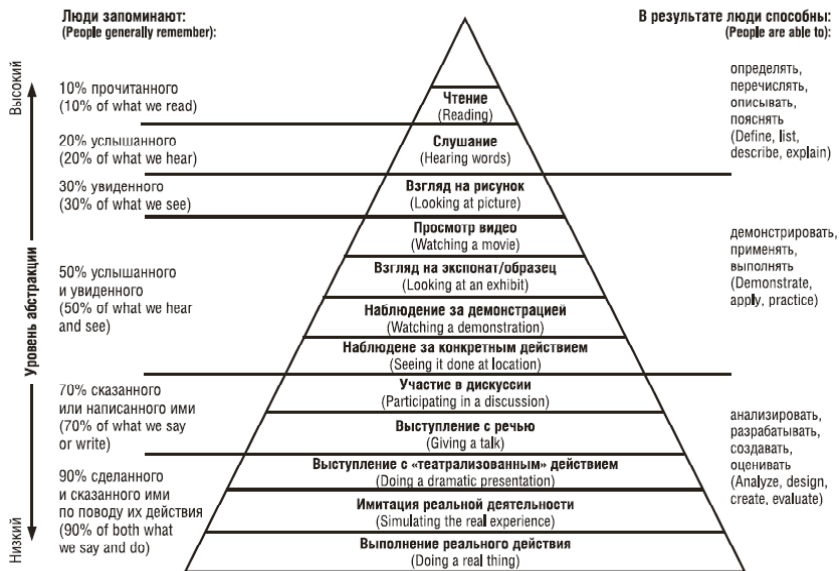

Рис. 2. Конус опыта (автор Э. Дэйл)

Интерпретация данной пирамиды неоднозначна. С одной стороны, психологи подтверждают тот факт, что визуальность является одним из основных и доминантных источников информации для человека. Около 80 % информации мы воспринимаем при помощи зрения. Однако следует уточнить, что визуальное восприятие остается просто фиксацией картинки ситуации, в то время как только в процессе интерпретации той или иной картинки человек способен дать ее определение, оценку и свое понимание увиденного. И здесь возможны (а) различные интерпретации одной и той же визуальной картинки, в зависимости от уровня знаний и образования индивида, его этнокультурной, социолингвистической и социодемографической базы знаний; (б) необъективные и нереалистичные описания восприятия одной и той же картинки у индивида с различным типом психологического характера, степени открытости и закрытости личности, влияния психических отклонений; (в) расхождения в интерпретации одного и того же предмета под влиянием ассоциативной реакции на сам предмет, или его название, или его семантическое поле в родном языке информанта.

Последнее явление наиболее достоверно известно тем лингвистам, которые описывают бесписьменный язык или диалект путем опроса носителей данного языка. Случаи, когда один и тот же предмет называется носителями данного языка по-разному, выявляют, что действительно один и тот же предмет может иметь несколько названий (синонимы), и то, что носители языка могут по-разному классифицировать данный предмет, так, например, *стол* может быть назван столом, мебелью. Он может быть классифицирован по признаку его принадлежности (стол соседа, папин стол), указанием его функций (для еды, для работы), качества его производства (деревянный, сделан из сосны, из металла), его цвета (белый, темный), его истории (купил у друга, сделан в Викторианскую эпоху) и т. д.

С другой стороны, те же психологии считают, что чтение текста без картинок и слушание устного сообщения без визуального сопровождения дает возможность развивать собственную фантазию, память и логическое мышление в условиях устных культур, легче воспринимается, так как нет отвлекающих внимание картинок. В принципе, можно предположить, что восприятие вербальной и невербальной информации специфически различается и может по-разному влиять на умственные процессы и мышление (см. рис. 1). В частности, по мнению Э. Дейла, вербальная информация в большей степени развивает способности к запоминанию, определению и описанию предмета обсуждения. При включенности в визуальный контекст у учащихся развиваются способности к практической деятельности, они способны применять свои знания на практике. Однако наиболее высокий уровень восприятия и понимания обнаруживается, по мнению Дейла, в условиях активного участия обучающихся в обсуждении, в лабораторных и экспериментальных работах, чтении докладов и лекций по изучаемой теме.

В педагогической практике известно, что самый лучший способ выучить предмет — это начать преподавать его. Создать условия для каждого учащегося или студента, приближающего его к условиям активного изучения предмета и продуцирования своих знаний творчески — одна из важных задач современной школы и вуза. Данный параграф приближает нас к вопросу о роли родных языков (диалектов) в обучении.

4.3. Роль родного и неродного языков в обучении, первичной и вторичной социализации и в карьере

Трудно переоценить роль родного языка как инструмента обучения на всех уровнях образования. Особенно значима его роль, если он входит в число языков делового и профессионального общения на международном уровне. К таким языкам, бесспорно, относятся шесть официальных

и 29 неофициальных языков ООН³. Что же делать тем, чьи родные языки не выполняют функции языка высшего образования и международного общения? В середине прошлого века проблема социальных функций языков и их неравенство нередко использовались с целью создания конфликтов на почве этнических отношений. Одним из примеров таких конфликтов можно назвать ситуацию в Квебеке, Канада, где англо-французское двуязычие стало проблемой франко-английского противостояния. История проблемы языковых и этнокультурных противостояний не нова. Она определенным образом связана и с языковой политикой в системе образования. С одной стороны, объявляется право человека получать образование на своем родном языке. А с другой стороны, не получив должного образования на уровне международных сертификатов, человек, получивший образование на своем диалекте, не всегда может вписаться в иерархию социальных отношений. В связи с этим стоит привести два примера парадоксов. Парадокс первый связан с прогнозированием распространения стандартного английского языка на Британских островах.

В середине 30-х годов в связи с развитием радиовещания британское правительство высказало надежду, что со временем — через вещание — по всей стране произойдет нивелирование диалектов на Британских островах. В 60-х годах оказалось, что радиовещание не только не помогло кодификации английского языка, но, напротив, само заговорило на его местных вариантах и региональных диалектах. Второй пример — из истории американского образования. В 80-х годах либеральные движения в защиту прав и свобод этнических меньшинств добились разрешения использовать родные диалекты и варианты для детей из афроамериканских семей в процессе преподавания в начальной школе. Но уже в 90-х годах прошлого века такая практика получает критику со стороны родителей афроамериканских детей, которые осознали, что, не выучив стандартный американский вариант английского языка (языка белых), их дети будут лишены возможности продолжить свое образование в средней и высшей школах США. Поэтому в 1996 г. в Калифорнии была принята резолюция, на основе которой афроамериканские диалекты рассматривались в качестве базового языка для обучения студентов афроамериканского происхождения стандартному американскому варианту английского языка. Этим признавалось наличие двух форм языковой практики в школах и вузах США. И проблема кодового переключения в США сместилась от ситуаций, в которых в качестве компонентов двуязычия выступали английский и иностранный язык, например, испанский, китайский, русский и др., как родные

³ Harnisch, Svetlana I. (2007) Language expansion: A Case of Official and Non-Official Languages of the United Nations. The paper for the third International Symposium on Language Policy, Mexico, 2007.

языки детей мигрантов. Кодовое переключение (КП) в рамках оппозиции «стандартный язык и его диалект или вариант» переносит проблему билингвизма в разряд диглоссии, что в принципе меняет сам подход к проблеме и методы его изучения. Для полного представления проблемы кодового переключения как лингвистического, прагматического и этнокультурного феномена необходимо рассмотреть данный вопрос более подробно.

5.0. Концепция переключения кодов, или кодовое переключение (*code switching*) появляется в понятийном аппарате социальных наук под влиянием семиотики⁴ и информационной теории⁵. Проблема переключения с одного языка на другой в двуязычном дискурсе находится на стыке лингвистики, семиотики и прагматики. Лингвисты, ориентированные на литературный письменный язык и его нормы, относят билингвизм и КП к маргинальным явлениям⁶. Л.П. Крысин предлагает использовать sub-code для изучения переключения литературной нормы и вариантов разговорного языка.

Кодовое переключение (КП) рассматривается в рамках исследований языковых контактов⁷, преподавания иностранных языков⁸, билингвизма⁹

⁴ В теории лингвистики язык как система знаков называется «код» под влиянием семиотических идей Фердинанда де Соссюра (Saussure, Ferdinand de. 1915/1968. *Cours de Linguistique générale*. Wiesbaden), которые получили широкое распространение в Европе и были разработаны в США Чарльзом С.Пирсом (Peirce, Charles Sanders. 1974. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Ed. by Charles Hartshorne & Paul Weiss. 1 – 455. The Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts.)

⁵ Fano, Robert M. 1950. "The Information Theory Point of View in Speech Communication." *Journal of Acoustical Society of America* 22:691–606; Jakobson, Roman. 1951. "Linguistics and Communication Theory." In *Selected Writings*, vol 2: 570–570. The Hague: Mouton.

⁶ Bloomfield L. 1935/1970. *Language*. London: George Allen & Unwin Ltd Soffietti J.P. 1955. *Bilingualism and Biculturalism*, «*Journal of education psychology*», 46, 222; Hockett C.F. 1958. *A course in modern linguistics*. New York.

⁷ Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев; Розенцвейг В.М. 1972. Языковые контакты. Ленинград: Наука, 1979. Winford D. 2002. *An Introduction to Contact Linguistics*. Blackwell; Zuckerman G. 2003. *Language Contact and Lexical Enrichment in Israeli Hebrew*. Palgrave: Macmillan

⁸ Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. Москва: Наука, 1969; Дешериев, Юнус Д. Ред. 1978. Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва: Наука; Richard G. & Tucker A. 1999. *Global perspective on bilingualism and bilingual Education*. Carnegie Mellon University Press. <http://www.cal.org/resources/Digest/digestglobal.html>; Трескова С.И. Принципы и методы социолингвистического измерения. В кн.: Принципы и методы социолингвистического исследования. Под ред. А.Н Баскакова, В.Ю Михальченко и С.И. Тресковой. С. 7–23. Москва: Наука, 1988.

⁹ Riehl, Claudia Maria. 2005. "Code-switching in Bilinguals: Impacts of Mental Processes and Language Awareness." In James Cohen, Kara T. McAlister, Kellie Rolstad & Jeff Mac-Swan Eds. *Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism*. Somerville, MA: Cascadilla Press.

и диглоссии¹⁰. КП привлекает внимание исследователей проблем межкультурной коммуникации и теории речевого коммуникативного поведения англо-американской социологии.

5.1. В социально-прагматическом¹¹ аспекте (СПА) КП рассматривается как переход с одного языка на другой в рамках отдельного высказывания билингва. Задача СПА — изучение КП как индикатора социальных и этнокультурных различий в разговоре билингвов. В работах Родольфа Якобсона (Jacobson 1997), Кэрол Мейрс-Скоттон (Myers-Scotton, 1997) и других рассматривается гипотеза о том, что КП сокращает социальные дистанции между собеседниками. Исследования кодового переключения в речевой практике билингвов ведутся при помощи методов включенного наблюдения (МВН) и в рамках методов углубленного интервьюирования (МУИ). Методические приемы сбора и анализа фактических случаев кодового переключения позволяют различать ситуативные и метафорические типы спонтанного и преднамеренного КП в речи билингвов¹², теории моделей маркирования¹³ и теории коммуникативной аккомодации¹⁴. Более широкое толкование КП получает в исследованиях этнометодологии речи¹⁵, социокультурной лингвистики и этнокультурной идентичности и языковой экспансии.

5.2. Цель социолингвистических и социокультурных исследований — изучение механизма КП в условиях адаптации индивида к новой языковой и культурной среде обитания. Разработаны теории культурного

¹⁰ Ferguson C. 1959. Diglossia, *Word*, 15, 325–340; Fishman, J. 1967. Bilingualism with and without Diglossia; Diglossia with and without Bilingualism, *Journal of Social Issues*, 23(2): 29–38.

¹¹ Auer, Peter. 1995. "The Pragmatics of Code-switching: A Sequential Approach." In Lesley Milroy & Peter Muysken. Eds. *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching*. 115–135. Cambridge: Cambridge University Press; Goffman E. 1981. *Forms of Talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. Myers-Scotton, Carol. 1993. *Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa*. Oxford: Clarendon; Myers-Scotton, Carol. 1997. *Duelling Languages*. Oxford: Oxford University Press.

¹² Goffman, E. 1979. *Footing*, *Semiotica* 25: 1-29; Goffman E. 1981. *Forms of Talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

¹³ Myers-Scotton, Carol. 1993. *Social Motivations for Codeswitching: Evidence from Africa*. Oxford: Clarendon.

¹⁴ Giles, Howard? Milroy, L. 1987. *Observing & Analyzing Natural Language: A Critical Account of Sociolinguistic Method*. Blackwell Publishers: Oxford.

¹⁵ Heller, Monica. 1999. *Linguistic Minorities and Modernity: A Sociolinguistic Ethnography*. London: Longman; Hymes, Dell. 1964. "Introduction: Toward Ethnography of Communication", *American Anthropologists* 66(6): part 2: 1-34; Jacobson, Roman. 1971. Results of a joint conference of anthropologists and linguists, in *Selected Writings*, Vol.II: 554–567. The Hague: Mouton.

шока¹⁶ теории языковой интерференции¹⁷, теории сопротивления матриксы родных языков и культур¹⁸.

Принято различать открытые (осознанные) и закрытые (неосознанные) модели КП (Harnisch 2006; Harnisch & David 2009). Выявление и описание данных моделей ведется при помощи интегрированных методов и методических приемов анализа, используемых в лингвистике, социологии и психологии. Как показывают результаты исследований практики КП в условиях транснациональных корпораций и международных организаций, владение иностранными языками и умение общаться в неоднородном по этническому составу трудовом коллективе стало частью информационной грамотности наряду с навыками компьютерной грамотности¹⁹.

6.0. Проблема языка как кода хранения и передачи научной информации выходит за рамки социолингвистического и социологического исследования. И мы вынуждены обратиться в область лингвистического и семантического анализа текстов (фольклора, философских утопий и научной фантастики) о будущем, существующие на разных языках с целью выявить некоторые общие и особенные представления о будущем в различных культурах. Обсуждается вопрос о моделях и гипотезах устрой-

¹⁶ Вережанин Е.М. 1969. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. Москва: Наука; Vygotsky, L. S. 1978. *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*, Trans. & Ed. by Cole, M., John-Steiner, J., Scribner, S., & Souberman, E. Harvard University Press: Cambridge, MA.

¹⁷ Cook, V. 1989. 'Reciprocal Language Teaching: Another Alternative', *Modern English Teacher* 16 (3-4): 48–53; Berthold, M., F. Mangubhai & Batorowicz, K. 1997. *Bilingualism & Multiculturalism: Study Book*. Distance Education Centre, University of Southern Queensland: Toowoomba, QLD; Halle M. 1962. Phonology in a generative grammar, *Word*, 18: 54–62; Postal P.M. 1968. *Aspects of phonological theory*. London; Saumjan K. 1968. *Problems of theoretical phonology*. The Hague; Skiba, R. Code Switching as a Countenance of Language Interference *The Internet TESL Journal* skiba [at] melbourne.starway.net.au; Swadesh M. 1935. Twadell on defining the phoneme, *Language* 11: 244–250;

¹⁸ Berk-Seligson, S. 1986. "Linguistic Constraints on Intra-sentential Code-switching: A Study of Spanish/Hebrew Bilingualism". *Language in Society* 15 (3):313–348; Myers-Scotton, Carol. 1997. *Duelling Languages*. Oxford University Press; Sankoff, David, and Shana Poplack. 1981. "A Formal Grammar for Code-Switching", *Papers in Linguistics* 14(1-4): 3-45.

¹⁹ Harnisch S.I. 2009. Working Languages of Transnational Corporations. In Mansurov M. Ed. *European society or European societies – A view from Russia*. RSS Printed Matters for the 9th ESA Conference in Lisbon. 56–61. Moscow: Maska; Harnisch S.I. 2009a. "Risks of misunderstanding in multilingual networks". The paper for the 9th Conference of ESA, Lisbon, September 2-5, 2009; Harnisch S.I. 2009b. "Crosstalk and misslinks in multilingual networks". The paper for the 9th Conference of ESA, Lisbon, September 2-5, 2009; Harnisch S.I., Maya K. David & Dumanig F. 2009c. *Crosstalk and communication breakdowns in professional interactions in English, Language in India: Vol. 9:6 June, 2009. ISSN 1930N 2840www.languageinindia.com*

ства рационального общества, принципы, предполагаемые для создания общества счастливой жизни в будущем на основе опыта жизни общества в прошлом. Понятие настоящего как иллюзии грани между прошлым и будущим. Поднимается вопрос о методах и моделях научного прогнозирования в естественных и социальных науках. Рассматриваются научные разработки социальных наук и естественных наук о способах создания оптимальных условий жизнедеятельности человека и управления обществом.

Принципы научной интерпретации моделей утопического общества счастья основаны на оппозиции научной методологии и художественной фантазии с учетом отражения такой оппозиции в ответах 200 респондентов из разных социальных и этнокультурных групп.

Уточняются параметры социолингвистического, социологического и прагматического измерения субъективного и объективного фактора в представлениях и оценках понятий и символах будущего в оппозициях типа: счастье — несчастье; опасно — безопасно; хорошо — плохо. Делается попытка сопоставить интерпретации понятия будущего с учетом (а) лексических, семантических и грамматических различий в языках разных типологий; (б) социально-демографических особенностей респондентов; (в) планов и перспектив в личной жизни, трудовой деятельности и профессиональных интересах.

6.1. Будущее — концепция сложная и может быть представлена как (1) **грамматическое понятие**; (2) **мечты и чаяния одного человека**; (3) **судьба общества, страны, планеты**; (4) **научная категория**; (5) **философское понятие**; (6) **коллективное представление о возможных реалиях, ожидающих человечество**. Будущее — при всей своей абстрактности понятие сугубо конкретное. Оно применимо как к индивиду, так и к обществу, к явлениям материального мира и конструкциям идеального мира.

Утопия (др.-греч. *τοπος* — «место», *ου-τοπος* — «не место», «место, которого нет») как особый жанр литературы связана с названием работы Томаса Мора *«Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»*, в котором «Утопия» — лишь название острова. Слово утопия в значении «модель идеального общества» встречается в книге путешествий английского священника Сэмюэла Перчеса *«Паломничество» (Pilgrimage, 1613)*. Там же впервые употребляется и прилагательное «утопический» (*utopian*). Жанр утопической литературы тесно связан с именем Томаса Мора. Однако было бы наивно утверждать, что до его работы данный жанр не существовал вообще. Элементы утопических конструкций мы находим в текстах устного художественного творчества (фольклор, ска-

зания и сказки), а также в текстах священных книг различных религий философии. Наиболее древним утопическим текстом в истории европейской цивилизации считается работа Платона под названием «Государство», написанная в форме диалога. В мифологии любого народа можно найти сюжеты утопии как модели счастья, о котором мечтали данные народы и на данном этапе их развития. Тексты научной фантастики также относятся к жанру утопической философии, которая модель идеального, с точки зрения автора, общества.

6.2. Художественный образ БУДУЩЕГО, созданного в таких текстах, условно сопоставляется с моделями БУДУЩЕГО, разработанного в проектах моделирования на базе использования математических методов. Данная задача нуждается в особом рассмотрении. Можно отметить, что существует несколько моделей будущего, а также имеются различные мнения о принципах, методах и результатах данного типа утопического моделирования. Изучение общественного мнения о возможных и невозможных моделях БУДУЩЕГО также имеет свою историю. В настоящем исследовании была использована методика открытых вопросов для составления корпуса ответов 200 респондентов из разных социальных, возрастных и этнокультурных групп. Задача исследования — выявить, как выдвинуто предположение, что оппозиция художественного и научного образа будущего должна специфически проявляться в рассуждениях современников с различным уровнем образования и уровнем материального обеспечения. Были сопоставлены также ответы респондентов, работающих в разных секторах трудовой занятости, а также ответы людей, которые не работали в момент опроса. Результаты опроса показали, что:

- (1) неработающие (69 %) в большей степени мечтают о личном (здоровье, личная жизнь, друзья), нежели работающие (28 %);
- (2) модели будущего страны и мира не совпадают с моделями о будущем в личной жизни почти всех респондентов (86 %);
- (3) утопии в текстах прошлого рассматриваются как ложные (41 %);
- (4) информация СМИ о возможных социальных и экономических изменениях в будущем страны и мира обсуждается серьезно, как реальность (34 %);
- (5) прогнозирование на короткие периоды, например прогноз погоды, изменение маршрута транспорта, воспринимается более серьезно (59 %) как реально связанное с настоящим;
- (6) прогнозы экономического и финансового развития относятся к отдаленному будущему, относительно связанному с жизнью респондентов (24 %)

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что позитивные модели будущего почти однозначно совпадают в художественной симво-

лике счастья (много еды, свобода любви и отсутствие конфликтов любого типа), в то время как модели негативного будущего имеют различия у представителей разных социально-культурных и этнокультурных групп.

Литература:

(А) Утопии:

Платон «Государство»

Томас Мор (1516) «Утопия» («Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия»).

Толмазо Кампанелла (1602) «Город Солнца, или Идеальная республика. Политический диалог».

Фрэнсис Бэкон (1627) «Новая Атлантида».

Николай Чернышевский (1863) «Четвертый сон Веры Павловны».

Сэмюэл Батлер: «Едгин» (1872), «Возвращение в Едгин» (1901)

В. В. Маяковский (1918) «Мистерия-буфф»

Иван Ефремов (1956) «Туманность Андромеды»

(Б) Используемая литература об утопиях:

Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе/Пред. Федерико Майора; Пер. с франц. Е. Гречаной, И. Стаф; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наследие Editions UNESCO, 1999. 206.

Т. В. Артемьева От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.

Баталов, Эдуард Яковлевич. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.

Б. Ф. Егоров Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 416

Маннхейм К. Идеология и утопия// Маннхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 7–276.

Маркузе Г. Конец утопии// «Логос». 2004, № 6. С. 18–23.

Д. Е. Мартынов К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия»//Вопросы философии. 2009. №5. С. 162–171

А. Л. Мортон Английская утопия. Пер. О. В. Волкова. М., 1956.

Мильдон В. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: Очерк рус. лит. утопии и утопического сознания. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с. (Российские Пропилеи).

Б. Ф. Егоров Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 416. Китайские социальные утопии. М., 1987. 312 с. ил.

В. В. Святловский Каталог утопий. М. Пг., 1923. С. 5.

Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы/Сост. В. Чаликова. М.: Прогресс. 1991. 405 с.

О. М. Фрейденберг Утопия//Вопросы философии, 1990, № 5. С. 141–167

Ю. Г. Чернышов Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме: В 2 ч. Изд. 2-е, испр. и доп. — Новосибирск, изд-во Новосибирского университета, 1994. 176 с.

Ю. Г. Чернышов Была ли у римлян утопия?//Вестник древней истории. 1992. № 1. С. 53–72.

В. В. Хоменко, И. С. Газизов,
Академия наук Республики Татарстан

Развитие и профобразование (в контексте России и Татарстана)

Мировой экономический кризис обозначил необходимость высоко-технологичного направления развития экономики. И это касается не только стран с сырьевой экономикой, пострадавших от резких колебаний цен на углеводородное сырье, но и стран-лидеров экономического развития. Кризис обострил конкуренцию в развитии стран и поставил вопрос о главном потенциале обеспечения конкурентоспособности — о повышении эффективности системы образования и науки. О необходимости принятия неотложных мер в этом отношении на протяжении всего времени кризиса заявляет и Президент США Б. Обама. В своих выступлениях он сравнивает нынешнюю ситуацию с началом 60-х годов, когда США предприняли беспрецедентные шаги по сокращению отставания от СССР в космических исследованиях, обеспечив громадные финансовые вложения и меры организационного воздействия. Определяя государственный бюджет на прошлый год, Б. Обама выделил из 787-миллиардного пакета экономического стимулирования 4,35 млрд долларов для реформы образовательной системы. В текущем финансовом году эта сумма увеличится на четверть и в общей сложности составит 5,7 млрд долларов.

Ситуация с отставанием в технологическом развитии для России более сложна, чем для США. Продукция, производимая на территории РФ, и технологии — в значительной части завозные. Татарстан в этом отношении не является исключением. Несмотря на сосредоточение здесь научных и инновационных центров, объем импорта новых технологий кратно превышает их экспорт. Конечно, разрушение в предыдущие годы научно-исследовательских и проектных центров, наличие системы связанного кредита и отсутствие рынка интеллектуальной собственности играют свою отрицательную роль в этой ситуации. Но нельзя не считаться с фактом огромных изъятий в системе подготовки кадров для инновационной экономики — тех, кто создает инновационный продукт, и тех, кто управляет этим процессом.

Факт неудовлетворительной подготовки специалистов в системе профобразования, особенно в высшей ее ступени, подтверждается тем, что бизнес-структуры во все возрастающем количестве отказываются брать специалистов, снижая объемы целевой контрактной подготовки и фор-

мируя альтернативную систему корпоративного образования и корпоративных университетов. С этих же позиций можно рассматривать ограниченное желание иностранных учащихся получать образование в России (процент этой категории студентов очень низок по сравнению с развитыми странами).

Подготовка в сфере профобразования недостаточна по объему и нерациональна по своей структуре. Трудно согласиться и с утверждением о чрезмерном количестве подготавливаемых специалистов с высшим образованием. Несмотря на то что в расчете на 10 тыс. чел. населения в РФ готовится специалистов больше, чем даже в развитых странах мира (514 в 2006 г. при 450 в США; 234 — в Германии; 280 — в Англии), по удельному же весу специалистов с высшим и послевузовским образованием в объеме взрослого населения Россия не достигает общепринятого норматива — 30 % (Россия 24,5 %, США — 29,6 %). Имеются и другие мнения специалистов, согласно которым более 60 % трудоспособного населения в развитой инновационной экономике должны иметь высшее образование¹.

Аналогично объему подготовки кадров проблемной является и ее структура. Наиболее известна диспропорция в сторону резкого увеличения выпуска экономистов и юристов, хотя это — лишь одна из существенных диспропорций.

В основе названных негативных сторон системы образования лежит ряд причин.

Во-первых, это слабая мотивация преподавателей и их неудовлетворительная начальная подготовка. Хотя нужно признать, что эти причины взаимосвязаны. Недостаточная мотивация изначально определяет низкую квалификацию привлекаемых в учебные учреждения специалистов. Мотивация занижена как в части оплаты труда отдельных преподавателей, так и в финансировании учреждений образования в целом. Так, например, в Республике Татарстан длительное время показатель соотношения заработной платы работников образования и заработной платы по экономике в целом составляет лишь около 60 %.

Во-вторых, необходимо выделить отсутствие четкого государственного и корпоративного заказа на специалистов системы профобразования. Это дезориентирует систему профессионального образования. Хотя сам факт отсутствия возможности учитывать потребности рынка или неспособность их удовлетворять уже может служить основанием для реорганизации образовательных структур.

¹ Стратегические ориентиры экономического развития России: Науч. Доклад. СПб.: Алетей, 2010, С. 115.

В-третьих, низкий уровень подготовки школьников в общеобразовательных учреждениях ограничивает возможности успешной подготовки специалистов в системе профобразования. В Татарстане в этом отношении ситуация еще хуже, чем в среднем по России, о чем свидетельствуют результаты сдачи ЕГЭ.

В-четвертых, а, наверное, это и будет самым главным, управление образованием сегодня не является целостной системой, которая способна генерировать и реализовывать комплексные стратегические задачи. Особенно это касается регионального уровня. Татарстан здесь также не является исключением. Так, основная часть государственных вузов — федерального подчинения; учреждения системы среднего профобразования — частично в составе федеральной, отраслевой и региональной системы управления, учреждения начального профобразования — под управлением Министерства труда и социальной защиты РТ, общеобразовательные школы и детские сады — в составе муниципальной системы управления. Соответственно разветвляется и усложняется система управленческих центров ответственности, финансовых потоков и т. д. Можно говорить о том, что это — недостатки общей квалификации профессионального менеджмента верхнего уровня. Но беда как раз в том, что подготовка такого менеджмента для системы образования практически отсутствует. Специалистов управленцев и экономистов для огромной сферы образования практически не готовят, несмотря на обилие управленческих специальностей и специализаций, предлагаемых вузами и другими учреждениями профессионального образования.

Кризисная ситуация, характерная сужением объемов рынка, возникшими финансовыми дефицитами и перспективой ужесточения конкуренции, заставляет нас более внимательно отнестись к перечисленным выше проблемам. Кризис, с одной стороны, определяет необходимость развития системы образования в целях повышения уровня инновационности экономики России, но, с другой стороны, конкретное содержание антикризисных программ и специфика нынешней экономической ситуации заставляют думать о реальности достижения этого. Здесь можно видеть разные сценарии развития событий. Так, в части высшего образования падение доходов семей неизбежно, вероятно, отразится на спросе на дорогие платные услуги в высшем образовании. Есть оценки, которые свидетельствуют о том, что в лучших вузах этот спрос сократится на 30 % для тех, кто поступит в этом году, и на 15 % — для тех, кто уже является студентом². Возможно, существенная часть студентов перейдет с платных мест в лучших

² Иванова-Гладильщикова Н. Нужна ли в кризис реформа образования? <http://russ.ru>

вузах, на более дешевые — в менее качественных. Соответственно, они не получают предполагавшийся изначально набор компетенций.

Кроме того, в связи с сокращением бюджетных расходов на образование под ударом оказываются не стипендии, зарплаты и коммунальные услуги (так как они — самые защищенные), а программы развития. А это чревато большими негативными последствиями. Важно видеть и то, что в связи с объективным сокращением внебюджетных доходов в худшей ситуации оказываются те учебные заведения, которые активнее других ранее работали на рынке.

Нужно внимательно отнестись и к попытке удержать в рамках антикризисных программ выпускников вузов в сфере стажировок, дополнительного образования и т. д. с целью ограничения выхода их на рынок труда, испытывающий сложности кризисных явлений. Приходится задаваться вопросом о качестве этого процесса и действительной потребности приобретаемых квалификаций. Кроме того, соответствующие процессы могут сдерживать сокращение количества некачественно работающих вузов, начатое ранее Рособрудзором.

С точки зрения потенциала для развития науки и подготовки кадров высшей квалификации в Татарстане есть все предпосылки. Здесь осуществляет свою деятельность 1500 докторов наук и 6000 кандидатов наук. Казань известна своими научными школами не только за пределами нашего региона, но и России. Признанием этого стало и создание в столице Татарстана сразу двух научных учреждений российского масштаба — Поволжского федерального университета и Национального исследовательского университета. Такое бывает крайне редко, и это не только признание заслуг ученых республики, но и основа для высокотехнологичного развития.

В республике сложилась уникальная система поддержки одаренной молодежи и молодых ученых, составляющая основу подготовки профессиональной элиты. Для республики это направление не новое, а традиционное, классическое. Татарстан в этом плане рельефно выделяется в РФ.

Так, совместными усилиями Министерства по делам молодежи, спорту и туризму, Академии наук РТ, Министерства образования в республике разработан и успешно развивается уникальный педагогический комплекс социально-психологической адаптации одаренных детей «Сэлэт», являющийся эффективным механизмом работы с интеллектуально одаренными детьми и научной молодежью.

Социально-педагогический комплекс «Сэлэт» сегодня выступает и как учреждение дополнительного образования, и как система выявления, отбора, поддержки, развития и сопровождения одаренных школьников

и студентов, и как технология формирования социальных и интеллектуальных лидеров и накопления интеллектуального потенциала РТ и РФ.

Сегодня «Сэлэт» — это наукоемкий социальный продукт, прошедший широкую апробацию в течение 15 лет, на практике доказывающий свою жизнеспособность и состоятельность и готовый к широкому внедрению не только по всей Республике Татарстан, но и на совокупной территории Российской Федерации. Поддержка и развитие таких региональных сообществ, как «Сэлэт», вполне может стать если не национальной идеей, то хотя бы образцом по «взрачиванию» интеллектуальной элиты, свободно владеющей несколькими языками, впитавшей этнокультурные традиции своего региона и патриотически настроенной по отношению к России.

Вторым по степени важности направлением формирования научно-образовательной среды, активно вовлекающей в себя молодежь, является создание в республике сети «малых академий» и академических лицеев, где образовательный процесс возглавляют и координируют видные ученые республиканских вузов и академических центров. Важно подчеркнуть заинтересованность в реализации этого направления органов муниципальной власти, которые оказывают значимую материальную и моральную поддержку. Формируемые зачастую в сельской местности, эти учреждения становятся интеграционными научно-образовательными и культурными центрами, способными изменять интеллектуальный и инновационный имидж района (что и было сделано, например, на базе «малой академии» в г. Заинске).

В качестве следующего важнейшего направления следует выделить грантовую форму поддержки молодых ученых, которая является одной из наиболее прогрессивных, поскольку она эффективно стимулирует развитие научной деятельности, нацеливает на получение новых и практически значимых результатов, позволяет выявить наиболее перспективных и талантливых людей в условиях реальной жесткой конкуренции.

Руководствуясь такой позицией Министерством образования и науки в течение пяти лет проводится конкурс инновационных исследовательских проектов учащихся и студентов младших курсов «Перспектива», «50 лучших инновационных идей РТ», «Старт-1», «Старт-2», «Идея-1000», «У.М. Н. И. К.», «Ведущие научные школы», ПВНШ («Поддержка ведущих научных школ»). Среди молодых ученых есть получившие гранты Всемирного банка, Президента РФ или участвовавшие в целевых программах РГНФ, РФФИ. Ежегодно для них проводится конкурс на соискание Государственных грантов и премий Республики Татарстан, учрежденных Указом Президента Республики Татарстан в целях дальнейшего развития науки и техники в республике. Реализуется также уникальная гран-

товая программа Правительства РТ «Алгарыш» (объем финансирования до 100 млн рублей ежегодно, средний размер гранта — до 200 000 рублей, период грантовой поддержки — от 1 месяца до 3 лет), нацеленная на обучение студентов и стажировку преподавателей и молодых ученых в лучших отечественных и зарубежных научно-образовательных центрах.

Однако нужно понимать, что решить широкомасштабные проблемы развития образования, прежде всего профессионального, только за счет средств бюджета нельзя. Нужны средства частного бизнеса. Государственные всеобъемлющие образовательные гарантии касаются общего образования. На этапе профобразования начинается непосредственное взаимодействие интересов работодателя и будущего специалиста, где государство играет роль третьего заинтересованного лица. Позиция платности образования на этом этапе, в том или ином объеме, должна обязательно присутствовать, а бизнес же обязан формировать корпоративный заказ на обучение и финансировать его. Конечно, в разных странах баланс частных и корпоративных интересов и финансовых средств может быть в этом случае разным. Здесь и выявляется необходимость формирования национальной адаптированной модели. Но нужно видеть, что даже в коммунистическом Китае введена платная система профобразования, внедряется в практику образовательный кредит и другие формы корпоративного финансового участия. России свою модель еще предстоит построить. Вероятно, нужно сделать акцент и на том, что емкая государственная поддержка в системе профобразования должна касаться не всех, а лучших. Частные же компании, прежде всего крупные, должны платить за подготовку специалистов. Многие так и делают. Достаточно привести в качестве примера форму эффективного сотрудничества между нефтяными компаниями и соответствующими центрами подготовки нефтяников. В Татарстане эта модель находит отражение в системе отношений ОАО «Татнефть», с одной стороны, и Альметьевского нефтяного института и ряда учреждений более низкой ступени системы профобразования — с другой. Но это, скорее всего, не правило, а исключение. Чаще бизнес выступает только в роли оппонирующей стороны, активно критикующей качество образования. Он пока еще не взял на себя ответственность за образование. Государственно-частное партнерство не развито. А ведь переход на болонскую систему именно это и предлагает: бакалавра «доводят» в системе бизнеса, в системе дальнейшего корпоративного обучения.

Бизнес должен войти не только в систему финансирования, но и в сам учебный процесс. Это он должен сделать вместе с наукой. Интеграция образования, бизнеса и науки является основой успешного профессионального образования. Закон № 217 — ФЗ, с какими бы недоработками

он не был принят, предполагает развитие системы коммерциализации результатов научной деятельности в стенах научных организаций и вузов. Этим самым достигается, с одной стороны, приобщение вузовской науки к реальному научному и бизнес-процессу. С другой стороны, создается один из важнейших элементов рынка интеллектуальной собственности. Этот рынок способен обеспечить трансферт технологий как в российском, так и международном масштабах. Способность сырьевого крупного российского бизнеса воспринять высокотехнологический уклад — отдельная задача, сводящаяся к решению политического вопроса о природной ренте. Однако рынок интеллектуальной собственности создает основу для глобального расширения поля коммерциализации отечественных разработок, востребованности молодых талантливых российских специалистов. И это — главное.

Российский бизнес по своей природе — крупный. Значит, он, при наличии необходимых стимулов, может обеспечить кардинальное решение вопроса подготовки кадров — формирование сквозных образовательных кластеров. Подготовка профессиональных кадров на основе создания масштабной системы профориентации и профотбора, должна начинаться со школы. В этом может быть один из отличительных инновационных признаков российского профессионального образования.

В части вузовского образования имеет место стандартно формулируемая позиция — у нас десятки вузов. Республике не понадобится такое количество выпускников. Но на ситуацию можно посмотреть и иначе: вузы не должны замыкаться на региональных потребностях. Татарстан, как и другие крупные регионы, не должен быть площадкой подготовки специалистов только для себя. Планку следует поднимать выше, ведь еще лет 30 назад мы готовили специалистов для всего СССР. То же самое касается и состава студентов, у нас учились ребята со всех концов страны. Важно, чтобы и теперь в наших вузах учились не только ребята из республики, но и из ПФО, десятков других российских регионов и, кроме того, — иностранцы. На Западе судят о престиже вуза по количеству иностранных студентов, которые там обучаются. Татарстанские, да и российские вузы в целом очень скромно выглядят в этом плане.

У нас сложилось неверное мнение о слабом потенциале восточных стран. Однако они уже показали себя в реализованных «рывках» социально-экономического развития в таких странах, как Китай, Сингапур, Тайвань, Корея и т. д. На подходе — Индия, Иран и т. д. В отношении Ирана нужно сказать особо. Достаточно сказать, что Иран занимает 16-е место в мире по подготовке специалистов-нанотехнологов. Аналогично нужно оценивать и ядерные исследования в этой стране. Темпы роста

грамотности в данном государстве в два раза опережают темпы роста населения. Но самое главное — научно-образовательная кооперация, формирование развитого слоя национальной научной и образовательной интеллигенции. Это — надежная основа для формирования толерантности, корректировки крайних политических курсов, взаимного цивилизованного понимания и сближения государственных интересов. С этих позиций развитие программ научно-образовательного сотрудничества обеих наших стран — неотложная задача времени. Соответственно, необходимо определение базовых направлений взаимодействия, где возможна максимальная адаптация молодых специалистов и абитуриентов. Вероятно, российские регионы, имеющие традиции исламской культуры и развитую научно-образовательную сферу, могли бы стать такими площадками. В этой связи место Республики Татарстан в соответствующей форме международного сотрудничества может восприниматься совершенно естественно. Это, безусловно, важно отразить в программе формирования развития вновь создаваемого Приволжского федерального университета и Российского исламского университета.

Важно также понимание и центральной бизнес-позиции зарубежных образовательных контактов. Осуществляя подготовку для других стран, мы входим в режим «образовательной экспансии», которая создает широкую среду надежных зарубежных партнеров из числа выпускников российских вузов. Они будут обладать бизнес-интеллектом, бизнес-технологиями и общей ментальностью — близкими к российским. Именно так развивался мощнейший торговый и промышленный контакт Великобритании и Франции на территории их бывших стран-колоний после крушения колониальных режимов. Причем льготы для данной категории студентов — неизбежны. Но это все оправдывается.

С позиций территориальных и отраслевых интересов Татарстана и России должна реализоваться республиканская программа грантовой поддержки обучения и стажировок за рубежом — «Алгарыш». Здесь необходимо сформировать режим соответствующих квот, отражающих как татарстанские, так и общероссийские приоритеты развития образования, науки и инновационной деятельности.

Понятно, что для реализации соответствующих масштабных задач нужны сильные преподавательские кадры и современная материально-техническая база. Нужно понять, что хорошее образование стоит дорого. Однако нельзя утверждать, что инвестиционная емкость этой сферы беспредельна. Специальные анализы показывают, что за планкой «финансового насыщения» дальнейшие инвестиции в образование сами по себе качественной отдачи не дают. Но мы не достигли этих нормативов. Сфера

образования является недофинансированной как в относительном, так и в абсолютном размерах. Приемлемая минимальная величина российских государственных расходов на образование с учетом мировых тенденций должна составлять 6–7 % ВВП. В этом случае недофинансирование составляет примерно 40 %. Важно учесть и потребную долю затрат бизнеса на организацию образования — около 2 %, от которой мы также еще далеки.

Очевидно, что насыщение образования финансовыми средствами должно сопровождаться параллельным увеличением требований к преподавательскому корпусу. Существуют два подхода к решению этой задачи: контроль со стороны вышестоящих органов (аттестации, тесты, отчеты и т. д.) либо конкуренция и «голосование ногами» со стороны учащихся. Видно, все нужно в гармонии, но на последнее нужно сделать особый акцент: «кредиты» (Болонская система) и внедрение в РФ «подушевого финансирования» реализуют именно этот подход.

В процессе развития системы профобразования нужно выстроить методологически правильные позиции оценок качества выпускников. В какой иерархии должны быть выстроены критерии знаний, профессиональных компетенций, способностей к самообразованию, моральных и лидерских качеств и т. д.? Кто должен быть субъектом этой оценки — государство, академическое сообщество, бизнес и т. д.? На это предстоит дать четкий ответ, адаптированный к российским реалиям.

Важно сдержать отток уже сформированного интеллектуального потенциала за рубеж, эффективно планировать и стимулировать профессиональную и научную карьеру молодых талантливых специалистов, признавая это как объективный элитарный подход. Решению соответствующей задачи способствует формирование полноценного рынка интеллектуальной собственности, в том числе на региональном уровне.

Таким образом, нужно выстраивать иную систему приоритетов, стимулов и морали. Наскоком здесь ничего не решишь. Образование — система инерционная. Нужна напряженная и терпеливая работа со знанием дела...

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

А. Х. Бурганов,
Российский государственный
гуманитарный университет

Социум «внутреннего совершенства»?

Выдающийся физик, академик АН СССР А. Ф. Иоффе как-то посетовал на то, что А. Эйнштейн зря потратил последние несколько десятилетий своей жизни на поиск не существующей в природе Единой теории поля. Но постэйнштейновская наука физики всего мира вот уже более полувека бьется как рыба об лед над решением задачи, им оставленной (правда, некий американский ученый Энтони Гаррет Лизи утверждает, что он уже создал ее¹). Предполагается, что она в природе есть, допустим, что она будет создана или уже создана. Этим доказывается, что все функциональные взаимодействия элементарных частиц физической природы — в единстве (взаимосвязанны), что, наверное, в основе отмеченного А. Эйнштейном *«внутреннего совершенства» природы*.

Эйнштейновская постановка проблемы о Единой теории полагает возможным объединение четырех функциональных взаимодействий элементарных частиц: 1) удерживающее кварки в составе атомного ядра, 2) электромагнитное-между электрическими зарядами и магнитом, 3) обуславливающее некоторые типы реакций радиоактивного распада, 4) гравитационную силу притяжения. Целью создания этой теории является познание основ жизни на Земле и в нашей Вселенной². Как пишет А. Сергеев, уравнения, которые описывают основные взаимодействия физических явлений, «содержат так называемые **фундаментальные постоянные**. Среди них скорость света, задающая темп самых быстрых процессов, постоянная

¹ Крючков В. Хочу все познать. Альберт Эйнштейн почти тридцать лет своей жизни посвятил созданию теории всего//Итоги, 17 декабря 2007 г. № 51 (601). С. 108.

² Крючков В. Указ. соч. С. 108–110.

Планка, определяющая масштаб квантовых явлений, гравитационная постоянная, характеризующая силу всемирного тяготения, а также массы, заряды и другие параметры ряда элементарных частиц»³. Проведенный в 1982 г. во Франции эксперимент Аспека продемонстрировал, что две квантовые частицы, некогда соединенные, будучи разделенными и разнесенными друг от друга на огромное расстояние, тем не менее оставались связанными между собой: происходившее изменение в одной тотчас же отражалось в другой (со скоростью, превышающей скорость света). На этом основании автор книги «К видению нового мира» Расселле Дикарло (Пенсильвания, США), ссылаясь на свои беседы с другими авторитетами научного мира, пишет, что «мы еще не достигли вершины человеческого развития» и «мы, скорее, соединены со всем, что есть в жизни, чем отделены от всего этого»⁴.

Эксперимент Аспека, мысль американского ученого и другие известные факты наводят на нижеследующие размышления, так или иначе выходящие на проблему человечества как целостного, внутренне единого. **Во-первых**, они приближают мышление человечества к разрешению затянувшегося на тысячелетия спора между материалистами и идеалистами о механизме происхождения пророков (пророчества) в пользу первых. Биологическая взаимосвязь людей, видимо, осуществляется некими воспринимающими, идущими от каждого живого существа «волнами» — «рецепторами», имеющимися физически в теле, дополняемыми у человека душой (сознанием, чувствами). Степень развитости этих рецепторов, как и всего прочего, у всех людей разная: в обычной жизни есть люди чувствительные, сострадающие другим, бывают прямо противоположные, равнодушные к страданиям других людей, есть люди, видящие вещие сны и т. д. У некоторых людей, видимо, развиты до такой высокой степени, что их носители (это замечательно!), как правило, состоятельные, успешные люди — воспринимают в себя всю боль, все чаяния-надежды своего народа, человечества (как отдельные матери — боль погибающего на фронте сына). В ранние периоды развития человечества, когда социальная наука была весьма слабой, названного типа люди становились пророками, которые понимали, что люди, как существа, наделенные интеллектом, не повязанным нравственностью, будучи обреченными существовать в условиях отсутствия абсолютной полноты благ, погибнут в междоусобной истребительной войне «за кусок хлеба». Жизнь им подсказывала императивную необходимость установления определенных

³ Сергеев А. Вселенная для человека//Вокруг света. 2009. № 1 (2820). С.38. (Курсив мой — А.Б.).

⁴ Толле Э. Сила Моментa Сейчас. Перевод с англ. Николая Лаврентьева. Новая редакция. М. 2003, 2007. Предисловие Расселле Е. Дикарло. С. 14.

норм общежития: «не укради» (священное право частной собственности), многих других правил, которые пророки и разъясняли массам, подкрепляя свой авторитет ссылками на Бога. Что было именно так, свидетельствует Коран, в котором сказано: «Действительно, к вам уже пришел посланник из среды вас самих: ему тягостны ваши преступления, он заботлив о вас, к верующим он сострадателен, милосерд» («Несомненно. Посланец явился к вам из вашего же числа, горько ему, когда страдаете вы, заботится он о вас, сострадателен (он) и милосерден он к верующим»)⁵. В последующем развитии Истории функцию пророков взяли на себя гуманитарная наука, ее выдающиеся представители, философы, мыслители с высокоразвитыми, помянутыми выше, рецепторами и гениальным интеллектом (в их числе: коммунисты-утописты и «научные» коммунисты). Всемирный опыт показывает, что человек способен познать прошлое вплоть до момента зарождения Вселенной. То есть то, что состоялось в природе, — познаваемо, а то, что будет (в глобальном масштабе), — нет, непознаваемо. Объективно.

ЖИЗНЬ — победоносна, она «гнет» свою линию и потому «лучшее будущее» достигается лишь содействием тому, что в ней самой есть устойчивее лучшее, обеспечивающее благополучие и благоденствие (вне зависимости от того, где и когда они состоялись — по принципу «майората лучшего»), не мудрствуя лукаво выдумыванием несусветного, например, мотивируя это исключительностью своего пути.

Во-вторых, не будет ли ошибкой продолжить мысль цитированного ученого предположением о направленности дальнейшего развития человека к закреплению биологически-физической соединенности его с себе подобными организационно-социально-экономическим соединением в планетарном масштабе? То есть человек, продолжая познавать самого себя, на вершине своего развития как бы подтверждает свое объективное, то есть уже наличное в планетарном масштабе, субъективно осознанным делом в том же масштабе в социально-экономическом плане. Созидая социум «внутреннего совершенства» во всех, без исключения, государствах (народах), что послужит всемирному единению человечества (всемирной кооперации).

В-третьих, абсолютно неизбежным следствием всемирного кооперирования будет не только торжество экуменического движения в христи-

⁵ Коран. Перевод с арабского языка Г.С. Саблукова, 9:129. Казань, 1907. С. 377; Священный Коран, Двужызычное издание, автор перевода с арабского языка на английский, вступительной статьи и комментариев Маулан Мухаммадали, (перевод на русский язык Александра Садецкого). 9:128. Ахмадия анжуман ишаат ислам Лахор ИНК. США. 1997. С. 428. Комментарий: «...горевал Пророк...о бремени, которое несут все люди, и заботился о благе всех...имеется в виду весь человеческий род». С. 428–429.

анстве, но и единение всех религий. Материальное единство человечества закрепится его духовным единством. Лучше бы было, если бы второе предшествовало первому, что возможно лишь при условии преодоления религиозного мракобесия, что, в свою очередь, реально, если интеллект разовьется до слияния с нравственностью, при котором он не сможет «работать» на зло.

* * *

Процесс мирового развития мыслится мне следующим образом. Человеческое общество-инобытие природы. Естественно, в социуме есть свои *фундаментальные постоянные*, во **взаимодействии** влияющие на формы и способы его жизнедеятельности. К таковым я отношу: 1) труд, 2) собственность, 3) власть. Их **взаимодействие** определяется отношениями собственности, рожденными в мире, построенном «на лишении и в котором нет абсолютной полноты благ» (Н. Алексеев). Эти отношения являются собой *единственную силу социального притяжения*, предназначенную соединять людей в общество, нацию, государство. В зависимости от того, есть у человека собственность или ее нет, то есть по его *социальному* статусу, они ориентируют его на соответствующие *взаимодействия*: 1) с самим собой (в смысле распоряжения своими возможностями-способностями ради пребывания в жизни как таковой), 2) с другими людьми, 3) с обществом, 4) с властями. А также определяют: 1) характер труда: рабского (физически-прямого и косвенно-наемного) или творчески-свободного, 2) сущность власти: социально-справедливой или угнетательской, 3) ступеньку социальной лестницы, на которой стоит данный конкретный человек (класс), тем «указывая» на его место и роль в жизнедеятельности общества как «*СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ*» или «потребителя».

Источником саморазвития человечества в классовых формациях, его прогресса в экономике и базирующихся на ней надстроечных категорий, являются не противоречия между собственниками и неимущими, как это утверждает марксизм, ибо они (противоречия) мешают, тормозят развитие: в борьбе (классовой тоже) не только ничего не производится, но и уничтожается наличное, производство возможно лишь в сотрудничестве. Участие неимущего в материальном производстве, следовательно, в развитии богатства общества, во-первых, осуществляется за счет его здоровья, в большинстве случаев сокращением срока его жизни, во-вторых, имеет целью удовлетворение насущных потребностей, но отнюдь не увеличение ни того богатства, не принадлежащего ему, на котором он трудится, ни иного богатства, от которого он отчужден. Доходы неимущего, как правило, не превышают его расходов на прожитие. Поэтому его функции в качестве *субъекта* развития ограничены. В увеличении богатства

как источнике жизни и процветания его самого, клана, наследников и т. п. заинтересован собственник, имеющий возможность выделять из своих доходов их часть на развитие производства и потому являющийся полноценным *субъектом развития*. Поэтому-то источником прогресса в классовых формациях (и даже если они достигнут такого уровня развития, при котором общество будет состоять из одних лишь собственников) являются противоречия между самими собственниками, конкуренция между ними на рынке (под воздействием его «адамсмитовской невидимой руки»), ведущая к техническому, технологическому, а в конечном счете к общественному прогрессу в целом. Если созданы необходимые материальные условия для регулирования отношений собственности, что имеет место, как показывает мировая практика, при рассредоточении собственности в большинстве народа — среднем классе. На нынешнем этапе такого развития (с большинством в народе среднего класса) достигли лишь некоторые высокоразвитые страны демократии, а подавляющее большинство народов проживает свой век в «обществах потребителей», не созидателей, влача жалкое существование, проедаая данное природой богатство, включая самого себя, точка «зубы» (и нередко пуская их в ход) на благополучных народов или просто соседей, обвиняя их в своих бедах.

Ныне в России «парадом» командует монополистический капитал, сросшийся с продажной государственной бюрократией в целях безмерного ограбления народа, у его «подвижной» (финансовой) части определяющая тенденция движения — туда, где ему гарантирована хищническая прибыль, то есть за рубеж; и потому он, будучи по происхождению национальным, тем не менее по сути является космополитическим. Единственное, что препятствует ему угробить свою Родину, так это одно замечательно объективное свойство богатства — у него двойственная природа: оно, будучи собственностью кого бы то ни было, в то же время расположенной в пространстве, данном природой и Историей этому (конкретному) народу, объективно — в силу этого, а также порождаемых ею соответствующих общественных отношений является как бы и «достоянием» общества, нации. И потому они к нему не безразличны.

* * *

Человечество по образу и подобию матери-природы в которой «внутреннее совершенство» правильным регулированием отношений собственности, дабы не погибнуть, должно достигнуть социального совершенства, с одной стороны исключаящего антагонизм как внутри отдельных государств, так и во всем мире, с другой — способного к прогрессу.

Возьмем Россию как одну из наиболее многорегиональных, с беспредельно различающимися друг от друга по жизненно важным параметрам

регионам. Ныне в межнациональных отношениях и даже в отношениях руководств русских областей (краев) с Центром проклюнулись центробежные силы, что является следствием не только экономического неблагополучия как в Центре, так и на местах, но и существенных различий в развитии экономики последних, зависящих от свойств природы и от уровня развития производительных сил в них. В составе России есть несколько весьма богатых природными ресурсами краев, имеются и обделенные ими. Но освоение и развитие первых — дело рук всех россиян, а их благами, в основном или преимущественно, пользуются в первую очередь их жители и, разумеется, центр. Нормальные отношения собственности предполагают организацию экономики на началах сособственности граждан⁶ на свои в ней, изначально равные для всех без исключения, доли национального богатства что выравнивает количество материальных благ, получаемых гражданами страны от единого общероссийского национального богатства вне зависимости от их места проживания и деятельности. Одна страна — одни и те же изначально возможности. Если бы этот принцип распространить на весь мир, в котором весьма велики страновые различия по наличию минеральных и других природных богатств, уже **сегодня грозящие энергетическим кризисом мирового масштаба**, то восторжествует принцип распределения всего природного (а со временем и индустриального) богатства всей Земли на равных началах всему человечеству, каждому его жителю. Но оставалось бы различие, связанное с трудовым вкладом, культурой производства (уровнем производительности труда) и т. п. Что послужит серьезным стимулом для усилий по преодолению различий в качестве жизни народов, будет побуждать к мобилизации интеллектуальных ресурсов, талантов, мастерства, добросовестности каждого народа и региона. Главным источником народного благополучия, его степени станет труд, умелое хозяйничанье, а не одни только природные свойства или историческое наследие, ни тем более бюрократические выверты Центра (имперские амбиции великих государств) по созданию льгот или дискриминации. Повышение жизненного уровня народа, расселенного в любом регионе (государстве) будет зависеть от него самого. В то же время укрепится понимание того, что благосостояние населения любого региона (государства) напрямую связано с общим национальным (и мировым!) богатством. Отсюда заинтересованность всех и каждого в целостности как отдельного государства, так и в благополучии всего мира.

Сособственность граждан на все национальное богатство затормозит стихийную миграцию людей, в особенности утечку мозгов, в погоне

⁶ Концепция и механизм ее реализации изложены в ряде трудов автора: «Философия и социология собственности: русские и татарские реалии. М., 2004. Изд. 4-е. С. 149–210; «Россия-«мессия»? М., 2008. С. 196–273, и др.

за «длинным рублем». Более того, начнется обратный процесс. У граждан любого государства получит второе дыхание чувство патриотизма. Ведь что такое «патриот»? Изначальный его смысл: «Отечество, как собственность» (П. Струве). Отечество, материальная суть которого — национальное богатство, в сознании граждан должно из виртуально общенародного перейти в реально всенародное, принадлежащее каждому гражданину в наглядном и осязаемом виде и всем без исключения. К примеру, угроза распада России не ограничивается лишь сепаратизмом отдельных регионов. Нет, она давно присутствует в государственном отщепенстве граждан. Сие понятие было введено либеральной буржуазией в начале прошлого века применительно к радикальной, демократической интеллигенции, революционно настроенной и, следовательно, антигосударственной. Думается, что оно применимо вообще ко всем припертым к стене нуждой людям, которые идут на революцию или покидают родные края. Марксизм сформулировал, полагая, верную мысль о том, что у пролетариев нет отечества. Не может быть отечества у человека там, где нет его корней, где он как мотылек, перекасти-поле, где его благосостояние с очевидностью не зависит от богатства страны, которым распоряжается не он, а стоящий над ним чиновник. Причем благосостояние последнего тем выше, чем ниже оно у рядовых граждан, безбожно обираемых государством и его челядью.

Проблема утечки мозгов снимется только в условиях *всемирной* кооперации всех государств и народов потому, во-первых, что трудовой вклад на любой точке Земли приносит доход в общую копилку, во-вторых, все человечество оказывается одинаково заинтересованным в развитии всех весей, всей территории своего обитания.

* * *

Человечество сегодня в строительстве нового глобального сообщества, формируемого наилучшим образом пока в Западной Европе, в тех странах, в которых утвердился демократический капитализм с социально ориентированной рыночной экономикой. Видимо, ответом на эти «человечные» (кооперационные) процессы в бытии человечества явилось распространение синергетического подхода (синергетики как общей теории самоорганизации) к социальным явлениям, рождение, таким образом, науки синергетической социологии о совместной деятельности людей (в локальном, региональном и глобальном измерениях). Отсюда — непозволительно ли допустить, что *сособственность граждан в национальном богатстве* есть сердцевина (стержень), основание совместной деятельности самоорганизующихся (как собственников) людей на свое и всех других членов общества благо?! Оно же отвечает на вопрос о вполне определенной

в мировом сообществе тенденции к всемирному кооперированию пока хотя бы по экологическим и некоторым экономическим проблемам.

Тенденция глобализации человечества естественна и неизбежна. Человечество долго и упорно шло и идет к глобальному единению. До недавнего времени в основном войной, создавая империи, которые рано или поздно разваливались как искусственные, насильственно созданные объединения народов.

Начало добровольному политическому объединению человечества во всемирном масштабе было положено печальной памяти Лигой Наций, не сумевшей предотвратить Вторую мировую войну. Ее наследница — Организация Объединенных Наций, худо ли, бедно ли, но что-то делает успешно, что-то не очень, однако действует, и не без ее усилий удалось Третью мировую войну ограничить *«ХОЛОДНОЙ»*, не переводя ее в *«горячую»* (четвертой мировой войны не будет: «Бог любит троицу»). Более действенна Северо-Атлантическая военная организация (НАТО). Объединение в наиболее жизненно важных сферах бытия народов осуществлено в Европейском союзе (ЕС) с безвизовыми границами, единой валютой и общим бюджетом на определенные целевые нужды. **Подчеркну:** *здесь объединение государств происходит не на базе национальных экономик, организованных на началах сословничества граждан в национальном богатстве, так как их экономический прогресс состоялся классическим развитием частнособственнических отношений, обеспечивших формирование мощного среднего класса собственников.* В других регионах мира вряд ли возможно такого типа объединение: не позволит этого сделать повальная бедность народов и государств; бедность содействует объединению в разрушительных целях (не в созидательных⁷). Здесь кооперирование, думается, осуществится лишь на началах, предлагаемых моей концепцией, то есть предварительно проведя в них организацию экономики на основе сословничества граждан в национальном богатстве.

В мире ныне много различного рода неправительственных объединений международного масштаба, количество которых непрерывно растет: «В 1981-м негосударственных организаций (НГО) в мире было 13 тыс., а в 2001 году уже 47 тысяч. Транснациональных корпораций — 64 тысячи⁸. Действуют как бы отраслевые, что ли, международные объединения: Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный валютный фонд (ВМФ), Мировой банк.

⁷ Интересующихся этой проблемой отсылаю к книге: Бурганов А.Х. Философия и социология собственности: русские и татарские реалии. М., 2004. С. 31–104.

⁸ Кустарев А. Кем и как управляется мир//Pro et contra. Ноябрь — декабрь 2007 г. №6 (39). С. 8.

К идущему процессу глобализации весьма кстати солженицынская идея самоограничения для наиболее богатых народов и государств. Великий наш земляк лет тридцать с небольшим назад выступил с благородным призывом к народам мира: покаяться друг перед другом в своих грехах и *самоограничиться в потребительстве*. Ибо «при всех вариантах развития в XXI веке человечество погибнет от истощения, бесплодия и замурованности планеты»⁹. Опираясь на выводы «Общества Тейяра де Шардена» и Римского клуба, он пишет: «Прогресс» должен перестать считаться желанной характеристикой общества. «Бесконечность прогресса» есть бредовая мифология. Должна осуществляться не «экономика постоянного развития», но **экономика постоянного уровня, стабильная. Экономический рост не только не нужен, но губителен**¹⁰. С этим тезисом могли бы согласиться высокоразвитые народы, уровень жизни которых им приемлем, нет особой нужды его повышать. Но народы с низким уровнем жизни не могут с ним согласиться. Да и первым нет смысла останавливать рост своей экономики, поскольку это ограничило бы их возможности помогать другим в экстремальных случаях и вообще бедным народам. Проблемы экологии надо решать не приостановлением развития экономики (что вообще нереально!), а совершенствованием производства. Идея Солженицына о самоограничении потребительства богатыми народами — «работающая» в том смысле, чтобы присоединиться к реализации концепции сосуществования граждан в международном масштабе, при которой, на первых порах, придется делиться с бедными народами своими богатствами. Бедная часть человечества не сможет бесконечно терпеть давно идущий процесс все большего ее обнищания. В самом деле: в 1950 г. соотношение валового внутреннего продукта на душу населения богатых и бедных народов составляло примерно 20:1, в 1971 г. — 30:1, в начале XXI в. — 75:1¹¹. Это добром кончиться не может.

Мысль А. Солженицына о неотложной необходимости покаяния и **самоограничения в потребительстве народов** представляется особо актуальной относительно поведения политической элиты буквально всех государств мира и именно в русле движения человечества к эпохе ноосферы.

Самоограничение элиты отдельных государств, и даже не столько в их личном потребительстве, сколько в безудержном расточительстве национального богатства с последующим отказом от узурпации права народа на него, имеет шанс состояться под воздействием демократически высоко развитых обществ в государствах объединенной Европы (ЕС) и некоторых

⁹ Солженицын А. На возврате дыхания. Избранная публицистика. М. С. 60.

¹⁰ Солженицын А. Указ. соч. С. 156.

¹¹ Современная мысль. Август–сентябрь 2007 г. № 08–09 (101–102).

других. Было бы замечательно авторитетному, международного масштаба, деятелю выступить в поддержку идеи всемирного кооперирования, как это сделал в свое время У. Черчилль, предупредивший мир о грозящей ему опасности закабаления коммунизмом, и тем объединивший все здоровые демократические силы мира в борьбе против него. Поставив акцент на обращении к совести лидеров всех богатых народов с призывом «делиться надо» со своими гражданами, а потом и со всем остальным миром. Убеждая их в том, что самолеты, поезда, дома будут взрываться, а вас (нас), господа хорошие, будут постреливать, как зайцев, ни вам (нам) покоя не будет, не будет и радости-счастья от ваших (наших) богатств. Убежден: такой деятель стал бы всемирно признанным лауреатом Нобелевской премии мира. Словом, господа, «делиться надо!». Нужно вернуть богатство народам, всему человечеству. А чтобы избежать сопротивления богачей, в частности, например, разбогатевших на российской «прихватизации» 90-х гг., надо кое-кого из них в тюрьму, которая, их ожидая, давно горько плачет, вся изошлась слезами.

Идея самоограничения элиты и передачи народам их богатств, подержанная Организацией Объединенных Наций, всячески разъясняемая и пропагандируемая, думается, может рассчитывать на успех. Все-таки на дворе XXI век, о котором французский антрополог Клод Леви-Стросс сказал, что он будет веком гуманитарных наук или его не будет вообще. Известным в народе методом — «не мытьем, так катаньем», если хотите, мировым общественным мнением, добровольно-принудительно, но поставленная задача будет решена. В конце концов бюрократы ведь тоже люди, наделенные каким-никаким интеллектом, которому надо постараться навязать совесть, не вечно же им «пилить сук, на котором сидят», и увести в пропасть вместе с собой и народ. Авось удастся! Разворачивающийся всюю нынешний мировой финансовый кризис не есть ли последнее (не в китайско-маоистском смысле!) предупреждение об апокалипсисе, и не церковниками надуманном, а рукотворно-человеческом, имеющем обыкновение быть реализованным? Особо тяжелые последствия приходится ждать нам, россиянам, пребывающим в государстве, в котором давненько уже нет должного количества и качества субъекта развития. Как говорит экономист Игорь Лавровский (прогнозировал нынешний кризис еще в 2006 г.): Россия окажется «перед выбором между канадской и мексиканской моделями развития: то есть стать сырьевым придатком (США и Китая. — А. Б.) с богатым населением (канадский путь) или с бедным населением (мексиканский вариант). В этом, похоже, и будет заключаться наш послекризисный политический выбор»¹². Хорошо бы «канадский»!

¹² А. Овян. Все что-то спасают, и мы что-то...//Новая газета, 18.02.2009.

Но он нам не светит без смены принципов государственного устройства. А самый лучший вариант — предлагаемый в данной статье, который рано или поздно состоится, если, разумеется, бюрократии не удастся ускоренным маршем провести страну к пропасти.

Еще один сложнейший и актуальнейший момент, затрагивающий интересы буквально всех наций. А именно: соотношение *социально-экономической глобализации* с ныне развивающимся процессом возрождения национальных государств, национальных ценностей. Хотя «Конвергенция суверенного государства и всемирной общности идет с обеих сторон. Государство размывается, всемирное общество консолидируется...»¹³, национальные государства, несмотря на то что сегодня «религиозное почтение к суверенитету слабеет на глазах»¹⁴, как были, так и остаются, и нации никто из глобалистов не собирается упразднить. Более того: преобразование народов из наемных рабов в хозяев своих национальных богатств, реальный процесс выравнивания благосостояния народов создаст наиболее благоприятные условия для утверждения и развития национальных культур и тех народов, которые в силу бедности не могли их развивать. При всемирной глобализации состоится подлинный расцвет всех наций, ибо исчезнут препятствующие ему причины, во-первых, материального порядка, во-вторых, имеющие место в ряде случаев государственного свойства препоны и практика ассимиляции господствующей нацией нетитульных народов некоторых бывших империй. Ибо, думается, что будущее многонационального человечества — с ныне вполне определившейся тенденцией к перемешиванию народов везде и всюду — в федерации национально-культурных автономий, в составе которых в качестве как бы «пристязных», что ли, возможны и территориальные автономии компактно проживающих национальных общин. Но не более того. Именно тогда и приостановится безбожный процесс ассимиляции народов более сильными нациями, в числе которых не всегда более культурные, имеющие большее основание быть поглощающими, а не поглощаемыми, но зараженные мессианством — ложной мыслью о своем превосходстве.

Другой вопрос, что в мире есть автократические государства, лидеры которых «спят и видят» свою «державу» и, само собой, себя, во главе человечества, ими «пестуемого», обучаемого, в частности, «византийщине» и прочим «премудростям», уже однажды отправившим их носителей в политическое небытие, ставя в образец «растленную» Византию — предмет «глубокого презрения всех народов»¹⁵; они-то и глаголят о «национальных

¹³ Кустарев А. Указ. соч. С. 9.

¹⁴ Кустарев А. Указ. соч., С. 15.

¹⁵ Чаадаев П.Я.. Сочинения. М., 1989. С. 2.

ценностях», которым, при глобализации якобы кто-то угрожает. Но это люди вчерашнего дня, в какую бы тогу они ни рядились, какую бы маску они ни натягивали, их мурло на выкате, и им не удастся надолго подменить демократию автократией (их главной «национальной ценности»!) под флагом «неограниченного суверенитета» (естественно, своего, облыжно и бессмысленно называемого «суверенной демократией»!). Повторюсь: глобализация естественна, плодотворна и потому неизбежна. Слава Богу, ныне на дворе не XIX, а XXI век!

* * *

Итак, коль скоро есть (должна быть!) Единая теория природы, она должна быть и в социуме. Первая нужна для познания основ жизни на Земле и нашей Вселенной, и только, ибо, человек не в состоянии вторгаться, без ущерба для природы, в ее закономерности. Потребность во второй естественна уже потому, что человеческое общество, в отличие от природы, в своем развитии ставит определенные цели, и человек рожден «для мысли и деяния», он призван осмысливать идущие в жизни процессы, дабы вносить коррективы в них, ибо они не могут быть однозначными по определению. Функция первой важна тем, что, наверное, она подскажет, как содействовать нормальному функционированию закономерностей природы, во всяком случае как минимум — не мешать их «работе» (не противодействовать, как сейчас, например, в сфере экологии, в которой мы сегодня действуем, исходя из правила «авось, пронесет»; и придется отказаться от него под страхом гибели Планеты). Функция второй — она послужит ориентиром — целью, как наиболее человеческая в ряду идущих в мире далеко не однозначных социально-экономических процессов.

Рискну предложить в качестве таковой, как общесоциологическую теорию — *Теорию кооперации*. Все живое приходит в мир, когда биологически *кооперируются* женская и мужская особи; человек входит в борьбу и сотрудничество с природой, организационно *кооперируясь* с себе подобными, в одиночку он просто не выживет. Человеческое общество и есть *социальная кооперация* ради взаимной выгоды людей¹⁶. *Исходная посылка, как истина аксиоматического свойства: Земля, ее недра, реки, моря и океаны Историей даны всем людям как основание жизни на абсолютно равных началах. Кооперирование* людей в их истории проходит ряд ступеней производственного и оборонительно-наступательного предназначения. Ныне человечество начало *кооперироваться* регионально и даже во всемирном масштабе по проблемам: экологическим, всеобщей безопасности, торговли, таможенным, миграционным, валютным. На очереди — социально-экономическое *кооперирование* с целью обеспечения

¹⁶ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск. 1995. С. 28 и др.

приемлемого уровня благополучия всему человечеству, каждому человеку на базе мирового богатства, объединяющего национальные достояния народов. Удел и счастье человечества — в претворении в жизнь, от ступеньки к ступеньке, *ввысь и вширь Теории кооперации*.

Человечество, наконец-то *осознав соединенность всех своих составных* (эксперимент Аспека), преодолевая свою, так много принесшую ему бедствий во всей истории (ею «навязанную»!) разобщенность, придя в согласие с главным принципом организации всего мироздания — кооперирования всего и вся, «дорастет» до тождественности самому себе. Воссоединясь, на глобальном уровне, в фундаментальном: экономическом и социальном, осваивая идеи экуменизма, распространяя его на единение всех религий и овладевая мировыми достижениями ноосферной цивилизации, человечество будет продвигаться и к духовному единению, что послужит преодолению отставания в материальном благополучии и в массовой культуре ряда народов, к примеру исповедующих ислам и православие. Ускорится движение всех народов к высотам культуры, науки и морали, отказываясь от извечного «*Ab homine homini cotidianum periculum*»¹⁷. Да — МОРАЛИ, уровень которой свидетельствует о том, что человек на самом деле оказался слишком самоуверенным, очень мало соответствующим, далеко не адекватным виду, им самим названному «**человек разумный**». Удивительный феномен, требующий особо глубокого и специального исследования: человечество глобализируется Бог весть с каких времен по негативному вектору, всему наиболее дурному, нехорошему — мировым войнам, мировым кризисам экономически-финансового свойства, не говоря уж о «чумах-холерах», но не спешит глобализироваться по позитиву, встречая жесточайшее сопротивление проявляющимся в этом направлении инициативам. Проклятье, висящее над нами как дамоклов меч?! Исследуя эту проблему, я первым тезисом поставил бы мысль о том, что мир, изначально и навечно лишенный абсолютной полноты благ, населенный двуногими существами с интеллектом, не повязанным нравственностью, называемыми людьми, мешающими друг другу жить, наслаждаясь дарами и красотами, быть может, единственной во всей Вселенной Голубой Планеты, обречен на муки, страдания и гибель. Если не удастся вторгнуться в мышление человечества интеллекту невероятной силы с равной ей политической волей, сравнимой с мощью гипотетического Творца.

У человека нет иного пути, кроме движения к социальному совершенству — аналогу «внутреннего совершенства» матери-природы, его сотворившей. И быть может, величайшая миссия ООН в том и состоит, чтобы

¹⁷ Древнейшая латинская мудрость: «Человеку от человека всегда грозит опасность».

на основе интеллектуальных достижений последнего времени по вопросам общественного развития инициировать начало *Всемирной Кооперации*. *Которая, и только она одна может решать задачу упразднения отчуждения человека от самого себя (прямого или наемного рабства), от себе подобных в своем обществе (нации), а затем и в других обществах (нациях, государствах). Каждый человек превращается по своей ментальности, озабоченности благополучием своего кормильца — всей Планеты и всех ее людей, в ГРАЖДАНИНА МИРА, с одной стороны, с интеллектом, скрепленным нравственностью, с другой — защищенного всем человечеством, избавленного от беспредела «суверенных государств», всю историю заполнивших бесконечными войнами с своими и другими народами, на службу которым поставивших «святая святых» — науку.*

Уровень благополучия народов определится не только равным распределением мирового богатства, но и степенью культуры, знаний, мастерства — в целом производительностью труда и высотой духовности, что сегодня абсолютно неравно у всех народов, даже внутри одного и того же народа по регионам. И вот тут выступает неопределимая, ни с чем не сравнимая высокая роль науки. До сих пор ее роль была весьма неоднозначной. А. Солженицын писал: «**Конец света** — из достояния мистики подступил к нам трезвой реальностью, подготовленной научно, технически и психологически. Уже не только опасность всемирной атомной войны... расчеты экологов объясняют нам нас в полном капкане»¹⁸. Предлагаемая концепция социально-экономического жизнеустройства, реализация которой делает невозможной и главное — бессмысленную эксплуатацию человека человеком, а также войны всех видов, но неизбежно ориентирующая на острую необходимость и возможность роста культуры народов всех регионов, во имя подтягивания производительности труда всех народов до высшего уровня, загружает всю науку, все сферы культуры, просвещения, как говорится, «под завязку» и только в мирных целях.

Реализацию концепции всемирного сосуществования граждан и кооперирования можно было бы предварить частичной экономической глобализацией.

Например, начать с превращения в достояние всего человечества всех источников питьевой воды, дефицит которой уже налицо (мысль, высказанная в беседе со мной М. Юнысом). А затем, по нужде, то же проделать с другими природными богатствами, ныне хищнически транжируемыми и используемыми в корыстно-агрессивных клановых интересах. И только потом, на базе уже созданной в каждом государстве сосуществовательской экономики, поэтапно двигаться дальше к социально-экономическому коо-

¹⁸ Солженицын А. Указ. соч. С. 156.

перированию. **Первый этап** осуществляется согласно формуле народного производства в национальной экономике каждого государства¹⁹. В развитии человечества уже вполне определилась «историческая тенденция», которая «движется в сторону демократизации республиканского или федеративного типа... Республиканский федерализм гарантирует независимость действий субъектов. Демократизм необходим для нейтрализации чрезмерного имущественного и статусного расслоения, чреватого отчуждением, аномией и острым конфликтом в обществе»²⁰. Поэтому на **втором этапе** желательно блокирование (кооперирование на началах федерализма) государств по признакам соседства, конфессиональным, языковым и т. п., усредняя доходность всех граждан данного объединения. А в конечном счете, то есть на **третьем этапе** — кооперирование упомянутых блоков во всемирно-федеративном масштабе с таким же усреднением доходности всех людей мира. Как сказал бы выдающийся историк XX столетия М. Гефтер (ныне покойный), формируя таким образом «Мир миров»²¹. Будущее человечества — во ВСЕМИРНОЙ КООПЕРАЦИИ, рождаемой «цивилизацией собственников»²².

В реализации идеи преобразования Земли в общий дом ее хозяев — всех людей и состоял бы решающий шаг Организации Объединенных Наций по спасению человечества от неминуемой гибели, к которой оно идет сегодня. И ей следовало бы поспешать, в предвидении упомянутого выше надвигающегося мирового энергетического кризиса, чтобы его не допустить, ибо его *последствия абсолютно предсказуемы* — *всемирная катастрофа. Не меньшую опасность (если не большую!) человечеству несет глобальное потепление, как следствие выброса промышленным производством в атмосферу неумеренного количества углекислого газа: проблема решаема лишь ВСЕМИРНОЙ КООПЕРАЦИЕЙ всех людей Земли по всем аспектам их жизнедеятельности. Другого не дано!*

Москва,

24 марта 2009, 12 декабря 2009 г., 29 мая 2010 г.

¹⁹ Бурганов А. Философия и социология собственности: русские и татарские реалии. М., 2004. С. 206–210.

²⁰ Кустарев А. Указ. соч. С. 17, 18.

²¹ Ожог родного очага (Интервью политолога Глеба Павловского с историком Михаилом Гефтером)//Социум, № 8 (8), 1991, август.

²² Термин В. Белинского//Цитата. Классики глазами современников. 2008. № 1 (13). С. 30. См. также В. Библер (Социум, № 8 (8), 1991. С.61–67.

А. Х. Бурганов,
РГГУ

«Философский камень» бытия

(тезисы доклада)

Президент («Россия, вперед!») призывает нас стать *субъектами развития*. Что это такое? Это человек, значит класс, народ, наделенный источниками саморазвития. Согласно Гегелю в природе нет предмета (явления), в котором не было бы противоречия, «противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью». Ленин в заметках «К вопросу о диалектике» (1914 г.) расшифровывает эту формулу Гегеля. Признание противоречивых тенденций, пишет он, «во всех явлениях и процессах природы (и духа, и общества в том числе) есть условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», что при ином подходе к развитию всего и вся «остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник **переносится во вне-бог** (кстати, не этим ли промышляет ныне правящая элита, всячески усиливая церковь? — А. Б.), субъект etc.)», тогда как при познании в них противоречивых тенденций *«главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения»*»).

Познание источника самодвижения (саморазвития) подводит к познанию социального устройства страны: в саморазвивающемся или не развивающемся, отстающем веками от мирового прогресса обществе живет народ. А так же почему и как это происходит?

Проблема проблем — в нашем человеке, в массовом обывателе. Правящая бюрократия продолжает руководствоваться сталинской формулой «Кадры решают все», означающая: «все решает властная бюрократия». Да, именно так в государствах «диктатуры пролетариата» или авторитарном, и потому, рано или поздно, терпящем крах.

Человек — явление, как и все живое, составленное из двух половинок: мужской и женской особей. Он — противоречив, и противоречие, происходящее от необходимости сохранения его вида, решается продолжением рода. Сохранение и развитие вида человека в социальном отношении, его общежитие с себе подобными сопряжено с тем, что он обречен жить «в мире лишений, в котором нет абсолютной полноты благ» (Н. Алексеев). Это обстоятельство, во избежание хаоса в общежитии и чтобы в нем был порядок ради продолжения *Жизни*, вынудило человека изобрести катего-

рию собственности в двух формах: интеллектуальную (как ныне называется) и вещно-финансовую. Они, будучи взаимосвязанными (взаимообусловленными) и создавая в бытии человека внутривидовое противоречие, формируют источник его саморазвития, реализуемый через конкуренцию на соответствующих рынках: труда и вещно-финансовом. Источник саморазвития человека — он сам: его воля, умения, знания, которые в условиях рынка позволяют обрести вещную (финансовую) собственность. Реализация обеих форм собственности — в конкуренции. Обе формы собственности у нашего человека вековечно в дефиците, по каковой причине россияне не могут стать полноценными субъектами развития страны. Эта их природная функция узурпирована бюрократией. Наши люди не могут быть «развивателями» страны. Им дай Бог выжить!

Предан забвению гегелевско-ленинский тезис о внутреннем противоречии во всем сущем как его двигателе, обеспечивающем их бытие. На передний план выдвинуты иницилируемые властями разрушительные внешние противоречия с их выходом на всеуничтожающую борьбу (войну) всех видов. Здесь причина всяческого, и прежде всего социального, отставания России на века в прошлом (и в будущем!). «Философский камень» бытия России — в социальной модернизации.

Л. К. Ермолаева,
Российский торгово-экономический
университет, г. Иваново

Значение биогенетических факторов в социоестественной истории России

Современное научное исследование закономерностей и специфики самоорганизации России как социально-исторического организма предполагает использование не дисциплинарного подхода, а комплексного анализа проблемы. Основой современного проблемного анализа является синергетика, и прежде всего идеи В. И. Вернадского о трансформационном взаимодействии различных видов энергии и эволюции форм самоорганизации материи. В результате такой эволюционной самоорганизации появляется новая форма энергии, «которую можно назвать энергией человеческой культуры, или культурной биогеохимической энергией...»¹. Задачей исследователя является изучение влияния физического и биохимического уровня самоорганизации материи на процессы самоорганизации человека как на уровне личности, так и на уровне этноса. Безусловно, влияние этих уровней редуцируется, но не исчезает. Вопрос о том, исследовать или не исследовать влияние редуцированных уровней физической и биохимической формы движения материи на процессы самоорганизации человека, решается в зависимости от методологии исследователя.

Исследователи, придерживающиеся методологии классической рациональности, абсолютизируют роль сознания и воли субъектов власти. Классическая традиция философского исследования заключалась в концентрации внимания на выявлении логики развития в движении имманентной цели, или сущности, которая последовательно ведет человечество по пути прогресса. При этом субъект отстраняется как от учета влияния своей позиции, так и от ценностных установок общества². Стремление создать общество, основанное на принципах рациональности и вечных ценностей, проявлялось в многочисленных попытках создания «града Божия». Единство действительности и идеала с точки зрения методологии классической рациональности проявилось в России в идеях типа «Москва есть третий Рим». Детерминирующая роль сознания и воли субъекта власти в идеях строительства социализма и создания «советского народа как новой исто-

¹ Вернадский В. И. Размышления натуралиста//Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. М., 1977. С. 95.

² Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 633.

рической формы общности». Реализация установок, сформулированных на методологии классической рациональности, всегда и везде сопровождалась игнорированием реальных потребностей и интересов объекта власти — рядовых граждан. Игнорирование этого фактора социально-политической самоорганизации отечественными исследователями вызывает удивление уже в силу того, что Россия в XX веке пережила два грандиозных катаклизма, вызванных активностью протеста масс против действий субъектов власти.

В контексте теории этногенеза сторонники методологии классической рациональности акцентируют внимание на целевых установках социального актора и описывают процесс самоорганизации как целеполагающую деятельность сообществ³. Данную позицию условно можно определить как конструктивизм и мультикультурализм. При всей многозначности этих понятий в их основе лежит стремление к равноправию существования различных культур в противовес модели гегемонии одной культуры. По мнению В. А. Тишкова, этнические группы определяются по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе самосознания. Таким образом, этничность — это форма социальной организации культурных различий⁴. Следовательно, директор института этнологии и антропологии РАН убежден, что целенаправленная информационная и культурологическая политика может игнорировать естественно-природные факторы при формировании российской идентичности.

Сторонники данной позиции считают, что определяющими являются не родовые, этнические признаки гражданина, а гражданственность, гражданская общность людей различных этнонациональностей⁵. Стратегический курс на ускоренное формирование российской нации проявился в том, что графа «национальность» изъята из анкет и других учетных документов. Статья 19 Конституции России гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы и национальности. Уголовный кодекс проявление дискриминации в зависимости от расы и национальности граждан рассматривает как уголовное преступление (ст. 136). Методологией принятия курса на ускоренное формирование национально-государственной идентичности народов является методология классической рациональности, сторонники которой игнорируют действие редуци-

³ Тимофеев М. Ю. Нацисфера: Опыт анализа семиосферы наций. Иваново, 2005. С. 11.

⁴ Тишков В. А. Реквизиты этноса. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 60.

⁵ Абдулатипов Р. Г. Российская нация: (Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). М., 2005. С. 216.

рованных уровней физической и биохимической формы движения материи на процессы социально-политической самоорганизации народов России. Реализация этого курса в процессе социально-политической самоорганизации оборачивается пренебрежением к историческому опыту, попытками скорректировать историю ради «светлого будущего». В конечном счете такая политика породила межнациональные противоречия и крах попытки создать новую историческую общность «советский народ».

Критики отмечают, что узаконенное в Конституции РФ словосочетание «многонациональный народ Российской Федерации», по сущности тождественно отвергнутому в политической, научной литературе понятию «советский народ». Игнорирование негативного опыта и упорство в проведении курса на ускоренное формирования общероссийской идентичности как «россиян» провоцирует появление межнациональных проблем в понимании соотношения русского и российского начал. Бывший заместитель директора института этнологии и антропологии РАН М. Н. Губогло отмечает: «О какой нормальной этнической и гражданской идентичности может идти речь, если, например, национальная политика подобно маятнику — качается от провоцирования этнического изоляционизма и радикализма до пропаганды космополитизма, а гражданская политика, призванная воспитывать любовь к Отечеству и его судьбе, патриотизм, занято или бесконечным оплевыванием прошлого, или мазохистскими призывами к покаянию нынешних поколений за деяния предшествующих»⁶. Подобные крайности обусловили появление реальных проблем, несущих угрозу социально-политической самоорганизации. Устранение этих угроз требует пересмотра методологических позиций управления процессами этногенеза, дабы обеспечить устойчивость развития России.

Эпоха неклассической физики и биологии, сопровождавшаяся мировыми войнами, заставила пересмотреть методологию исследования человека, его жизненных смыслов и ценностей. Новая методология была представлена философией жизни и экзистенциализмом. Ее представители целенаправленно изучали такие состояния субъекта, как воля и инстинкт, непосредственное созерцание и мистическое озарение, чувства и интуицию, бессознательное и воображение, а также переход энергии из биохимической формы в энергию материального и духовного действия. Сформировались неклассические методологии, делающие акцент на естественности и уникальности развития как личности, так и общества на основе детерминирующей роли бессознательного и законов естественного отбора. Реализация неклассической методологии сопровождалась углубленным

⁶ Губогло М. Л. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 53.

исследованием влияния на жизнь цивилизаций географических, климатических, генетических и прочих природных факторов. Изучение взаимных влияний субъективного фактора, представленного субъектами политики и власти с одной стороны, и естественно-природными факторами, с другой стороны, в рамках социоестественной истории позволяет глубже понять специфику синергетической самоорганизации в эпохи переломных периодов и революционных катаклизмов.

Исследование влияния естественно-природных факторов на процессы социально-политической самоорганизации в отечественной науке представлено такими авторами, как Э. С. Кульпин, Л. В. Милов, С. А. Никольский. Однако эти авторы ограничиваются изучением климатических и географических факторов, в то время как методология В. И. Вернадского ориентирует на исследование закономерностей эволюционной самоорганизации живых существ. Обобщив результаты исследований в отрасли геологии, палеонтологии, биологии и других естественных наук, В. И. Вернадский пришел к выводу, что биосфера — это стойкая динамическая система, равновесие которой установилось в основных своих чертах с археозоя. Он доказал, что устойчивость биосферы обнаруживается в постоянстве ее общей массы (около 10^{19} т), массы живого вещества (10^{18} т), энергии, связанной с живым веществом (10^{18} ккал), и среднего химического состава всего живого. Следовательно, биосфера Земли — то сложная система, с большим количеством видов организмов, каждый из которых занимал свое место в динамической системе энергоинформационных взаимодействий. Эволюция живого в системе биосферных энергоинформационных взаимодействий выявила эмпирическое обобщение, которое показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении, названном процессом «цефализации». Это означает, что развитие живого заложено в его генотипе — способности к анализу и синтезу информации об энергопотенциале среды обитания и возможностях его использования организмом или популяцией.

Земля — открытая система, и земная жизнь обязана своим существованием потоку свободной энергии солнечно-космической природы, пронизывающей нашу планету. Однако интенсивность потоков энергии солнца и земли в конкретных координатах значительно варьируется. В зависимости от потенциала энергии среды обитания выделяются различные благоприятные и неблагоприятные территории для жизнедеятельности человека. Территории, расположенные в зонах тропического климата, характеризуются естественным плодородием, богатыми ресурсами растительного и животного миров. На этих территориях возникли центры древних цивилизаций Египта, Вавилона, Китая. Территории, расположенные

в зонах сурового климата, бедных почв с крайне скудными ресурсами жизнедеятельности, были крайне неблагоприятными для жизнедеятельности человека. Исторический опыт свидетельствует о том, что оптимальными территориями для жизнедеятельности человека являются зоны умеренного климата. Среди них в процессе комплексного взаимодействия энергетических потоков Солнца, земли, флоры и фауны появляются положительные генетические мутации, дающие возможность использования биогеохимической энергии среды обитания для расширенного воспроизводства своего сообщества. Генетикам известны мутации, которые на 20–30 % повышали шансы потомства к выживанию⁷. Следовательно, одной из важнейших предпосылок специфики самоорганизации становится фактор генетической наследственности.

Сложившиеся эффективные генотипы становятся основой формирования этногенетических ветвей. Наиболее эффективные генотипы могли распространяться, неудержимо накладываясь один на другой, стремительно охватывая разнообразные территории и начисто выметая конкурентов⁸. Столкновение сообществ с такими эффективными генотипами стало предпосылкой взаимодействия и конкуренции двух основных этногенетических ветвей. Генетики выделяют центральноевропейскую ветвь, которая объединяет германоязычные народы, и балкано-дунайскую и днепровскую ветви, объединяющие славянские народы⁹. Конкуренция этих этногенетических ветвей в бассейне Дуная определила специфику социально-политической и духовной самоорганизации и конкуренции народов Европы на протяжении всей ее истории. Столкновение на относительно небольшой территории бассейна Дуная двух сообществ носителей равных генотипов обусловило как территориальную компактность проживания, так и миграционные маршруты расширения сфер жизнедеятельности конкурирующих этносов с общим генотипом.

Вопрос о выборе стратегического направления миграции представителей балкано-дунайской и днепровской этногенетической ветвей может быть решен в контексте геополитики. Столкновение на относительно небольшой территории бассейна Дуная двух сообществ, носителей конкурирующих генотипов, обусловило северный и восточный маршруты миграции представителей балкано-дунайской и днепровской этногенетической ветвей. Уникальное сочетание локальных биосферных взаимодей-

⁷ Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. С. 14, 68.

⁸ Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. С. 14, 68.

⁹ Алексеев В. П. Этногенез.— М.: Высшая школа, 1986. С. 110; Рычков Ю. Г., Балановская Е. В., Нурбаев С. Д., Шнейдер Ю. В. Историческая геногеография Восточной Европы//Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 120.

ствий дополнялось уникальным комплексом месторождений: обсидиана, самородной меди, олова, серебра и золота. Специально изучавший эту проблему И. М. Черный считает правомерным выделение особой Балкано-Карпатской металлургической провинции. Ее появление археологи относят приблизительно к 5700 г. до н. э. Металлурги Балкано-Карпатского региона первыми научились использовать четырехстворчатые литейные формы. Они не только отливали медные орудия весьма совершенных форм, но и создавали огромное количество золотых украшений безусловно, древнейших в мире¹⁰. Продукция металлургов Балкано-Карпатского региона распространялась преимущественно по северным и восточным маршрутам. Следовательно, уникальное взаимодействие биологических и социальных факторов стало основой маршрутов мигрантов, несших с собой культуры обработки металлов и земледелия в течение тысячелетий. Генетиками достоверно установлено, что междуречье Вислы и Днепра представляет собой своего рода генетическую «русскую равнину»¹¹ по которой в течение тысячелетий шло миграционное движение носителей генотипа балкано-карпатского происхождения. Миграционные волны предков славян, по мнению генетиков, характеризуются четкой направленностью потоков северного и южного направлений.

Северное направление было представлено двумя потоками. Первый поток колонистов шел из Повисленья от племен вислян и лужичан. Он стал основой формирования племенного союза псковских кривичей. Второй поток колонистов шел с южного побережья Балтийского моря и стал основой формирования словен новгородских¹². Южное направление было обусловлено взаимосвязью генотипа переселенцев и характеристиками географической среды обитания. С этой точки зрения носители прикарпатско-среднеднепровского комплекса генов были максимально приспособлены к жизни в лесостепной полосе восточноевропейской равнины. Славянская колонизация Восточной Европы шла проторенными в течение тысячелетий путями проникновения балкано-дунайской этногенетической ветви¹³.

¹⁰ Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини. С. 372. История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 60.

¹¹ Рычков Ю. Г., Балановская Е. В., Нурбаев С. Д., Шнейдер Ю. В. Историческая геногеография Восточной Европы//Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 125, 127.

¹² Алексеева Т. И. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении//Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 169.

¹³ Рычков Ю. Г., Балановская Е. В., Нурбаев С. Д., Шнейдер Ю. В. Историческая геногеография Восточной Европы//Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 128–129.

Генетические исследования населения восточноевропейской равнины показывают корреляцию между генотипической и антропологической общностью и локальностью проживания этнического населения¹⁴.

В основе общности генотипа лежит опыт филогенетического развития этносов, живущих в конкретных координатах. Этот опыт передается по наследству и находит свое отражение в архетипах коллективно-бессознательного. Структурнообразующим элементом бессознательного для Юнга были «архетипы — всеобщие априорные схемы поведения, наполняющиеся конкретным содержанием в реальной жизни человека; особого рода надличностные (видовые, групповые) способы восприятия и реагирования на происходящее вокруг человека, определяющие схожесть поведения людей, относящихся к некоторому «коллективу» филогенетического толка (например, к одному этносу)»¹⁵. Д. В. Указание Ольшанского на возможность существования этнических архетипов является принципиально важным. Современные последователи К. Юнга считают, что архетипы могут быть описаны как «...трансформированные в образы психические процессы или как первичные модели человеческого поведения»¹⁶. Они лежат в основе общечеловеческой символики, выявляются в мифах, верованиях, сновидениях, художественных произведениях и фантазиях и априорно формируют активность воображения.

С точки зрения биологов, этологов и социобиологов программы поведения, сформированные в процессе филогенеза, проявляются в «инвариантных структурах отношений» или «биосоциальных архетипах». Они регулируют отношения особей, определяют степень согласованности действий как по вертикали (иерархии), так и по горизонтали (специализация индивидов по ролям и функциям). В конечном итоге «биосоциальные архетипы» регулируют систему отношений, обеспечивая сохранение единства сообщества по отношению к другим сообществам¹⁷. Витальные «биосоциальные архетипы», являясь биогенетическими стимуляторами активности человека, корректируют его жизнедеятельность, ориентируя на продолжение рода и сохранение жизни как члена популяции. Через ритуал эти архетипические программы поведения из филогенетических становятся культурными. Культурная ритуализация запрещает борьбу с членами своей группы, поддерживает групповое единство, ограничи-

¹⁴ Там же. С. 109–134.

¹⁵ Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М.; Екатеринбург, 2002. С. 36.

¹⁶ Якоби И. И. Психологическое учение К. Г. Юнга//Юнг К. Г. Дух и жизнь. М., 1996. С. 429.

¹⁷ Коваленко С. В. Антропологические основы ноосферогенеза. М., 2005. С. 43.

вает членов данного сообщества от представителей других групп¹⁸. Следовательно, посредством этих первичных «биосоциальных архетипов» создается основа, оптимизирующая психологическое взаимодействие субъектов общения в рамках этноса. В то же время эти «биосоциальные архетипы» определяют базовые границы общения, деля мир на «своих» — хороших и «чужих» — врагов.

Системы архетипов «свой — чужой» формируют семантические поля или коммуникационные поля. Ю. М. Лотман писал: «На уровне семиосферы она (т. е. граница. — авт.) означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешнего, которому приписывается статус текста на чужом языке и перевод этого текста на свой язык. Таким образом, происходит структуризация внешнего пространства»¹⁹. Следует подчеркнуть инстинктивный характер формирования таких коммуникационных полей, действие которых проявляется в семантическом ряду понятий. Историки-лингвисты полагают, что этимология слов «чужой» и «чуждый» обусловлена самообозначением германоязычных готтов, означавшим «народ». Фонетика готского термина «народ» в древнерусском языке стало обозначением чужого, враждебного войска. Выстраивается такой понятийный ряд: чуждый народ — чужое войско — чужеземцы. В коммуникационном поле русского языка «свой» — это тот, кто близок тебе, является как бы вторым «я», это всегда одно конкретное лицо. Чужой противопоставлен личности и лицу, «чужое» — масса, неразличимая в схватке, и на вид такова, как в былинах враги, исчисляемые тысячами и тьмами, за которыми солнца не видно. Чужой и не может предстать в облике человека, поскольку по смыслу древнего слова «чужое» — масса, толпа, нелюди, некое чудовище, чудо²⁰. Таким образом, «биосоциальные архетипы» становятся основой появления двойных стандартов.

Коллективно-бессознательное конкурирующих этносов становится основой формирования и действия архетипов «свой — чужой», двойных стандартов и этнических фобий. Все эти бессознательные модели мировосприятия формируют коллективно-бессознательное противопоставление Запада Востоку, а также отождествление Запада с цивилизацией, а Востока — с варварством. Дополнительным фактором устойчивого действия двойных стандартов стало различие потенциалов энергоресурсов, среды обитания, которые обеспечивают уровень жизни конкурирующих этносов. Среда обитания германоязычных этносов характеризуются наличием

¹⁸ Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло). М., 1994. С. 84.

¹⁹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 188.

²⁰ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 23–25, 63.

теплого морского климата, длительного сезона сельскохозяйственных работ, дифференцированных природных ресурсов и наличием естественных торгово-информационных коммуникаций типа «река — море». Все эти факторы в совокупности обеспечивают возможность индивидуального выживания и относительно высокого уровня жизни. В результате спецификой социально-политической самоорганизации германоязычных этносов стал приоритет интереса гражданина перед интересом государства, как отличительная черта развития западной цивилизации.

Условия жизни на восточноевропейской равнине отличаются резко континентальным климатом, ограниченным сезоном аграрных работ до 4–5 месяцев. Взаимосвязь особенностей климата, трудовой деятельности и национальных традиций была замечена еще В. Ключевским, который писал: «В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Так, великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья». Жизнь в условиях рискованного земледелия в течение многих поколений сформировала этнические архетипы — инстинктивные модели поведения. Они проявляются в пословицах и поговорках типа «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», знаменитом русском «авось», а также в штурмовщине и неспособности придерживаться жестких временных графиков работ. Индивидуальные архетипы дополняются архетипами коллективно-бессознательного русского народа, которые определяют приоритет общего интереса общины или государства над интересом личности.

В процессе филогенеза формируются коллективно-бессознательные архетипы, которые корректируют психические процессы поведения субъектов и объектов управления — больших масс людей. Сторонники методологии классической рациональности абсолютизируют роль сознания, считая, что биологическое начало нейтрально, ибо исторически не меняется, не эволюционирует. Однако не меняется только морфологическая структура человека. Меняется и очень активно биохимическое состояние организма. Генетически организм человека вырабатывает дофамин — вещество, участвующее в передаче нервного импульса в различные отделы мозга. Дофамин появляется в мозгу в ответ на выполнение биологически полезных действий (еда, секс, умеренные физические нагрузки) или в ответ на социально одобряемое поведение и вызывает чувство удовольствия и удовлетворения. Такое положительное подкрепление «правильного»

с точки зрения биологического вида поведения существенно для выживания. Но подавление свободы, социально-политическое насилие блокируют выработку дофамина. Потребность в дофамине может быть удовлетворена неестественным путем. Например, через употребление алкоголя, кокаина, героина, никотина, марихуаны, участие в азартных играх²¹. Нехватка дофамина повышает склонность к антисоциальному поведению.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что биохимические программы жизнедеятельности человека и социально-политические условия его бытия связаны с гибким взаимодействием и взаимным влиянием друг на друга. Важно подчеркнуть, что генетическая потребность в определенном уровне дофамина в мозгу среди больших масс людей является биогенетическим корректором социальной эволюции, функционирования тех или иных социальных институтов. Дофаминовый корректор выстраивает индивидуальные и групповые программы самоорганизации человека, нацеливая его на поддержку или сопротивление тем или иным социальным институтам. Следовательно, ход антропосоциогенеза — создания человеком эффективной социальной организации, определяется ее способностью гармонизировать взаимодействие биогенетических и социальных факторов.

Конфликт интересов управляющих и управляемых как субъекта и объекта показывает значение социального аспекта импринтинга и импрессинга как биогенетических способов корректировки социально-политической самоорганизации этноса. Если деятельность субъектов управления блокирует выработку дофамина, — до запускаются в действие программы импринтинга и импрессинга, которые приводят к появлению духа критики и настроений протеста. Власть, игнорирующая естественные права человека объявляется «чужой», а массы начинают искать «своих» субъектов власти. Как показывает опыт Первой мировой войны, большевики, доказав общественности, что война ведется исключительно в интересах правящей элиты, добились массового недовольства и поиска той силы, которая выведет страну из войны. Другим естественно-биологическим фактором корректировки процессов социогенеза является импрессинг. Под этим явлением понимаются некоторые решающие ключевые воздействия, воспринимаемые человеком в особо чувствительные возрастные периоды. Такое воздействие оказывает длительное и решающее влияние на этические критерии и интеллект личности²².

²¹ Боринская С. А., Хуснутдинова Э. К. Этногеномика: история с географией // Человек. 2002. № 3. С. 28–29.

²² Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. С. 25–85.

В биографиях таких исторических личностей, как Иван III, Иван IV, Петр I, В. И. Ленин, можно выделить схожие факты пережитого ими мощного психологического стресса. Они все пережили потрясение в результате совершенного насилия по отношению к очень близким для них людям в возрасте 6–14 лет. Возможно, отсюда идут истоки психологической целеустремленности этих лидеров в борьбе за власть и готовность к использованию любых методов и способов борьбы со своими противниками. Импрессинг формирует чрезвычайно тесную связь субъекта и объекта деятельности, он делает личность фанатично целеустремленной и последовательной в достижении цели. Диспропорции и напряженность в обществе порождают посредством импрессинга и импринтинга появление альтернативных элит. Неспособность правящих элит к компромиссу порождает радикализацию настроений, создает атмосферу противостояния. Движущей силой общественного раскола становится энергия бессознательного антропологического протеста масс, на основе которого неизбежно появляются альтернативные лидеры и элиты, настроенные радикально.

Соотношение биогенетических установок с социальной реальностью ведет к формированию сложноорганизованного набора биологических и надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. В соответствии с этими программами осуществляются определенные виды деятельности, поведения и общения. В этом смысле можно говорить о культуре как об определенной совокупности надбиологических программ, которые обеспечивают воспроизводство соответствующего типа общества. Культура хранит, транслирует, генерирует программы деятельности, поведения и общения, которые составляют совокупный социально-исторический опыт²³. При этом следует подчеркнуть, что в соответствии с принципами синергетики надбиологические программы не отменяют действие биогенетических программ, а только редуцируют их проявления.

Динамика культуры связана с появлением одних и отмиранием других надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Все эти программы образуют сложную развивающуюся систему, в которой можно выделить три основных уровня. Первый из них составляют реликтовые программы, представляющие своеобразные осколки прошлых культур, уже потерявшие ценность для общества новой исторической эпохи, но, тем не менее, воспроизводящие определенные виды общения и поведения людей. Второй уровень культурных образований — программы, которые обеспечивают воспроизводство форм и видов деятельности, жизненно

²³ Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. М.: Прембула, 1996. С. 9.

важных для данного типа общества и определяющих его специфику. Наконец, можно выделить еще один (третий) уровень культурных феноменов, в котором вырабатываются программы будущих форм и видов поведения и деятельности, соответствующих будущим ступеням социального развития²⁴. При этом необходимо иметь в виду, что культура не отрицает биогенетические программы, обеспечивающие жизнедеятельность этноса. Культура оптимизирует их реализацию, дабы обеспечить выживание этноса в геополитической конкуренции.

С точки зрения социоестественной истории вся хозяйственная деятельность человека и закономерность социально-политической самоорганизации в конечном счете подчиняются закономерностям термодинамики открытых систем. Генетические коды любых этнических сообществ несут в себе программы самоорганизации, направленной на увеличение производства энергетических ресурсов жизнедеятельности, уменьшая тем самым фактор энтропии. Следовательно, при изучении процессов становления и развития российской государственности следует учитывать редуцированное влияние предшествующих форм движения материи, определяющих принципы и нормы взаимодействия субъектов и объектов российского общества.

²⁴ Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. М.: Препамбула, 1996. С. 10–11.

Юлдуз Халиуллин,
Международная экономическая
академия Евразии

Золотая Орда: взгляд с позиций XXI века

(рецензия)

Именно так, одной фразой, можно охарактеризовать небольшую научно-популярную книгу¹ профессора Института востоковедения РАН, доктора философских и кандидата экономических наук Эдуарда Кульпина, основателя и активного пропагандиста новой отрасли науки — социо-естественной истории (СЕИ). Автор свыше двухсот научных публикаций и десяти книг, заведующий кафедрой МФТИ и главный редактор журнала «История и современность», Э. С. Кульпин-Губайдуллин за последние двадцать лет успешно доказал право на существование СЕИ как самостоятельной науки на стыке трех–четырех традиционных научных дисциплин (экономики, демографии, географии и истории).

Созданный им неформальный коллектив ученых разных отраслей знаний, как гуманитарных, так и естественных, на своих ежегодных международных конференциях пытается найти ответы на вечные вопросы: **кто мы, откуда мы пришли, куда мы идем?** В этих обсуждениях и в ходе работы по коллективному проекту РФФИ «Генезис кризисов природы и общества в России» как раз лучшим материалом и объектом всестороннего рассмотрения стала и история Золотой Орды, оказавшей огромное влияние на судьбы России и Восточной Европы.

К таким выводам забытой историками ордынской цивилизации пришли «кульпинисты». На мой взгляд, совершенно справедливо. Они считают, что цивилизационная роль Золотой Орды вытекает «из фундаментальных положений социоестественной истории, базирующейся на общей теории систем и синергетике, из взаимоотношений человека и природы, людей и окружающей их среды. Подобная концепция исходит не столько из прошлого и настоящего, сколько из будущего, пока еще неохотно воспринимаемая сообществом традиционных историков.

Первая «ордынская» монография Эдуарда Кульпина² вышла еще в конце прошлого века, где он по существу впервые в научной практике исследовал историю Золотой Орды под углом критического анализа

¹ Э.С.Кульпин. «Золотая Орда: Судьба поколений», М.: Инсан, 2008, С. 191.

² Э.С.Кульпин. «Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства». М., 1998.

генезиса Российского государства. Она была воспринята неоднозначно. Московские и казанские историки полностью ее проигнорировали, поскольку «кульпинский» подход потребовал пересмотра давно устоявшихся традиционных взглядов. В то время как «Книжное обозрение» зачислило монографию в ряды «интеллектуальных бестселлеров».

Второе издание книги было воспринято более спокойно, хотя автор и здесь не дождался хвалебных отзывов и рецензий. Среди казанских ученых первоначально Э.С. Кульпин нашел лишь одного единомышленника — профессора Альберта Бурханова, ученика знаменитого на весь мир «ордынца» Г.А. Федорова-Давыдова. Даже мой давний друг академик Миркасыйм Усманов — лучший знаток «ордынских ярлыков», считал нужным поддержать концепцию Эдуарда Кульпина лишь после третьего издания книги и с некоторыми академическими оговорками, дескать, концепция СЕИ должна существовать и развиваться параллельно с традиционными методами исторического исследования, соревнуясь, полемизируя, уточняя друг друга.

Новый «ордынский» научпоп³ Эдуарда Кульпина создан и выпестован с привлечением последних открытий в области климатологии и этнологии, экономики и социальной психологии, с использованием данных демографической динамики, эпидемий и миграций, почвообразования и городских агломераций. Иными словами, сделан глубокий социоестественный анализ, объектом которого является триединство **«природа — технологии — ментальность»**. Существенно и то, что в книге использованы также выводы единомышленников автора — математиков, достигших заметных успехов в математическом моделировании исторических макропроцессов. Познавая прошлое, мы строим лишь модели, не более того. Конечно, желательно, чтобы наши модели как можно больше приближались к действительности, но ни один историк не может претендовать на истину в последней инстанции, ибо по мере появления новых данных наши представления окажутся иными, утверждает профессор Э. Кульпин.

Книга написана четким языком, без пространных разъяснений с применением убедительных аргументов. Необычен и привлекателен сюжет монографии, состоящей из трех основных глав по 40–50 страниц каждая. В первой главе под названием **«Поколения обустройства»** рассматривается жизнь трех поколений тюрков и монголов (1236–1291 годы). Последующие три поколения — **«Поколения созидателей»** (1291–1343) — это оседлые тюркские племена, создавшие в полном соответствии с тогдашними экологическими и экономическими параметрами своеобразную цивили-

³ Термин «научпоп» взят из обширной монографии А.Г. Ваганова, редактора «НГ-Наука».

лизацию — **цивилизацию Золотой Орды**. Последнее — **седьмое поколение** (1344–1361) — разрушители смутного времени, подтолкнувшие Русь к созданию единого государства. Анализ обустройства семи поколений тюрков на огромных просторах нынешней России и Центральной Азии, впервые рассматривается как развитие живого организма в полном взаимоотношении с окружающей Природой. В этом, на мой взгляд, главное преимущество, историческая ценность, современность и своевременность этого блестяще написанного «научпопа».

Кульпин Эдуард Салманович

Природа и общество: на пороге метаморфоз

Серия научно-методических работ «Социоестественная история» («Генезис кризисов природы и общества в России») содержит результаты научных изысканий и издается под редакцией руководителя программы Э.С. Кульпина (Кульпина-Губайдуллина).

<i>Технический редактор</i>	Я.А. Каминская
<i>Верстальщик</i>	П. В. Колокольников
<i>Корректор</i>	Г. С. Сафронова

Подписано в печать 20.08.2010 г.

Формат 60х90х16.

Бумага офсетная, Печать офсетная

Печатных листов 20

Тираж 500 экз.

Заказ № 69-10

«Издательско-аналитический центр Энергия»

Тел. (499) 173-4754, (495) 694-3535

E-mail: energybook@hotmail.com

Iaz-energy@yandex.ru

Интернет-магазин: **www.energypublish.ru**

The “Social-Natural History” (www.kulpin.ru) series of scientific and methodological issues comprises the results of research provided by The Institute of Sociology and The Institute for the Oriental Studies of the Academy of Science of Russia. Dr. Eduard Kulpin (Kulpin-Gubaidullin) is both the motor of the programme and the Editor-in chief. Integral constructive comprehended studies of the historical processes, beign the researchers’ goal have been done with the help of the original methodology of Social-Natural history — the scientific cross-discipline that lies on the boundary between the Humanities and the Natural science, studying connections, interactions and interdependence of the Social and the Natural processes, phenomena and facts.

NATURE&HUMANITY

The series “Social-Natural History. The Genesis of Crisis of Nature and Society in Russia”, Editor E. Kulpin (Kulpin-Gubaidullin), issue XXXIV.

The book contains articles that represent the most valuable results of research in the sphere of the Social-Natural History, presented as papers at the annual conference “Humans and Nature — the Social-Natural History problems” in 2010. This conceptual materials is for the first time presented to public opinion.

ISBN 978-5-98420-070-7

9 785984 200707 >

© Eduard Kulpin-Gubaidullin, 2010